

Публикации

- *В.М. Алпатов.* О лексикографии в Японии
- *Е.Э. Бабаева.* Полисемия прилагательного простой в зеркале композитов
- *В.И. Беликов.* Пути повышения объективности данных фразеологических словарей
- *Е.Л. Березович.* К изучению системной метафоры (на материале метафоры родства в славянских языках)
- *С. Бирцер.* Развитие предлога отступя от
- *И.А. Большаков.* КРОССЛЕКСИКА – большой электронный словарь сочетаний и смысловых связей русских слов
- *О.О. Борискина, А.А. Кретов.* Еще один подход к изучению словосочетаемости: корпусное исследование метафорической сочетаемости абстрактной лексики английского языка
- *В.Б. Борщев, Б. Парти.* Генитив меры в русском языке, типы и сорта
- *И.В. Галактионова.* Слова со значением пространственной ориентации: топологическая зона верха
- *П. Гаудио.* A Life of Their Own: English Borrowings in the Italian Lexis of Economics
- *Е.В. Горбова.* От антонимии до синонимии СВ и НСВ русского глагола (на материале лингвистического эксперимента)
- *Д.О. Добровольский.* Конверсия и актантная деривация во фразеологии
- *Б.Л. Иомдин.* Материалы к словарю-тезаурусу бытовой терминологии. СВИТЕР: образец словарной статьи
- *О.М. Карпова, Ф.И. Карташкова.* Proper names as a cross-cultural problem and their lexicographic treatment
- *С.А. Крылов.* Что такое Московская семантическая школа?
- *А.Б. Летучий.* Странное "согласование времён" в русском языке а
- *Н.Ю. Лукашевич.* Искренний и откровенный: описание с помощью шаблонов поведения
- *М.В. Ляпон.* Парадоксальная логика как режим мышления

- *А.А. Прокубовский.* Сопоставление семантики субстантивов лексикографического семантического поля 'УМ'
- *И.Ф. Рагозина.* Еще раз о причине (опыт контрастивного лексикографического исследования)
- *Т.Б. Радбиль.* О лингвоспецифичности языковых аномалий в современной русской речи
- *Р. Ратмайр.* Новые роли в новой деловой коммуникации. На примере жанра собеседования
- *А.А. Рылова.* Профессиональные системы для создания словарей: история, особенности, перспективы развития
- *А. Токарь.* Morphological phrasemes and their morphemic structure
- *Н. Уткина.* Новые тенденции в составлении словарей современных английских писателей
- *Т.И. Фролова.* БЛИЗКИЙ, БЛИЖНИЙ, БЛИЖАЙШИЙ: уточнение значений, управление, сочетаемость
- *И.Б. Шатуновский.* Риторические вопросы: семантика, прагматика, логика
- *А.Д. Шмелев.* The tomato case reopened
- *Т.Е. Янко.* Две классификации имен со значением человека

О ЛЕКСИКОГРАФИИ В ЯПОНИИ

Японская лексикография (как и японская лингвистика вообще) известна у нас очень мало. За пределами «внутрицеховых» публикаций японистов можно отметить, пожалуй, лишь статью покойной Л.П. Калакуцкой [Калакуцкая 1991], которая рассмотрела русский словник изданного в Японии русско-японского словаря [Kenkyusha 1988] и обратила внимание на некоторые особенности японской лексикографии, в частности, на включение в базовый словник собственных имен. Однако она не имела возможности рассмотреть словарь в целом, к тому же в момент написания статьи ее волновала проблема идеологически обусловленных различий между советскими и зарубежными словарями, и эти различия у Л.П. Калакуцкой не всегда отграничены от различий национальных лексикографических традиций. Недавно на русском языке издана книга по проблемам лексикографии видного японского ученого Кунихиро Тэцуя [Кунихиро 2009]; будем надеяться на то, что теперь эта часть японской лингвистики будет у нас известна лучше.

Между тем японская лексикография существует уже больше тысячи лет (первые словари появились в IX в.) и очень развита. Традиция составления словарей пришла в Японию из Китая, первоначально толковались не столько слова, сколько иероглифы. Но еще в период закрытой Японии (начало XVII – середина XIX вв.) сформировалась оригинальная традиция составления толковых словарей. Уже в XVIII в. в Котосуга Танигава составил словарь «Вакункан», состоявший из 93 томов. Европеизация Японии во второй половине XIX в. оказала влияние на японскую лексикографию, но не уничтожила ее специфику, часто восходящую еще к позднему средневековью.

В наши дни количество словарей японского языка разного объема, в том числе толковых, очень велико. Т. Кунихиро приводит список из тринадцати больших и средних словарей, изданных в 1985-1995 гг., материал которых он рассматривает; дополнительно привлекаются и несколько других словарей [Кунихиро 2009: 16-17]. Среди этих словарей есть и переиздания (в том числе и словарей, первые варианты которых появились в 30-50-е гг.), но каждый из них при переиздании дополнялся и исправлялся. Список впечатляет: не только за последние десять лет, но и за всю историю российской лексикографии вряд ли наберется тринадцать различных толковых словарей русского языка.

История японской лексикографии с начала европеизации до нашей эпохи подробно описана в двухтомном труде [Kurashima 1997]. Здесь рассказывается о том, как происходил синтез национальных традиций и европейского влияния, как создавались крупнейшие японские толковые словари. В XX в. первым большим словарем стал «*Dai nihon kokugo jiten*» («Большой словарь национального японского языка»), изданный в 1917 г. и включавший 220 тысяч словарных единиц, затем словарь переиздавался почти ежегодно. Его создавал в одиночку Мацуи Кандзи под редакцией именитого ученого Уэда Кадзутоси. Затем главным лексикографом Японии стал крупнейший ученый Симмура Идзуру (1876-1967). Первым словарем, им целиком составленным, стал «*Jien*» (буквально «Сад слов»), впервые изданный в 1928 г. (160 тысяч единиц), признанный образцовым. Затем Симмура издал еще несколько словарей, итогом его деятельности стало дополненное издание 1955 г. «*Koojien*» («Расширенный

сад слов'), включившее 200 тысяч единиц. Этот словарь переиздается до сих пор, дополняясь коллективом лексикографов. Самым крупным из всех стал словарь [Nihon 1973-1976] в двадцати томах; он делался 15 лет коллективом из 2.000 человек и включает 449.614 слов [Kurashima 1997, 2: 19, 98].

В последние десятилетия столь большие по объему словари не составлялись, но издается много средних и малых толковых словарей, а также двуязычные и специализированные словари. Отметим лишь некоторые типы словарей. Необозримо количество словарей заимствований из западных языков, первый из которых вышел еще в 1915 г. [Stanlaw 2004: 310], один из последних по времени словарей [Gendaijin 2006] содержит 42.000 словарных единиц. Много словарей синонимов, антонимов, пословиц и поговорок; есть и словарь метафор [Hangai 2002]. В 2003 г. впервые вышел словарь просторечия и разговорных выражений (*slang and colloquialisms*) [Nihon zokugo 2003]. Под редакцией Масаёси Хиросэ издан на английском языке специальный толковый словарь слов и выражений, близких по значению и часто смешиваемых друг с другом [Kodansha's 2001], в него входит 302 словарные статьи и 708 слов с подробными толкованиями. Отметим и словарь «мужского и женского японского языка» Сасаки Мидзуэ [Sasaki 2000-2003]. Много и двуязычных словарей, среди которых, разумеется, больше всего англо-японских и японо-английских, но немало и других, в том числе русско-японских и японско-русских, среди которых можно выделить [Kenkyuusha 1988; Kodansha 1981-1992].

Однако количество словарей еще не гарантирует качества. И в книге Т. Кунихиро много говорится о недостатках, имеющихся во многих из японских словарей: порочных кругах в толковании, неточном различении близких, но не тождественных по значению и/или употреблению слов, отсутствии данных об ограничениях на словесную сочетаемость. О разное в толкованиях разных словарей специально пишет и Н. Курасима [Kurashima 1997: 2, 61-62]. Многие проблемы, затрагиваемые у Т. Кунихиро, оказываются близки к тому, что у нас рассматривается в классических исследованиях Ю.Д. Апресяна, И.А. Мельчука и др.: трактовка параметрической лексики, разграничение полисемии и омонимии, структура словарной статьи и пр. Эти проблемы актуальны для словарей любого языка, и книга содержит немало интересных примеров.

Но нас сейчас будут интересовать, прежде всего, национальные особенности японской лексикографической традиции, способные иногда ставить в тупик российского или западного наблюдателя. Отметим из них четыре: включение в словари лексики прошлых эпох, диалектизмов, собственных имен и словосочетаний.

Почти в любом японском словаре (толковом или двуязычном) бросается в глаза то или иное количество лексики, не употребляющейся в современном языке. Даже в сравнительно небольшом словаре [Reikai 1972] находим слова *haberi* 'быть' (вежливо), *tamai* 'давать, пожаловать' (вежливо), *iwaku* 'говорить', *notamai* 'говорить', *makari* 'быть' и др. А в большом японско-английском словаре [Masuda 1974] таких слов еще больше. Здесь имеется особая помета А (*archaic*), которой снабжаются слова, вышедшие из употребления не позднее первой половины XIX в. (слова, исчезнувшие позднее, имеют помету О – *obsolete*). А в больших словарях («Dai nihon kokugo jiten», «Koōjien», 20-томный словарь) проявляется стремление к охвату лексики за всю письменную историю японского языка с VIII в. до наших дней. В словаре

«КооѼіеи» в отличие от упомянутого выше японо-английского словаря, где пометы – влияние западной лексикографии, вообще нет помет, и архаическая лексика строго не отграничена от современной. Впрочем, в толкование может включаться временная граница. Например, про слово *sensootan* ‘мастер чайной церемонии’ указано, что оно употреблялось в начале эпохи Эдо, то есть в XVII в. [КооѼіеи 1985: 1373]. В японской лексикографии преимущество может отдаваться языку давнего времени. В словаре «Јіеи», как и в его расширенном варианте «КооѼіеи», даже при словах, имеющих и в современном языке, примеры обычно даются из старых памятников.

Н. Курасима отмечает, что включение старой лексики, начиная от древнейших памятников, оставалось инвариантной чертой японской лексикографии с начала европеизации до последнего времени [Kurashima 1997, 1: 222, 247, 262]. В нашей же стране не только не реализована, но, кажется, и не ставилась задача охватить в одном словаре всю лексику от «Русской правды» до современности. Для русского языка принято считать «современным» язык от пушкинской эпохи до наших дней. А древнерусский язык до начала XVIII в. – нечто принципиально иное. В Национальный корпус русского языка также тексты на нём не включены.

Обычно (в том числе в России) «современным» считается язык с того момента, когда окончательно сформировалась его литературная норма в современном ее виде. Для русского языка это обычно пушкинская эпоха, для японского языка такой эпохой является эпоха Мэйдзи (1868-1912), литературная норма с тех пор сохраняла преемственность. Эта грань может быть значима и для японской лексикографии: см. различие помет *archaic* и *obsolete*. Но если слова, соответствующие *obsolete*, включаются в словари современного языка и в других странах, то слова, соответствующие *archaic*, – нет.

Причин различия, видимо, две. Одна из них связана с особым соотношением между современным литературным и старописьменным языком (бунго) в Японии. Современный литературный язык здесь существует с эпохи Мэйдзи, а ранее соответствующую роль играл бунго, типологически сопоставимый с церковнославянским языком в России или латынью в Западной Европе. Но если последние языки уже давно вышли из активного употребления (исключая лишь религиозную сферу), то бунго сосуществовал с современным литературным языком до 40-х гг. XX в. и даже сейчас не совсем забыт. Бунго в Японии (в отличие от церковнославянского языка в России) учат в школе, и есть жанры, где его лексика, пусть дозировано, употребляется. Например, в популярном жанре самурайского фильма самураи говорят, разумеется, на современном литературном языке, но с постоянными вкраплениями старых слов, особенно с этикетным значением. И, что особенно важно, бунго остается источником пополнения лексики и даже грамматики современного литературного языка [Алпатов 1977].

Есть и еще одна особенность, отличающая бунго от церковнославянского языка или латыни: последние языки были общими для целых культурных ареалов, а бунго, сформировавшийся на основе нормализации и консервации японского языка IX-XII вв. и не употреблявшийся вне Японии, всегда был «своим» языком, а с XIX в. стал восприниматься как часть национального языка. И бунго любого времени не отделялся от языка памятников IX-XII вв. (иногда также и VIII в.), который всегда считался образцовым. До XIX в. для

японских грамматистов существовал единый язык, который мог быть лишь лучше или хуже. Когда сложился новый литературный язык, «хороший» (нормализованный) японский язык стали рассматривать в двух вариантах: бунго и кого (буквально «письменный язык» и «разговорный язык»). Еще в 1941 г. видный лингвист Токиэда Мотоки полагал, что для носителя языка современный литературный язык и бунго различаются не как современный и древний язык, а по степени престижности: бунго выше [Токиэда 1983: 93].

Еще в первой половине XX в., когда бунго был живым языком (в деловой сфере всё писали на бунго), любое слово древних памятников могло хотя бы потенциально появиться во вновь создаваемом на бунго тексте, а затем перейти в современный литературный язык, книжная лексика которого формировалась на основе бунго. Поэтому включение в словарь архаизмов могло иметь и практическое значение. Хотя сейчас новые тексты на бунго почти не создаются, исключая лишь традиционные жанры поэзии, но лексикографическая практика не меняется (конечно, число архаической лексики зависит от объема словаря). Например, в двух изданиях большого японско-английского словаря [Katsumata 1954; Masuda 1974] состав словника изменился, в том числе и за счет исключения потерявшей актуальность лексики, но лексика с пометой А почти целиком сохранилась.

Другая причина, связанная с первой, состоит в меньшей культурной дистанции между древними памятниками и современностью в Японии по сравнению с Россией и многими другими странами. Видный японский социолингвист Судзуки Такао пишет, что для англичан «Беовульф» – не вполне национальный памятник, так как английский язык после норманнского завоевания сильно изменился, тогда как близкое к нему по времени (VIII в.) «Манъёсю» для любого японца – свой памятник [Suzuki 2006: 150]. Для сознания жителей страны, где более 1500 лет один и тот же народ живет на одной и той же территории, защищенной морем, и говорит на одном и том же языке [Suzuki 2006: 19-20], авторы «Манъёсю» – классики «своей литературы». Это собрание стихов разных поэтов для современных японцев сопоставимо в русской системе координат не столько со «Словом о полку Игореве» (памятник, появившийся на четыре века позже «Манъёсю»), сколько с произведениями Пушкина, хотя, разумеется, язык «Манъёсю» отличается от современного японского намного больше, чем язык Пушкина от современного русского. Тем не менее, в Японии господствует традиция читать древнюю литературу в оригинале с комментариями, а не в переводе.

Как пишет Курасима Нагамаса, в концепции большого словаря [Nihon 1973-1976] (как и многих других словарей) ключевое слово – «культура» [Kurashima 1997: 2: 19]. В словари стремятся включить любые слова, важные для японской культуры, включая и те, что в современном языке не употребляются (отвлекаемся, конечно, от ограничений, связанных с объемом словарей).

Но времена меняются. Сейчас всё больше говорят о создании словарей современного языка без помещения в них старой лексики [Kurashima 1997, 2: 180-181].

Непривычно для нас и свойственное ряду словарей, особенно словарей большого объема, включение в довольно большом объеме диалектной лексики. Она включалась в словари еще до европеизации [Kurashima 1997: 1, 127]. Включал в свои словари диалектизмы и И. Симмура [Kurashima 1997: 1, 227].

20-томный словарь особо богат диалектной лексикой [Kurashima 1997: 2, 120]. Разумеется, среди словарей бывали и строго нормативные, где такая лексика избегалась, но всегда была распространена идея словаря – сокровищницы национальной культуры. У нас жанр словаря, включающего диалектизмы, в отличие от словаря, охватывающего все эпохи, существовал (словарь Даля), но потом эта идея была отвергнута лексикографами. Не говорим о том, что и диалектных словарей в собственном смысле в Японии много больше, чем у нас.

Еще одна особенность японской лексикографии – включение в словари собственных имен разных классов. Например, в словаре «Koojien» на стр.1373 издания 1985 г. за словарной статьей *sensootan* ‘мастер чайной церемонии’ идет статья: *sensoo to heiwa* с латинской транскрипцией исходной лексической единицы: *Voina i Mir* и толкованием, где говорится, что это роман Льва Толстого, описывающий жизнь русского народа на фоне Отечественной войны. В стране, где был написан роман, сколь популярен бы он ни был, его название никогда не включалось в качестве заглавной статьи ни в обычные энциклопедии, ни тем более в толковые словари.

В большинство японских толковых и двуязычных словарей включаются и собственные имена, что в целом не свойственно европейской традиции. Особенно последовательно это делается с начала XX в. [Kurashima 1997: 1, 226] для географических названий. И в японско-английском словаре [Masuda 1974], и в словаре [Koojien 1985], и в среднем по объему словаре [Sanseidoo 1992] представлены названия большинства государств мира. Включаются в словари также названия организаций, органов печати и пр. Реже в них включаются имена и фамилии, но в том же словаре [Koojien 1985] можно найти самые обычные личные имена вроде мужского имени *Taroo* (1520), имена общеизвестных исторических лиц вроде сёгунов рода Токугава (1720) (дана словарная статья *Tokugawa*, в которую включены имена всех этих правителей с краткой биографией). Включены в словарь и Л.Н., А.К. и А.Н. Толстые (*Torusutoi*) (1764). То есть представлена и энциклопедическая информация.

Последовательно включаются иностранные имена и фамилии (разумеется, без перевода и лишь с транскрипцией и пометой «имя» или «фамилия») в иностранно-японские словари издательства Сансэйдо. Например, в русско-японском словаре [Konsaisu 1962] на стр.398-399 приводятся *Лель*, *Лена*, *Ленка*, *Лентовский*, *Ленушка*, *Леонид*, *Леонтий*, *Леонтьев*, *Лепорелло* (!), *Лермонтов*, *Лесков*, *Лесников* (а также имена собственные иных категорий: *Лейпциг*, *Лена*, *Ленинград*). При этом словарные статьи *Лермонтов*, *Лесков* и др. (в отличие от статей в словаре «Koojien») – статьи о фамилиях, а не об их носителях; поэтому, как и в наших словарях, здесь отсутствует *Ленин* при наличии слов *ленинец* и *ленинский*, поскольку это псевдоним. Впрочем, *Лепорелло* истолкован как слуга Дон Жуана. Даже в словарях, где под западным влиянием есть особый список географических названий, как [Reikai 1972], может встретиться, например, словарная статья *Nihon* ‘Япония’ с толкованием «название нашей страны» (стр.884). У нас, как и на Западе, традиции, как известно, иные.

В японской науке с трудом приживалось само понятие имени собственного. Например, М. Кизда писал в 1937 г. о различии собственных и нарицательных (а также собирательных, абстрактных и пр.) имен: «В европейских языках такому делению имен существительных предпосланы определенные правила, например, правила употребления артикля, правописания

с большой буквы и т.п., – отсюда и необходимость различения каждого из этих типов. Что же касается японского языка, то он таких правил не имеет и потому нет необходимости в грамматической классификации по обозначаемому предмету» [Киэда 1958: 85-86]. Не удивительно, что это проявляется и в лексикографии.

Впрочем, японская лексикографическая традиция сейчас уже не едина. Можно видеть три подхода. Самый традиционный, представленный во всех изданиях словаря «Кооџиен» или в 20-томном словаре, не только не отделяет имена собственные от остальных слов, но и совмещает свойства толкового и энциклопедического словаря. Культурная ориентация таких словарей способствует включению в них энциклопедической информации. Иной подход в русско-японском словаре [Konsaisu 1962]: здесь, наоборот, нет энциклопедичности, но учитываются трудности при переводе: не всякий японец, слушая русскую речь, сразу поймет, что *Лермонтов* – фамилия. Иногда, как в словаре [Reikai 1972], европейский подход оказывает влияние, но слова базовой лексики вроде название собственного государства могут включаться в основной корпус словаря и здесь. И часты непоследовательности. Например, в словаре заимствований [Gendaijin 2006] нет *Чечни*, есть лишь *Чеченский конфликт* (322), зато наряду с *Чернобыльской катастрофой* есть *Чернобыль*, толкуемый как связанный с катастрофой город (323)

Можно ли считать здесь европейские лексикографические традиции обоснованными? Представляется, что нередко как раз они искажают представления о системе языка. Например, в [Словарь 1948-1965, 3: 1259] имеется слово *елизаветинский*, которое толкуется: «относящийся, принадлежащий ко времени царствования императрицы Елизаветы Петровны (1741-1761)». В одной словарной статье фактически толкуются и производящее, и производное слово, но производящее слово не выделено в словарную статью. Ср. во французском словаре [Robert 1985, 4: 887]: *parisien* 'парижский' толкуется как «производное от Paris – столица Франции». Ни в одном русском толковом словаре нет, например, слова *Япония*, хотя всегда в них бывают *японцы*, *японка* и *японский*, а иногда и *японистика* и *японовед* [Ушаков 1935-1940, IV: 1463; Ожегов 1952: 847; Словарь 1948-1965, 17: 2185; Ожегов – Шведова 1997: 918]. Отметим, что *японцы* всегда фигурируют во множественном числе, а *японка* в единственном. В толковании этих слов присутствует производящее слово *Япония*, которое в отличие от слова *Елизавета* не принято толковать даже в статьях о производных словах. Отсутствие исходного слова может приводить к ошибкам в толковании, как это произошло в словаре Ушакова и в первых изданиях словаря Ожегова, где *японский* трактуется исключительно как прилагательное к слову *японцы* (*японец*). Очевидно, однако, что в большинстве случаев *японский* относится к слову *Япония* (в словарях [Словарь 1948-1965; Ожегов – Шведова 1997] ошибка исправлена).

«Нормальный» носитель русского языка может ощущать неадекватность традиции. В 50-е гг. возникла стихийная дискуссия в «Литературной газете» из-за словарной статьи *юпитер* в словаре Ожегова. В этом словаре слово представлено одним значением «мощный осветительный прибор» (стр.844). То же в [Словарь 1957-1961] и во всех последующих изданиях словаря Ожегова и Ожегова – Шведовой [Ожегов – Шведова 1997: 915]. Лексикографы в ответ на критику со стороны поэта Б.Н. Тимофеева отвечали так, как им было положено:

собственным именам не место в толковом словаре, а *юпитер* как нарицательное имя имеет лишь одно значение. В словаре [Ушаков 1935-1940, IV: 1447] это значение также единственное, но дана этимология слова, в которой говорится и о «верховном боге в римской мифологии», и о «самой большой планете солнечной системы». Ситуация, сходная с *Елизаветой* в другом словаре. Но в [Словарь 1948-1965, 17: 1995-1996] слово *Юпитер* толкуется интуитивно более приемлемо, но вразрез с лексикографической традицией: первым значением идет божество, вторым – планета и лишь третьим – осветительный прибор.

Были лингвисты, которые иначе смотрели на помещение собственных имен в словарь. В нашей стране это был Л.В. Щерба, последовательно включавший собственные имена в составленный под его редакцией «Русско-французский словарь». А для словаря русского языка он написал фрагмент на букву *и* явно ради словарной статьи *Иван* (а также *Иванов* и *Иванушка*). Ср. включение словарной статьи *Taroo* в словарь «Кооѝѝен»: это японское имя не менее богато фразеологией. Л.В. Щерба ничего не знал о японских лексикографических традициях, но его подход оказался близким. Представляется, что включение имен собственных в словарь заслуживает внимания.

Наконец, отметим и особенности в подаче фразеологизмов. Приводившийся выше пример с романом «Война и мир» странный для нас не только потому, что это – имя собственное, но и потому, что это – словосочетание. Для японского языка эквивалент названия романа «*Sensoo to heiwa*» – также словосочетание по грамматическим критериям (орфографический критерий неприменим, так как пробела в обычном японском тексте не бывает). Однако в словаре это словосочетание стоит между двумя несомненными словами и подано как целая единица. И так постоянно в данном словаре. Например, вслед за словом *sode* ‘рукав’ (стр.1417) идет страница текста с иными словами вроде *sodegaki* ‘низкая ограда’, *sodeguchi* ‘отверстие рукава’, *sodetatami* ‘складывание (кимоно) рукавом к рукаву’. Затем на стр.1418 идет 25 фразеологизмов с первым компонентом *sode*, за которым следует атрибутивный послелог *no* и какое-нибудь другое слово: *sode no shita* ‘взятка’ (буквально «под рукавом»), *sode no kami* ‘женский носовой платок’ (буквально «бумага рукава»).

Это свойство отмечено еще в словарях 70-х гг. XIX в. [Kurashima 1997, 1: 130], а, например, в словаре «Кооѝѝен» оно представлено в полной мере. Впрочем, сейчас оно встречается не во всех словарях.

Однако так подаются не все фразеологизмы: глагольные фразеологизмы подаются, как и в европейских словарях, внутри словарной статьи после толкования. Скажем, внутри вышеупомянутой словарной статьи *sode* ‘рукав’ даны и фразеологизмы типа «*sode* + *o* (показатель прямого дополнения) + глагол» вроде *sode o hiku* ‘приставать к женщине’ (буквально «тянуть рукав»). Отдельными статьями даются лишь номинативные единицы: именные словосочетания (атрибутивные или сочинительные) или сложные номинативные единицы любой структуры, например, названия художественных произведений: *Wagahai wa neko de aru* ‘Я – кот (есть)’ (в русском переводе «Ваш покорный слуга – кот») – название повести Нацумэ Сосэки. В «Большом японско-русском словаре», в котором учтены первые издания словаря «Кооѝѝен», все эти фразеологизмы, как принято в русских словарях, даны единообразно: внутри словарной статьи *sode*.

Данное свойство присутствует и в специализированных словарях. Вот, например, особый, непривычный для нас класс японских словарей: словари слов, расположенных по году первой фиксации в языке. Так, в приложении к словарю газетной кампании «Асахи» [Asahi 1973: 1008-1031] перечисляются слова (включая собственные имена) и словосочетания, впервые появившиеся в 1945-1972 годы. Например, в списке слов, появившихся в 1954 г. [Asahi 1973: 1016], на равных правах фигурируют *toranjisutaa* ‘транзистор’, *gojira* ‘Годзилла’ (персонаж кино), *shi no hai* ‘пепел смерти, радиоактивный пепел’, *senryoku naki guntai* ‘войска без военной силы’ (правительственная формулировка в отношении «сил самообороны»). Опять-таки это либо имена, либо именные словосочетания, либо сложные номинативные единицы.

Такой подход может быть удобен, особенно в отношении составных названий вроде «Война и мир», «Я – кот», которые представляют собой единую номинацию независимо от состава и количества словоформ. Характерен особый знак препинания – кавычки, выделяющий такое название в целом; этот знак препинания прижился в том же значении и в Японии, где так и не получили распространения пробел или прописные буквы. Последовательности с атрибутивным *no* могут быть в японском языке и лексикализовавшимися сложными словами, а жесткую грань между сложными словами и словосочетаниями не всегда легко провести.

Рассмотрение фразеологизмов наряду со словами может быть оправдано и в теоретическом отношении. Словарь отражает лексическую систему языка, а единицы ее – не только слова, что не всегда осознается в лексикографической практике. Как писал С.Е. Яхонтов, «словарное слово – единица, которая по характеру своего значения должна отдельно учитываться в словаре.... Словарное слово вовсе не обязательно совпадает с графическим. Например, русск. *летучая мышь* – единое словарное слово, потому что оно объясняется или переводится в словарях целиком, а не по частям; в этом смысле оно ничем не отличается от англ. *bat*, имеющего то же самое значение. В словаре С.И. Ожегова имеются слова *усталь* и *удерж*, но объяснения им не дается, объясняются только словосочетания *без устали*, *без удержу*. Именно эти сочетания являются словарными словами: *усталь* и *удерж* – это графические слова, но не словарные слова» [Яхонтов 1963: 166]. К японскому языку понятие графического слова неприменимо. Поэтому там могут более последовательно выделяться словарные статьи, тогда как в европейской традиции может оказаться практически более удобным приравнять лексическое слово к графическому.

Таким образом, некоторые особенности японской лексикографической традиции имеют под собой основания и заслуживают внимания. И в той или иной степени они отражают свойства японской культуры. По данной проблематике см. также наши публикации [Алпатов 1987; 2007; 2008: 178-190].

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов 1977 – Алпатов В.М. Элементы, заимствованные из старописьменного языка, в системе современного японского языка // Вопросы японской филологии. М., МГУ, 1977.
- Алпатов 1987 – Алпатов В.М. О специфике японских словарей // Язык и культура. Новое в японской филологии. М., МГУ, 1987.

- Алпатов 2007 – *Алпатов В.М.* Об особенностях японской лексикографии // Лексика и лексикография. Сборник научных трудов, выпуск 18. М., 2007.
- Алпатов 2008 – *Алпатов В.М.* Япония: язык и культура. М., Языки славянской культуры, 2008.
- Калакуцкая 1991 – *Калакуцкая Л.П.* Размышления о русской лексикографии // Вопросы языкознания, 1991, №1.
- Киэда 1958 - *Киэда М.* Грамматика японского языка, т.1. М., Издательство восточной литературы, 1958.
- Кунихиро 2009 – *Кунихиро Т.* Идеальный толковый словарь. М., ЛИБРОКОМ, 2009.
- Ожегов 1952 - *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Издание 2-е. М., Государственное издательство словарей, 1952.
- Ожегов, Шведова 1997 – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Словарь русского языка. Издание 27-е. М., 1997.
- Словарь 1948-1965 – Словарь современного русского литературного языка. Т.1-17. М.-Л., Государственное издательство словарей, 1948-1965.
- Словарь 1957-1961 – Словарь русского языка. Т.1-4. М., Государственное издательство словарей, 1957-1961.
- Токиэда 1983 – *Токиэда Мотоки.* Основы японского языкознания // Языкознание в Японии. М., Радуга, 1983.
- Ушаков 1935-1940 - Толковый словарь русского языка. Под редакцией Д.Н. Ушакова. Т. I-IV. М., 1935-1940.
- Яхонтов 1963 - *Яхонтов С.Е.* О значении термина «слово» // Морфологическая структура слова в языках разных типов. Л., Наука, 1963.
- Asahi 1973 – *Asahi gendai yooogo jiten.* Tokyo, Asahi, 1973.
- Gendaijin 2006 – *Gendaijin no katakana oobunruakugo jiten.* Tokyo, Shuueisha, 2006.
- Hangai 2002 – *Hangai Yasutaka.* Hiyu no nihongo. Tokyo, Shiromizusha, 2002.
- Katsumata 1954 - *Kenkyusha's Japanese-English Dictionary.* Ed. by M. Katsumata. Tokyo, 1954.
- Kenkyuusha 1988 – *Kenkyuusha* новый русско-японский словарь. Tokyo, Kenkyuusha, 1988.
- Kodansha 1981-1992 – *Kodansha waroo jiten.* Satoo Takeshi (Ed.). Tokyo, Kodansha, 1981 (1-е издание), 1992 (переработанное издание).
- Kodansha's 2001 – *Kodansha's Effective Japanese Usage Dictionary. A Concise Explanation of Frequently Confused Words and Phrases.* Ed. by Hiroshi Masayoshi, Kakuko Shoji. Tokyo, Kodansha, 2001.
- Konsaisu 1962 – *Konsaisu rowa jiten.* Igeta Sadatoshi (ed.). Tokyo, Sanseido, 1962.
- Koojien – *Koojien*, издание 3-е. Tokyo, Iwanami-shoten, 1976.
- Kurashima 1997 – *Kurashima Nagamasa.* "Kokugo" to "kokujiten" no jidai. Sono rekishi. V. 1-2. Tokyo, Shoogakkan, 1997.
- Masuda 1974 – *Kenkyusha's New Japanese-English Dictionary.* Ed. by K. Masuda. Tokyo, Kenkyusha, 1974.
- Nihon 1973-1976 – *Nihon kokugo daijiten*, v.1-20. Tokyo, 1973-1976.
- Nihon zokugo 2003 – *Nihon zokugo daijiten* (Dictionary of Japanese Slang and Colloquialisms). Yonekawa Akihiko (ed.). Tokyo, Tookyoodoo, 2003.
- Reikai 1972 – *Reikai shin kokugo jiten.* Hayashi Shiroo (ed.). Tokyo, 1972.
- Robert 1985 - *Robert P.* Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue francaise. V.1-9. Paris, 1985.

Sanseidoo 1992 – Sanseidoo kokugo jiten. Kindaichi Haruhiko (ed.). Tokyo, Sanseidoo, 1992.

Sasaki 2000-2003 – *Sasaki Mizue*. Otokoto onna no nihongo jiten. V.1-2. Tokyo, Tookyoodoo, 2000-2003.

Stanlaw 2004 – *Stanlaw J.* Japanese Language: Language and Culture Contact. Hong Kong University Press, 2004.

Suzuki 2006 – *Suzuki Takao*. Kotoba no chikara. Tokyo, Bungei-shunshuu. 2006.

В.М. Алпатов

О ЯПОНСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Японская лексикография у нас очень мало известна, но она имеет очень давние традиции, а количество издаваемых словарей очень велико. Японская лексикографическая традиция имеет ряд особенностей. Среди них включение в словари лексики древних эпох, диалектизмов, собственных имен и подача отдельными статьями устойчивых словосочетаний.

Полисемия прилагательного *простой* в зеркале композитов.

«Полисемия есть, по всей вероятности, семантическая универсалия, глубоко коренящаяся в фундаментальной структуре языка», - писал С. Ульман [Ульман 1970: 267]. С тех пор, как М. Бреаль ввел термин полисемия для описания употребления одного слова в двух и более значениях, данный феномен получил двойную идентификацию. С одной стороны, были попытки рассматривать полисемию как сугубо диахроническое явление. Так, например, Ж. Вандриес писал: «Допуская, что слова имеют основное и второстепенные значения, связанные с первым, мы ставим вопрос на историческую почву [...]. В живом языке слово в каждый данный момент имеет только одно значение» [Вандриес 2001: 169]. С другой стороны, принято считать, что полисемия существует исключительно как явление синхронии; ср., например, мнение Д.Н. Шмелева, который, признавая, что значения многозначного слова и соотношение между ними обуславливаются историей развития слова, полагал, что для языкового общения, имеющего место на синхронном срезе, важна не сама история, а ее результат [Шмелев 1970: 22]. Наконец, большинство исследователей видят в полисемии два плана: «Polysemy is, obviously, a projection of the historical development on to the synchronic plane (meaning B developed from meaning A; meanings A and B are two branches at the polysemic diagram). (Sapran 1983: 10).

Отрыв синхронии от диахронии при изучении полисемии может привести к искусственному разрыву семантических связей между производящими и производными словами. Еще Е. Курилович отмечал, что производные основы сохраняют более древнюю семантику, чем непродеривированные [Kuryłowicz 1977: 30]. Если для языкового общения, имеющего место на синхронном срезе, важна не сама история развития слова, а ее результат, то производные слова, базирующиеся на значениях, утраченных производящим словом, следует признать немотивированными. Однако существуют случаи, когда такое решение интуитивно ощущается как неправомерное.

Рассмотрим соотношение многозначного прилагательного *простой*¹ и композитов, включающих в качестве первого компонент *прост(о)-*. Эти композиты можно объединить в следующие группы: 1) *простонародность, простонародно, простонародный, простонародье*; 2) *уст. простолюдин, уст. простолюдинка*; 3) *просторечие, просторечно, просторечный*; 4) *простодушие, простодушно, простодушный*; 5) *простосердечие, простосердечный, простосердечно*; 6) *простофиля*; 7) *простокваша*; 8) *простоволосый*.

В каких же значениях входит прилагательное *простой* в данные композиты?²

По всей видимости, наиболее прозрачной для носителей современного литературного языка является семантическая структура слов *простолюдин, простолюдинка* (диал. *простолюдим, простолюдимый*). Кажется очевидным, что в данных словах прилагательное *простой* реализует значение 'такой, который не принадлежит к привилегированному сословию'. Это значение фиксируется в древнерусской письменности с XIII в.; в современном русском литературном языке данная лексема слова *простой* сочетается с названиями людей, а также со словами *люди, народ*: *Сюда не допускался простой народ* (В. Ходасевич, Белый коридор). Согласно СРЯ XI-XVII вв., существительное *людин* могло иметь значение 'человек, не принадлежащий к привилегированному сословию'. Таким образом, можно говорить о том, что в композите *простолюдин* один и тот же смысл выражен дважды. В существительном же *простонародье*, а также в прилагательном

¹ История семантического развития прилагательного *простой* рассмотрена в [Бабаева 2006].

² Далее в настоящей работе в качестве источников для примеров употреблений слов в древнерусской письменности используются материалы СРЯ XI-XVII вв., Картотеки СРЯ XI-XVII вв., СДРЯ XI-XIV вв., Словаря И.И. Срезневского. В качестве источников для примеров употреблений слов в диалектах используются материалы СРНГ, а также словарь В. Даля.

простонародный, в тех редких случаях, когда оно характеризует человека, сохраняется семантическая структура словосочетания *простой народ* (из *простого народа*); ср.: *простонародная публика* (БТС), а также диал. *простонародный человек* (киргиз.(прииссыккул.)).

Др.-рус. слово *простолюдин* фиксируется также в значении ‘человек, не принадлежащий к духовенству или монашеству’; ср.: *И для антиминосов прислать к Москве попа или диакона, а не простолюдина* (Грамота патриарха Иоакима, 1686). И в этом случае представлено дублирование одного и того же смысла, так как и прилагательное *простой* и существительное *людин* могли иметь значение ‘мирянин’; ср.: *Примишим рукоположение от епископа... чести чтения и апостол, Пети прокымены... а простым ни Пети, ни чести* (Послание архиепископа Геннадия, 1490-1494); *епископом... не сжителъствовати женами, яже еще людины сущее пояша* (Сочинения Максима Грека, XVI-XVII ≈ XVI).

В обоих случаях речь идет об отражении в языке устройства социальной иерархии: слово *простолюдин* указывает на то, что человек не принадлежит к особо выделенной группе людей – будь то аристократия (ср. *из низов VS. из благородных, из дворян*), духовенство или монашество.

В словах *простонародный, простонародность, простонародно; просторечный, просторечие, просторечно* прилагательное *простой* имеет значение ‘такой, какой бывает у представителей непривилегированного сословия’. В современном русском литературном языке прилагательное в данном значении сочетается со словами, обозначающими группы людей (*сословие, слой...*), а также со словами *происхождение, звание*; ср. также уст. *подлого рода*, а также отмеченное в др.-рус. списках «О полонении Иерусалима» Иосифа Флавия слова *простородный* (в знач. сущ.), *простородие*.

Заметим, что, сочетаясь со словом *человек*, прилагательное *простой* реализует другое значение: оно указывает на то, что характеризующийся человек ничем не отличается от других людей, является *обыкновенным, обычным, рядовым, ничем не примечательным*; ср.: *простой смертный*. Прилагательное *простой*, реализуя значение ‘такой, который принципиально не отличается от других однородных объектов’, сочетаясь с широким кругом существительных, может характеризовать не только людей. В частности, оно характеризует некоторый отрезок времени: *Обычаи же бе многолежнии старцу на всяк день молебны пети, или праздник или прост день... случашеся* (Записки Иннокентия о последних днях учителя его Пафнутия Боровского, XVI~ 1487); диал. *В простой день некогда* (киров., перм., юго-зап. сиб., сиб., арх. 1898, влад.); диал. *Шей да пори, да не будет простой поры* ((посл.), волог. 1854, вят.); *Это че выфрантились в простое время, раньше такие платья только по годовым праздничкам одевали* (ср. Урал., перм., сиб., иркут.). В диалектах зафиксированы сложные слова *простоденный, простодневный*, в которых компонент *прост(о)-* имеет данное значение; ср.: диал. *простоденные сарафаны да праздничные* (арх.); диал. *простодневная пища* (том.).

Обратимся теперь к слову *простофиля*. Оно возводится к прилагательному *простой* и к уменьшительному имени *Филя* ([Преображенский II: 381]; [Фасмер III: 134]). В.В. Виноградов, занимавшийся историей этого слова, обратил внимание на то, что имя *Филя* не позднее XVIII в. приобрело «экспрессивно-бранное и презрительное значение дурачка»; ср. *филькина грамота* – «невежественный, безграмотно составленный документ» [Виноградов 1994: 578-581].

В современном русском литературном языке прилагательное *простой* имеет значение, которое в словарях современного русского языка толкуется следующим образом: ‘недалекий по уму, глупый’ (БАС); ‘недалекий, наивный’ (МАС); ‘недалекий по уму, глуповатый, наивный’ (БТС); ‘глуповатый, недалёкий [первонач. неумный, глупый]’ (СОШ); ‘глуповатый, недалекий по уму’ (СУШ).³ Как видно из приведенных фрагментов толкований, прилагательное *простой* в этом значении синонимизируется со словами *глупый*

³ Согласно МАС’у и БТС’у, это значение характерно для разговорной речи.

<недалекий, неумный> и *наивный*. Однако очевидно, что прилагательные *глупый* и *наивный* по-разному характеризуют человека. Если *глупый* указывает на некоторую степень «дефектности» (ограниченности) ментальной деятельности человека, то *наивный* выявляет такие свойства человека, как доверчивость и отсутствие жизненного опыта. Вместе с тем, эти прилагательные сближаются неслучайно. По всей видимости, в данном случае язык отчасти отражает представление о некотором изначальном состоянии человека («младенчестве»), когда его когнитивные возможности и жизненный опыт находятся в стадии формирования (ср. использование прилагательных *глупый, несмышленый, неразумный* применительно к ребенку). Таким образом, можно сказать, что прилагательное *простой* в данном значении указывает на то, что человек своим поведением демонстрирует недостаточность ума и/или жизненного опыта. Данное значение тесно связано с представлением о мере свойства и о возможности его разной оценки.

С одной стороны, отсутствие жизненного опыта и связанное с ним неадекватное с точки зрения говорящего осмысление ситуации может оцениваться положительно как свидетельство изначальной «невинности» человека, непричастности плохому (ср. *невинный младенец*). Данное свойство подразумевает открытость, доброжелательное отношение к людям, готовность помогать им. В силу этого прилагательное *простой* может использоваться для указания на то, что человек является добрым: *диал. Простой – добрый, не скупой человек: все пополам разделит, каждому дает* (свердл., новосиб., иркут.); *диал. Человек простой, хороший. Он последнее отдает, не жалеет ничего, а другой скупой* (арх.).⁴

С другой стороны, предполагается, что человек в процессе жизни проходит «обработку» воспитанием, образованием, опытом. Отсутствие необходимого жизненного опыта и неспособность правильно оценить ситуацию и мотивы, движущие людьми, может восприниматься негативно как свидетельство «дефектности» человека, его «слабоумия».⁵ Ср., например: *диал. Пошто ты веревку-ту отдала, простая дак простая и есть, топерь вот самим за соломой ехать увязывать нечем* (твер., моск., ряз.). Особенно ярко негативная оценка этого свойства проступает в производных словах, содержащих основу *прост-* (ср., например, *простак*).

Эта двойственность оценки сохраняется и в употреблении слова *простофиля*. С одной стороны, *простофиля* – это человек, который неспособен адекватно осмыслить ситуацию: в этом случае смысл ‘глупый’ дублируется; ср. зафиксированное В. Далем прилагательное *простодуроватый*. Соответственно в номинациях типа *дурачина-простофиля, дурачок-простофиля* этот смысл выражен трижды. В диалектах это слово может использоваться для характеристики отдельных негативных с точки зрения социума поведенческих особенностей человека: так, согласно СРНГ, в тамб. диалекте оно имеет значение ‘ротозей, зевака’⁶, в яросл. и сарат. диалектах – ‘неповоротливый, нерасторопный человек’, в курск. диалекте (1849) – ‘неопрятный человек’. Вместе с тем, в новг. и арх. диалектах слово *простофиля* используется для характеристики нежадного, бескорыстного

⁴ В тверск. диалекте отмечено слово *простота* в значении ‘доброта’; ср. также словосочетание узнать простоту ≈ пользоваться чьей-л. добротой, доверчивостью: *Въезжают, как на дворню к нам, узнали простоту* (р. Урал.).

⁵ Ср. представление о *доверчивом, открытом* человеке как о таком, которому свойственно преуменьшать возможность плохих поступков со стороны других людей или возможность плохого развития событий [Богуславская 2006].

⁶ Заметим, что слово *простофиля* имеет ряд коннотаций, касающихся особенностей внешнего облика человека, которому приписывается данное свойство, совпадающими с коннотациями, связанными с представлением о «слабоумии»; в частности, слегка приоткрытый рот; ср.: *Был он малость губастый, с несколько разинутым ртом простофили* (Асар Эппель, Кастрировать Кастрюльца). Как видно из контекстов, представленных в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorpora.ru), *простофиле* достаточно регулярно приписывается свойство «зевать», быть невнимательным. Ср.: *Ступай, простофиля, прозеваешь! а я пойду за блондинкою* (Н. В. Гоголь, Невский проспект); *Они хохочут над «дядей Сараем», так арестанты называют «простофилю», «разиню», который спит и не слышит, что у него отнимают последнее* (В.М. Дорошевич, Сахалин (Каторга)); *Один из несчастных лезет в карман, достает бумажник и — о разиня, о простофиля! — вытягивая пятидесятимарковую бумажку, не умеет скрыть от ястребиного взора хозяйки и другие деньги* (Виктор Розов, Удивление перед жизнью).

человека; ср.: диал. *Мать его росла такая простофиля, сама не съест, отдаст* (арх.). На связь между двумя оценками указывают промежуточные употребления, в которых слово *простофиля* выступает в качестве ласкательной номинации.

В древнерусской письменности и в диалектах фиксируются композиты, имеющие в качестве первого компонента основу *прост-*, а в качестве второго – корни, называющие орган, ассоциирующийся с ментальной деятельностью, или же саму эту деятельность: *простоумие, простоумный, простоумый, простоумка, просторазумие, простодумец, простодумка, простодумок*. Двойственность оценки свойства *простой* прослеживается и в значениях этих сложных слов. Как в древнерусской письменности, так и в некоторых диалектах они характеризуют «дефектность» ментальной деятельности человека, излишнюю наивность; ср., например: *Скорблю о том, что украдох лошад<ь> от просторазумия* (Житие Никандра Крыпецкого Псковского, XVII ≈ 1581); *У него дядя Десятко простоумой* (Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в., 1685). Однако характеристики *простоумный, простодумка, простодумок* могут указывать и на доброту человека; ср. диал. *А она бабка была простоумная и этой женищине все подавала* (казаки-некрасовцы), а также диал. *простоумка* (казаки-некрасовцы), диал. *простодумок, простодумец, простодумка* в таком же значении.⁷

Согласно СРНГ, в диалектах представлены слова *простодырь, простодыра, простодырый*. Отмеченная выше двойственность оценки свойственна и этим характеристикам. Так, обычно эти характеристики являются негативными и указывают на «дефектность» мышления человека; ср.: диал. *Ну что за простодыра! Взяла да отдала сковороду! Чай она деньги стоит!* (краснодар.); диал. *Эх ты, простодыра! Чаво вперед себя всех пуцаешь?* (р. Урал); диал. *Это ведь ты простодырая, все готова отдать* (перм.); Между тем, диал. *простодыр* (вост-казах) может иметь значение ‘отзывчивый, щедрый человек’.

Однако внутренняя семантическая мотивировка употреблений слов *простодырь, простодыра, простодырый* принципиально отличается от тех случаев, которые были рассмотрены выше. Как хорошо известно, процесс мышления в языковой картине мира обычно связывается с головой, которая предстает как орудие и место этого процесса. Нарушения процесса мышления могут связываться с «пустотой»: отсутствием самой головы или находящегося в ней мозга (ср. *с головой VS. без головы; безмозглый; пустоголовый*, зафиксированное в словаре В. Даля слово *пологолоный* или выражение *голова дырявая*). Заметим, что, согласно ЭССЯ, праславянский корень **dur-* (представленный, в частности, в слове *дурак*), связан с **duti, *duxъ*, что говорит о возможности реконструкции древнего семантического перехода ‘дутый’ → ‘пустой’, предшествовавшего формированию на основе данного корня номинаций для человека, который имеет различные «дефекты» поведения.

В ряде диалектов (волог., арх., перм., ряз., р. Урал) прилагательное *пустой* используется для характеристики глупого человека; ср. пример из СРНГ: диал. *Мы думали, что мука растет, вот до чего пустые были*. Слово *пустой* может указывать, с одной стороны, на наличие внутри объекта пустого пространства, окруженного со всех сторон однородным материалом, а с другой стороны, на отсутствие того, чего в данном месте естественно ожидать (данные формулировки взяты из словарных статей О.Б. Богуславской [НОСС: 787, 898]. В первом случае оно является синонимом прилагательного *полюй*, а во втором – прилагательного *порожний*. Трудно сказать, какое из этих значений определяет смысл ‘неумный’. Можно сказать, что человек, имеющий «дефектное» мышление и, следовательно, поведение, описывается в языке двояко: а) как такой, в голове которого находится полость (пустое пространство); б) как такой, в голове которого нет того, что естественно ожидать (мозга, мыслительной деятельности).

⁷ Ср. контексты, в которых прилагательное *простой* характеризует ум, передавая при этом положительную оценку: *Бе же Изяслав... прост муж умом не vzdая зла на зло* (Лаврентьевская летопись, 1377); *Бе же сеи муж некижжен, но умом прост* (Московская летопись, XV).

В древнерусской письменности (с XVII в.) и в диалектах для прилагательного *простой* широко представлено значение ‘такой, где отсутствует нечто, чего в данном месте естественно ожидать’, реализующееся главным образом в сочетании с названиями емкостей, вместилищ, помещений. Ср.: *диал. Куды ведро то просто несешь?* (свердл., южн. урал., уральск., тобол., новосиб.); *Нету простых кринок, все с молоком том* (Прииртышье); *Ящик у тебя простой или че в нем лежит?* (Забайкалье, якут., амур., юго-зап. Сибири, сиб.); *Дом-от простой стоит* (волог., нижегор., пенз., ряз.); а также глаголы *опростать*, *выпростать* и сложное диал. (моск.) слово *простоцвет* (ср. *пустоцвет*). Данное значение представлено в диал. словах *простоволье* (новосиб.), *простоволя* (ряз.) ‘свободное, ничем не ограниченное пространство’, *простовольно* (пск., ряз.), ‘свободно, просторно’, *простовольный* (ряз.) ‘не занятый, не заполненный чем-л. (о месте, пространстве)’.⁸ В словаре В. Даля представлено прилагательное *простопорожний*, в котором смысл ‘пустой’ выражен дважды. По всей видимости, аналогичным образом устроены и рассматриваемые слова *простодырь*, *простодыра*, *простодырий*.

К уже описанным словам примыкают характеристики *простокваши*, *простокиши*. Оба слова зафиксированы в древнерусской письменности в составе личных имен. Существительное *простокваши* как синоним к слову *простофиля* отмечается в яросл., костр. вят. и ворон. диалектах (ср.: *А царь и говорит им: - Эх, вы, простокваши. Не знаете и того: ведь эти голубки они и есть* (сказка).), существительное *простокиши* в этом же значении представлено в словаре В. Даля и зафиксировано в пск. диалекте.

Обратимся сначала к основным значениям данных слов. Существительные *простокваши* и *простокиши* в диалектах могут служить обозначениями для молока, не подвергнутого кипячению. Слово *простокваши* в этом значении отмечено в яросл. диалекте XIX в. и в арх. диалекте, слово *простокиши* – в волог. диалекте XIX в. Кроме того, оба слова широко используются для обозначения кислого молока. Данные значения заставляют вернуться к представлению об обработке. Обработка сама по себе подразумевает выделение некоторого начального («природного», «сырого») состояния объекта, который впоследствии меняется в результате воздействия со стороны человека. Более частным случаем оппозиции ‘природный (изначальный)’ VS. ‘обработанный’ является оппозиция ‘природный’ VS. ‘обработанный термически’. Действительно, прилагательное *простой* в диалектах может указывать на отсутствие термической обработки; ср.: *диал. Тебя от простого-то [молока] лихотит* (новосиб.); а также *диал. простомывка* ‘стирка без кипячения’ (дон.): *А рубахи простомывкой промыли*; *диал. простомылочный* (курск.) (о белье) ‘постиранное в холодной воде, без кипячения’.

Если объектом является сам человек, «природность» соотносится с отсутствием одежды (т. е. с актом рождения или сотворения человека). Прилагательное *простой* в старославянских текстах могло иметь значение ‘голый’; ср.: *Проста ч(е)л(ове)ка пропяхом* (греч.: *ψίλος*; Супрасльская рукопись, XI). Это значение в диалектах представлено в сочетании с названиями частей тела; ср. *диал. Навою, наплачуся над простыми коленями* (костр.). Данная лексема вычленяется в *диал. простоножки* (новосиб.): *Поранешному называли простоножки, а теперь ботинки*; ср. совр. *босоножки*, а также в композитах *простоволосый*, *простовласый*, *простоволоска* (‘женщина с непокрытой, а также непричесанной головой’: южносиб. 1847; новосиб., кемер., волог., арх., КАССР, ленингр., ворон., краснояр.; ср. толкование В.В. Даля: ‘незамужняя и вольного поведения, самокрутка; иногда расплетает косу на двое, но платка не носит’); *простоволосица* (согласно В.В. Далю, ‘бабья потасовка, платки летят с голов’).⁹

⁸ Прилагательное *простой* могло передавать также представление о свободе как отсутствии стяннутости, стесненности; ср. *диал. простовивочный* (пенз.) ‘слабый, не тугой (о кочане капусты)’, *диал. простязыкий* (якут.) ‘не воздержанный на язык’.

⁹ Совр. глагол *опростоволоситься* указывает на неадекватный с точки зрения социума поступок (ср. также глагол *опростофилиться*). Интересно, что прилагательное *простоволосый* может в брян. диалекте употребляться субстантивированно для характеристики глупого человека.

Вместе с тем, наряду с оппозицией 'природный' VS. 'обработанный' следует выделить оппозицию 'минимально обработанный' VS. 'максимально обработанный', в формировании которой также может участвовать прилагательное *простой*. Прилагательное *простой* в значении 'такой, который прошел минимальную обработку, позволяющую использование в соответствии с основным предназначением' (ср. *грубый, низшего качества, низшего сорта, низкосортный*) сочетается в современном русском языке с названиями *материалов* (ср. *простая кожа; Штаны из простой парусины*) а также со словом *помол*. Этот же смысл представлен в композитах *диал. простомол* (челяб.), *диал. простомолка* (амур.), *диал. простомолот* (амур.), *диал. просторазмол* (амур.) 'мука грубого помола вместе с отрубями', *диал. простомольный* (амур.) 'смолотый грубо, без просеивания и отделения отрубей'.

Возвращаясь к словам *простокваша, простокиша* в применении к человеку, можно сказать, что их внутренняя мотивировка связана, во-первых, с переосмыслением представлений об обработке как о развитии человека (воспитании, образовании, приобретении опыта) и, следовательно, об отсутствии обработки как о стагнации личности, и, во-вторых, с дублирующим этот смысл представлением о закисании как отсутствии заметного глазу движения (ср. глагол *киснуть* в значении 'вести однообразную, бездеятельную жизнь', например, *киснуть на даче*). В современном литературном языке представлены, хотя и не широко, контексты, в которых слово *простокваша* используется для характеристики человека нерешительного, пассивного; ср.: *Тыловая простокваша!* (Юрий Бондарев. Горячий снег); *Я ни в одной стране не чувствовал себя столь растерянным от того, что постоянно оказывался либо чьим-то врагом, либо сильно разведенной простоквашей* (Михаил Задорнов. Египет).

Рассмотрим теперь слова *простодушный, простодушие, простодушно*. Эта группа может быть расширена за счет диалектных слов *простодуша, простодуший*. Слова данного ряда указывают на такие свойства человека, как 'наивность' и 'искренность'. Эти свойства отчасти сближаются: и в том и в другом случае речь идет об особом, доверительном отношении к другим людям. Однако если под наивностью может пониматься неумение с точки зрения говорящего адекватно воспринимать ситуацию (ср. рассмотренные выше слова), то искренность подразумевает сознательный отказ от стратегии «себе на уме» (т. е. обмана), поэтому обычно она оценивается положительно.

Обращение к древнерусской письменности и диалектам позволяет выявить контексты, в которых прилагательное *простой* характеризует *душу* человека; ср.: *Просту пред богом поставити возможем нашу душу* (Изборник Святослава, 1076); *диал. жить простою душою* (смол. 1914). Следует отметить, что в старославянских и древнерусских текстах в контексте глаголов *сотворить, стать, встать, быть, поставить* прилагательное *простой* реализует значение 'прямой' (т. е. 'находящийся в вертикальном положении')¹⁰. При этом в ряде случаев речь идет не о нейтральном описании положения в пространстве, а об особой ситуации (например, «предстояния» перед святыней или подготовки к особой ритуальной практике: молитве, проповедничеству).¹¹ Ср.: *Приде близ святааго и ста прост* (Супрасльская рукопись, XI), а также *Въстают попове и стоять прости* (Студийский устав, XII). Можно предположить, что наличие текстов, в которых речь идет об отмеченной ситуации подготовки к восприятию духовных истин, божественного откровения, послужило основой для употребления прилагательного (в частности, в контексте глаголов восприятия) как характеристики особого состояния человека – его открытости высшим ценностям, а также особого состояния его души, которая представляется особым органом восприятия, носителем религиозного и этического начала; ср.: *прости убо исполняем молитвы*

¹⁰ См. подробнее в Бабаева 2006а.

¹¹ Отмеченной, по всей видимости, являлась и ситуация прямохождения; ср. зафиксированные в древнерусской письменности прилагательные *простошественный, простоходный*: *Ч(е)л(ове)к ес(ть) животно и словесно, простошественно (ордохерипатѣтѣковъ); Ч(е)л(ове)к ес(ть) смеятельно. простоходно (ордохерипатѣтѣковъ)* (Дамаскин, Диалектика; Великие Четьи-Минен, декабрь 1-5; XVI).

(Ефремовская кормчая, XII). Таким образом, можно говорить о семантическом переходе ‘стоящий прямо’ → ‘направленный вверх’ → ‘направленный к Богу’ → ‘открытый Богу, высшим ценностям’. Впоследствии прилагательное *простой* в данном значении, а также композиты, образованные на базе словосочетания *простая душа*, видимо, стали употребляться в более широком смысле, указывая на особое свойство человека – его открытость миру, нежелание и неумение обманывать, хитрить, скрывать свои настоящие мысли и чувства (т. е. *кривить душой*).¹² Ср. совр.: *Татьяна – хитрая, себе на уме, а эта была такая простая... Ну прямо нездеиная какая-то* (Анна Малышева, Зеркало смерти).

Другим органом, вмещающим внутренний мир человека и определяющим его эмоциональное отношение к миру, является *сердце*. Существительное *сердце* сочеталось со словом *простой* и образовывало словосочетание *в простоте сердца* (ср. совр. *в сердечной простоте*), указывая на такие свойства, как искренность, непорочность; ср.: *Дом веры – мысль младенческа ест(ь) и с(е)рдцо просто, в простоте бо рече с(е)рдца своего славеху б(о)га* (Слово Исаака Сирина, 1416), а также *простосердечие*, *диал. простосердие* (волог.). Прилагательные *сердечный*, *сердый*, встречающиеся в древнерусской письменности с XVI в., также могли иметь значение ‘искренний’. Таким образом, можно сказать, что в композитах *простосердечный*, *простосердечно*, а также *диал. простосердый* один и тот же смысл выражен дважды.

В современном русском литературном языке прилагательное *простой* может характеризовать *характер* человека, как такой, который свойственен искреннему человеку, а также внешние проявления свойства искренность; ср. *простые нравы*, а также зафиксированное в древнерусской письменности слово *простонравие*: *смирению твоему подивился и простонравию блаженному* (Письмо Ивана Неронова, 1654).

Наконец, заслуживают внимания композиты, фиксирующиеся только в диалектах: *простовара* (арх.) ‘невкусное, плохое кушанье’; *простоплетки* (твер., орл., ряз.) ‘лапти простого, не очень прочного плетения’ *простоплеты* (ряз.) ‘лапти, сплетенные в два лыка’; *простовивки* (твер.) ‘лапти простого, не очень прочного плетения’, *простовивки* (ряз.) ‘веревка, сплетенная из двух прядей’, *простовивчатый* (тул.) ‘сплетенный из двух прялей (о веревке)’; *простоузорка* (свердл.) ‘скатерть с вышивкой простым узором’. В этим композитам примыкают слова *простка* (пск., клин.) ‘простой холст в две нитки’; *простка* (новг.) ‘гладкий холст без узора’; *простошный* (новг.) ‘гладкий, без узоров, вытканый в две нитки’. Во всех этих случаях прилагательное *простой* реализует значение ‘такой, который не имеет частей или свойств, не связанных с основным предназначением данного объекта’. Данная лексема в др.-р. и современном русском языке характеризует объекты, подлежащие оценке с точки зрения эстетики или вкуса. Оно сочетается с названиями *произведений, артефактов* и их частей: *одежды, обуви, аксессуаров, мебели*, а также *объектов архитектуры; блюд* и т. д., которые могут, кроме прагматической, иметь иную ценность (например, эстетическую или гастрономическую).

Итак, можно сказать, что сложные слова, включающие в качестве первого элемента корень *прост-*, образованы по двум семантическим моделям: 1) дублирование смысла (*простолюдин, простофиля, простодуроватый, простодырь, простодыра, простодырый, простоволье, простоволя, простовольно, простовольный, простопорожний, простосердечный, простосердый*); 2) сохранение семантической структуры словосочетания, легшего в основу композита (*простонародный, простонародно, простонародье, просторечный, просторечно, просторечие, простоденный, простодневный, простоумие, простоумный, простоумый, простоумка, просторазумие, простодумец, простодумка, простодумок, простодушие, простодушно, простодушный, простосердечие, простонравие, простокваша, простокиша, простоцвет, простоволосый, простовласый, простоволоска, простоволосица, простомол, простомолка, простомолот, просторазмол, простомольный,*

¹² Данное свойство также может оцениваться двояко: ср. совр. *прямодушный* (скорее положительная оценка) и *прямолинейный* (скорее негативная оценка).

простовара, простоплетки, простоплеты, простовивки, простовивки, простовивчатый простоузорка).

Таким образом, можно сказать, что весь круг композитов, включающих формант *прост(о)-*, получает семантическое обоснование только при обращении к функционированию прилагательного вне пределов современного литературного языка. Данные древнерусских текстов и диалектов позволяют также прояснить внутреннюю связь, существующую между отдельными значениями прилагательного *простой*, которые плохо выявляются при синхронном описании многозначности этого слова.

Литература

- Бабаева 2006. Е.Э. Бабаева. Формирование семантической структуры слова *простой* в русском языке // В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Санников, Е.В. Урысон. Языковая картина мира и системная лексикография / Под ред. Ю.Д. Апресяна. М., 2006
- Бабаева 2006а. Е.Э. Бабаева. Простой путь: история одного словосочетания // Вереница литер. К 60-летию В.М. Живова. М., 2006
- БАС. Словарь современного русского литературного языка. Т.1-17. М., 1948-1965
- Богуславская 2006. О.Б. Богуславская. Интеллектуальные способности и деятельность человека в зеркале прилагательных // В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Санников, Е.В. Урысон. Языковая картина мира и системная лексикография / Под ред. Ю.Д. Апресяна. М., 2006
- БТС. С.А. Кузнецов. Большой толковый словарь русского языка. М., 2003
- Вандриес 2001. Ж. Вандриес. Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 2001
- Виноградов 1994. В.В. Виноградов. История слов. М., 1994
- Даль I-IV. Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. М., 1956
- МАС. Словарь современного русского литературного языка в четырех томах. Т. I-IV. М., 1981-1984
- НОСС. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., исправленное и дополненное / Под ред. Ю.Д. Апресяна. Москва-Вена, 2004
- Преображенский I-II. А.Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. Т. I-II. М., 1958-1959
- СДРЯ XI-XIV. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) Т.1-, М., 1988- (продолжающееся издание)
- Срезневский I-III. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I-III. М., 1893-1912
- СРНГ. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. В.1- Л., 1966- (продолжающееся издание)
- СРЯ XI-XVII. Словарь русского языка XI-XVII вв. Т. I- М., 1971- (продолжающееся издание)
- СОШ. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1992
- СС. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994
- СУШ. Толковый словарь русского языка. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I-IV. М., 1934-1940
- Ульман 1970. С. Ульман. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. V. Языковые универсалии. М., 1970
- Фасмер I-IV. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I-IV. М., 1986-1987
- Шмелев 1973. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973
- ЭССЯ. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. В. I- М., 1974- (продолжающееся издание)

Kuryłowicz 1977. E. Kuryłowicz. Problèmes de linguistique indo-européen. Wrocław, 1977
Sappan 1983. R. Sappan. The Logical-Rhetorical Classification of Semantic Changes. Safra, Rehovot, 1983
SJS. Slovník jazyka staslověnského. Praha, 1966-1997. Репринтное изд. Т. I-IV. СПб., 2006

Пути повышения объективности данных фразеологических словарей

В. И. Беликов (ИРЯ РАН)

Хорошо известно, что выбор словарной формы фразеологизма — задача непростая, поскольку во фразеологизме может иметься факультативная часть, отдельные слова могут варьировать, при этом не всегда ясно, следует ли выражения с варьирующимися частями вариантами одного фразеологизма. Это влияет и на заголовочный вид фразеологизма, и на опорное слово. По-видимому, за «основной» вариант принимается наиболее распространенный, исключая те случаи, когда составитель словаря имеет основания считать его в каком-то отношении дефектным. Изначально многие словари строились на картотеках, но корреляция между частотой в письменных и устных текстах и в картотеке далеко не очевидна, и вряд ли составитель словаря сколь бы то ни было строго на нее ориентируется. Ведущим критерием для составителя является его собственная оценка частоты и стилистики различных вариантов, а она и на синхронном, и тем более, на диахронном уровне всегда субъективна.

С появлением в общем доступе большого числа различающихся по времени создания и стилистике оцифрованных текстов возникла возможность получить объективные данные по словоупотреблению методом, который я называю сегментно-статистическим (СС-метод, СС-анализ и т. п.). Суть СС-методики сводится к сопоставлению частоты появления лексической или фразеологической единицы в массивах оцифрованных текстов разных типов (официальные тексты, классическая, современная профессиональная и сетевая беллетристика, публицистика, блоги и т. п.), а также в сегментах Интернета с различной доменной или территориальной привязкой.

Ниже я буду опираться на результаты поисков в четырех сегментах Интернета:

1. Раздел «Классика» Библиотеки Максима Мошкова (az.lib.ru);
2. Журнальная проза середины 1990-х — 2000-х гг. на сайте «Журнальный зал» (magazines.russ.ru);
3. Раздел «Самиздат» Библиотеки Максима Мошкова (zhurnal.lib.ru) — это самостоятельная сетевая литература, часто невысоких эстетических достоинств, что мало сказывается на сегменте как лингвистическом источнике.
4. Частные временные и территориальные подсегменты блогосферы¹ в варианте «сгруппировано по авторам» (то есть каждый блог представлен в выдаче один раз).

Архитектура разных фразеологических словарей различна, отличаются и заголовки «одинаковых» словарных статей, но с рассматриваемой точки зрения эти различия не существенны; ниже фразеология цитируется по содержащему 35 тыс. единиц сводному двухтомнику под ред. А. Н. Тихонова².

При опорном слове **ВОСТОРГ** имеется отсылочная статья «**Телячий восторг** — см. телячий». У этого фразеологизма есть не фиксируемый фразеологическими и толковыми словарями синонимичный конкурент *щелячий восторг*. Результаты СС-анализа этих фразеологизмов приведены в Табл. 1.

Таблица 1

	«Классика»	Журн. проза	«Самиздат»	Блоги, М., 2008
<i>телячий восторг</i>	32	29	121	59
<i>щелячий восторг</i>	1	31	564	635

Единственное вхождение *щелячьего восторга* в сегменте «классика» — в довольно

¹ Максимальная выдача Яндекса — 1000 единиц (в зависимости от типа поиска — сайтов, страниц, записей в блогах и т. п.), объявленное поисковиком число найденных документов может быть на порядки больше, но чем выше оно, тем менее достоверно; доверия заслуживают лишь числа, незначительно превышающие 1000. Вследствие этого поиск в блогосфере часто приходится вести по ограниченному сегменту даже тогда, когда содержательно в этом нет необходимости.

² Фразеологический словарь современного русского литературного языка. / Под ред. А. Н. Тихонова / Сост.: А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. Справочное пособие: В 2 т. — М.: Флинта; Наука, 2004.

поздних (1956—1977) воспоминаниях Лили Брик о Маяковском, так что в текстах 19 — первых десятилетий 20 века это выражение если и встречалось, то очень редко. У современных профессиональных писателей они равночастотны. Самодеятельная любительская литература частично ориентируется на профессиональные образцы (но не всегда умело), частично же противопоставляет себя литературному мейнстриму в любом его понимании. Не вдаваясь в причины, можно констатировать, что новый фразеологизм оказался здесь почти в пять раз частотнее. А в блогосфере, наиболее близком приближении к повседневному разговорному узусу молодежи, два выражения различаются по встречаемости уже на порядок.

Довольно очевидно, что в настоящее время процесс замены одного фразеологизма другим зашел достаточно далеко (статистически пренебрежимые опросы москвичей разных поколений показывают, что в данном случае можно говорить о противопоставлении старшей и младшей фразеологической нормы)³. Вне зависимости от того, считать ли эти выражения разными фразеологизмами или вариантами одного, в словаре их логично помещать рядом, на слово **восторг**; диахронический комментарий также был бы уместен.

При опорном слове **ХВАТАТЬ** имеется отсылочная статья «**Кондрашка хватит, хватил** — см. кондрашка». Решение вполне оправданное, поскольку апеллятив *кондрашка* в иных контекстах не используется. Но СС-анализ показывает, что в современных текстах и блогосфере *кондрашка*, как правило, имеет женский род; кроме того, с *кондрашкой* в этом выражении успешно конкурирует *кондратий* (см. Табл. 2).

Таблица 2

	«Классика»	Журн. проза	«Самиздат»	Блоги, М., 2008
<i>хватить /3 кондрашка</i>	15	37	377	338
в т. ч. муж. род	7	1	11	20
в т. ч. жен. род	1	9	198	179
<i>хватить /3 кондратий</i>	1	29	256	945
<i>хватить /3 кондрат</i>	0	5	28	71

История фразеологизма выявляется вполне отчетливо: в XIX веке в качестве «действующего лица» преобладал *кондрашка*, лишь изредка относимый к женскому роду⁴; не позднее конца столетия он начинает именоваться полным именем *Кондратий*⁵, и в течение XX века эта номинация в литературных текстах используется все чаще. В понимании сторонников пренебрежительного варианта *кондрашка* за XX век он постепенно превращался в таинственную сущность женского пола. В наши дни в письменном узусе частота упоминания *кондратия* и *кондрашки* (ж. род.) оказывается сопоставимой. Как только возникла систематическая фиксация узуса, близкого к устному, выяснилось, что в нем заведомо преобладает почтительное *Кондратий*; не исключено, что такое положение вне письменного узуса существует достаточно давно. В современной журнальной прозе в этом выражении появилось имя *Кондрат*, этот вариант достаточно употребим и в блогах. Вполне очевидно, что в словарной форме фразеологизма должны фигурировать варианты *кондрат(ий)* и отмечаться женский род *кондрашки*.

Довольно заметное число фразеологизмов содержит сравнительный оборот; набор вводящих их союзов в словарях различен, при этом различия не всегда коррелируют с

³ Можно предположить, что причина — в эволюции языковой картины мира современных носителей русского языка, в массе своей — городских жителей, которые если и видят теленка, то из окна автомобиля, стиль же поведения этого экзотического животного остается им неизвестным; способы выражения восторга щенком, напротив, знакомы хорошо.

⁴ Ср.: Иван Петрович в один прекрасный день переселился к прадедам от кондрашки, котораяхватила его именно в то время, когда он уже готовился узреть своего недруга в собачьей шкуре, сидящего на цепи около собственной подворотни (Одоевский. Ворожеи и гадалышки; 1868).

⁵ Идешь и таращишь глаза на «Скандал в благородном семействе» или на какую-нибудь «Мотю», аплодируешь по приказанию супруги и чахнешь, чахнешь, чахнешь и каждую минуту ждешь, что вот-вот тебя хватит кондратий (Чехов. Трагик поневоле, 1889).

узусом. В Табл. 3 представлен заголовочный вид ряда фразеологизмов такого типа в словаре под ред. А. Н. Тихонова и частотность вариантов с разными союзами в классической и современной авторской литературе и разных подсегментах блогосферы.

Таблица 3

	«классика»	Журн. проза	блоги
Как, будто, словно в воду глядеть, смотреть			Москва, 2008
<i>как ... глядеть (смотреть)*</i>	10 (0)	178 (32)	662 (79)
<i>словно ... глядеть (смотреть)</i>	0 (0)	5 (1)	5 (1)
<i>точно ... глядеть (смотреть)</i>	0 (0)	1 (0)	0 (0)
<i>будто ... глядеть (смотреть)</i>	1 (0)	1 (0)	0 (0)
<i>как будто ... глядеть (смотреть)</i>	0 (0)	0 (0)	1 (1)
(Точно, словно, будто, как) воды в рот набрал			Все
<i>как ...</i>	11	15	[1082]
<i>словно ...</i>	9	12	207
<i>точно ...</i>	11	1	7
<i>будто ...</i>	1	8	107
<i>как будто ...</i>	0	1	92
Как, словно, будто в воду канул			Все по 2008 вкл.
<i>как... кануть</i>	90	81	876
<i>словно... кануть</i>	37	8	56
<i>точно... кануть</i>	23	0	1
<i>будто ... кануть</i>	2	3	30
<i>как будто... кануть</i>	4	1	6
(Как) гора с плеч (свалилась, упала) [поиск велся без глагола]			Москва, все
<i>как гора с плеч</i>	18	9	547
<i>словно гора с плеч</i>	7	3	40
<i>точно гора с плеч</i>	10	4	3
<i>будто гора с плеч</i>	0	6	28
<i>как будто гора с плеч</i>	3	3	50
(Как, словно, точно и т. п.) из-под земли; из-под земли вырасти			Все
<i>как...*</i>	53	117	612
<i>словно...*</i>	40**	43	277
<i>точно...*</i>	44**	5	25
<i>будто...*</i>	5	20	59
<i>как будто...*</i>	6	7	27
<i>как бы...*</i>	7	0	2
(Как, словно, точно и т. п.) сквозь землю проваливаться/провалиться			Москва, все
<i>как ... провалиться</i>	22	81	399
<i>словно ... провалиться</i>	22	10	24
<i>точно ... провалиться</i>	21	1	5
<i>будто ... провалиться</i>	5	12	17
<i>как будто ... провалиться</i>	1	0	17
(Как, словно, точно и т. п.) с цепи сорвался			М., 2006-08
<i>как ... сорваться</i>	7	59	[1006]
<i>словно ... сорваться</i>	12	28	106
<i>точно ... сорваться</i>	17	4	8
<i>будто ... сорваться</i>	0	10	38
<i>как будто ... сорваться</i>	4	1	61
<i>как бы ... сорваться</i>	1	0	3

* Все поиски с глаголами велись на расстоянии «/3» от сравнительного оборота.

** По литературным текстам — с учетом соположения с *явиться, вынырнуть, выскочить, очутиться* и др. редко встречающихся глаголов, а также безглагольных фраз; по блогам — только с глаголом *вырасти*.

*** 16 *словно* и 11 *точно* — в текстах Л. А. Чарской.

Как видим, в качестве основного варианта фразеологизма в словаре может фигурировать заведомо не самый частотный (*точно воды в рот набрал*), но не это главное: в конкретных фразеологизмах частотность использования различных союзов в классической и современной литературе нередко различается.

Таблица 4

"Как..." vs. "точно..." в разных сегментах

Поисковый запрос	«Классика»	Журн. проза	«Самиздат»	блоги, Москва, 2006—2008
"...в воду" /3 кануть	90/23	81/0	840/6	208/1
"...воды в рот" /3 набрать	11/11	15/1	203/7	147/1
"...с цепи" /3 сорваться	7/17	59/4	637/9	742/6
"...гора с плеч"	18/10	9/4	73/0	394/2
"...гора с плеч" /3 свалиться	8/6	2/2	23/0	42/0
"...сквозь землю" /3 провалиться	20/21	79/1	1109/4	275/3
"...из-под земли" /3 вырасти	43/32*	32/2	364/20	79/4

* 11 *точно* — в текстах Л. А. Чарской.

Результаты довольно поучительные. В классической литературе в выражении *...с цепи сорваться* более частотным был союз *точно*, в *...сквозь землю провалиться* и *... воды в рот набрать* союзы *как* и *точно* были в равной степени употребимы, еще в трех фразеологизмах союз *как* выступал чаще, но о заметном преобладании можно говорить лишь в отношении выражения *как в воду кануть*. В современной профессиональной литературе союз *точно* в этих оборотах явно устаревает. Сопоставление литературных сегментов как целого и блогосферы как приближения к устному узусу объективно показывает, что одни фразеологизмы тяготеют к письменному использованию (*как из-под земли вырасти*), другие являются яркой приметой повседневного дискурса (*гора с плеч*, *как с цепи сорваться*).

Приближенность узуса блогосферы к обиходному устному позволяет использовать сегментно-статистический метод и для выявления качественных различий в сочетаемости между письменным и устным вариантами языка, ср. статистику Табл. 5.

Таблица 5

Поисковый запрос	Блоги Москвы, 2007—2008	«Самиздат»
"гора с плеч"	[1002]	537
"гора с плеч" /3 свалиться	118	183
"как гора с плеч"	264	74
"как гора с плеч" /3 свалиться	29	23
"прям(о) гора с плеч"	126	30
в т. ч. "прям гора с плеч"	86	4
"прям(о) как гора с плеч"	20	1
в т. ч. "прям как гора с плеч"	12	0

Здесь бросается в глаза на только заметно более распространенное в блогосфере опущение глагола, но также существенное повышение частоты использования усилительной частицы *прямо*, особенно ее усеченного варианта *прям*, в толковых словарях не представленного.

Представляется, что статистически достоверные различия в частоте использования вариантов фразеологизма должны отражаться в дескриптивном фразеологическом словаре, при этом не может игнорироваться и диахроническая специфика.

К изучению системной метафоры (на материале метафоры родства в славянских языках)

Аннотация:

В докладе рассматривается одно из проявлений системной метафоры – метафорические микросистемы (комплексы), которые образуются в том случае, когда различные метафорические обозначения из одной тематической сферы получают взаимосвязанные, смежные денотаты (объекты номинации) или один и тот же денотат. Условие смежности (идентичности) объектов номинации вводит названия в объектный «контекст» – и тем самым позволяет более точно понять мотивы метафорической номинации, приводящей к образованию микросистем. Материалом для доклада послужила метафорическая лексика различных славянских языков и диалектов, образованная на базе терминологии родства. Выясняются функциональные, семантико-мотивационные и структурные особенности метафорических микросистем, при этом в ходе анализа учитываются такие параметры, как: характер денотатов и связи между ними; сфера функционирования метафорических комплексов; формальная выраженность элементов комплексов; прагматика номинативной деятельности (точка зрения говорящего); специфика отношений между элементами комплексов.

Постулатом современной семантики, пониманию которого на качественно новом уровне во многом способствовала деятельность Московской семантической школы во главе с Ю. Д. Апресяном, является положение о системной организации лексических значений естественного языка – как первичных, так и реализующихся в парадигмах лексем многозначных слов. Одним из проявлений лексико-семантической системности служит системная метафора. Системные метафорические переходы связывают различные тематические группы лексики: например, ботаническую терминологию и терминологию родства, соматическую лексику и наименования рельефа, орнитологическую лексику и обозначения детородных органов etc. [см. Толстая 2008: 188–203], при этом для понимания мотивов метафоризации требуется семантическая реконструкция разной глубины (в последнем примере наиболее глубинная). Насущна задача разработки инструментария, способствующего «прочтению» системной метафоры.

В частности, для оптимизации анализа можно предложить следующий ракурс: есть смысл ввести дополнительные условия для «принимавшей стороны» (кодируемых денотатов), специально рассматривая те случаи, когда различные метафорические обозначения из одной тематической сферы получают взаимосвязанные, смежные денотаты (объекты номинации) или один и тот же денотат. Это можно проиллюстрировать примерами соматической метафоры. Примеры на первый случай: русские диалектные названия деталей некоторых устройств при «сборке» могут дать «лицо» или «фигуру» человека – у мялки выделяются *рот, щеки, язык*; у улья – *голова, око, ухо*; у дома – *лицо, глаза, брови, лоб, череп*; у колокола – *тулово, оплечье, язык, уши, плащ, юбка* и др. Такое восприятие может подтверждаться текстами, ср. костр. «Человек как карбас: у карбаса каркас – у человека ребра, у карбаса корна <корма> – у человека зад, у карбаса носок – у человека голова, у карбаса крылья – у человека руки». Пример на второй случай: рус. диал. *плечико, локоток, палец 'ручка на черенке косы'*.

Таким образом, условие смежности (идентичности) объектов номинации вводит названия в объектный «контекст» – и тем самым позволяет более точно понять мотивы метафорической номинации, приводящей к образованию своеобразных микросистем

(комплексов, рядов). В подобных метафорических микросистемах семантическая связь названий отражает соположенность объектов номинации – их смежность (идентичность), включенность в одну ситуацию и т. п.

В докладе будут рассмотрены метафорические микросистемы, составленные терминами родства. Материал извлечен из диалектной (преимущественно) и литературной лексики славянских языков; в некоторых случаях используются также данные романо-германских языков. Привлечение фактов разных диалектов и языков делает необходимым уточнить принцип системности: с одной стороны, нарушается требование «моносистемной» системности, предполагающей установление регулярных отношений прежде всего в рамках синхронно функционирующего единого языкового идиома; с другой стороны, подразумевается иной уровень системности, опирающийся на семантический потенциал, заложенный в праславянском (индоевропейском) слове, наличие которого означает, что «строгое ограничение семантического анализа рамками одного языка (одной системы) нельзя считать оправданным» [Толстая 2008: 11].

Причины выбора для анализа «семейной» метафоры очевидны: код родства организован как прозрачная и четкая сетка отношений («старше – младше», «кровный – некровный», «мужской – женский»), что позволило Ч. Филлмору считать данную лексическую группу типичным представителем такой семантической структуры, как семантическая сеть [Филлмор 1983]. Высокая аксиологичность и древность соответствующей лексики обеспечивает регулярность вторичных номинаций, в которых эта «родственная сетка» закономерно преобразуется. Отсюда особая значимость кода родства для изучения системной метафоры: системность здесь характеризует не только особенности представления метафорических отношений, но и объект метафоризации. Метафорические значения могут быть основаны, во-первых, на качественной, во-вторых, на относительной (релятивной) составляющей семантики терминов родства, которые являются подклассом «универсального класса имен релятивной семантики» [Журина 1979: 250]. В первом случае учитываются признаки «главный, основной» (для *матери*, *отца*), «плодовитый» (для *матери*), «носящий траур» (для *вдовы*), «злой» (для *свекрови*) и др. Во втором случае реализуются признаки, выражающие связи между родственниками: к примеру, связи по старшинству могут быть переосмыслены в отношении «раньше – позже», «больше – меньше»; градация по внутрисемейной близости отражается в признаках «ближе – дальше», «вместе – отдельно» (ср. пример из народной топонимии: камни *Братья* в Прикамье стоят рядом, а камень *Дядя* расположен поодаль). Качественные и релятивные признаки различным образом проявляют себя при метафоризации: иногда учитывается какой-то один тип признаков, иногда оба одновременно, но с разной степенью участия в формировании каждого отдельного метафорического значения.

Ниже будут рассмотрены функциональные, семантико-мотивационные и структурные особенности метафорических микросистем. В ходе анализа будут учитываться такие параметры, как: • характер денотатов и связи между ними; • сферы функционирования метафорических комплексов; • формальная выраженность элементов комплексов; • прагматика

номинативной деятельности (точка зрения говорящего); • специфика отношений между элементами комплексов.

I. Рассмотрим ситуацию, когда метафорические микросистемы составлены обозначениями одной и той же реальности (или однотипных реалий). В случае семейной метафоры в основу таких обозначений положены образы различных «родственников», при этом актуализируются качественные признаки объекта (для проявления относительных признаков здесь нет базы, поскольку нет денотативного ряда – и следовательно, повода для номинативного осмысления связей между денотатами). Образы родственников, приложимые к одному денотату, образуют микросистемы, которые могут включать в себя одноплановые образы или же разноплановые, основанные на учете различных свойств денотата. Проанализируем каждый из этих случаев.

Если метафорический комплекс составлен обозначениями из одного образного ряда, то в них оказываются отраженными сходные мотивационные признаки (при сходном угле зрения на объект номинации). Например, звездное скопление Плеяды содержит множество мелких звезд, которые расположены «сгруппировано», близко друг к другу, отсюда образ семьи в целом или же тех ее членов, которые ассоциируются с идеей однородного множества – сестер, братьев, сыновей, «баб»: рус. арх., свердл. *Семейка (Попова Семья)*, влг. *Семь Сестер*, арх. *Братки*, сев.-рус. *Бабы*, серб. *Влашки синовии*, польск. *Siedem braci, Baby, Babeczki, Babki*, чеш. *Báby*, укр. *Баби*.

При номинации таких строительных конструкций, как подставки с отверстиями, куда вставляются различные детали, используются образы из женского ряда, за которыми стоит эротическая ситуация (закрепление детали в отверстии воспринимается как совокупление): болг. *невѣста* ‘деревянная подставка для газовой лампы’, слвц. *nevesta* ‘подставка для ручки’, рус. арх. *девка* ‘подставка (на барках) с отверстием, в которое вставляется длинное весло’, сев.-рус. *маточка* ‘часть грабель, куда вставляются зубья’, польск. *matka* ‘кусочек дерева с выемкой, на который кладется и обрабатывается какая-л. деревянная заготовка’, *babka* ‘головка *dziadka* – столярного приспособления для закрепления обрабатываемого дерева’. Мотивационно близко к этим фактам также рус. волгогр. *девка* ‘чулок, связанный без пятки’.

Растение *Viola tricolor* (анютины глазки) «притягивает» образы «неполноценных» родственников – не имеющих (потерявших) пару, некровных. Это мачеха (серб. *maħaha, maħaxица, maħуха*, словен. *mačeha*, польск. *macoszka*, чеш. *maceška*, слвц. *macoška*, н.-луж. *macoška*), сирота (серб. *сирота, сиротица*, словен. *sirotica*, чеш. *sirotka*, н.-луж. *syrotka*), вдова (серб. *удовица*, польск. *wdówka*), холостяк (болг. *засмян ерген* [смеющийся холостяк]); ср. также англ. диал. *stepmother* [мачеха]. Интересную вариацию образа дает итальянский язык, в котором фиксируется название *suocera e nuora* [свекровь и невестка]. По версии В. Махека, растение получило свое название за то, что оно остается «в одиночестве» в сентябре и октябре в полях, с которых все уже убрано. Более вероятным нам видится другое объяснение: у этого цвета своеобразное расположение лепестков – четыре лепестка образуют пары, а один является

непарным, – отсюда образ мачехи, сироты и т. п. Кроме того, цветок зачастую имеет темную (фиолетовую) окраску, – а в языковом образе вдовы и сироты значим признак темного цвета.

Еще один пример – наименования висячей или неполной концевой строки, выделяющейся этой неполнотой из общего ряда. В различных европейских языках в жаргоне типографских работников и полиграфистов она называется «вдовой», «сиротой» или «внебрачным ребенком»: рус. *вдова*, *сирота*, польск. *wdówka*, *sierotka*, чеш. *sírotek*; ср. также англ. *orphan* [сирота], *widow* [вдова], исп., итал. *bastardo* [бастард].

Встречаются и такие случаи, когда в системе метафорических обозначений одного объекта прослеживаются разные ряды образов (нередко противопоставленных друг другу). Складывается парадоксальная, на первый взгляд, ситуация: один и тот же объект получает названия, в которых отражены образы, входящие в оппозицию по какому-либо признаку (мать – дитя, дед – внук и др.). Это становится возможным потому, что объект номинации подвергается разноаспектному рассмотрению, со сменой точки зрения, позиции номинатора. При этом могут выделяться различные свойства объекта – как взаимосвязанные, так и нет.

Наиболее типичная для этой группы метафорическая ситуация – «схватывание» в номинациях разных стадий динамично меняющихся явлений. Примером могут служить названия вегетативных частей растений (почек, усов и др.), которые одновременно могут рассматриваться как «родители» и как «дети»: чеш. *matizna*, рус. костр. *деточка* ‘почка’; рус. краснаяр. *дедок*, перм. *сынок* ‘усик растения’; болг. *мáйка*, рус. влг. *детки*, *близняшки* ‘сдвоенный колос’. Такое рассмотрение отражает преемственность процесса порождения: почка – «дитя» растения и вместе с тем – источник новой жизни.

Интересны также обозначения пены на поверхности напитков. Здесь представлены, с одной стороны, «молодежные» образы (рус. костр. *дétинка*, влг. *мóлодь*, влад. *молодость* ‘пена на пиве’ и др.), а с другой – образы матери и бабы (рус. ср.-урал. *матка* ‘пенка при варке варенья’, словен. *očetna mática* ‘пена на поверхности алкогольных напитков, когда они идут на укус’, рус. арх. *бабка*, польск. *babka* ‘пенка на кипяченом молоке’). Появление «молодежных» образов объясняется ферментационными свойствами напитков – пена «порождается» в процессе брожения (ср. также реализацию обратной модели: рус. влг. *пенка* ‘последний ребенок в семье’). Образ бабы и матери мотивирован тем, что пена может трактоваться не только как результат ферментации, но и источник последующего брожения и «сгущение» свойств продукта. Кроме того, пенка на молоке естественно связана с образом кормящей женщины, матери (ср. мотивацию запрета есть много пенок от молока – рус. костр. «Рано вырастут большие титьки»).

Циклично сменяющие друг друга стадии процесса таяния снегов отражены в названиях позднего весеннего снега. Такой снег может восприниматься как новый, «свежий», выпадающий тогда, когда основной снежный массив «постарел», – и в этом случае он кодируется с помощью образа внука (в противопоставлении давно выпавшему снегу – «деду»), ср. рус. влг. *внучек* ‘поздний весенний снег’, *дед* ‘старый слежавшийся снег’, а также польск. *dziadowski* [дедовский] ‘о снеге: такой, который выпал первым или немного позднее’. Пара

внук – *дед* часто встречается в составе фразеологизмов: рус. арх., костр., коми-перм. *внук* (*внучек*, *внучатка*) *за дедкой* (*дедушкой*) *пришел* (*идет*, *пошел*, *валит* и др.): «Старый дед лежал, а потом накурило, внучек за дедкой пришел», «Внук за дедушкой идет – пословица такая старинная: внук уйдет и дедушка за собой уведет». Если изменить точку отсчета на оси времени, то «дедом», наоборот, можно считать поздно выпавший снег: рус. костр. *дедок* ‘о позднем снеге’. Иной вариант разворачивания метафоры – привлечение образов мачехи и пасынков: рус. арх. *мачеха за пасынками пришла* ‘о последнем весеннем снеге, уносимом рекой с берегов’, карел. *пасынок* ‘льдина, оставшаяся после ледохода на берегу’: «Пасынки – это льдины на берегу которые остаются, за ними вода обратно придет». Возможность разного рассмотрения этих явлений в аспекте «порождения» одного другим отмечена в загадках: рус. «Мать меня рождает, а я – ее» (вода и лед), «Сперва я тебя рожу, потом ты — меня; можно тебя назвать моей дочерью и матерью» (лед).

Эти примеры отражают незамкнутость, цикличность процесса порождения, который может быть рассмотрен как со стороны порождаемого, так и со стороны порожденного.

Иногда разные образные ряды запечатлевают не связанные друг с другом свойства реалии. Рассмотрим обозначения растения репейник (чертополох). Способность репья цепляться за одежду привлекает образы таких членов семьи, у которых нет пары (или вообще семьи), но есть стремление ее обрести: рус. шир. распр. *вдовец*, серб. *заручница* [невеста], чеш. *snoubenec* [жених], словац. *sirota* (ср. также англ. *bastard*). «Любвеобильность» репья, способность «приставать» ко всем без разбора отражена и в рус. яросл. *любим*. В то же время у репья есть другое яркое свойство – колючесть, благодаря которому репей «притягивает» образы мачехи, свекрови, тещи: рус. твер. *мачеха*, чеш. *tchyně* («теща»), словац. *svokra* (ср. также рус. поговорку «Золовушканы речи репьем стоят»). Растение осыпается, становясь белым и «лохматым», – и это его свойство фиксируется в образах деда (дяди): рус. шир. распр. *дед*, *дедок*, польск. *dziad*, болг. *чичёк*, *чичка* [дядя].

Особо следует остановиться на очень редкой, но не менее любопытной номинативной ситуации: различные метафорические обозначения одной и той же реалии основываются на одном и том же мотивационном признаке, но даны от лица различных субъектов, – и, соответственно, функционируют в речи разных коллективов. Так, растение с длинными (острыми) листьями или колючками (вид кактуса?) в болгарских говорах называется *невестин език* (в речи старших женщин, свекровей) и *свекрвин език* (в речи молодых женщин, невесток).

II. Наиболее благоприятные условия для проявления собственно системной метафоры создаются тогда, когда **семантически связанные обозначения фиксируются у различных смежных реалий**. Появляется база для сопоставления объектов, поэтому при номинации, наряду с их качественными признаками, актуализируются относительные (и иногда их роль более существенна).

Сначала упомянем о «нулевом» проявлении описываемой ситуации: для обозначения различных смежных объектов используется один и тот же образ, вместо семантической связи наименований имеет место их идентичность. Мы вновь сталкиваемся с ситуацией, когда первостепенную роль при создании и восприятии номинативной единицы играет

прагматический фактор (позиция говорящего). Примером могут служить славянские обозначения берега реки и ее русла, образованные от слов со значением 'мать'. Если смотреть на сушу с реки, то берег сопоставляется с матерью, поскольку это основная, устойчивая и населенная часть пространства: рус., укр. литер. *материк*, рус. арх., олон., тобол. *материк*, арх., олон. *матерá* 'высокий берег реки или моря; берег, который не заливается и почва которого не наносная', блр. *мацярык* и др. Этот же образ возникает при взгляде «изнутри» речного пространства на фарватер реки, ее русло – но в отличие не от суши, а от речных рукавов: рус. сиб. *матерáя* 'основное русло реки в отличие от рукавов', арх., влг., перм., сиб. *матерáя*, кемер., заурал. *матка*, арх., оренб., перм., сиб. *матерíк* 'фарватер реки', ст.-укр. *матка* 'русло реки', серб. *мѣтичиште* 'средняя, наиболее глубокая часть речного русла', болг., макед. *матка* 'русло, середина реки', ст.-польск. *macica* 'основное русло реки' и др.

В «ненулевых» ситуациях за смежными объектами закрепляются различные образы родственников.

Изучаемые метафорические комплексы могут иметь **разные сферы функционирования**. С этой точки зрения выделяются моносистемные и полисистемные комплексы.

Моносистемные комплексы являются гомогенными, их элементы функционируют в одной локальной языковой традиции или языковом идиоме (и, соответственно, могут быть представлены в одном контексте). Простейший пример – названия растений типа *мать-и-мачеха* или *жених-невеста*, *иван-да-марья* (с многочисленными иноязыковыми параллелями). Здесь микросистема «уложила» в одну номинативную единицу, в которой отражено сопоставление поверхности растений (гладкость / шершавость = мать / мачеха) и их цвета (синий, голубой / розовый, белый = жених / невеста).

Идеальной моделью «семейственности» служат названия пальцев руки. Пальцы обладают ярчайшим признаком «совместности», но дифференцируются по размеру и функциям. Ср. рус. арх. *бабка*, *мати*, *тата*, *сынок*, *дочи* 'соответственно большой, указательный, средний, безымянный пальцы руки и мизинец': «Мати, тата, сынок, дочи, а бабка самая толстая, как за старшую у их»; чеш. диал. *táta*, *máma*, *dědek* 'соответственно большой, указательный и средний пальцы руки': «Palec je tátou, ukazovač mámou, prst střední dědkem».

Полисистемные комплексы – междиалектные и межъязыковые, «рассыпанные» по разным языковым идиомам. Их приходится «собирать», реконструируя отношения между элементами. Полисистемные комплексы нередко продолжают, расширяют моносистемные.

В качестве примера можно привести обозначения алкогольных напитков и различных компонентов ситуации их приготовления. Крепкий неразбавленный самогон представляется «главой семьи» (рус. арх. *отéц*, влг. *тятька*, блр. *дзядок*), в то время как разбавление напитков трактуется как их женитьба, ср. рус. арх., сарат., куйб., волгогр. *женить* 'разбавить водой (квас, пиво и др.)', пск., твер. *сосв́ататься* 'прокиснуть (о щах, супе)', чеш. *ženit víno (křtit víno)* 'разбавлять водой', болг. *венчая се* 'изменяться вещественно (о продуктах в одном блюде); ср. также англ. *marry* 'то же'. Смесь более сильного и слабого напитка – «отец и мать» (польск. *tata z matom* 'спиртное, разбавленное соком'), – а сам слабый, разбавленный напиток – это и

«сын», и «пасынок» (рус. арх. *сын, пасынок* ‘самогон второго разлива’), и «баба» (влг. *бабонька* ‘пиво, разведенное водой’), и «зять» (рус. коми-перм. *зятьево пиво* ‘при изготовлении пива: жидкий слив сусла’). Элементы этих микросистем «разбросаны» по разным языкам, но иногда некоторые из них «скапливаются» в одном контексте: рус. арх. (о самогоне) «Сам-то отец, а женишь – сын будет». В терминологии женитьбы может осмысляться не только разбавление напитков, но и добавление в них закваски, ср. рус. башк. *женить* ‘добавить в квас сахара и муки’. Собственно сахар может восприниматься как парень, жених, ср. польск. *chłop* [парень, «кавалер»] ‘сахар’, а напиток без сахара трактуется как вдова: словен. *vdova* ‘горчащий напиток’. Возможно, близкая модель лежит в основе исп. *madrastra* [мачеха] ‘алкогольный напиток амарга’. Связи между обозначениями напитков и родственников обратимы, ср. обратную модель: рус. литер. *седьмая вода на киселе*, ср.-урал. *двоюродный кисель на троюродной воде*, твер. *десятая (седьмая) водина на квасине (на дробине)* ‘о дальнем родстве’.

По **формальной выраженности элементов** можно выделить семантические комплексы с эксплицитной выраженностью элементов и комплексы с немаркированным элементом.

Рассмотренные выше примеры («пальцы», «алкогольные напитки» и др.) иллюстрируют первый случай – комплексы с эксплицитной выраженностью элементов. Это полные, «симметричные» в плане формальной представленности микросистемы. Комплексы с немаркированным элементом («нулевым партнером») являются неполными, в них формальное выражение может находить лишь один член пары (триады и проч.), однако его семантика апеллирует к «партнеру» по микросистеме, требуя его мысленного восстановления. Так, болг. диал. *невяста* является обозначением груза на рычаге, который поддерживает верхнюю доску поддувала всегда поднятой. Здесь эротическая метафора: формально не выражен «жених» – поднятая верхняя доска.

Рус. забайк. *детёныш* – название сруба для очистки воды в колодце, который имеет меньший размер, чем основной сруб. Этот образ содержит отсылку к образу матери (так мог бы представляться основной сруб, в «животе» которого находится детеныш), однако последний не поименован.

Показательны также названия различных реалий, в основу которых положен образ мачехи. В рус. печор. *мачехина береста* ‘березовая кора, вновь выросшая на ободранном месте ствола’, арх. *мачехино берёсто* ‘шероховатый слой древесины под берестой’ отражено неявное сравнение с «матерью» – гладкой и «исконной» древесиной; соска-пустышка (рус. смол. *мачеха*) получает свое обозначение «в паре» с материнской грудью; ср. также франц. *marâtre* [мачеха] ‘кольцевая балка для передачи давления кладки и холодильников шахт на опорные колонны доменной печи’, за которым стоит «материнский» образ опорной колонны, и англ. диал. *stepmother* [мачеха] ‘кусочек кожи, торчащий на краю ногтя, заусеница’, исп. *padrastra* [отчим] ‘то же’, подразумевающие образ неповрежденного «материнского» ногтя (интересно, в рус. костр. говорах заусеница может называться *вдовьим ногтем*).

В том, как язык выбирает формально выраженные элементы таких комплексов, просматриваются определенные закономерности. Во-первых, нередко такую роль играют слова, называющие детей: в «детских» образах релятивная составляющая гораздо активнее, чем в

образах отца или матери (где сильным является и качественный признак). Во-вторых, зачастую на эту роль выбираются названия родственников, чьи семейные связи нарушают норму (вдова, мачеха, сирота): «нормативные» родственные отношения могут быть образно переосмыслены в приложении к слишком большому числу объектов действительности, – и такие номинации не имели бы различительной силы.

Еще одна грань рассмотрения метафорических комплексов – анализ типов **смысловых отношений между их элементами**. Кажется, материал позволяет выделить четыре основных типа, которые мы условно назовем комбинацией, градацией, дополнительностью и вариацией.

Комбинация предполагает видение элементов комплекса как деталей картины, элементов сценария, которые не сравниваются между собой по какому-то основанию, а комбинируются воедино, дополняя друг друга.

Примером служат названия элементов запоров, застежек, креплений и др. Ключ и скважина, петелька и крючок, задвижка и скоба, в которую она вставляется etc., воспринимаются в свете эротической метафоры: польск. *babka – dziadek*, словц. *babka – dedko* ‘петелька и крючок’, рус. арх. *дед – баба* ‘соответственно верхняя и нижняя планки крестовины’, польск. *dziad* ‘деревянный засов’: «*Dziad babe gruchoce, babie się nie chce. Dziad babe za cialo, babie się zachcialo*» [Дед бабу трясет, баба не хочет, дед бабу за тело, баба захотела]; ср. рус. костр. *холостой* ‘не закрытый на ключ (о замке)’ а также нем. *Bastardschloß* [‘внебрачный’ замок] ‘замок с обратной пружиной’. Сходные образы представлены в жаргонных наименованиях штепселя и розетки (и других соединяемых вместе электротехнических устройств), ср. рус. *папа с мамой* и др. «Перевод» этих образов на «язык» алкогольных напитков даст описанные выше примеры (типа польск. *tata z matom* ‘спиртное, разбавленное соком’).

Отношения комбинации можно усмотреть также на уровне «мать – дитя». В качестве примера можно привести рус. костр. *матка* ‘чехол матраса’ (не без притяжения *матрас ↔ мать*) – *сынок* ‘набивка матраса’: сынок находится в «животе» матери.

Градация – такой вид отношений внутри комплекса, когда они сравниваются по какому-то градуируемому признаку (по размеру, весу, интенсивности и проч.). «Родственники» могут выстраиваться в своеобразные цепочки, в которых с отцом или дедом связывается высокая степень проявления признака, а с женской или детской частью семьи – более низкая. Градация по весу представлена триадой рус. ср.-урал. *дед, баба, девка* ‘обозначения ломов разной тяжести’. Градацию по размеру мы видели на примере названий пальцев; она нередко наблюдается в топонимии – в обозначениях расположенных рядом гор, скал и проч. Ср. контекст, содержащий описание камней на архангельской реке Тундийке: «Там было три камня: *Дед, Брат* и *Внук*. Весь форватер закрывали. *Дед* был большой, очень большой. *Брат* был поменьше и пониже, а *Внук* плоский такой был». Градация по интенсивности усматривается в обозначениях мороза разной силы: словен. *mačehovska zima* ‘очень холодная’ – рус. простореч. *сиротская зима* ‘теплая зима’, хорв. *sirotińsko leto* ‘осенью или зимой, когда лучше погода’; польск. *dziadowski mróz* ‘о первом периоде зимы, наиболее холодном’ – *babin mróz* ‘слабый октябрьский мороз’.

О дополнительной речь может идти тогда, когда между элементами комплекса взаимоисключающие отношения. Примером служит упомянутое выше название *мать-и-мачеха*.

В а р и а ц и я – такой вид отношений внутри комплекса, когда происходит «холостое» варьирование взаимосвязанных названий, которое не отражает (или отражает минимально) реальное соотношение номинируемых объектов. Смежные денотаты получают связанные наименования (если есть «баба», то рядом должен быть «дед»), подчиняясь логике ассоциативного притяжения, не подкрепленного сверкой с объектным рядом (конечно, это не отрицает возможности приписывания объектам каких-либо связей при переосмыслении названий). К примеру, указывавшееся выше обозначение Плеяд – польск. *Babki* – мотивировано признаком «скученности» звезд в созвездии. По ассоциации соседнее звездное скопление получает название *Dziadki* [деды]. Если учесть свойства объектов (два множества слабо светящихся звездных «точек»), то становится понятно, что дифференциация этих свойств в названиях невозможна. Здесь происходит своеобразное расщепление одного образа.

Выделенные типы отчасти накладываются на различные классификации системных отношений в лексике, оперирующие неметафорическими значениями слов. Так, градация сродни явлению контрарной антонимии, дополнительность – комплементарной антонимии. Частный случай комбинации (*сын*ок в животе *матери*) можно сравнить с отношениями части и целого. Вариацию можно считать метонимическим расщеплением на базе «синонимии». Рассуждая об этом, мы подходим к важному вопросу о соотношении неметафорической и метафорической системности, но, очевидно, решать его надо на более широком материале и не в рамках настоящего доклада.

* * *

Итак, изучение метафорических микросистем представляется полезным в разных отношениях.

Введение каждого слова, появившегося в результате метафорической номинации, в номинативный микроконтекст позволяет уточнить для них семантико-мотивационные решения, оптимизировать «прочтение» метафоры. Микроконтекст, как мы показали выше, может функционировать как на внутрдиалектном, так и на междиалектном уровне. В последнем случае, разумеется, есть риск неверной «сборки» комплекса и приписывания словам несуществующих связей. Чтобы избежать такой опасности, надо стремиться как можно более полно реконструировать комплекс, учитывая максимальное количество возможных партнеров изучаемых лексем.

Кроме того, открываются дополнительные возможности для характеристики особенностей устройства «донорской» лексической группы – системы терминов родства. Отметим только один момент: «сетевые» связи, которые заложены в исходной семантике терминов родства, настолько богаты и многомерны, что при метафорическом преобразовании они могут трансформироваться в различные другие типы семантических отношений,

предполагающие сравнение объектов по какому-то признаку, их противопоставление, «комбинирование» воедино, констатацию сходства их свойств.

Какая картина будет наблюдаться на материале других «донорских» лексических групп? Думается, что они тоже могут «порождать» метафорические комплексы, – хотя, возможно, не с такими разнообразными отношениями между их элементами (при этом сами типы отношений могут повторять то, что мы видели у «родственников», а могут добавить к этому списку что-то новое). Есть смысл это выяснить, выбирая для анализа те тематические группы, которые включают достаточно древние лексические единицы, отражающие разветвленные и хорошо осознаваемые связи между денотатами (такова, например, соматическая лексика).

Рассмотренные примеры метафорических переносов являются в большинстве своем нетривиальными, хоть и повторяющимися. Можно ли считать их регулярными? Думается, регулярны связи между сферами отождествления – «семейной» лексикой, с одной стороны, и обозначениями строительных конструкций, растений, метеорологических явлений etc., с другой (к ним применимо положение о том, что «регулярные, но непродуктивные явления правилами порождения новых объектов по каким-то исходным описать нельзя. Можно лишь констатировать, что между данными объектами есть определенная семантическая связь» [Апресян 2009: 32]). Что касается собственно метафорических семантических микросистем, продолжающих, развивающих и варьирующих ту или иную метафору, то их трудно считать регулярными, поскольку при естественно складывающемся номинативном процессе – пестром и мозаичном – все время происходят «перебивы» какой-то одной номинативной линии. В то же время их появление обоснованно и закономерно, поскольку в этих комплексах делаются эксплицитными, проясняются связи между объектами действительности.

Литература

Апресян 2009 – Ю. Д. *Апресян*. Исследования по семантике и лексикографии. М., 2009. Т. 1: Парадигматика.

Журинская 1979 – М. А. *Журинская*. Об именах релятивной семантики в системе языка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1979. Т. 38/3. С. 249–260.

Толстая 2008 – С. М. *Толстая*. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.

Филлмор 1983 – Ч. *Филлмор*. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 14. С. 23–60.

Развитие предлога *отступя от*

Настоящая работа является частью исследования (Бирцер в печати), посвященного процессам грамматикализации и лексикализации, в которых задействованы различные деепричастные формы. Переход деепричастной формы в разряд предлогов обычно рассматривается как случай грамматикализации. В теории грамматикализации немалое внимание уделяется семантическим изменениям – особенно семантическому выветриванию – однако не хватает инструментария, позволяющего детально описать эти изменения. Настоящая работа представляет собой попытку применить инструментарий Московской семантической школы к описанию семантических изменений при грамматикализации.¹

Отступя от представляет собой особый случай в нескольких отношениях. Во-первых, в словарях пока нельзя найти лемму *отступя от*, несмотря на то, что семантика формы *отступя от* значительно отличается от семантики производящего глагола *отступить* / *отступать*. Во-вторых, приближение данной формы к разряду предлогов (имел ли место переход, обсудим в конце работы) происходило весьма быстро: исходя из данных², полученных для второй половины XX века, *отступя от* следует рассматривать как вторичный составной предлог, в то время как в первой половине XX века можно найти употребления формы *отступя* без последующего вторичного предлога *от*, которые указывают на наречное употребление (два из всего 14 употреблений формы *отступя* в первой половине XX века являются наречными). Во второй половине XIX века эта тенденция развита еще сильнее (6 наречных употреблений из всего 17 употреблений). В первой половине XIX века, однако, *отступя* употребляется исключительно в функции деепричастия.

Отступя от представляет собой деепричастную форму глагола СВ *отступить*.

Современное состояние.

Семантика. Значением *отступя от* является ‘место’. Его можно толковать следующим образом:

отступя от

отступя от P, Q

‘Можно было подумать, что Q расположен непосредственно рядом с P. Q расположен на небольшом расстоянии R от P.’

Значит, *отступя от* отличается наличием модальной рамки и располагает тремя семантическими актантами P, Q, R.

Сначала рассмотрим модальную рамку. Ее наличие можно доказать сопоставлением следующих пар предложений: а) *Колокольни строили на небольшом расстоянии от церкви* vs. *Колокольни строили отступя от церкви*. и б) *Колокольни не строили на небольшом расстоянии от церкви* vs. *Колокольни не строили отступя от церкви*. Предложения пары а) можно рассматривать как синонимы, так как их смысл идентичен: ‘колокольни строились на небольшом расстоянии от церкви’. Отрицание в высказываниях пары б), однако, приводит к разнице в значении: значение первого высказывания можно описать как ‘колокольни строились либо непосредственно рядом с церковью, либо на большом расстоянии от церкви’, в то время как значение второго высказывания сводится к ‘колокольни строились непосредственно рядом с церковью’. Значение второго высказывания обусловлено модальной рамкой, составляющей компонент значения *отступя от*. Модальная рамка ‘можно было подумать, что Q расположен непосредственно рядом с P’ – как и пресуппозиция – противопоставлена ассерции ‘Q расположен на небольшом расстоянии R от P’. Отрицанию подвергается только ассерция; соответственно, высказывание *Колокольни не строили отступя от церкви* можно понять только как ‘колокольни строились непосредственно рядом с церковью’, так как модальная рамка и пресуппозиция исключают тот вариант, что колокольни находятся на большом расстоянии от церкви.

Переходим к обсуждению актантов *отступя от*. Синтаксически P представлен ИГ в родительном падеже, управляемой *отступя от*; Q – обозначением ситуации, а именно сказуемым с его актантами; R – если этот актант вообще имеет синтаксическое представление – наречием (2) или количественной группой (3).

(1) *Стоит дом (Q) отступя от улицы (P).* (Звезда, 2001)

¹ при этом мы ориентируемся на работу Э. Бабаевой (2006).

² источником всех данных и примеров является Национальный корпус русского языка.

- (2) *Колокольни (кампаниллы) расположены (Q), как правило, несколько (R) отступя от церкви (P).* (С.А. Еремеева. *Лекции по истории искусства* (1999))
- (3) ... *Верхняя граница сердца (рис. 7.1) находится на уровне верхних краев хрящей III правого и левого ребер, правая граница проходит от верхнего края хряща III правого ребра, отступя на 1-2 см за правый край грудины, вертикально вниз до хряща V правого ребра;* (Р. Самусев, Ю. Селин. *Анатомия человека* (2003))

Как мы изложили выше, одним указателем степени грамматикализации являются семантические роли актанта Р и первого актанта ситуации Q. Актанту Р можно приписать семантическую роль 'места'. В семантику всех имен, синтаксически представляющих семантический актант Р, также входит идея места (1-4).

- (4) *За соснячком лежал мишистый, весь в валунах пологий берег Легонтова озера. Бор начинался отступя от него, на взгорбке ...* (Б. Васильев. *А зори здесь тихие* (1969))

Актанту Q соответствует ситуация; ниже обсудим, какие семантические роли может выполнять первый актант ситуации Q.

Из предлагаемых в (Апресян ²1995: 125-126) и (Плунгян ²2003: 165-166) семантических ролей ни одна не подходит целиком к актанту R. Поэтому мы вводим новую семантическую роль – 'расстояние'. Она вводится по аналогии с отношениями между семантическими ролями 'срок', 'время' и 'количество', из которых «[п]онятие срока очевидным образом производно от понятий времени и количества (срок – это количество времени)» (Апресян ²1995: 129) – расстояние представляет собой количество пространства, а пространство является разновидностью места. В большинстве случаев, где R находит синтаксическое отражение, выступает наречие-квантификатор типа *несколько* (2), *немного* (5), *чуть* (6), которому присуща идея тяготения к минимуму. В количественных группах, состоящих из количественного квантификатора и единицы измерения времени, идея тяготения к минимуму представлена в количественном квантификаторе, т. е. в близком к нулю числе (3). Имя редко выступает как синтаксический актант R в метонимическом употреблении (7). *Переклик* как действие подразумевает, что один участник ситуации воспринимает ухом звук, изданный другим участником, и наоборот. При метонимическом употреблении *переклик* обозначает расстояние, которое преодолевает звук. Интересно отметить, что идея маленького расстояния сохраняется и в тех случаях, где R синтаксически не выражен (1; 4). Поэтому при изучении истории формы *отступя от* следует уделить внимание вопросу, обусловлено ли это явление тяготением формы *отступя от* к соответствующим контекстам.

- (5) *А немного отступя от чугулки, в чистом поле, ... царил Нестор Махно ...* (Октябрь, 2001)
- (6) ... *седоватые волосы росли у него чуть отступя ото лба, как бы добавляя его большому лбу еще немного лба.* (А. Рекемчук. *Мальчики* (1970))
- (7) *Отступя на полпереклика от Ярилиной Дороги, ... впрямь вот уже который день подряд рыли котлован да били сваи.* (Е. Лукин. *Катали мы ваше солнце* (1997))

Прежде чем обсудить значения глагола *отступить*, рассмотрим, какие семантические роли может выполнять первый актант ситуации Q. Этот вопрос важен потому, что при деепричастии прототипический первый актант ГЧ играет роль агенса или носит агентивные черты. Соответственно, особенно роль 'тема'³ у субъекта ГЧ, свойственная только неодушевленным первым актантам, указывает на то, что рассматриваемая форма уже не выполняет функцию деепричастия. В подавляющем большинстве случаев первый актант ситуации Q имеет семантическую роль темы (1-4; 6). Второе место по частотности занимают неопределенно-личные предложения (7-8); одушевленные первые актанты – редкость (5).

³ Поскольку термин *тема* понимается по-разному, коротко изложим, как мы употребляем его. Одни школы рассматривают тему как семантический актант глаголов речи (*Миша рассказал о Пете*, где *Петя* – тема), в то время как другие школы определяют тему для обозначения участника ситуации, который создает данную ситуацию, не контролируя ее и не претерпевая изменений в ходе ситуации. Второго определения также придерживается зарубежная лингвистическая литература (см. обзор семантических ролей Van Valin 2005: 53-60). Поэтому мы также употребляем термин *тема* для обозначения участника, который создает данную ситуацию, не контролируя ее и не претерпевая изменений в ходе ситуации.

- (8) *В 1804 году при игумене Арсении обветшавшую церковь Святителя Николая, стоящую рядом с Вознесенским собором, разобрали и построили вновь, отступя от собора, с братской трапезой и кухней внизу. (Журнал Московской патриархии, 2004)*

Переходим к обсуждению значений глагола *спустить*. Выделяются пять лексем.

Значение лексемы *отступить 1* можно описать как ‘шагнув назад, отойти, отодвинуться’.⁴ В нем можно обнаружить идею перемещения. *Отступить 1* обозначает действие и обладает тремя семантическими актантами: *X отступил от Y-а на Z*. X-у присуща семантическая роль агенса (9-13). Поскольку *отступить 1* обозначает перемещение X-а, на первый взгляд хочется Y-у приписать семантическую роль начальной точки. Однако в исходной ситуации X находится не в Y-е, а в непосредственной близости от Y-а. Поэтому припишем Y-у семантическую роль места (9). Z имеет семантическую роль расстояния (10).

- (9) *Она (X) отступила от микрофона (Y) и низко, по-монашечьи поклонилась писателю в пояс. (И. Грекова. Летом в городе (1962))*
(10) *Тихо отступив на шаг (Z), он поднял голову к небу. (А. Варламов. Купавна (2000))*

Как отмечалось выше, в значение *отступя от* входит указание на небольшую величину расстояния между X и Y. Оказывается, что *отступить 1* тоже указывает на небольшое расстояние (9-13). Еще отметим, что содержание модальной рамки *отступя от* – Q находится в непосредственной близости от P – является исходной ситуацией для *отступить 1*, когда X находится в непосредственной близости от Y.

- (11) *... а третий, отступив слегка от своих товарищей, перешел к дверям двух остальных квартир. (П. Галицкий. Опасная коллекция (2000))*
(12) *И она исчезла, отступила на несколько шагов во мрак шахты и там растворилась. (Новый мир, №8, 1976)*
(13) *Хозяин ... гостеприимно отступил от двери, левой рукой указывая в глубь квартиры. (П. Галицкий. Опасная коллекция (2000))*

Значение лексемы *отступить 2* передается как ‘отодвинуться, расположиться на более далёком расстоянии от чего-л.’. Перемещение снова является центральной идеей. *Отступить 2* обозначает такие процессы перемещения в природе. Мы предлагаем три семантических актанта: X, Y, Z. X является темой (14; 15); Y приписываем роль места, Z – роль расстояния. Y и Z обычно не отражаются на синтаксическом уровне.

- (14) *Это было то время, когда ледники (X) отступили, климат смягчился, ... (Вокруг света, 2004)*
(15) *"... далеко отступило море (X) и розы оцепили вал, чтоб спящий в гробе Теодорик о буре жизни не мечтал"... (В. Катаев. Алмазный мой венец (1975-1977))*

Значение *отступить 3* можно описать как ‘отойти назад под напором наступающего неприятеля’. Данная лексема обладает тремя семантическими актантами: *X отступил от Y-а на Z*. X – агенс, причем X может быть как обозначением отдельного человека, так и совокупности людей (армия). Поскольку в исходной ситуации X находится в месте Y, Y можно рассматривать как место, так и как начальную точку. Z имеет семантическую роль расстояния.

- (16) *Армия (X) отступила от линии фронта (Y) на 20 километров (Z).*
(17) *И тогда наша 21-я армия ... была вынуждена, во избежание окружения, отступить на юг, к Десне, ... (А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977))*

Лексема *отступить 4* представлена в примере (18). Значение этой лексемы толкуется как ‘начать писать не с края, а на некотором расстоянии от края’.⁵ Ситуация, передаваемая этой лексемой, напоминает форму *отступя от* в том смысле, что в обоих случаях наличия исходной ситуации, т. е. нахождения в определенной точке – можно ожидать, но на самом деле эта исходная ситуация не имеет места: в случае *отступя от* Q никогда не находился ближе к P, а в случае *отступить 4* начинают писать не с края, а сразу на некотором расстоянии от края. *Отступить 4*

⁴ если нет других указаний, описания лексем *отступить* взяты из БТС.

⁵ в отличие от толкований остальных лексем *отступить*, это толкование – наше.

располагает тремя семантическими актантами X, Y, Z. X является агенсом, Y имеет семантическую роль 'место', Z – роль 'расстояние' (18).

(18) *Отступите от края листа (Y) на три знака (Z).*

Лексема *отступить* 5.1 представлена в примере (19). Значение данной лексемы является переносным и толкуется как 'субъект как бы отступил 1 от своего намерения'. Значение *отступить* 5.1 основывается на идее перемещения, так как *отступить перед риском* можно перифразировать как 'не пойти навстречу риску'. *Отступить* 5 имеет два семантических актанта X и Y; X является агенсом, Y – причиной (19).

(19) *Она (X) отступит только перед риском (Y), перед действием.* (И. Анненский. *Вторая книга отражений* (1909))

Пример (20) иллюстрирует *отступить* 5.2. Значение данной лексемы можно перифразировать как 'перестать придерживаться чего-л., изменить чему-л.'. Снова имеем дело с переносным значением, базирующимся на *отступить* 1: в данном случае за перемещением можно следить не на географической карте, а в системе правил или ценностей. Первый семантический актант X носит агентивные черты, второй актант Y можно считать начальной точкой.

(20) *Изначально планка была поднята очень высоко, и (должна отметить это с удовлетворением) ни разу мы (X) не отступили от этого правила (Y).* (И. Архипова. *Музыка жизни* (1996))

Значение *отступить* 6 (21) можно описать как 'перенести внимание с основного на второстепенное; отклоняться от темы'.⁶ Данное значение также является переносным, в основе которого лежит *отступить* 1. *Отступить* 6 располагает двумя семантическими актантами: X носит агентивные черты, Y можно считать начальной точкой.

(21) *Директор (X) отступил от темы (Y) своего доклада.*

Отступить 7 (22) можно истолковать как 'стать менее сильным или исчезнуть; погаснуть'. Мы имеем дело с переносным значением (в основе снова лежит *отступить* 1) в том смысле, что при перемещении X больше не находится в начальной точке. *Отступить* 7 имеет только один семантический актант, который представлен именем, обозначающим абстрактное понятие.

(22) *Ярость отступила.*

Подводя итог этого раздела, можно отметить, что все лексемы *отступить* выражают идею перемещения либо в прямом, либо в переносном смысле. Кроме того, лексемы *отступить* 1-4 содержат указание на некоторую исходную ситуацию 'X находится в месте Y / рядом с местом Y', которая в случаях *отступить* 1-3 является реальной, а в случае *отступить* 4 – ожидаемой. Ожидаемость исходной ситуации лежит в основе модальной рамки, присущей форме *отступя от*. За исключением *отступить* 2 и 7, первые актанты всех глагольных лексем являются агенсами, в то время как при форме *отступя от* первым актантом ситуации Q может выступать и неодушевленный предмет. Отметим, что наличие актанта R придает форме *отступя от* признак деепричастия, так как указание расстояния типично для лексем типа *отступить* 1-4, в семантику которых входит идея перемещения, но не для (вторичных) предлогов со значением 'место' (23). Однако во второй половине XX века актант R реализуется только в двух из 11 примеров предложного употребления *отступя от*.

(23) **Он живет на сто метров рядом с / близко к метро.*

Синтаксис. Сферы действия формы *отступя от* по семантическим актантам P, Q, R лингвистически хорошо определены: СД по актанту P можно описать как именную группу в родительном падеже. СД по актанту Q образует сказуемое вместе с синтаксическими реализациями своих семантических актантов. Итак, определительная сила формы *отступя от* ограничивается определением исключительно ситуации; СД по актанту Q является фиксированной. СД по актанту

⁶ толкование БТС модифицировано.

Р является либо предложная группа (24), вводимая предлогом *на* и содержащая имя в винительном падеже, либо наречие (25). Поскольку актант Р управляется формой *отступя от*, мы приписываем ему номер 1. Актант Q получает номер 2, а актант R – номер 3, так как его реализация необязательна.

(24) *Отступя на несколько шагов (R) от мэрии (P) рыли котлован (Q).*

(25) *Колокольни (кампаниллы) расположены (Q), как правило, несколько (R) отступя от церкви (P).*
(С. Еремеева. *Лекции по истории искусства* (1999))

СД глагола *отступить* по всем семантическим актантам хорошо определены. В качестве примера берем *отступить 1* (26). СД по актанту X образует подлежащее, т. е. именная группа в именительном падеже. СД по актанту Y является предложная группа с вершиной *от*, СД по актанту Z – предложная группа с вершиной *на* или наречие с количественным значением.

(26) *Она (X) отступила от микрофона (Y) на шаг (Z).*

Морфология. В вышеописанном случае *спустя* переходу формы *спустя* в разряд предлогов способствовала специализация деепричастных суффиксов: вплоть до середины XIX века идет сужение парадигмы деепричастных суффиксов, и суффикс *–я* в сочетании с глагольной основой СВ употребляется только для обозначения форм, перешедших в разряд предлогов или входящих в состав фразеологического оборота, ср. *спустя рукава*.

Ситуация формы *отступя от* немного противоречит описанному развитию: на сегодняшний день форма *отступя* встречается также в деепричастной функции (27-29). Кроме того, употребление суффикса *–я* для образования деепричастия СВ не ограничивается лексемой *отступить 1* (27), где его появление можно считать аналогией с формой *отступя от*, так как данную лексему можно считать пунктом отправления формы *отступя от*. Суффикс *–я* также употребляется при других лексемах *спустить* (28-29). Однако следует отметить, что продуктивность суффиксов *–в* и *–я* при образовании деепричастия СВ глагола *отступить* различается: суффикс *–я* менее продуктивен; в подкорпусе НКРЯ второй половины XX века суффикс *–я* употребляется 11 раз, а суффикс *–в* 57 раз. Итак, в данном случае можно говорить о еще не совершившейся специализации суффиксов.

(27) *Он начал приподниматься, и тогда Зеботтендорф, отступя на шаг, сказал: работаем рекордный трюк!* (А. Лазарчук, М. Успенский. *Посмотри в глаза чудовищ* (1996))

(28) *Когда немцы в середине октября остановились от растяжки фронта и коммуникаций - самое было время и нам, в более узком кольцевом объеме, заняться тем же: подтягиванием людских сил, вооружений, боеприпасов, укреплении обороны - и мы могли бы встретить следующий удар немцев, в середине ноября, может быть почти бы и не отступя.* (А. Солженицын. *На краях* (1994-1995))

(29) *И затем, отступя, Ахматова заключает:* (Э. Герштейн. *Вблизи поэта* (1985-1999))

В данные 11 употреблений также входят 5 случаев, где рассматриваемая единица колеблется между функциями деепричастия и предлога (30-31). Колебание обусловлено тем, что первым актантом ситуации ГЧ выступает агенс. Поэтому оборот, содержащий *отступя от*, можно рассматривать как указание местоположения первого актанта, что соответствует предложной функции, а также как описание предшествующего действия, что соответствует деепричастной функции.

(30) *Во всю длину теста, отступя на 3-4 см от края, разложить фарш шариками по 5-6 г на расстоянии 2-3 см один от другого.* (Вкусный. *Что у нас на обед* (2000))

(31) *Если бы он стоял, отступя хотя бы на полшага, он, пожалуй, рискнул бы вскочить в седло, а далее уже можно было надеяться на четыре ноги аргамака.* (Б. Васильев. *Картежник и бретер, игрок и дуэлянт* (1998))

История формы отступя от.

Гипотезы. Основной идеей всех лексем глагола *отступить* является ‘перемещение’, а значением формы *отступя от* является ‘место’. Между этими идеями и значениями существует связь, так как перемещение предполагает нахождение в определенном месте. Можно сказать, что перемещение предшествует местонахождению или что местонахождение является результатом

перемещения. Напомним, что предшествование и результативность представляют собой два значения, которые способно выражать деепричастие СВ. «[Р]езультативом именуется форма, обозначающая состояние предмета, которое предполагает предшествующее действие», т. е. он сообщает «одновременно о состоянии и о предшествующем ему действии, результатом которого явилось это состояние.» (Недялков / Яхонтов 1983: 7) Реализация результативного значения обусловлена принадлежностью глагола к лексико-семантическому классу предельных глаголов (ср. Недялков / Яхонтов 1983: 6) и к субъектнорезультативным глаголам, куда входят глаголы, обозначающие движение тела и манипуляцию с одеждой (ср. Бирцер в печати). *Отступить* относится к предельным глаголам и обозначает движение тела.

Поэтому мы формулируем гипотезу, что форма *отступя от*, имеющая значение 'место', развилась из деепричастия СВ с результативным значением: *отступя от* обозначает состояние местонахождения Q, которое можно рассматривать как результат перемещения X. При этом мы имеем дело то с перемещением человека (*отступить* 1; 3), то с движением части тела (*отступить* 4) Если деепричастие выступает в значении предшествования, идея перемещения, основная для лексем *отступить* 1-3, находится на переднем плане значения деепричастия; при результативном значении деепричастия идея перемещения, как предшествующая состоянию ситуация, находится на заднем плане. Поскольку результативное значение 'состояние' – в данном случае это окончание перемещения – представляет собой исходный пункт развития значения 'место', при развитии предложной функции постепенно выветривается идея перемещения. Конкретно это означает, что при переходе актанта Y лексем *отступить* 1-4, обозначающего начальную точку перемещения X-а, в актант P формы *отступя от* семантическая роль данного актанта изменяется; новой ролью является 'место'. Соответственно, исходная для лексем *отступить* 1-3 ситуация 'X находится в месте Y' является одной из возможных ситуаций, которая, однако, неактуальна для формы *отступя от*. Поэтому она превращается в модальную рамку «предложной» ситуации 'Q находится на некотором расстоянии R от P-а'.

Рассмотрим, подтвердит ли материал нашу гипотезу. История формы *отступя от* коротка: в нашем распоряжении материал только двух веков.

Семантика. В первой половине XIX века в нашем материале встречается исключительно деепричастное употребление в значении предшествования. Следовательно, идея перемещения, основная для лексем *отступить* 1 (32), 2 (33) и 3 (34), находится на переднем плане значения деепричастия, т. е. ситуация, которая может обеспечить развитие предложной функции, еще не достигнута.

(32)... Зарецкой оглянулся и увидел подле себя кавалерийского офицера, который, *отступя шаг назад*, вскричал с удивлением: ... (М. Загоскин. *Рославлев, или Русские в 1812 году* (1830))

(33)Некоторая дикость носилась по всему лицу, грудь волновалась; я испугался и, *быстро отступя*, спросил с смятением: (В. Нарезный. *Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова* (1814))

(34)К счастью, Роге не имел с собою кавалерии, что способствовало Ожаровскому, *отступя в Кутково*, собрать отряд свой и привести оный в прежде бывший порядок, с минусом половины людей. (Д. Давыдов. *Дневник партизанских действий 1812 года* (1830-1835))

Во второй половине XIX века также встречаются деепричастия со значением предшествования (35-36). Более интересны, однако, примеры (37-40), так как их можно рассматривать как результативные деепричастия. Идея перемещения однозначно находится на заднем фоне деепричастного значения, так как деепричастный оборот обозначает местонахождение своего агентивного субъекта по отношению к существу или предмету из ГЧ (в примерах мы обозначили данное существо или предмет условным знаком (+)). Отсутствие начальной точки, которая обычно представляется именной группой, управляемой формой *отступя* с помощью предлога *от*, можно объяснить тем, что фокусирование на состоянии делает неважной начальную точку действия, приведшего к этому состоянию.

(35)Мое положение невольного соглядаята показало мне не совсем удобным, и потому, *отступя несколько шагов по мягкому мху*, я вышел на полянку в таком месте, где меня сразу могли заметить. (В. Короленко. *Марусина заимка* (1899))

(36)Затем молча ей показал, сложил, отдал, сам отворил ей дверь в сени и, *отступя шаг*, поклонился ей в пояс почтительнейшим, проникновеннейшим поклоном, верь тому! (Ф. Достоевский. *Братья Карамазовы* (1880))

- (37) *После этой речи он быстрыми шагами пошел по дороге с моряком (он с моряком +), который шел возле без фуражки; староста и Тит плелись несколько отступя и не глядя друг на друга, а за ними дворовые, крестьяне, дормез и телега.* (А. Герцен. *Долг прежде всего* (1851))
- (38) *За ним светился другой огонь, за этим третий, потом, отступя шагов сто, светились рядом два красных глаза (+) ...* (А. Чехов. *Огни* (1888))
- (39) *На полшага отступя, следом за ним (+) шла головиха Арина Васильевна.* (П. Мельников-Печерский. *В лесах. Книга вторая* (1871-1874))
- (40) *За этими (+), отступя, шел старший жрец, у которого сиял на груди сапфирный амулет.* (Н.С. Лесков. *Гора* (1888))

В примере (41) идею перемещения можно считать выветренной, поскольку дерево является неподвижным существом. Употребление формы *отступя* в таких контекстах назовем условно наречным, поскольку она дает информацию о способе действия, но не обладает обязательным для деепричастия *отступя* агентивным субъектом. Точно так же ее нельзя считать предлогом, так как данная форма не обладает именной группой, управляемой ею с помощью предлога *от*. Такое положение вещей, однако, имеет место в примере (42); поэтому следует исходить из предложного употребления формы. Соотношение употребления формы *отступя* в качестве результативного деепричастия, наречия и предлога составляет 10:6:1, т. е. преобладает деепричастное употребление.

- (41) *Рядом с этим деревом (+), немного отступя, стояло тоже искривленное деревцо, немного пониже.* (Ф. Буслаев. *Мои воспоминания* (1897))
- (42) *... на верхней же стороне шеи, отступя пальца на два от головы, уже идут обыкновенные, серенькие коротенькие перья;* (С. Аксаков. *Записки ружейного охотника Оренбургской губернии* (1852))

В первой половине XX века деепричастие встречается как со значением предшествования (43-44), так и с результативным значением (45-46). Встречаются лишь два случая, где форма *отступя* по вышеуказанным причинам выполняет функцию наречия (47-48). По сравнению со второй половиной XIX века, число предложных употреблений исследуемой формы вырастает незначительно – этот способ употребления зафиксирован лишь в трех случаях (49-51). Весьма важным нам представляется тот факт, что существует пример, где *отступя от* колеблется между функциями деепричастия и предлога (52).

- (43) *Самгин, отступя на шаг, поймал его руку, пожал ее, слушая оживленный, вполголоса, говорок Стратонова ...* (М. Горький. *Жизнь Клима Самгина. Часть 4* (1928-1935))
- (44) *... Ланрезак предполагал провести бой не на реке, а отступя от нее на более удобный исходный для атаки рубеж.* (А. Коленковский. *Маневренный период первой мировой империалистической войны 1914 г.* (1940))
- (45) *Жандармы. Прямо против вагона, лишь на несколько шагов отступя, чтоб не загораживать дороги входившим и выходившим пассажирам.* (С. Мстиславский. *Грач - птица весенняя* (1937))
- (46) *В коридоре доругивающийся лакей, за ним, немного отступя, подросток-оборвыш, с головой ушедший в целый лес лиан, олеандров, флердоранжа, лилий.* (Б. Пастернак. *Апеллесова черта* (1915))
- (47) *Градация домиков: синенький, одноэтажный, с заборчиком, с садом; за ним, отступя, занавесясь рядом тополей, желтоватый и белоколончатый каменный дом с барельефами;* (А. Белый. *Начало века* (1930))
- (48) *Дом стоял отступя несколько сажений и имел особую колоннаду в виде согбленных, неподвижно трудящихся гигантов.* (А. Платонов. *Чевенгур* (1929))
- (49) *... этот завал камня начинается отступя 1 м от северной стены собора и кончается в 3.80 м от нее ...* (Н. Воронин. *К характеристике архитектурных памятников Коломны времени Дмитрия Донского* (1949))
- (50) *Отступя от "гриба", шла поперек двора, параллельно стене корпуса, каменная стенка, рассекавшая двор для "политиков" на две части* (С. Мстиславский. *Грач - птица весенняя* (1937))
- (51) *Образовался, должно быть, холм с понижением у стен. Направляйтесь отступя на метр от стены, иначе наткнетесь на выступ, и его придется обходить.* (Г. Адамов. *Тайна двух океанов* (1939))

(52) Если нога проваливается в нижнюю ступеньку, то следующие ступеньки следует делать отступя 20-30 см в сторону. (Л. Гутман / С. Ходакевич / И. Антонович. *Техника альпинизма* (1939))

Эти примеры отличаются тем, что, во-первых, первым актантом ГЧ выступает агенс и, во-вторых, форма *отступя* управляет именной группой с помощью предлога *от*. Интересно, что при рассмотрении этих форм как деепричастий им следует приписать результативное значение. Отметим, что функцию наречия выполняют формы, входящие в предложение, где первым актантом ГЧ выступает неодушевленный предмет, а также формы, не управляющие именной группой с помощью предлога *от*. Итак, складывается следующая взаимосвязь между (не)одушевленностью первого актанта ГЧ и наличием управляемой именной группы с одной стороны, и синтаксической функцией формы *отступя* с другой:

синтаксическая функция формы <i>отступя</i>	первый актант ситуации ГЧ одушевлен	форма <i>отступя</i> управляет именной группой с помощью предлога <i>от</i>
результативное деепричастие	да	возможно
наречие	нет	нет
колебание деепричастие – предлог	да	да
предлог	возможно	да

Таким образом, наречное употребление отличается от всех остальных употреблений одновременным исключением одушевленного первого актанта ситуации ГЧ и управлением именной группой с помощью предлога *от*. Такое поведение дает повод рассматривать наречное употребление как «побочный продукт» приближения формы *отступя* к предложному употреблению. Эта позиция подкрепляется отсутствием наречного употребления уже во второй половине XX века. Другими словами, наречное употребление формы *отступя* представляет собой недолговечный феномен второй половины XIX и первой половины XX века.

Развитие семантики предложной формы *отступя от* можно описать следующим образом: Форма *отступя от* образована от глагола *отступить*. В семантику каждой лексемы данного глагола тем или иным способом входит идея перемещения, но релевантными для нас являются лексемы *отступить* 1-3. Ситуациям, которые обозначают эти лексемы, свойственны три шага осуществления: 1) 'X находится рядом с / в месте Y'; 2) 'X перемещается'; 3) 'X начал находиться на некотором расстоянии от Y'. Исходным пунктом развития предложной функции формы *отступя от* является результативное употребление деепричастия. При результативном значении деепричастия идея перемещения вытесняется на задний план, так как в фокусе результата находится не действие, приведшее к состоянию, а само состояние. Перемещение, однако, является действием, приведшим к состоянию. Это приводит к тому, что при предложной форме *отступя от* первый шаг осуществления ситуации *отступить* превращается в модальную рамку 'можно было подумать, что Р расположен непосредственно рядом с Q'.

Идея перемещения, которая уже находится на заднем плане при результативном употреблении деепричастия, подвергается семантическому выветриванию. Первым индикатором выветривания является колебание формы между функциями деепричастия и предлога. Предложения с «колеблющейся» формой *отступя* обычно описывают ситуации, где первый актант ситуации ГЧ, идентичный со скрытым субъектом деепричастия, одушевлен и способен переместиться, но из контекста не ясно, является ли расстояние субъекта до какого-либо предмета результатом перемещения. Полное выветривание идеи перемещения достигнуто, когда первым актантом ситуации ГЧ выступают такие неподвижные, неодушевленные предметы, как дом, дерево и т. п. Семантическое выветривание идеи перемещения также сказывается на отношении между глагольным актантом Y и предложным актантом Р. Оба актанта управляются с помощью предлога *от*. Глагольный актант Y имеет семантическую роль 'начальная точка', так как он является исходным пунктом перемещения. Поскольку при предложном употреблении идея перемещения неактуальна, предложному актанту Р нельзя приписать роль начальной точки; ему следует приписать роль 'место': он обозначает ту точку в пространстве, на небольшом расстоянии от которой имеет место Q, однако расстояние между Q и Р не представляет собой результат перемещения Q.

Синтаксис. Как мы показали в разделе о современной морфологии, сферы действия глагола *отступить* и предложного употребления формы *отступя* хорошо определены. Поэтому мы

рассмотрим здесь только следующие вопросы: а) переход СД глагола по актанту X в СД формы *отступя от* по актанту Q; б) сферы действия формы *отступя* при наречном употреблении; в) причины, приведшие к тому, что первичный предлог *от* становится частью составного предложения *отступя от*..

При ответе на вопрос а) следует учитывать наблюдения, сделанные при описании исторического синтаксиса предложения *спустя*. Переход СД глагола по актанту X в СД формы *отступя от* по актанту Q обусловлен заменой одного синтаксического правила другим, которая осуществляется вместе с выветриванием одной семы, в случае *отступя от* – семы ‘перемещение’. Первое правило моделирует синтаксическое поведение деепричастия и заключается в том, что семантический актант X лексем *отступить* 1-3 синтаксически совпадает с агентивным первым актантом сказуемого ГЧ, т.е. ситуации ГЧ. Пока действует это правило, сохраняется и сема ‘перемещение’ (53). Когда выветривается сема ‘перемещение’, исходное синтаксическое правило также постепенно теряет актуальность. Поэтому некоторое время актантом *отступя* можно рассатривать либо – по старому правилу – X, т.е. подлежащее сказуемого ГЧ, либо всю ситуацию ГЧ, в которую входит подлежащее сказуемого ГЧ (54). В конце концов появляется новое синтаксическое правило, согласно которому актантом предложной формы *отступя от* является сказуемое ГЧ с его актантами, т. е. целая ситуация. Образуется СД формы *отступя от* по семантическому актанту Q (55).

(53)... Зарецкой оглянулся и увидел подле себя кавалерийского офицера, который, отступя шаг назад, вскричал с удивлением: ... (М. Загоскин. *Рославлев, или Русские в 1812 году* (1830))

(54)Если нога проваливается в нижнюю ступеньку, то следующие ступеньки следует делать отступя 20-30 см в сторону. (Л. Гутман / С. Ходакевич / И. Антонович. *Техника альпинизма* (1939))

(55)Колокольни (кампаниллы) расположены, как правило, несколько отступя от церкви. (С. Еремеева. *Лекции по истории искусства* (1999))

Существенным для вопроса б) является тот факт, «что переход деепричастий в наречия обуславливается потерей управления.» (Черкасова 1967: 250) Это видно и на наречном употреблении формы *отступя*, так как при нем не реализуется глагольный актант Y, т.е. форма *отступя* обладает только одной СД. Поскольку форма *отступя* в наречном употреблении определяет как первый актант сказуемого, так и действие, обозначенное сказуемым, мы определяем сферу действия формы *отступя* в наречном употреблении как ситуацию, обозначенную сказуемым и его актантами.

Прежде чем дать ответ на вопрос в), еще раз коротко рассмотрим СД лексем *отступить* 1-3 по актанту Y и СД формы *отступя от* по актанту P. Как мы отметили выше, оба актанта управляются с помощью предлога *от*, но почему мы определяем СД глагола по актанту Y как предложную группу (*от* + РОД), а СД по актанту P – как именную группу в родительном падеже? Другими словами, почему мы считаем предлог *от* составной частью предложной формы *отступя от*, но не составной частью лексемы *отступить от*? А чем отличается наречная форма *отступя* от предложной формы *отступя от*?

Лексемы *отступить* 1-3 располагают тремя актантами X, Y, Z; в зависимости от контекста их синтаксическая реализация факультативна (56). СД глагола по актанту Y следует определить как предложную группу потому, что опущение имени из предложной группы вызывает неграмматичность предложения (57) – если предлог не вошел бы в данную СД, предложение типа (57) должно было бы считаться грамматичным.

(56)*Отступаю / Хозяин отступил / отступил от двери / отступил на три шага / отступил от двери на три шага.*

(57)**Хозяин отступил от.*

Предложную форму следует определить как состоящую из двух частей *отступя* и *от*, так как опущение предложной группы повлечет за собой замену предложной функции наречной (58). С другой стороны, P является первым актантом формы *отступя от* и, следовательно, опущение имени в родительном падеже, представляющего актант P, делает предложение неграмматичным (59).

(58)*Колокольни (кампаниллы) расположены, как правило, несколько отступя.*

(59) **Колокольни (кампаниллы) расположены, как правило, несколько отступя от.*

Кроме того, между наречной и предложной формами существует разница в составе семантических актантов. Как мы отметили выше, предлог *отступя от* обладает тремя семантическими актантами Р, Q, R, из которых обязательной синтаксической реализации подлежат только Р и Q. R имеет семантическую роль 'расстояние'. Наличие R обусловлено наличием предложной группы с *от*, так как наречная форма *отступя не* обладает этим третьим актантом (60). Но поскольку сам предлог *от* – также в составе сложного предлога *отступя от!* – управляет актантом с семантической ролью 'место', актант 'расстояние' может быть свойственен только сложному предлогу *отступя от*. Из этого также следует, что при сочетании с предлогом *немного* имеет другой статус, нежели при сочетании с наречием. Поскольку при сочетании с предлогом *немного* заменимо количественной группой (61), оно имеет статус актанта с семантической ролью 'расстояние'. При сочетании с наречием такая замена не возможна (60); *немного* является модификатором наречия, но не актантом.

(60)**Дом стоит отступя три метра / на три метра.*

(61)*Дом стоит немного / на три метра отступя от улицы.*

(62)*Дом стоит немного отступя / немного далеко / очень далеко.*

Синтаксическую реорганизацию, т. е. становление формы *отступя от*, состоящей из деепричастия и части исходной предложной группы, можно объяснить как случай синтаксической реинтерпретации. Синтаксическая реинтерпретация представляет собой «an abrupt change of the underlying sentence structure with the surface structure remaining unaltered» (Birzer 2008: 109). Анализ отдеепричастных предлогов в (Birzer 2008) показал, что действительно «reanalysis may occur as a component of a grammaticalization process» (Lehmann 2004: 160), но синтаксическая реинтерпретация не тождественна грамматикализации. Исследования формы *отступя от* подтверждает полученный в (Birzer 2008) результат, так как синтаксической реинтерпретации структур предшествуют изменения в семантике: выветривается сема 'перемещение', и форма *отступя* начинает сочетаться с неодушевленным предметом как первым актантом ситуации ГЧ. Не в последнюю очередь этот результат интересен потому, что «reanalysis is [...] itself not observable. Its accomplishment can only be diagnosed *ex post* when the construction behaves in ways that presuppose its new structure» (Lehmann 2004: 160). Наш диагноз поставлен лишь задним числом; тем не менее, мы можем установить место синтаксической реинтерпретации на временной оси грамматикализации, что пока не обсуждалось в литературе (ср. Lehmann 2004; Haspelmath 1998).

Морфология здесь не обсуждается, так как все существенные аспекты уже были рассмотрены в разделе о современной морфологии.

Итог *отступя от*. На сегодняшний день *отступя от* представляет собой колеблющуюся между функциями деепричастия и предлога форму, которая проявляет некоторые предложные черты, но еще не окончательно перешла в разряд предлогов. Признаком этого является тот факт, что деепричастный суффикс *-я*, сочетание которого с глагольной основой СВ стал непродуктивным и специализированным способом обозначения отдеепричастных предлогов, все еще употребляется как слабопродуктивный способ образования деепричастия СВ. Следовательно, специализация суффиксов, произошедшая в результате сужения парадигмы деепричастных суффиксов, в данном случае еще не полностью осуществлена.

Колебание формы *отступя от* также ощутимо в синтаксисе. С одной стороны, предложный актант R с семантической ролью 'расстояние' является типичным деепричастным актантом, так как он обозначает способ действия; с другой стороны, сферы действия по актантам Р и (в меньшей степени) Q – определительная сила формы *отступя от* ограничивается определением ситуации – подчеркивают предложные черты формы *отступя от*. На близость формы *отступя от* к разряду предлогов также указывает синтаксическая реинтерпретация, приведшая к тому, что словосочетание *отступя от* следует рассматривать как единицу, образованную из деепричастия *отступя* и предлога *от* из исходной предложной группы *от* + РОД, представляющей собой актант лексем *отступить* 1-3.

Поскольку семантика формы *отступя от* охарактеризована выветриванием семы 'перемещение', присущей исходным лексемам *отступить* 1-3, она указывает на процесс грамматикализации и, соответственно, на близость рассматриваемой формы к предлогам. Начальным пунктом семантического выветривания является результативное употребление деепричастия *отступя*. В фокусе результата находится состояние, вызванное осуществлением какого-либо действия, а не действие, приведшее к этому состоянию. Поскольку перемещение

является действием, обозначенным лексемами *отступить 1-3*, оно вытесняется на задний фон при результативном употреблении деепричастия *отступя*. Выветриванию семы 'перемещение' способствуют неодушевленные предметы, которые выступают как первый актант сказуемого ГЧ предложения, содержащего деепричастный оборот.

Процесс семантического выветривания, синтаксическое поведение и морфология формы *отступя от* позволяют провести параллели с отдеепричастными предлогами в русском (ср. Бирцер в печати), английском (ср. Kortmann 1991; König / Kortmann 1992) и турецком языках (ср. Birzer 2008). Развитие отдеепричастных предлогов осуществляется аналогичным образом в типологически различных языках. Поэтому можно предположить, что отдеепричастные предлоги прошли путь грамматикализации, отображенный в таблице 1 (подробное обсуждение данного пути ср. Бирцер в печати).

Литература

- Апресян, Ю. Д. ²1995а. *Лескическая семантика. Синонимические средства языка*. (Избранные труды. Том I). Москва: Языки славянской культуры.
- Бабаева, Е. Э. 2006. Формирование семантической структуры слова *простой* в русском языке. // *Языковая картина мира и системная лексикография*. / Апресян, В. Ю.; Апресян, Ю. Д.; Бабаева, Е. Э.; Богуславская О. Ю.; Иомдин, Б. Л.; Крылова, Т. В.; Левонтина, И. Б.; Санников, А. В.; Урысон, Е. В. Москва: Языки славянской культуры. 759-844.
- Бирцер, С. в печати. *Русское деепричастие: процессы грамматикализации и лексикализации*. (Slavolinguistica. [номер тома пока неизвестно]. Мюнхен.
- БТС – *Большой толковый словарь русского языка*. 1998. Санкт-Петербург: Норинт.
- Недялков, В. П. / Яхонтов, С. Е. 1983. Типология результативных конструкций. // Недялков, В. П. (ред.). 1983. *Типология результативных конструкций. (результатив, статив, пассив, перфект)*. Ленинград: Наука. 5-41.
- Плунгян, В. А. ²2003. *Общая морфология. Введение в проблематику*. Москва: Эдиториал УРСС.
- Богуславский, И. М. 1996. *Сфера действия лексических единиц*. Москва: Языки русской культуры.
- Урысон, Е. В. 2008. *Синтаксические свойства союзов и теория валентностей*. // *Динамические модели: Слово. Предложение. Текст*. / Сборник статей в честь Е.В.Падучевой. Москва: Языки славянских культур. 809-824.
- Черкасова, Е. Т. 1967. *Переход полнозначных слов в предлоги*. Москва: Наука.
- Birzer, S. 2008. The development of deconverbal prepositions: reanalysis or grammaticalization? // Vajda, E. (ed.) *Subordination and Coordination Strategies in North Asian Languages*. Amsterdam: John Benjamins. 109-122.
- König, E. / Kortmann, B. 1991. On the reanalysis of verbs as prepositions. // Rauh, G. (ed.) *Approaches to prepositions*. Tübingen: Narr. 109-125.
- Kortmann, B. 1992. Reanalysis completed and in progress: Participles as source of prepositions and conjunctions. // Kellermann, D. / Morissey, M. (eds.) 1992. *Diachrony within Synchrony: Language History and Cognition. Papers from the International Symposium at the University of Duisburg, 26-28 March 1990*. Frankfurt: Peter Lang. 429-453.
- Van Valin, R. 2005. *Exploring the Syntax-Semantics Interface*. Cambridge.
- Lehmann, Ch. 2004. Theory and method in grammaticalization. // *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*, 32:2. 152-187.
- Haspelmath, M. 1998. "Does Grammaticalization Need Reanalysis?" // *Studies in Language*, 22,2. 315-351.
- Lehmann, Ch. ²2002. *Thoughts on grammaticalization*. Erfurt.
- <http://www.db-thueringen.de/servlets/DerivateServlet/Derivate-2058/ASSidUE09.pdf>

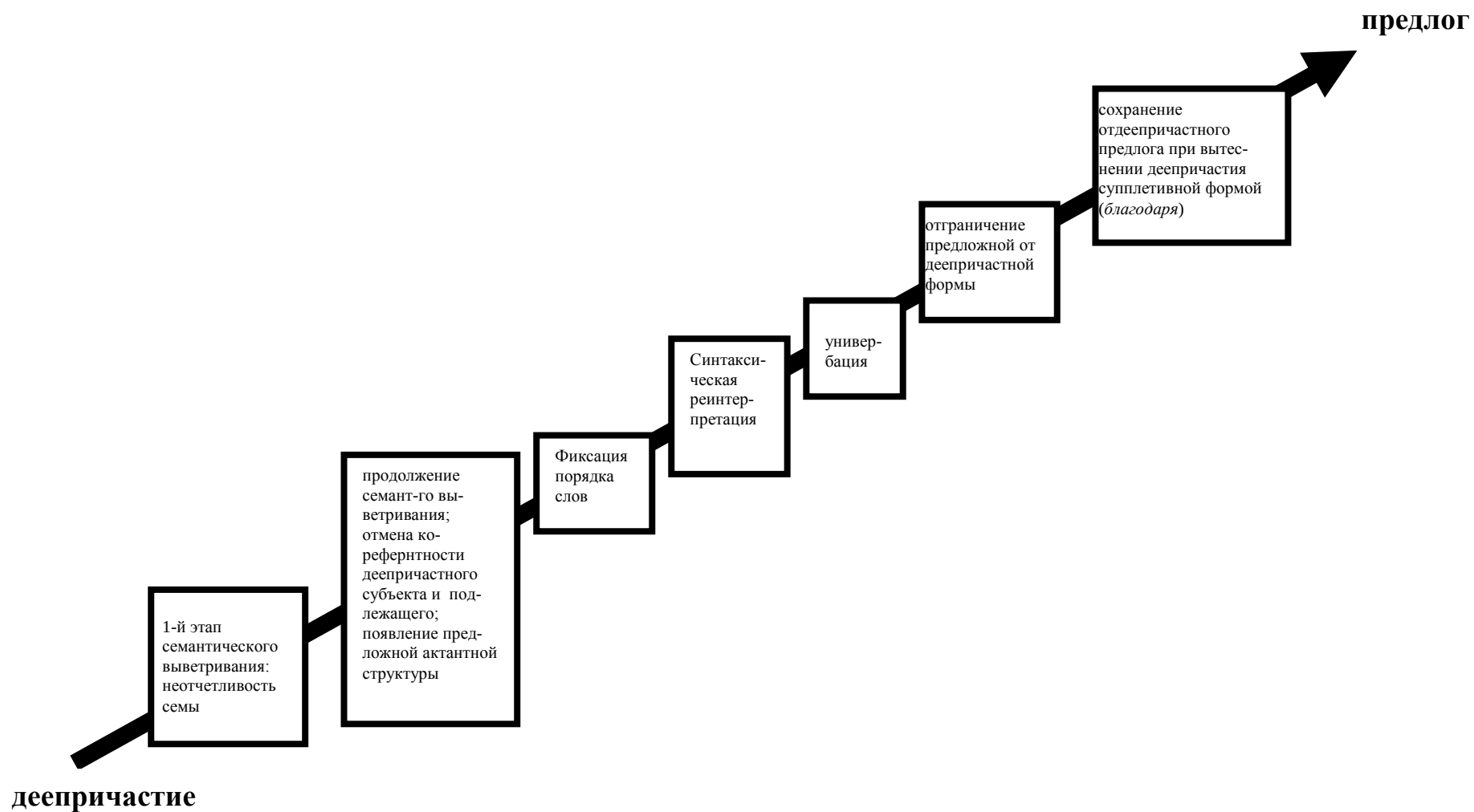

Таблица 1. Путь грамматикализации отдеепричастных предлогов.

КРОССЛЕКСИКА – БОЛЬШОЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ СЛОВАРЬ СОЧЕТАНИЙ И СМЫСЛОВЫХ СВЯЗЕЙ РУССКИХ СЛОВ

И.А.Большаков

(Москва)

Большой русский электронный словарь содержит словник из 216 тыс. титулов, 1,82 млн. словосочетаний, 2,1 млн. смысловых и 0,59 млн. паронимических связей между словами, английские переводы титулов, их морфопарадигмы. Работает в диалоге (редактирование текстов, обучение языку) и доступен для программ синтаксического анализа, разрешения омонимии, обнаружения/исправления смысловых ошибок, стеганографии, определения авторства.

1. Введение

За последние 20 лет в русском письменном языке произошли существенные сдвиги.

- Изменилась и пополнилась лексика. Накапливавшиеся ранее разговорные слова и жаргонизмы выплеснулись на страницы изданий, на экраны телевидения, в Интернет. Появилось много новых заимствований.
- Соответственно изменился и пополнился состав словосочетаний, которыми, по формулировке И. Мельчука [6], только и говорит человек.
- В части владения языком ситуация поляризовалась. На одном полюсе, возросло число авторов (обозревателей, журналистов, ученых-гуманитариев), виртуозно владеющих языком и теперь не стесненных советскими речевыми штампами. На другом полюсе, появилась масса полуграмотных «афторов», демонстрирующих в Интернете убогую приклатненную или англизированную лексику и попирающих нормативную орфографию. Между этими полюсами сохранилась группа научно-технических авторов, не блещущих стилем и разнообразием лексики, но обеспечивающих языковую преемственность в своей сфере.

В итоге академические словари русского языка заметно устарели. Изданные в последние годы «большие» словари, напр., [1, 2, 3, 5], более или менее успевают истолковывать новации, но не отражают увеличенной массы словосочетаний.

В те же десятилетия радикально усовершенствовалась вычислительная техника. Типовой объем накопителей информации увеличился в тысячи раз. В памяти десктопа, ноутбука, мобильного уже умещаются словари любого объема. При выдаче словарных статей на экран уже не обязательно повторять их привычный бумажный формат, экран все выдержит.

Данная работа отражает результаты 20-летней работы над электронным русским словарем КроссЛексика, в котором сделана попытка объединить подязыки разных групп носителей языка без навязывания норм и лексических крайностей. Словарь

- содержит около 220 тыс. слов и неразрывных выражений («титулов»), с особым упором на их 1,84 млн. сочетаний;
- содержит 2,1 млн. смысловых связей (синонимы, антонимы, гипонимы-гиперонимы, меронимы-холонимы, семантические дериваты);
- включает 0,59 млн. паронимических связей (т.е. буквенного либо морфемного сходства);
- тематически универсален, т.е. содержит политическую, научную, экономическую, политехническую и общежитийскую лексику;

- лексической комбинаторикой позволяет различать слова из нескольких тысяч омонимических групп;
- с помощью отношений синонимии и род-вид оперативно порождает более 2 млн. словосочетаний, в словаре непосредственно не представленных;
- управляет порядком и полнотой выдачи и по требованию отсеивает ненужную данному пользователю информацию;
- дает английские переводы для титулов словника и частотных словосочетаний;
- приводит морфопарадигмы большинства титулов словника.

Структура КроссЛексики состоит из алфавитно упорядоченного словника и прямоугольной таблицы (матрицы) классифицированных связей между его элементами. Грамматически правильное словосочетание восстанавливается через код синтагматической связи, если запросить любой знаменательный компонент этого сочетания.

Основной режим работы КроссЛексики – диалоговый, в нем можно редактировать русские тексты, обучаться русскому языку, получать всевозможные лексические и грамматические справки. Можно обращаться к словарю и из внешних программ, осуществляющих синтаксический анализ, разрешающих омонимию, обнаруживающих и исправляющих смысловые ошибки и др.

Конкретно, в КроссЛексике представлена следующая тематика:

- Экономика и бизнес;
- Политика и политология;
- Различные разделы техники: радиоэлектроника, компьютеры, программирование, автомобили, бытовая техника, строительство и др.;
- Точные и естественные науки: математика, физика, химия, биология, география и др.;
- Гуманитарные науки (напр., лингвистика), искусство, религия;
- Медицина (преимущественно бытовая);
- Бытовой язык, включая бранную лексику без мата.

2. Общие параметры и лингвистическая информация словаря

Титулы словника делятся на существительные (31%), глаголы (21%), прилагательные (27%) и наречия (21%). Омонимических групп 2,3 тыс. с 5,4 тыс. разных смыслов. Раскрываются 3,7 тыс. склеек типа *физфак* = *физический факультет*, рассматриваемые и как титулы словника, и как словосочетания.

Суммарное количество словосочетаний (1,82 млн.) на порядок больше, чем в известных словарях. Количество семантических связей (2,1 млн.) сопоставимо с объемами широко известных на Западе словарей ВордНет для английского и прочих языков. Паронимические связи (0,59 млн.) с лихвой покрывают содержимое имеющихся словарей морфологических паронимов, а буквенные паронимы классической лингвистикой не изучались.

Титулы делятся на

- Субстантивные (раздельно единств. и множеств. число существительных),
- Глагольные (только инфинитив + личные формы, два вида берутся раздельно),
- Адъективные (прилагательные или причастия двух видов раздельно),
- Адвербиальные (наречия или деепричастия двух видов раздельно).

Отказ от лексемного принципа представления существительных и глаголов диктовался необходимостью отразить хорошо известные различия в комбинаторике их подпарадигм. Титулы подпарадигм рассматриваются как взаимные семантические дериваты (см. ниже).

Служебные слова (предлоги, союзы) встроены в словосочетания и своих статей обычно не имеют. Предикативные высказывания типа *ну и ну* или *а пошел ты* отнесены к наречиям.

Субстантивная статья имеет титулом либо отдельное существительное (*абажур, абберация, аббревиатура, абзац, битва...*), либо устойчивое именное словосочетание (*алкогольные напитки, ближнее зарубежье, сельское хозяйство, точка зрения, уровень жизни, болеутоляющие средства...*).

Глагольная статья имеет титулом либо одиночный глагол (*говорить, идти, обсуждать, спать, демонстрировать...*), либо глагол с возвратным местоимением (*вести себя...*), либо глагольный оборот (*наводит страх, свалиться как подкошенный, залить фары, испытывать стремление...*).

Адъективная статья имеет титулом либо отдельное прилагательное (*абстрактный, авансовый, авантурный, автономный, воздушно-реактивный...*), либо отдельное причастие, м.б. переходящее в прилагательное (*агонизирующий, вдвинутый, коррумпированный...*), либо адъективный оборот (*хорошо одетый, большой дальности, бросающийся в глаза, в елочку, как сталь, как индюк, в денежном выражении, без подкладки, большого ума...*).

Адвербиальная статья имеет титулом либо отдельное наречие (*абстрактно, адски, долго, плохо, по-мужски, удовлетворительно...*), либо отдельное деепричастие (*базируясь, дрожа, сидя, надев, успев...*), либо адвербиальный оборот (*аккуратным образом, без воодушевления, более или менее, будто обухом по голове, как выжатый лимон, в особой степени, куда попало, мелкой дрожью, на цыпочках, долгое время...*).

Связи между титулами словника делятся на:

- **Синтагматические**, формирующие словосочетания;
- **Семантические**, связывающие титулы со смысловым сходством;
- **Паронимические**, связывающие внешне сходные титулы.

Словосочетание – это два знаменательные слова, синтаксически связанные и устойчиво совместимые по смыслу. В синтаксической связи между двумя знаменательными словами может стоять служебное слово (предлог или союз) согласно формуле

знамен. слово₁ → (служебное слово) → знамен. слово₂,

например, *сотрудничество → ради → мира, пойти → на → курсы, тепло → на → душе, уверенный → в → победе.*

Каждое словосочетание доступно с двух сторон. Доступ с одной стороны представляет собой одностороннюю связь, и таких связей в словосочетаниях ровно вдвое больше, чем самих словосочетаний.

Наиболее частотны (сотни тысяч в словаре) следующие типы словосочетаний:

- **Существительное – прилагательное** или **глагол/прилагательное/наречие – наречие**, образующие определительные пары: *краснокочанная капуста; резко высказаться; полностью ясный; ужасно страшно; приказ, подписанный...*(620 тыс.) Сюда входят несколько тысяч сравнений типа *красный как рак*;
- **Причастие/прилагательное** – его прямое, косвенное или предложное **дополнение-существительное**, включая ходовые обстоятельства: *рассмотревший вопрос, ковырявший в носу, оставшийся из-за погоды, красный от гнева, купленный на рынке* (355 тыс.);
- **Глагол** – его прямое, косвенное или предложное **дополнение-существительное**, включая ходовые обстоятельства: *рассмотреть вопрос, остаться из-за погоды, купить на рынке, отличаться сдержанностью* (275 тыс.);
- **Деепричастие/наречие** – его прямое, косвенное или предложное **дополнение-существительное**: *рассмотрев вопрос, ковыряя в носу, купив на рынке, близко от города* (180 тыс.);

- **Существительное** – подчиненное ему **существительное** (*сердце матери, наложение взыскания, отличия в произношении, борьба с бюрократизмом* (167 тыс.).
- **Существительное-подлежащее** – его **сказуемое** в виде личной формы глагола или краткого прилагательного/причастия (*внимание (было) привлечено, доклад (был) краток, враг напал, глазки бегают, возник вопрос* (145 тыс.);

Менее частотны (1 – 15 тыс. в словаре) следующие типы словосочетаний:

- **Глагол** – его **инфинитивное дополнение** (*собраться поехать, мечтать выкупаться, хотеть перекусить*);
- **Существительное** – его **инфинитивное дополнение** (*соблазн сказать, желание уйти, проблема выжить*);
- **Прилагательное/причастие** – его **инфинитивное дополнение** (*готовый действовать, желающий начать*);
- **Деепричастие/наречие** – его **инфинитивное дополнение** (*мечтая сказать, пожелав уйти, собравшись купаться*);
- **Глагол** – его **адъективное дополнение** (*вернуться здоровым, найти мертвым, считать выполненным*);
- **Прилагательное/причастие** – его **адъективное дополнение**: *найденный нормальным, вернувшийся здоровым*);
- **Деепричастие/наречие** – его **адъективное дополнение**: *найдя нормальным, считая выполненным*).
- Устойчивые **сочиненные пары** из одинаковых частей речи (*ясный и четкий, быть или не быть, власть и бизнес, в срок и в полном объеме, базы и склады, наука и техника*).

Статистика словосочетаний выявляет следующие существительные с наибольшим числом управляющих глаголов:

514 <i>работа1</i>	387 <i>место1</i>	365 <i>руки</i>
463 <i>деньги</i>	377 <i>дом1</i>	339 <i>дело1</i>
413 <i>ребенок</i>	367 <i>дети</i>	333 <i>дорога</i>

Существительные с наибольшим числом определений:

1226 <i>человек</i>	572 <i>работа1</i>	542 <i>взгляд1</i>
726 <i>лицо1</i>	556 <i>вид1</i>	511 <i>режим2</i>
575 <i>глаза</i>	545 <i>женщина</i>	509 <i>голос1</i>

Глаголы с наибольшим числом дополнений:

2284 <i>быть</i>	1270 <i>стать</i>	963 <i>считать</i>
2185 <i>иметь</i>	1095 <i>начать</i>	959 <i>вести</i>
1442 <i>находиться</i>	1068 <i>получить</i>	951 <i>оказаться</i>

Прилагательные – наиболее частые определения:

2983 <i>большой</i>	1640 <i>новый</i>	1334 <i>явный</i>
2069 <i>крупный</i>	1483 <i>постоянный</i>	1212 <i>огромный</i>
1781 <i>небольшой</i>	1427 <i>полный1</i>	1195 <i>сильный</i>

Смысловые связи делятся на следующие группы:

- **Синонимы** (например, *дурак – болван*) в виде 19 тыс. синонимических групп в среднем по 5,6 элементов; односторонних синонимических связей 1,14 млн.
- **Семантические дериваты** – это группы типа {*Москва1, москвичи; московский...*} или {*извлечение; извлекать, извлечь; извлеченный, извлекающий; извлекая, по извлечении, путем*

извлечения}, односторонних связей 0,88 млн. Глаголы двух видов и разные числа существительных встречаются именно здесь.

- **Мероним/холоним/** (например, *terrarium – зоопарк*), связей 21 тыс.
- **Гипоним/гипероним** (например, *диплом1 – документ*), связей 14 тыс.
- **Антонимы** (например, *длинный – короткий*), связей 12 тыс. Они дополняются выдачей антонимов для синонимов данного слова и синонимов для антонимов.

Смысловые связи важны не только сами по себе. Во-первых, толковательные синонимы (а их в словаре много) способны разъяснить смысл слова, и это особенно важно при наличии в словаре кратких толкований только для омонимов. Так, у *кошерный* есть синоним *отвечающий иудейским нормам*. Во-вторых, с помощью семантически связанных слов можно построить из титулов словника новые правдоподобные словосочетания, непосредственно в базе не представленные, напр., получить новое словосочетание по формуле

(*букет цветов*) & (*астры IS_A цветы*) → (*букет астр*),

где IS_A символ связи «гипоним – гипероним».

Паронимические связи в словаре представлены:

- **Морфемными** паронимами, имеющими ту же часть речи и общий корень, но иное сочетание аффиксов, например, {*бег, бегун, бега, беглость, прибежище, пробежка...*}.
- **Буквенными** паронимами, т.е. словами той же части речи, отличающимися от данного слова на одну букву, например, *кадка*: {*кака, каска, качка, кашка, кладка...*}.

Практически для каждого изменяемого титула словаря, включая многословные титулы, дается его морфологическая парадигма.

У титулов словника есть английские переводы (на данный момент эта часть словаря неполна). Собранные вместе, переводы образуют отдельный словник, через который можно войти в русскую часть словаря.

Пометы при титулах и словосочетаниях упрощенно отражают идиоматичность и стиль.

Введены три градации идиоматичности (фигуральности). Если пометы идиоматичности нет, словосочетание понимается как есть: *идти в школу, вызвать слесаря*. При помете **idiom** словосочетание понимается только фигурально: *сесть в галошу, висеть на волоске*. При помете **mb idiom** словосочетание понимается либо фигурально, либо в прямом смысле: *сесть в лужу, первая ракетка*.

Большее число градаций имеет стиль (степень разговорности) титулов и словосочетаний.

- Если пометы стиля нет, титул (словосочетание) является нейтральным и достаточно употребительным, так что его рекомендуется знать (*стена, окно, книга, налоги...*).
- Помета в виде зеленого буллита указывает специальное, книжное или забытое слово (словосочетание). Рекомендуется пользоваться им, если нет опасности непонимания слушателями: *абсцесс, парадигма, экзистенциальный...*
- Желтый буллит указывает чисто разговорное слово или выражение, которым предлагается не пользоваться в официальных документах: *мотать нервы, жевать сопли...*
- Красный буллит указывает бранное слово или выражение, которым нельзя пользоваться при дамах, детях и в официальной обстановке: *говно, жопа, засранец, мудак, взять за яйца...*
- Черный буллит указывает нейтральное бытующее выражение, смысл которого лингвисты рекомендуют передавать более нормативно: *оплатить за проезд, проплатить операцию...*

Пользователю КроссЛексикки предлагаются некоторые опции, а именно

- Можно выбрать язык обращения со словарем:

- **Русский** (компоненты меню, названия разделов выдачи, толкования омонимов и справочная информация даются по-русски), либо
- **Английский** (все вышеуказанное дается по-английски).
- В процессе работы с КроссЛексикой можно:
 - Ввести запрос либо (1) с клавиатуры, либо (2) подведя указатель к нужной строке в окне словника, либо (3) выбрав строку в обновляющемся списке *История*, либо (4) выбрав строку в списке словосочетаний, находящемся в данный момент на экране. Последний вариант начинает навигацию по словнику.
 - Выбрать алфавитный порядок выдачи основных типов словосочетаний либо частотный порядок (словосочетания с более частотными в словаре элементами выдаются первыми);
 - Установить порог отсечения словосочетаний с низкочастотными в словаре титулами;
 - Отменить выдачу бранной, разговорной и/или специальной лексики вместе с соответствующими словосочетаниями;

3. Приложения словаря

Возможны два важных класса приложений словаря:

- **Диалоговые** (интерактивные), когда пользователь обращается к словарю в диалоговом режиме и использует результаты, например, при параллельном редактировании текста или при обучении русскому языку;
- **Недиалоговые** (неинтерактивные), когда внешняя программа обращается к словарю за информацией и использует результаты для своих целей.

Вот примеры диалоговых запросов русскоязычного пользователя:

- Как можно выразиться глаголом о *плате за проезд*? *платить, оплатить, оплачивать проезд* либо *заплатить за проезд* (*проплатить проезд* и *оплатить за проезд* тоже даются на экране, но снабжены черным буллитом).
- Как можно еще назвать *бразильских женщин*? – *бразильянки*. А как *иракских женщин*? – Да никак иначе! (Но *иракец, иракцы* допустимы.)
- Как «запустить» иск? – *внести, возбудить, вчинить, подать* или *предъявить иск*, а также *обратиться с иском*.
- Как управляет существительными глагол *забыть*?
 - **забыть что/кого?** *забыть адрес, багаж, вкус, времена, время, вчерашнее...* (101 словосочетание)
 - **забыть о чем/о ком?** *забыть о времени, обо всем, о вчерашнем, о главном...* (37)
 - **забыть про что/про кого?** *забыть про все, про главное, про детей, про диссертацию, про семью...* (22)
 - **забыть в чем/в ком/где?** *забыть в вагоне, в гостях, в комнате, в кафе, в ресторане, в спешке...* (10),
 - **забыть на чем/на ком/где?** *забыть на диване, на кресле, на кровати...* (7)
 - **забыть при чем/при ком?** *забыть при декларировании, при зачитании...* (3)
 - **забыть по чему/по кому?** *забыть по рассеянности, по невнимательности* (2)
 - **забыть из-за чего/из-за кого/почему?** *забыть из-за волнения, из-за спешки* (2)
 - **забыть за чем/за кем?** *забыть за давностью* (1),
 - **забыть от чего/от кого/откуда?** *забыть от волнения* (1)
- С какими существительными сочетаются морфемные паронимы **вероятный** Vs. **вероятностный**?

вероятный определяет существительные *адрес, альтернатива, вариант, версия, встреча...*, а **вероятностный** определяет существительные *автомат, алгоритм, анализ, анализатор, аспекты...*, и пересечение этих множеств очень мало.

- С какими существительными сочетаются омографы **доменный1** Vs. **доменный2**? **доменный1** определяет существительные *адрес, аукцион, бизнес, границы, зона, имена...*, а **доменный2** – *газы, кокс, конструкция, мастера, печь...*, и пересечение этих множеств пусто.
- С какими существительными сочетаются квазиомографы **личный** Vs. **личной**? **личный** определяет существительные *автомашина, адъютант, амбиции, антипатии, архив...*, а **личной** – *карман, крем, напильник, нашивки, полотенце, салфетка...*, и пересечение этих множеств незначительно.
- Что означают и что могут определять прилагательные *ретроактивный, проактивный, адвалорный, халяльный...*? На это отвечают их синонимы и связанные существительные.

Диалоговые запросы для уже продвинутого в русском языке иностранца включают все средства, предложенные русскоязычному пользователю, и многое иное:

- Среди сведений по орфографии и морфологии слов можно, например, узнать, что *Христос* склоняется особо.
- Можно увидеть сферы применения синонимов *малый* и *маленький*. Так, равно допустимы *малые дети* и *маленькие дети*, но возможны только *малый бизнес* и *маленькие апельсины*.
- При обращении через английский словарь в виде глагола *pay* можно получить русские глаголы *обращать, обратить, окупать, окупить, оплатить, оплачивать, платить, уделить, уделять, уплатить, уплачивать*, и далее можно справиться о любом из них.

Среди недиалоговых приложений КроссЛексики отметим в первую очередь:

- **Облегчение автоматического синтаксического анализа.** В предложении ищутся все возможные словосочетания, имеющиеся в КроссЛексике, и чем больше обнаружено таких словосочетаний в данном варианте разбора предложения, тем вероятнее этот вариант.
- **Разрешение неоднозначности омонимичного слова.** Ищутся словосочетания и семантические связи для отдельных омонимов, и выбирается омоним, для которого в контексте найдено наибольшее число синтаксически и семантически сочетающихся соседей.
- **Стеганография и стеганализ.** Сочетания и синонимы слов, встреченные в тексте, используются для регулируемой замены одних синонимов другими, так чтобы в этих заменах закодировать стороннюю информацию, тем самым тайно передаваемую несущим текстом без изменения его смысла.
- **Идиоматичный перевод английских словосочетаний.** Например, в ответ на введенное *strong woman* словарь выдает *крепкая баба, сильная женщина...*
- **Информационный поиск.** Предполагается автоматически обогащать запрос не только семантически связанными словами, но и словами, формирующими высокочастотные словосочетания со словами запроса.
- **Идентификация авторства.** По тексту накапливается статистика (ранговое распределение) используемых словосочетаний (а не слов!). Это распределение сравнивается затем с распределениями подозреваемых авторов.

4. Источники и метод пополнения словаря, покрытие им текстов

Базовым методом подбора материала был ручной. На момент начала разработки ни корпусов русских текстов, ни интернетовских поисковиков, ни идей работы с ними просто не существовало. Однако на каждом этапе уже наличествующая версия словаря выявляла необходимость очередных его пополнений.

Основными источниками словосочетаний явились:

- Двухязычные словари (особо отметим англо-русский словарь под ред. Ю.Д. Апресяна и русско-испанский словарь Г.Я. Туровера и Х. Ногейры);
- Академический четырехтомный словарь русского языка;
- Словарь сочетаемости слов русского языка П.Н. Денисова и В.В. Морковкина;
- Множество специализированных словарей по экономике, бизнесу, электронике, вычислительной технике и др.;
- Наблюдаемый семь лет поток новостей, политических и научных статей портала *gazeta.ru*;
- Многочисленные справки по комбинаторике отдельных слов в интернетных поисковиках Яндекс и Гуггл;
- Систематические сканирования текстов рекламных буклетов, объявлений по ремонту и строительству, гламурной журналистики (мода, биографии, автомобили), спама.

Из Национального корпуса русского языка не было взято ничего. Он появился слишком поздно и вначале был очень небольшим, а для свободного поиска со статистическими оценками результатов недоступен и сейчас.

Методы автоматического извлечения коллокаций из корпусов и Интернета начали разрабатываться лишь в последнее десятилетие [8, 9]. Но они прямо не приложимы к высокофлективному русскому языку, да пока и не дали новых словарей английских словосочетаний.

Для проверки через интернет, стоит ли включать в КроссЛексику данное словосочетание, взятое откуда угодно, нами была предложена количественная мера [10], успешно применяемая к новым пополнениям КроссЛексики.

В части оценок покрытия КроссЛексикой отдельных слов и словосочетаний автоматических средств пока не разработано, но проводились ручные эксперименты. Если исключить названия организаций и географических объектов и личные имена, то покрытие знаменательных слов уже несколько лет близко к 100%. В части же покрытия словосочетаний произошедшее за последние 12 лет увеличение их числа в КроссЛексике в три раза привело к сдвигу примерно с 60% до 75%. Однако последняя цифра резко колеблется от текста к тексту, и требуются новые массовые независимые оценки. Двумерное ранговое распределение Ципфа, которым описывается употребительность словосочетаний, падает столь медленно, что гарантированное покрытие хотя бы 80% словосочетаний в открытых текстах потребует новых колоссальных усилий. Стопроцентное же покрытие едва ли возможно из-за авторской свободы употребить выражения типа *ответственный за шишки, минюстовский блин комом* и т.п. Но даже подобные изыски в большинстве выводимы из уже имеющегося в словаре материала.

5. Заключение

Предложен новый машинный словарный ресурс – комбинаторный словарь КроссЛексика, по объему и структуре не имеющий аналогов ни для одного языка. Он оставляет далеко позади единственный для английского языка словарь коллокаций [7] и на порядок превышает по объему русские словари [2] и [4].

При высочайшем покрытии лексики и сравнительно высоком покрытии словосочетаний, а также при простом доступе КроссЛексика предназначается для широкого круга пользователей. Программисты же найдут в нем средство автоматизации весьма ценных приложений компьютерной лингвистики.

Литература

1. Квеселевич, Д. А. *Толковый словарь ненормативной лексики русского языка*. Москва: Астрель АСТ, 2005, 1022 стр.
2. *Комплексный словарь русского языка*. Под ред. А.Н. Тихонова. Москва: Русский язык медиа, 2007, 1230 стр.
3. Крысин, Л. П. *Толковый словарь иноязычных слов*. Москва: Эксмо, 2008, 942 стр.
4. *Словарь сочетаемости слов русского языка*. Под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина. Москва: Русский язык, 1983, 686 стр.
5. *Толковый словарь русского языка начала XXI века*. Под ред. Г.Н. Складневской. Москва: Эксмо, 2007, 1132 стр.
6. Mel'čuk, I. Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics. In: M. Everaert *et al.* (Eds.) *Idioms: Structural and Psychological Perspectives*. Lawrence Erlbaum Associates Publ., Hillsdale, NJ / Hove, UK, 1995, p. 169-252.
7. *Oxford Collocations Dictionary for Students of English*. Oxford University Press, 2003.
8. Lin, Dekang. Extracting Collocations from Text Corpora. *First Workshop on Computational Terminology*, Montreal, Canada, August, 1998.
9. Kilgarriff, A., P. Rychlý, P. Smrz, D. Tugwell. *The Sketch Engine*. Practical Lexicography: A Reader, Oxford University Press, UK, 2008, p. 297-306.
10. Bolshakov, I.A., E.I. Bolshakova, A.P. Kotlyarov, A. Gelbukh. Various Criteria of Collocation Cohesion in Internet: Comparison of Resolving Power. In: A. Gelbukh (Ed.). *Computational Linguistics and Intelligent Text Processing*. Proc. 9th Intern. Conf. on Computational Linguistics CICLing-2008, Haifa, Israel. LNCS 3878, Springer, 2008, p. 95-116.

I. A. Bolshakov. **CrossLexica: A large electronic dictionary of collocations and semantic links between words in Russian.**

A large Russian electronic dictionary contains vocabulary of 216,000 entries, 1.82 million collocations, 2.1 million semantic links, 0.59 million paronymic links, English translations of entry titles, and titles' morphoparadigms. It functions dialogically (for text editing or language learning) and is also accessible from outer software for parsing, word sense disambiguation, detection & correction of malapropisms, steganography, etc.

ЕЩЕ ОДИН ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СЛОВСОЧЕТАЕМОСТИ:
корпусное исследование метафорической сочетаемости
абстрактной лексики английского языка

О.О. Борискина, А.А. Кретов

В статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты изучения языковой метафорики посредством анализа криптоклассного распределения лексики.

Богатый материал для наблюдений за образованием несвободных и не совсем свободных сочетаний слов дают имена отвлеченного значения (также называемые непредметными): *вина, беда, мука* и т.п. Наш подход к исследованию сочетаемости именной лексики английского языка (АЯ) ориентирован на распределение таких имен существительных по *криптоклассам*.

Мы предлагаем взглянуть на традиционные объекты лингвистического (словарная комбинаторика) и междисциплинарного исследования под углом предложенной в 1936 г. Б.Л.Уорфом теории *криптоклассов* – скрытых, (*covert, crypto*) языковых категорий – и включить данные *криптоклассной распределенности* имен в лингвистическое описание именной комбинаторики.

Работа по выделению *криптоклассов* английского языка и изучению *криптоклассного распределения* абстрактных имен проходит в рамках проекта кафедры теоретической и прикладной лингвистики Воронежского госуниверситета. Исследование проводится на материале национальных корпусов British National Corpus (BNC) и Corpus of Contemporary American English (COCA).

Как выделить криптокласс имен?

Криптокласс имен можно определить как тип словарного класса, лишенного морфологической маркировки и объединяющего имена в соответствии с принципом лексической распределенности. О возможности выделения словарных классов, *характеризующихся лексической распределённостью* писал Б.Ли Уорф. Ср. “*word-classes can be marked not by morphemic tags but by... lexical selection*” (Whorf, 1956, с.88). Так, глагол или другое признаковое слово сортирует (распределяет по классам) имена, а имя, стремясь к реализации своих валентностей, отбирает глаголы. В результате тысячелетней сортировки имена оказываются *распределёнными* по классам, многие из которых остаются скрытыми (криптоклассами), в то время как некоторые получают морфологический показатель и становятся явными классами (*фенотипами* в терминологии Б.Л.Уорфа) в отдельных языках.

Если допустить, что «классы лексических элементов можно описать через синтаксис» (Апресян, 1963, с.109), и если признать за глаголом «функцию классификатора существительных» (Апресян 1967, с.233; Федосов 1980; Кретов, 1992, с.110), то можно выявить (реконструировать) именные

классы, характеризующиеся глагольной распределенностью. Так, если субъектную валентность (S-позиция) глагола *to flow* (перемещаться по образу и подобию потока, течь) считать *распределительной*, то класс лексических элементов (имен), способных замещать S-позицию этого глагола, можно рассматривать как *криптокласс* английского языка «Текущее», в латинской традиции «LIQUIDUS».

Криптокласс тематически неоднороден. Членам криптокласса системообразующий признак присущ в разной мере. Этим криптокласс сходен с прототипической категорией (Рош, 1978) и категорией фамильного сходства (Витгенштейн, 1957). Фактически, признак, связывающий разные по тематике имена в рамках одного криптокласса, имеет когнитивную природу и принадлежит к глубинному уровню языковой категоризации, а криптоклассное моделирование становится возможным в силу наличия метафорических связей между ядром и периферией криптокласса. Криптокласс объединяет имена на основании сходства их когнитивности и дистрибуции. Сходство когнитивности объясняется универсальной способностью человека в процессе познания явления искать аналогии, что проявляется в языковой категоризации одних явлений, в частности, концептуальных абстракций, по образу и подобию других, например, предметов окружающего мира. Сходство дистрибуции находит отражение в несобственной сочетаемости имен периферии, которые «заимствуют» классификаторы у имен ядра.

Практика криптоклассного анализа утвердила нас в мысли, что классификатором криптокласса является не отдельный глагол, а лексико-семантический глагольный кластер. Заметим, что необходимость построить «по крайней мере, столько же различных классификаций существительных, сколько имеется классов глагольных значений» (Апресян, 1967, С.) была осознана Ю.Д. Апресяном еще в 1960-ые годы. Наш проект, по сути, является экспериментальной попыткой реализовать классификационный потенциал принципа *лексической распределенности*.

Так, например, криптокласс имен «LIQUIDUS» можно выделить на основании лексической распределенности глагольного кластера с общей сирконстантной семьей¹ «уподобляться жидкому»: *to pour* (лить(ся)), *to stream* (струиться), *to flood* (затоплять), *to flow* (течь), *to spill* (проливать(ся)), *to leak* (подтекать), *to ooze* (медленно вытекать), *to sprinkle* (брызгать), *to splash* (плескать(ся)), *to splatter* (брызгать). Словарные дефиниции этих глаголов, описанных друг через друга, в круговую тавтологичны.

Зачем выделять и изучать криптоклассы?

Описание метафорической, «не вполне свободной» словосочетаемости ценно само по себе. Это ключ к языковому сознанию социума. И

¹ В структуру значения глагола наряду со смысловыми элементами, несущими информацию о называемом глагольном действии (глагольные семы), включаются семы, отражающие лингвистически релевантные признаки предметов, лиц и т.п., способных по логике вещей выступать в качестве субъекта или объекта действия (сирконстантные семы).

подтверждением тому служит неослабевающий интерес лингвистов разных школ к теоретическим и прикладным аспектам метафоры (в широком понимании этого явления «по сходству»). Объяснение исследовательского постоянства в обращении к метафорической или образной составляющей естественных языков следует искать в ее функции: несиловое, но сильное воздействие на сознание и мировоззрение потенциального адресата. Это обстоятельство в условиях компьютерно-опосредованной коммуникации обусловило необходимость взглянуть на концептуальную метафору как на лингвистический материал, поддающийся *формализованной обработке*.

Актуальность предлагаемого подхода к изучению метафорической словосочетаемости видится нам в следующем.

Во-первых, поскольку выделение криптоклассов ориентировано на анализ глубинного слоя миропонимания, слившегося с первичным синтаксисом и базисной лексикой, то криптокласс можно рассматривать как носитель этимологической памяти слова². Криптокласс систематизирует наивную языковую категоризацию смыслового континуума. Именно это обстоятельство делает криптокласс пригодным для нужд описания имен отвлеченного значения, которые представляют известную сложность с таксономической точки зрения. Даже если волевым решением исследователя абстрактное имя удастся классифицировать, теоретическая и практическая (прикладная) значимость таких построений остается открытым вопросом. К тому же, многие непредметные имена ограничены или лишены собственной сочетаемости (в понимании В.В.Морковкина, 1984), что затрудняет выявление и понимание закономерностей их дискурсивного поведения. Тезис о произвольности их синтагматического выбора не позволяет заняться решением задач лингвистического прогнозирования. Злободневность «высоковероятных предсказаний, которые можно делать на основании отдельных свойств лексем или их принадлежности к тем или иным семантическим классам и подклассам», подчеркнул в своем докладе на конференции «Диалог 2008» Ю.Д.Апресян (2008).

Во-вторых, для научного познания XXI века описание языка приобрело дополнительную ценность в связи с решением конкретных задач создания, хранения и извлечения данных из корпусов, компьютерной обработкой текста и его порождением, а также установления человеко-компьютерного взаимодействия. Потребности формального описания именной семантики должны согласовываться с возможностями формализации недискретного смыслового континуума для компьютерного моделирования. Теоретическая разработка *криптоклассного распределения имен* и практика корпусного исследования метафорической сочетаемости нацелены на возможность *компьютерной реализации криптоклассного моделирования* абстрактной лексики. В поисках путей формализации семантики и для составления лингвистических прогнозов нами вводятся величины, характеризующие

² слово хранит “воспоминания” о всех прошлых контекстах, в которых оно участвовало, и несет на себе тень всех будущих контекстов, в которых оно может участвовать согласно своей природе” [Апресян, 1995]

криптоклассное бытие имени. Таким образом, количественный анализ словоупотребления позволяет охарактеризовать каждое имя с помощью набора числовых величин. Два количественных показателя мы получаем непосредственно из корпусов

- ◆ *Сочетательная избирательность имени (СИ)* - частота замещений именем заданной позиции при одном классификаторе криптокласса.
- ◆ *Показатель криптоклассной активности имени (ПоКрАИ)* - частота замещений именем заданной позиции при всех классификаторах.

В то время как *индекс периферийности имени (ИПИ)* – численное значение удаленности абстрактного имени от ядра криптокласса вычисляем по формуле

$$ИПИ = 1 - \frac{K_y}{\sum K}$$

где K_y - количество классификаторов криптокласса, с которыми имя образует сочетания, $\sum K$ - общее количество классификаторов криптокласса.

Эксплицитная количественная характеристика лексико-синтаксических связей может найти применение в различных системах автоматической обработки текстов.

Криптоклассный анализ абстрактной лексики

Расскажем о некоторых результатах криптоклассного анализа.

Неожиданно, ядерным представителем криптокласса «LIQUIDUS», наряду с водой (*water*) и кровью (*blood*), оказалось имя *life* (жизнь). Это тот редкий случай, когда удалось обнаружить корпусные свидетельства замещения именем *life* как субъектной, так и объектной (где это возможно) валентности всех десяти глагольных классификаторов криптокласса.

*Ср., When everything is going fine for us, and God is blessing us, when our **life** is flowing smoothly, it's easy to have faith, it's easy then to trust... He wants to pour his life into our **life** so that our **life** can grow strong. ... Now I'm going to stream Uncle Manfred's **life** for you... As **life** flooded back into their daughter, Linda and Junki went limp with relief. ... there are many other ways in which this technology could be used to sprinkle **life** into Chile's arid zones. ... 'From his canvasses, **life** spills out'. ... Antonio's family had been mortified by the way his love **life** was splattered across the papers. ... Oakley's pale as a maiden, the **life's** leaking from him. ... global superstar Justin Timberlake, has led the low-key actress's private **life** so that it could be splashed onto the tabloids.*

Поскольку индекс периферийности (*ИПИ*) имени соответствует нулевой отметке (т.е. имя находится в центре наивных представлений о жидком), очевидно криптоклассные интенции имени полностью реализованы. У имени *life* средний показатель *активности* по криптоклассу (*ПоКрАИ* 65 сл/соч), что вероятно свидетельствует о малом весе данной криптоклассной проекции имени для сочетательной ценности слова. Для сравнения, *life* максимально активно (*ПоКрАИ* 1736) в криптоклассе RES PARVA (предмет малого размера), и достаточно активно в криптоклассах «Homo Loquens» (*ПоКрАИ* 304), «Homo Tenens» (*ПоКрАИ* 281).

Сравнительный анализ показателей *сочетательной избирательности* имени в шести криптоклассах АЯ позволяет выявить метафорические предпочтения имени в современном английском языке. К примеру, жизнь в англоязычной культуре категоризуется в первую очередь как предмет сопоставимого с ладонью размера, который можно дать, забрать или потерять *to give life* (СИ 289), *to take life* (СИ 315), *to lose life* (280). Особое значение приобретает имя в обороте *to make life+adj* (СИ 739), что отражает «наивную» мудрость народа: в чьих руках жизнь (*smb's life is in one's hands*), тот ее и делает, какой хочет, *smb. makes life+adj*.

Ср., *I believed I could use that electricity to give **life** to things that were dead. The most likely explanation is that the illness which took his **life** within ten days of his baptism. This, of course, makes **life** for aquatic animals extremely difficult.*

На ближней периферии криптокласса «LIQUIDUS» также представлены имена *colour, color* (цвет) ИПИ 0,10 и *image* (образ) ИПИ 0,10. при таком максимальном приближении к ядру, оба имени, тем не менее, не проявляют заметной активности в образовании словосочетаний с глагольными классификаторами данного криптокласса. Интересно, что «цвет, получаемый окрашиванием с помощью пульверизатора» называют *sprinkle* (АВВУ Lingvo 12), однако корпусных свидетельств словосочетания *sprinkle color** найдено не было. При этом, на фоне слабой активности (ПоКрАИ *color* 71, *image* 47 сл/соч) и окказиональных коллокаций выделяется *сочетательная избирательность* (СИ) именами субъектной позиции классификаторов *to flow, to flood*.

Ср., *The bright colors **flood** my eyes, confusing me. All at once, images and memories **flooded** his mind in a brilliant whirl, and a revelation blossomed in his soul.*

Вероятно, за этими словами в англоязычном сознании закреплены стойкие ассоциации с *потоком*. Заметим, что и физика цвета, и научная теория отражения исходит из представлений о потоковой природе взаимодействий реальных объектов и механизмов их адаптации. Напомним, что если отражение – универсальное свойство материи, то его суммарным результатом прямой и косвенной деформации при отображении является образ (*image*). Как видим, научная картина мира ничуть не противоречит, скорее даже резонирует с наивной (языковой картиной мира).

Отметим также относительно высокие показатели активности обоих слов в криптоклассе «Rea Parva» и имени *image* в криптоклассах антропоморфного цикла (ПоКрАИ *image* 105, 316, 142 сл/соч). Ожидать реализацию криптоклассных интенций имени *image* вероятно следует в криптоклассе «Movens», где наблюдается самое благоприятное соотношение *индекса периферийности* (0,55) и ПоКрАИ *image* (316 сл/соч). Какими бы не были причины пассивности имен в криптоклассе «LIQUIDUS», ясно, что для коммуникации на английском языке образ жидкого образа и цвета является базовым, экспрессивно не окрашенным, связанным с автоматизированным навыком.

Следующая группа имен *figure, information, name* также находится на ближней периферии криптоколасса «LIQUIDUS» (ИПИ 0,30). Однако

предельно низкий показатель активности *figure* (ПоКрАИ 13 сл/соч) говорит о том, что данная криптоклассная проекция всех фрагментов ментального пространства, покрываемых данной лексемой, не представляет сколько-нибудь заметной значимости для современного англоязычного сознания. По всей вероятности, будучи заимствованным из древнегреческого в значении «форма», слово обменивалось смыслами с другими именами, напр., *person*, *information*, *digit* и др., вступая с ними в ассоциативные связи по смежности, что предполагало и обмен классификаторами. Ср., *Perhaps he is referring to some figures that were leaked a couple of weeks ago from the Industrial Development Board for Northern Ireland. Suddenly a darkly handsome figure oozed into the chamber.* Маловероятно образование новых словосочетаний имени с классификаторами данного криптокласса. Заметим, что другие криптоклассные проекции имени представляют большую словотворческую ценность для коммуникации на английском языке.

Имя *information* (ПоКрАИ 298 сл/соч) демонстрирует относительно высокую степень активности в криптоклассе «LIQUIDUS». Оно коммуникативно востребовано для выражения смыслов перемещение информации «*information flows*» и нежелательное для говорящего перемещение информации «*to leak information*», «*information leaks*».

Sr., I certainly hope that the information will be flowing freely to the American people. Information now flows from front-line workers to higher management for analysis. They leak information about convoys to members of the Campaign for Nuclear Disarmament... It has been two months since the information leaked out.

При этом данное имя *максимально активно* в криптоклассе «Res Parva», и именно с классификаторами этого криптокласса оно по всей вероятности будет реализовывать свои криптоклассные интенции. Не менее активным в проявлении криптоклассного статуса жидкого оказалось имя *energy* (ПоКрАИ 144 сл/соч), которое также имеет четко выраженную сочетательную избирательность *energy flows* и *to pour energy*.

Вместо заключения

Разработка методики описания криптоклассного распределения имен для целей формализации семантики абстрактной лексики находится в стадии «проб и ошибок». Но работа по проекту продолжается, потому что в предлагаемом подходе ассимилированы лингвистические идеи, развитие и осмысление которых может обогатить как теорию языка, так и компьютерную обработку текстов на естественном языке.

Литература

1. Апресян Ю.Д. современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1963. С.102-148.
2. Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1967.
3. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян. – М., 1995, – Т.1.
4. Апресян Ю.Д. О проекте активного словаря (АС) русского языка / Ю.Д. Апресян // Труды международной конференции «Диалог–2008». – М., 2008. – С. 23-31.

5. Морковкин В.В. Семантика и сочетаемость слова / В.В. Морковкин // Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев. Сб. статей под ред. В.В. Морковкина. – М.: Рус. язык, 1984. – С.5-15.
6. Apresjan, J.D. (2008). Systematic Lexicography. Oxford Linguistics: Oxford University Press.
7. Melčuk, I. (1988). Semantic description of lexical units in an explanatory combinatorial dictionary: basic principles and heuristic criteria. International Journal of Lexicography. V.1., 3, 165–188.
8. Rosch, E., and B.B. Lloyd (1978), Cognition and Categorization, (Erlbaum Associates, Hillsdale, NJ).
9. Whorf, B. L. (1956). Language, Thought and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. Cambridge: Mass.: MIT Press.
10. Wittgenstein, L. (1953) Philosophical investigations. Oxford.

Генитив меры в русском языке, типы и сорта^{*}

Владимир Борщев, ВИНТИ Росс. Академии Наук
Barbara H. Partee, University of Massachusetts, Amherst
borschhev@linguist.umass.edu, partee@linguist.umass.edu

1. Введение

Тема. Генитивная конструкция в русском языке используется для самых разных отношений. Однако для каждого отношения одни словосочетания возможны, а другие, вроде бы близкие, неприемлемы или сомнительны:

(1)	<i>рост Пети</i>	но	* <i>рост столба</i>
(2)	<i>стакан воды</i>	но	? <i>бассейн воды</i>

Что же управляет сочетаемостью в каждом таком случае? Одна из гипотез состоит в том, что сочетаемость определяется классами слов (лексем), допустимых в этом словосочетании. Так в работе Ю.Д. Апресяна (Апресян 1999) рассматривается «класс слов *чашка, стакан, кружка, чайник, кастрюля, ковш, кувшин, бутылка, фляга, ведро, таз, бочка, цистерна* и т.п.», т.е. слова, исходные лексемы которых имеют «в своем толковании в качестве *genus proximum* смысл ‘сосуд’». Апресян считает, что у каждого такого слова *X* кроме исходной лексемы *X1* и словаре «непременно будет и лексема *X3* со значением ‘количество вещества, способное поместиться в таком сосуде’», т.е. лексемы типа *чашка 3, стакан 3, кружка 3, чайник 3, кастрюля 3* и т.д., для которых постулируются некоторые формальные свойства, в частности, «одноактантные модели управления (ср. *стакан риса, кружка воды, кастрюля молока, бочка вина*)». Для этого «достаточно ввести в словарь абстрактную статью ‘сосуд *X*’, отличную от конкретной словарной статьи *сосуд*. В ней помещается одно единственное значение – ‘количество вещества, способное поместиться в сосуде *X*’, а также указанная модель управления и указанные типы словосочетаний... В словарных статьях названий конкретных сосудов (*чашка, стакан, чайник, ведро* и т.п.) содержится только отсылка к этой абстрактной словарной статье, что позволяет избежать дублирования информации».

Однако при этом подходе возникают трудности. Некоторые из них мы уже рассматривали в наших предыдущих работах Борщев и Парти (1999), Borschhev and Partee (1999, 2001a,b, 2004) и подробнее рассмотрим ниже. Основным материалом для нас, как в тех работах, так и здесь, является частный случай генитива меры, примеры типа (3):

- (3) *стакан воды, бутылка водки, ящик яблок, корзина грибов, мешок картошки, эшелон солдат, бутылочка «Эль де Пердри», 5 емкостей вышеозначенных средств, стакан какой-то гадости* и т.п.

Класс такого рода выражений содержит примеры генитива меры, рассматриваемые

^{*} Данная работа является частью исследований, выполняемых при поддержке National Science Foundation under Grants No. BCS-9905748 and BCS-0418311. В процессе этой работы мы обсуждали ее с нашими коллегами Е.В. Падучевой, Е.В. Рахилиной и Я.Г. Тестельцом, а еще раньше – с Per Anker Jensen and Carl Vikner. Эти обсуждения были нам чрезвычайно полезны и, безусловно, повлияли на наши результаты (хотя мы не уверены, что наши коллеги полностью разделяют наши выводы). Мы благодарны также нашим слушателям на Mathesius Lecture series в марте 2002 г. в Праге, на лекциях в апреле 2003 г. в Казани и на Possessives Workshop в University of Massachusetts, Amherst, в мае 2002 г. где она была доложена. Английская версия этого доклада была опубликована в трудах этого Workshop’a (Borschhev and Partee 2004). Данная статья является переработанным и существенно расширенным вариантом английской публикации. Мы многократно обсуждали ее предварительные варианты с Е.В. Падучевой и Я.Г. Тестельцом, «выясняя отношения», а также согласуя основные понятия и терминологию. Им наша особая признательность.

в цитированной выше работе Апресяна, но он несколько шире: первый компонент конструкции (опорное слово) может обозначать не только сосуды, но и другие предметы, не являющиеся сосудами: ящики, мешки, корзины и т.п.. И все эти выражения ведут себя аналогичным образом. Но в русском языке нет общего слова для всевозможных предметов такого рода. Мы называем их условно «контейнерами», апеллируя скорее к английскому слову *container*, чем к русскому слову *контейнер*, гораздо более специализированному. Поэтому предлагаемое Апресяном решение не проходит (или, по крайней мере, требует модификации).

Второй компонент конструкции доставляет еще больше трудностей для указанной гипотезы. Действительно, этот компонент (как и в примерах Апресяна) называет в прототипических случаях некоторое вещество, или, как мы будем говорить, некоторую «субстанцию». Но языковые выражения, обозначающие эту субстанцию, чрезвычайно разнообразны – кроме «обычных» названий субстанций типа *вода*, *водка*, *яблоки*, *картошка* (*mass nouns*) в приведенных примерах используются и такие выражения, как «*Эль де Пердри*», *вышеозначенные средства*, *какая-то гадость* и т.п. И в этих случаях только в рамках данной конструкции мы понимаем, что они обозначают субстанцию.

Поэтому мы разделяем другую гипотезу, которая чуть сложнее. Она состоит в том, что не только слова и языковые выражения, но прежде всего сами реалии (вещи, сущности) как-то сортируются нашим языковым сознанием, при этом с каждым сортом реалий связываются определенная структура и свойства. И правила, определяющие допустимость той или иной конструкции, в частности, рассматриваемой здесь генитивной конструкции, задаются как допустимые сочетания сортов реалий, являющихся значениями компонентов этой конструкции.

Так в примере (1) слово *рост* обозначает параметр, который определен на людях (и, может быть, с некоторыми ограничениями, для некоторых животных), но заведомо не определен на неодушевленных объектах, таких, как столб (хотя можно говорить о *высоте* столба).

Значение выражения *стакан воды* в примере (2) связано прежде всего с количеством воды в этом стакане (позже мы сформулируем это точнее). Мы можем использовать стаканы, а также ящики, корзины, мешки и прочие «контейнеры» как меру для заполняющих их субстанций, и отношение меры кодируется генитивной конструкцией. Бассейны же, хотя они и заполняются водой, обычно не рассматриваются как мера содержащейся в них воды, и второе словосочетание конструкция из примера (2) кажется не вполне приемлемым.

Точно также выражения из примера (3) правильны, потому что их первый компонент называет некоторый контейнер (реалию, относящуюся к сорту КОНТЕЙНЕР), а второй – некоторую субстанцию (реалию, относящуюся к сорту СУБСТАНЦИЯ¹).

Конечно, сорта реалий и слова (языковые выражения), обозначающие эти реалии естественным образом соотносятся, но это соотношение, как демонстрируют примеры из (3), не всегда тривиально.

Сформулируем основной тезис нашей работы:

Многие (хотя и не все) ограничения на правильность генитивной конструкции можно охарактеризовать в терминах сортов реалий (вещей, сущностей), называемых компонентами этой конструкции. Причем реалии

¹ Обозначая сорта (используя для них те или иные ярлыки, например, КОНТЕЙНЕР или СУБСТАНЦИЯ), мы пользуемся специальной нотацией. Такого рода нотацию (шрифт small caps) использовала Е.В. Падучева (2004) для таксономических категорий.

эти не только сортируются нашим языковым сознанием, но и наделяются некоторой структурой.

Сорта для нас – это элементы «наивной онтологии» языка, клеточки «наивной классификации», используемой языком. «Наивная онтология» Г. Линка (Link 1983) – это часть «наивной картины мира» (см., например, Апресян 1986) или «метафизики естественного языка» (natural language metaphysics, Bach 1986). Модификаторы «наивная» или “natural language” (как, впрочем, и выражение «картина мира») подчеркивают, что речь идет не просто об «объективной реальности», а о структуре, которую навязывает миру наше языковое сознание. Сорта – элементы этой структуры, классы, к которым язык относит более конкретные реалии, сущности, вещи, действия. В лингвистической и философской литературе, а также в толковых словарях можно найти много примеров сортов: ВЕЩЕСТВО, ВМЕСТИЛИЩЕ, ДЕЙСТВИЕ, ЖИВОТНОЕ, ИЗДЕЛИЕ, ИНСТРУМЕНТ, ЛИЦО, МЕРА, ПИЩА, ПРОЦЕСС, СВОЙСТВО, ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ и т.п. Выделение конкретных сортов – задача конкретных лингвистических исследований.

Наш основной тезис, по сути дела, утверждает, что ограничения на сочетаемость в рассматриваемой конструкции имеют в основе своей **онтологическую** природу. Мы постараемся продемонстрировать это на небольшом фрагменте онтологии и выделяемых там сортах.

Сорта (или сходные понятия)² при описании сочетаемости и семантики конструкций обсуждаются и во многих других работах. Мы уже упоминали работу Апресян (1999). Сошлемся и на некоторые другие, нам близкие: Dölling (1992a,b, 1997), Jensen and Vikner (1994), Pustejovsky (1993), Падучева (1996, 2004), Рахилина (2003, 2004). Особенно отметим работы Л.В. Кнориной, на которые мы опираемся (Кнорина 1979, 1985, 1988, Борщев и Кнорина 1990).

Наша цель в данной работе – уточнить приведенный выше тезис и упоминаемые там понятия, прежде всего понятие сорта, понять, как сорта компонентов отличают возможные генитивные конструкции от аномальных. Материалом для нас будет, как уже говорилось, конструкция генитива меры, точнее ее частный случай, представленный примерами типа (3) выше, когда тот или иной «контейнер» служит мерой содержащейся в нем субстанции. Мы займемся также синтаксисом и интерпретацией данной конструкции, т.е. тем, как лексическая и формальная (композиционная) семантика взаимодействуют в данном случае.

* * *

Работа устроена следующим образом. В разделе 2 рассматривается конструкция генитива меры в русском языке, ее свойства, значение и сорта ее компонентов. В разделе 3 обсуждается понятие сорта и «наивная онтология» языка, а в разделе 4 – сорта в конструкции генитива меры. В разделе 5 обсуждаются разные значения конструкции генитива меры в русском языке, синтаксис и семантика этой конструкции и онтология, лежащая в основе этой семантики. Раздел 6 описывает свойства контейнеров, так сказать, *теорию* сорта КОНТЕЙНЕР. В последних разделах делаются

² В терминологии наблюдается большой разнобой. В отечественной литературе по семантике чаще говорят о *семантических типах* (или *классах*). Падучева говорит о *таксономических категориях*. Философы, занимаясь онтологией, обычно говорят о *понятиях* (*concepts*) или *категориях*. В языках программирования в аналогичных случаях говорят о *типах данных*. Термин *сорт* взят из логики (*многосортовые логики*, *многосортовые модели*), им естественно пользоваться в формальной семантике, так как термин *тип* используется там в другом (хотя и близком) значении, как *тип функций*.

разного рода заключительные замечания, в частности *сорта* сопоставляются с *семантическими примитивами*.

Эта работа является непосредственным продолжением наших предыдущих работ: Борщев (1996), Борщев и Парти (1999) и Borschev and Partee (1999, 2001a,b). Как уже говорилось, текст первоначально писался как русская версия нашего доклада на Possessives Workshop в University of Massachusetts, Amherst, в мае 2002 г. (Borschev and Partee 2004). Однако публикация русской версии докладов данного Workshop'a несколько затянулась, а в 2004 г. в Интернете был «выставлен» Национальный Корпус Русского Языка (НКРЯ). Естественно было использовать инструментарий Корпуса для проверки и уточнения основных идей данной работы. Результаты такой проверки приведены в Приложении.

2. Генитив меры в русском языке

Генитивная конструкция и генитив меры

Как уже говорилось, материалом для нас будет частный случай генитива меры, который, в свою очередь, является частным случаем генитивной конструкции. Генитивная конструкция предстала примерами (4) ниже:

- (4) *брат Пети, собака дочери, скорость пули, гектар леса, два первых вагона курьерского поезда* и т.п.

В самом простом случае генитивная конструкция состоит из двух существительных, первое слово называется опорным, второе – зависимым, зависимое слово всегда в генитиве, отсюда и название. В общем случае конструкция состоит из двух компонентов, причем каждый из них может быть достаточно сложной именной группой. Вторая именная группа называется обычно генитивной.

Грубо говоря, каждая генитивная конструкция кодирует некоторое отношение между двумя объектами (реалиями, сущностями). Например, конструкция *брат Пети* задает отношение «братства» между Петиним братом и Петей.

Как видно из примеров (4) выше, отношения эти могут быть самыми разными. Их обычно классифицируют: так, в данных примерах это отношения родства (*брат Пети*), принадлежности (*собака дочери*), параметр-объект (*скорость пули*), часть-целое (*два первых вагона курьерского поезда*), меры (*гектар леса*) и др.

Примеры конструкции генитива меры и ее частных случаев приведены в (5):

- (5) (а) *гектар леса, метр проволоки, километр дороги, первые 15 минут матча, тонна стали, стакан воды*
(б) *тонна стали, литр молока, охапка сена, горсть зерна, вязанка дров, стакан воды*
(в) *стакан воды, бутылка водки, ящик яблок, корзина грибов, мешок картошки, эшелон солдат, полстакана какого-то зелья, несколько ящиков водки, бочка и два ведра воды* и т.п.

В общем случае (5а) конструкция генитива меры задает отношение меры между измеряемыми сущностями и количествами («порциями» или «квантами») этих сущностей. Так *гектар* – это мера площадей, в частности, леса, а *гектар леса* – некоторая «порция» леса. Первый компонент конструкции (в простом случае – опорное слово) называет меру (*гектар, охапка, стакан* и т.п.), генитивная группа обозначает измеряемую сущность (*лес, сено, вода*).

Границы конструкции (и отношения меры в языке), видимо, размыты. Не очень ясно, стоит ли относить к генитиву меры такие выражения, как *куча песка, буханка хлеба, моток проволоки, кусок пирога* и т.п.

В примерах (5б) – частном случае генитива меры – речь идет об измерении субстанций, понимаемых тут самым обобщенным образом, см. цитированную выше работу Link 1983. Субстанции однородны и измеримы, можно говорить о порциях (квантах) субстанций и их величине. Link также отмечает, что язык часто «приравнивает» множественность объектов (выраженную множественным числом) к однородной субстанции. Ниже мы чуть подробнее поговорим о субстанциях.

Как видно из этих примеров, язык отражает разные способы измерения субстанций:

- теми или иными единицами (*литр, тонна* и т. п.),
- количествами, которые можно так или иначе взять руками, рукой, пальцами (*охапка, горсть, щепотка*),
- с помощью стаканов, ящиков, мешков и т.п.,
- и многими другими способами (*вязанка, пучок, упаковка, кипа* и т.п.).

При этом в таких выражениях типа (5б), как *литр молока, охапка сена* или *вязанка дров*, опорные слова (задающие меру) не обозначают отдельных предметов, это так называемые реляционные слова и они, как правило, не употребляются вне генитивной конструкции.

А в выражениях типа (5в), частном случае (5б), мера задается контейнерами, об этом ниже.

«Генитив контейнерной меры» (ГКМ-конструкция)

Материалом для нашей работы являются конструкции типа (5в), в которых генитивная группа описывает измеряемую субстанцию, а первый компонент конструкции можно назвать «группой меры» – мера определяется контейнерами, названными в этом выражении (в простейшем случае, как уже говорилось, опорное слово называет один контейнер: *стакан воды*). Для удобства изложения мы называем конструкцию «генитивом контейнерной меры» (сокращенно ГКМ-конструкция).

Примеры ГКМ-конструкции выделяются из общего класса примеров (5) генитива меры некоторыми особыми свойствами. Посмотрим на них внимательнее.

Контейнеры

Как уже говорилось, во всех выражениях генитива меры, мера задается первым компонентом конструкции. В простых примерах ГКМ-конструкции, когда первый ее компонент представлен опорным словом, это слово (*стакан, ведро, ящик, корзина, мешок* и т.п.) обозначает некоторый автономный предмет, в котором можно держать, хранить, перевозить и т.п. подходящие субстанции и который поэтому может служить мерой этих субстанций.

В русском языке нет общего слова для всевозможных предметов такого рода – сосудов, ящиков, мешков, корзин и т.п. Мы в этой работе называем такие реалии «контейнерами», отсюда и принятое нами название конструкции.

Замечание. Конечно, в русском языке есть слово *контейнер*, но оно, так сказать, специализировано. Словарь Ушакова определяет *контейнер* как «стандартный ящик определенных размеров и устройства для перевозки товара на ж.д. платформах». Определение в МАС (1981) уже не столь конкретно: «вместилище (бак, резервуар, ящик и т.д.), предназначенное для перевозки грузов без упаковки». Но все же в обычной речи мы не называем стаканы или мешки контейнерами. Говоря о

«контейнерах» в рассматриваемой конструкции, мы чуть-чуть сдвинули значение слова *контейнер*, апеллируя скорее к его английскому источнику *container*.

Контейнеры являются специальным частным случаем *вместилищ*. Но не всякие вместилища вместе с их стандартным содержимым могут формировать генитивную конструкцию, см. примеры (6) ниже:

- (6) (а) ?*бассейн воды*
(б) **ваза воды/ цветов*
(в) **сейф/папка бумаг*.

Эти примеры плохи (или сомнительны), потому что опорные слова – не контейнеры (в нашем смысле), причем, по разным причинам, которые мы уточним позже. Ниже (в разделе 6) мы займемся свойствами контейнеров, тем, чем они отличаются от других вместилищ, это одна из основных целей данной работы.

Конечно, как и всегда в языке, граница между контейнерами и «неконтейнерами» достаточно размыта: *мешок картошки, пакет сахара, кулек конфет, упаковка чая* – где тут провести границу? Мешок и пакет вроде бы автономные предметы, а упаковка – скорее нет. А является ли кулек автономным предметом?

Заметим, что мы относим к ГKM-конструкции и выражения типа *машина дров* и *эшелон солдат*. В первом из них контейнером является, конечно, не сама машина, а ее кузов, т.е. это пример естественной метонимии. Второе выражение можно рассматривать как пример метафорического сдвига: эшелон уподобляется контейнеру, а солдаты – субстанции, «наполняющей» этот контейнер.

Выражения контейнерной меры

В большинстве приведенных выше примеров ГKM-конструкции ее первый компонент состоит из одного (опорного) слова, именующего некоторый контейнер: *стакан воды, корзина грибов*. В общем случае, как уже говорилось, первым компонентом конструкции является «выражение контейнерной меры»: *полстакана воды, чайная ложка соды, четверть чайной ложки соды, две с половиной бочки воды*. Значение этого выражения – количество (порция, квант) субстанции, которую именует второй компонент конструкции, генитивная группа. Мера эта задается с помощью контейнера, доли контейнера или нескольких контейнеров, названных в первом компоненте конструкции. Даже в самом простом случае, типа *стакан воды*, в рамках ГKM-конструкции происходит семантический сдвиг, слово *стакан* понимается не просто как физический объект, а как мера воды, заполняющей этот стакан.

Субстанции

Как и в случае с контейнерами, выбранный нами термин «субстанция» соответствует скорее не слову *субстанция* в русском языке, а английскому слову *substance* и русскому слову *вещество*.

Мы уже говорили о таких свойствах субстанций, как измеримость и однородность, а также о порциях (квантах) субстанций. ГKM-конструкция накладывает некоторые ограничения и на субстанции. Если в примерах типа (5б) могут встречаться названия самых разных субстанций, в частности, твердых, например *сталь*, то ГKM-конструкция в этом отношении более избирательна. Прототипические примеры субстанций тут – это жидкости и сыпучие тела, но этот прототип обобщается естественным образом в таких примерах, как *мешок картошки, ящик водки* или *эшелон солдат*.

Специфическое свойство таких субстанций, выделяющее их из более широкого

класса субстанций в примерах из (5б) – то, что ими можно заполнять контейнеры. Такие субстанции можно назвать «наполнителями». В дальнейшем, говоря о субстанциях в ГKM-конструкции, мы будем иметь в виду субстанции-наполнители.

Ограничения на субстанции, о которых говорится выше, это (как и для контейнеров) ограничения на тип сущностей (т.е. *онтологические* ограничения). В то же время генитивные группы, называющие субстанции в ГKM-конструкциях, могут быть достаточно сложными, а главное – чрезвычайно разнообразными. Некоторые примеры мы приводили выше, ниже приводится чуть более подробный список найденных в НКРЯ словосочетаний:

- (7) *стакан воды, чашка кофе, бутылочка «Эль де Пердри», стакан жидкости, ложка настойки, бутылочка пятновыводителя, ложка разрыхлителя, стакан лекарства, ведро болтушки, ложка смеси, ложка сухого шалфея, 5 емкостей вышеозначенных средств, стакан какой-то гадости* (последний пример из Google).

Действительно, в этих примерах используются самые разные способы именования субстанций. Так *вода* и *кофе* – это имена конкретных субстанций, *настойка* – скорее тип субстанции (по способу приготовления), «*Эль де Пердри*» – собственное имя (видимо, марка вина или другого напитка), *пятновыводитель* и *лекарство* – это функциональные названия сущностей, которые, вообще говоря, могут быть и в форме субстанций, например, жидкостей, а могут быть чем-то другим (таблетками, etc). *Болтушка*, *смесь*, *жидкость* – это (как и *настойка* выше) скорее типы субстанций, а не конкретные субстанции, *вышеозначенные средства* – это анафора, ссылка на что-то уже упоминавшееся в предыдущем тексте, а *какая-то гадость* – оценочное выражение, которое в принципе может именовать все что угодно.

То, что эти выражения в приведенных примерах именуют субстанции, понятно только в контексте генитива меры (а не из самих этих выражений). Никакой словарь не поможет соотнести словосочетания *вышеозначенные средства* или *какая-то гадость* с субстанциями.

Замечание

О том, что правильность тех или иных конструкций зависит не только от лексической принадлежности их составляющих, а определяется типами реалий (именующих эти составляющие), писалось уже давно, см., в частности статью R. Thomason 1972 и его пример “What I am now thinking of is shiny”. Предложение это будет осмысленным, если объект, о котором идет речь, может быть shiny (блестящим, сияющим), и аномальным в противном случае. Но именующее этот объект выражение “what I am thinking of” само по себе ничего не говорит о типе объекта. Проблема эта обсуждалась и в уже цитированной статье Борщев, Кнорина 1990 «Типы реалий и их языковое восприятие».

Отметим несимметричность при именовании компонентов ГKM-конструкции. В отличие от сравнительно свободного именования субстанций, опорное слово или именная группа, именующая первый компонент конструкции, должны недвусмысленно именовать соответствующий контейнер. Это, как правило, «прямое» название данного контейнера (*стакан*, *ложка*, или обобщенное название типа *емкость*, *посудина* и т.п.). В принципе мы можем назвать старое ведро *рухлядь*, но не в данной конструкции, выражение *рухлядь воды* невозможно.

Эти разные «степени свободы» в именовании коррелированы с общим свойством генитивной конструкции (не только генитива меры): отношение, выражаемое генитивной конструкцией, определяется, как правило, опорным словом. Так во всех примерах словосочетаний (24) именно опорное слово конструкции, если оно

классифицируется нами как *контейнер*, позволяет нам считать второе слово названием субстанции.

Правильность ГKM-конструкции

Приведенные выше примеры и описания ГKM-конструкции подтверждают, как нам кажется, наше утверждение, что правильность этой конструкции часто нелегко (и не всегда возможно) описать, пользуясь только словарными значениями слов, входящих в ее состав. В то же время соответствующие правила естественным образом формулируются на уровне онтологических категорий.

О сортах и об онтологии мы поговорим в следующих разделах, а затем вернемся к описанию синтаксиса и семантики ГKM-конструкции.

3. Сорта и «наивная» онтология языка

Онтология

Мы уже говорили, что сорта для нас – это элементы «онтологии естественного языка», т.е. «наивной классификации», используемой языком.

Онтология издавна была разделом философии. Как пишет Советский Энциклопедический Словарь (СЭС 1980), это «раздел философии, учение о бытии (в отличие от гносеологии – учении о познании), в котором исследуются всеобщие основы, принципы бытия, его структуры и закономерности...». Аналогичное определение приводится и в словаре Webster'a (1951): "the branch of metaphysics dealing with the nature of being or reality".

Т.е. онтология – это общие представления о том, как устроен мир. Онтология естественного языка – это то, как эти представления преломляются в естественном языке, как естественный язык структурирует мир. В российской лингвистике говорят о «наивной картине мира», описываемой естественным языком (Апресян 1986).

В западной лингвистике слово *онтология* стало употребляться в основном в рамках работ по формальной семантике. Мы уже упоминали работы Г. Линка (Link 1983), и Э. Баха (Bach 1986). Формальная семантика является теоретико-модельной, языковые выражения в такого рода семантике интерпретируются на внеязыковых структурах, на моделях. В случае естественного языка структура таких моделей должна представлять «наивную онтологию» языка – с какого рода сущностями мы имеем дело в семантике естественного языка

Основатель формальной семантики, Р. Монтегю, профессиональный логик, считал, что между естественными и формальными языками нет принципиальной разницы. Монтегю предлагал для интерпретации выражений естественного языка использовать структуру моделей интенциональной логики. Модели эти несколько сложнее моделей для логики предикатов. Прежде всего, в таких моделях допускаются сущности разных типов. Рассматриваются объекты базисных типов (индивиды и истинностные значения), а также возможные миры и моменты времени, а затем на этом фундаменте рекурсивно строится класс сущностей всех других типов. По сути дела именно структура типов моделирует онтологию языка, т.е. постулирует, какие типы сущностей допустимы в моделях. Допустимые выражения языка классифицируются в той же системе типов.

Монтегю не занимался лексической семантикой. Его подход естественно считать семантикой синтаксиса, рассматриваемые им типы предназначались прежде всего для интерпретации выражений языка с точностью, так сказать, до принадлежности их к основным синтаксическим категориям. Но и тут схема Монтегю позволяла

интерпретировать далеко не все. Структура моделей не содержала, например, средств для интерпретации множественного числа существительных, описание времени трудно было считать вполне адекватным и т.п. В последующих работах, в частности, в упоминавшихся выше работах Г. Линка и Э. Баха предлагалось обогатить эту структуру, сделать ее более адекватной естественному языку. Рассматривались также семантические сдвиги. Это позволяло относить одно и то же выражение в разных контекстах к разным типам.

В последние годы в связи с появлением разного рода компьютерных систем онтология стала вдруг наукой прикладной. В частности, тщательно разрабатываются структуры данных для разного рода предметных областей. Сейчас эта дисциплина интенсивно развивается. Проводятся регулярные конференции по “Formal Ontology in Information Systems” (<http://www.formalontology.org/>). При этом, наряду с работами по описанию предметных областей, там появляется все больше лингвистических работ.

Онтология и лексикография

Заметим, что задолго до появления формальной семантики и компьютеров. онтологией (не употребляя этого слова) занимались лексикографы. Каждый толковый словарь – это, в каком-то смысле, модель «наивной картины мира».

Рассмотрим в качестве примера несколько словарных дефиниций из словаря Ожегова и Шведовой (Ожегов и Шведова 1993) с некоторыми дополнениями из словаря Ушакова (1935), Малого академического словаря (МАС 1981) и Webster’s (1951):

- (8) **БАССЕЙН...1.** Искусственный водоем, сооруженный для плавания, купания, в декоративных целях.
(Ушаков: Большой искусственный водоем с открытой водной поверхностью).
- ВЕЩЕСТВО ...** Качественная сущность материи; то, из чего состоит физическое тело.
(Ушаков: (книжн.) То, из чего состоит физическое тело; материя).
(Webster: **substance...** 2. the physical matter of which a thing consists; material).
- ВАЗА ...** Сосуд изящной формы для фруктов, цветов или декоративный.
- ВМЕСТИЛИЩЕ ...** Место, сосуд, резервуар для чего-н., емкость.
(Ушаков: Место, вмещающее в себя что-н.)
- ВОДА ... 1.** Прозрачная бесцветная жидкость, представляющая собой в чистом виде химическое соединение водорода и кислорода.
- ЁМКОСТЬ ... 2.** Вместителище для жидких и сыпучих тел.
- ЖИДКОСТЬ ... 2.** Вещество, обладающее свойством течь и принимающее форму сосуда, в к-рый оно выливается.
(Ушаков: ...и принимать форму сосуда, в к-ром находится, сохраняя неизменным свой объем).
- КОНТЕЙНЕР ...** Вместителище (для перевозки грузов без упаковки, для научной аппаратуры на космических ракетах и т.п.).
(Ушаков: [от англ. contain -- вмещать] Стандартный ящик определенных размеров и устройства для перевозки товара на ж.д. платформах).
(МАС: Вместителище (бак, резервуар, ящик и т.д.), предназначенное для перевозки грузов без упаковки).
(Webster: a thing that contains or can contain something; box, crate, can, jar, etc).

ЛИТР... Мера емкости, равная 1000 куб. см, а также количество жидкости такого объема.

КОРЗИНА ... 1. Плетеное изделие, служащее вместилищем для хранения вещей, для упаковки, переноски.

МЕРА ... 1. Единица измерения... **4.** Сосуд для измерения (сыпучих тел).

(Ушаков: 1.Единица измерения протяжения или емкости....*Меры сыпучих тел*...4. Сосуд для измерения сыпучих тел, четверик (устар.)

МЕШОК ... 1. Сделанное из мягкого материала вместилище для чего-н. сыпучего, для различных мелких предметов.

МОЛОКО ... 1. Белая жидкость, выделяемая грудными железами женщин и самок млекопитающих... **2.** Такая жидкость, получаемая от домашних коров, продукт питания.

НАЛИТЬ... 1. Влить или, вливая, наполнить (сосуд)... *Н. чашку молока.*

НАПОЛНИТЬ... Сделать полным, занятым...

(Ушаков: Занять до предела (наложить, налить, загрузить и т.п.)

СОСУД ... 1. Вместилище для жидких и сыпучих тел.

(Даль: посуда, посудина, держащая утварь, всякая ёмкая вещь, ..., изделие, для держанья, хранения чего-либо, особ. жидкости).

СТАКАН ... 1. Стекланный цилиндрический сосуд без ручки, служащий для питья.

ЯЩИК ... Вместилище для чего-н., обычно четырехугольной формы.

Этот фрагмент словаря как бы говорит нам: в мире есть классы вещей (реалий, сущностей), называемых *стаканами, ящиками, корзинами, бассейнами, сосудами, вместилищами, изделиями, водой, молоком, жидкостями* и т.п. Каждый стакан принадлежит более широкому классу вещей, называемых *сосудами*, все сосуды, ящики и корзины можно назвать *вместилищами* (а также, видимо, и *изделиями*, хотя словарь эксплицитно называет *изделиями* только корзины). Бассейны словарь называет *водоемами*, и неясно, считает ли он их вместилищами. Вода и молоко принадлежат классу *жидкостей*, а жидкости принадлежат классу *веществ*. Мы *наполняем стаканы, ящики* и прочие *вместилища* тем или иным содержимым – *жидкостями* и другими *веществами*.

Сущности, именуемые словами типа *стакан* или *молоко* относят иногда к *базисным* классам языковой онтологии (basic level, см. Rosch 1975), этой классификации реалий, задаваемой языком. Действительно, сущности более конкретные обычно классифицируются как частный случай базисных, обладающих теми или иными признаками или свойствами (например, *граненый стакан* или *козье молоко*), а сущности более общие обычно задаются как классы базисных. Так, поднимаясь вверх по классификационной иерархии, мы выделяем все более общие классы сущностей – *сосуды, вместилища, вещества* и т.п.

Эта классификация не древесна. Одна и та же сущность может осмысливаться, как принадлежащая разным классам. Скажем, в рассмотренных примерах, корзина отнесена и к изделиям, и к вместилищам.

Словарные дефиниции соответствующих слов (точнее, *лексем: стакан 1, сосуд 1, вместилище* и т.п.) по сути дела описывают соответствующие классы сущностей и соотношения этих классов. Т.е. словарь действительно можно рассматривать, как реконструкцию онтологии языка.

Эту лексикографическую традицию развивают работы Московской семантической школы. Как пишет Ю.Д. Апресян, в этих работах принята «...установка на реконструкцию языковой картины мира», причем «материалом для такой реконструкции служат только факты языка» (Апресян 2005).

* * *

Мы в данной работе занимаемся очень маленьким фрагментом онтологии языка, связанным с ГKM-конструкцией. Приведенный выше фрагмент словаря (вместе с примерами самой конструкции в разделе 2) дает представление о языковом материале, с которым мы имеем дело. К описанию сортов, которые там используются, мы сейчас и перейдем. Мы постараемся показать, что даже для адекватного описания этого материала нужна онтология более богатая, чем структура типов, предложенная Монтегю³ и более богатая и лучше структурированная, чем та, что предлагается словарями. Рассматриваемые здесь сорта могли бы быть основой такой онтологии.

4. Сорта в ГKM-конструкции. Что мы сортируем – слова и выражения или реалии?

Выше мы называли основные сорта, относящихся к рассматриваемой конструкции: КОНТЕЙНЕР, КОНТЕЙНЕРНАЯ МЕРА и СУБСТАНЦИЯ. Приведем теперь схему фрагмента онтологии, связанного с этой конструкцией.

Базисные сорта

а) Сорта, называющие классы конкретных контейнеров: СТАКАН, ЯЩИК, КОРЗИНА и т.п.

б) Сорта, называющие конкретные субстанции: ВОДА, МОЛОКО и т.п.

Другие сорта: СОСУД, КОНТЕЙНЕР, КОНТЕЙНЕРНАЯ МЕРА, ВМЕСТИЛИЩЕ, ЖИДКОСТЬ, СУБСТАНЦИЯ и т.п.

Сорта реалий и слова

Нетрудно видеть, что почти все выделяемые нами сорта естественным образом соотносятся со словами из приведенного выше фрагмента словаря (3) и, может быть, с некоторыми оговорками, совпадают с классами реалий, описываемых приведенными там словарными дефинициями этих слов. Конечно, сорт СТАКАН соответствует классу всех стаканов, сорт ЯЩИК – классу всех ящиков, вода и молоко представляют базисные сорта ВОДА и МОЛОКО, сорт СОСУД представляет класс всех стаканов, бутылок и т.п., т.е. класс всех сосудов. Однако сорт КОНТЕЙНЕР не вполне соответствует слову *контейнер*, это класс всех сосудов, ящиков и прочих «контейнеров» в указанном выше (в разделе 2) смысле, т.е. объединение сортов СОСУД, ЯЩИК, КОРЗИНА, МЕШОК, и т.п. Сорт КОНТЕЙНЕРНАЯ МЕРА соответствует словам и выражениям, употребляемым в первом компоненте ГKM-конструкции. Аналогично, слова и выражения, употребляемые в генитивной группе, втором компоненте ГKM-конструкции, называют субстанции (сущности сорта СУБСТАНЦИЯ).

И, конечно, сорта естественным образом упорядочены. Так, каждый стакан относится не только к сорту СТАКАН, но и к сортам СОСУД, КОНТЕЙНЕР и ВМЕСТИЛИЩЕ, т.е. все стаканы являются сосудами, все сосуды – контейнерами, а все контейнеры – вместилищами. Вода и молоко принадлежат также к сортам ЖИДКОСТЬ и СУБСТАНЦИЯ, т.е. являются жидкостями, а все жидкости являются субстанциями.

³ Монтегю, конечно, и не ставил такой задачи. Он, как уже говорилось, занимался семантикой синтаксиса

Т.е. выделяемые нами сорта естественным образом соотносятся со словами из приведенного выше фрагмента словаря (3), если не считать сортов КОНТЕЙНЕР, КОНТЕЙНЕРНАЯ МЕРА, СУБСТАНЦИЯ.

Так зачем же «размножать сущности» и нужно ли это, зачем нужна онтология языка, чем сорта отличаются от слов и чем словарь отличается от онтологии?⁴

Прежде чем обсуждать эти вопросы, сделаем небольшое отступление, вспомним Дж. Свифта, пародировавшего в «Путешествиях Гулливера» семантические исследования того времени.

«Путешествия Гулливера», слова и вещи

В Академии Лагодо, в школе языкознания (School of Languages) обсуждались проекты усовершенствования языка. Один из них «...требовал полного упразднения всех слов... так как слова суть только названия вещей»⁵. Поэтому «...будет гораздо удобнее носить при себе вещи, необходимые для выражения наших мыслей и желаний». И «...многие весьма ученые и мудрые люди пользуются этим новым способом выражения своих мыслей при помощи вещей». Правда «...собеседникам приходится таскать на плечах большие узлы с вещами». Гулливер наблюдал, что «...при встрече на улице они снимали с плеч мешки, открывали их и, достав оттуда необходимые вещи, вели таким образом беседу...».

Как мы видим, эти «ученые и мудрые люди» в Лагодо были *носителями* языка не только в переносном, но и в прямом смысле этого слова.

Что же «носим» мы, обычные носители языка? В каком-то смысле мы не слишком отличаемся от философов из Лагодо. Продолжая известную метафору о «невидимых органах внутри человеческого тела», в частности, об «органе», реализующем language faculty⁶, можно сказать, что мы носим, храним в этом органе «мешок виртуальных вещей и других сущностей» или, скорее, виртуальный словарь, в котором с каждым словом в качестве «словарной статьи» связана «виртуальная вещь», представляющая реальные сущности, называемые этим словом. Скажем, со словом *стакан*, принадлежащим к базисной лексике, связано прежде всего что-то вроде чувственного образа «прототипического» стакана, причем образ этот как-то структурирован, мы выделяем в нем части -- дно и стенки, фиксируем форму, материал и т.п.. Кроме того, мы знаем, как и для чего мы используем этот стакан – наливаем туда что-то, пьем из него и т.п. И знаем как он «вставлен» в структуру всех других вещей (свойств, действий и т.п.). Эта «структура всех вещей» включает в себя таксономическую иерархию сущностей.

Конечно приведенное выше описание «виртуального мешка вещей» – это не спекуляция о том, как реально устроен словарь в голове носителя, а метафора. Существенный для нас элемент этой метафоры – это чувственный образ вещи. Действительно, носитель русского языка, видя конкретную вещь, например, конкретный стакан, умеет соотносить его со словом *стакан*, а видя два разных стакана, понимает, что они принадлежат одному и тому же классу вещей

⁴ Такого рода недоумение сквозило в замечаниях некоторых наших коллег, реагировавших на первые drafts этой статьи: «лингвистика занимается словами, а не сортами...»

⁵ Здесь и далее перевод А.А. Фрадковского

⁶ См. Chomsky 1980: “We may usefully think of the language faculty, number faculty, and others, as ‘mental organs’ analagouse to hearts or visual system...”, а так же описания «наивной анатомии» в (Урысон 2003), говорящие о «невидимых органах внутри человеческого тела», таких, как *душа* и *сердце*; *ум* и т.п.

(соотнесенных со словом *стакан*), что всевозможные стаканы, бутылки и т.п. соотнесены со словом *сосуд* и т.п. Более того, видя разные, но чем-то похожие вещи, он замечает их сходство. Метафора и метонимия основаны как правило на сходстве или соотношении вещей (их чувственных образов), а не на близости словарных описаний слов, именующих эти вещи (Lakoff, Johnson 1980, Падучева 2004).

Естественно, что всякий реальный словарь, и прежде всего словарные описания базисной лексики, значительно беднее виртуального словаря, языковой картины мира, «сидящей» в голове носителя языка. Словарные дефиниции не могут содержать чувственных образов вещей⁷, не имеют средств для моделирования их сходства, построения метафор и т.п. Словари прежде всего структурируют языковую картину мира, в частности, таксономическую иерархию, но эта структура и эта иерархия в значительной степени опираются на чувственные образы вещей и сущностей, которые носит в своем «невидимом органе» носитель языка и которые в принципе не могут быть «внесены в словарь».

Вернемся к соотношению сортов и слов. Онтология языка, маленький фрагмент которой мы пытаемся реконструировать, существенно богаче, чем структура типов, предложенная Монтегю. Но как и структура типов, она не только сортирует реалии (сущности), выделяемые нашим языковым сознанием, но и проецирует эту классификацию реалий на слова и выражения, называющие эти реалии в тексте: если слово (выражение) в конкретном контексте именуется реалию (сущность) некоторого сорта, мы будем говорить, что в данном контексте это слово (или выражение) принадлежит этому сорту. В разных контекстах эти вхождения могут относиться к разным сортам.

Мы уже говорили, что СТАКАН, СОСУД, ЖИДКОСТЬ и т.п. представляют те же классы реалий (или прототипические реалии), которые стремятся описать словари в словарных дефинициях соответствующих слов (точнее, лексем, например: *стакан1*, *сосуд1*, *жидкость* и т.п. в приведенном выше фрагменте словаря).

Но слова в тексте употребляются не только в словарных значениях. Существуют метонимия, метафоры и прочие семантические сдвиги. Одна и та же вещь, вещи одного и того же сорта могут быть названы, как правило, многими способами, с помощью разных слов и выражений. Так, в приведенных выше примерах (7) самые разные генитивные группы называют те или иные субстанции, т.е. сущности, относящиеся к сорту СУБСТАНЦИЯ. Как уже говорилось, для некоторых классов реалий в языке может не оказаться подходящих слов. Примером является рассматриваемый нами сорт КОНТЕЙНЕР, который, как мы уже говорили, является объединением сортов СОСУД, ЯЩИК, КОРЗИНА и т.п. А сорт СУБСТАНЦИЯ в генитивной конструкции, как уже отмечалось, допускает бóльшую свободу, так мы можем именовать субстанции, например, оценочными выражениями – как в словосочетании *стакан какой-то гадости* в примере (7).

5. Синтаксис и семантика ГKM-конструкции

5.1. Проблема. Работы по синтаксису и семантике конструкции меры.

В рамках ГKM-конструкции названия физических объектов – стаканов, мешков и других контейнеров – интерпретируются как выражения меры. Отличается ли

⁷ Поэтому словари используют иногда картинки

синтаксическая структура ГКМ-конструкции от структуры других конструкций меры и других генитивных конструкций? Какова семантика этих выражений? Какая онтология лежит в основе выражений меры?

Все это, конечно, обсуждалось в литературе. Мы отметим здесь только основные работы, выполненные в традиции формальной семантики. Это прежде всего уже упоминавшаяся работа Г. Линка (Link 1983) о семантике множественных объектов и mass nouns (mass terms), а также работы Т. Парсонса, М. Крифки, Г. Керкия (Chierchia 1982, Chierchia 1998b, Krifka 1989, Krifka 1995, Parsons 1970).

В недавно вышедшей книге Ф.Ландмана (Landman 2004) предлагается общий подход для описания *measure phrases* (конструкций меры), в котором он развивает работы Линка. В наших предыдущих работах мы также использовали идеи и конструкцию Линка, в данной работе мы, в основном, опираемся и на работу Ландмана.

Подход Ландмана использован в работе С. Ротштейн (Rothstein 2009), в которой рассматриваются две разные конструкции меры в современном иврите. Эта работа в какой-то мере перекликается с нашей.

5.2. Мера в математике и лингвистике. Подход Ландмана.

5.2.1. Математика

Понятие меры в математике появилось еще в 19 веке. Мера задается на множествах. При этом на подмножествах измеряемого множества определяется сигма-алгебра (σ -алгебра) с операциями объединения, пересечения, дополнения, отношением порядка по вложению и т.д. Т.е. сигма-алгебра – это булева алгебра, элементами которой являются подмножества данного множества, замкнутая относительно перечисленных выше операций и содержащая пустое множество.

Мера – это функция, определенная на элементах сигма-алгебры, и принимающая значения на некотором множестве чисел (целых, рациональных, действительных и т.п.). Функция эта должна быть следующим образом согласована с операциями сигма-алгебры:

- 1) мера любого подмножества неотрицательна;
- 2) мера пустого множества равна 0.
- 3) свойство аддитивности: если подмножества не пересекаются, то мера их объединения -- это сумма мер подмножеств.

Из свойств функции меры следует *монотонность* ее значений на множестве чисел, на котором она принимает значение: если f – мера на множестве C , а A и B – подмножества C , такие, что $A \subseteq B$ то $f(A) \leq f(B)$.

5.2.2. Лингвистика

В лингвистике (в лингвистической онтологии) меру вводят при описании множественных объектов, а также пространства, времени, субстанций и т.п. Было показано (см. ссылки в п. 5.1), что язык описывает эти сущности сходным образом и эти описания опираются на онтологию одного и того же типа – онтологию меры.

Нас в этой статье прежде всего интересует мера на субстанциях и мы поясним онтологию меры на этом примере. Тут почти все, как в математике, только вместо множеств и их подмножеств рассматриваются порции (количества, кванты) субстанций и их части, которые тоже, конечно, порции субстанций. На порциях субстанций рассматриваются операции сигма-алгебры – порции, как и подмножества, можно объединять, пересекать, брать дополнение, говорить об отношении порядка (одна порция может быть частью другой), можно говорить и о пустой порции.

Субстанции можно *измерять* с помощью тех или иных *единиц меры*. Так *вес* субстанций можно измерять *единицами веса*: килограммами, фунтами и т.п., а *объем* -- *единицами объема*: литрами, пинтами, баррелями и т.д. Можно использовать и нестандартные единицы – стаканы, ведра, бочки и т.п.

Каждая единица меры – это, так сказать, эталонная порция субстанции: «эталонный литр», «эталонная пинта» и т.п. Фиксировав ту или иную единицу, мы можем измерять порции субстанций в этих единицах, например, в тех же литрах или пинтах, определяя сколько эталонных литров (пинт) или их долей содержится в каждой порции. Поэтому с каждой единицей меры можно соотнести *функцию*, определенную на порциях субстанций. Например, литру можно сопоставить функцию LITER: если *m* – порция молока, то LITER(*m*) – объем этой порции в литрах.

Итак, формально, *мера* на порциях субстанций – это определенная на них функция, принимающая значение на множестве действительных чисел и удовлетворяющая свойствам 1) – 3). При этом в формулировках этих свойств нужно заменить слово *подмножество* на словосочетание *порция субстанции*⁸.

Понятно, что каждой единице меры будет соответствовать своя функция на порциях субстанций и, тем самым, своя мера.

Заметим, что не всякие измерения задают меру на порциях субстанций. Так, измеряют и температуру субстанций, но температура не будет мерой на порциях субстанций: из того, что одна порция является частью другой, не следует, что температура этой части меньше (или больше) температуры всей порции, тут не выполняется свойство монотонности (см. обсуждение разных измерений и соответствующих им языковых выражений в Schwarzschild 2002).

5.2.3. Подход Ландмана (синтаксис)

Ландман рассматривает синтаксическую структуру выражений меры, их интерпретацию и онтологию, лежащую в их основе.

Синтаксическая структура

(9)				ИГ КОНСТРУКЦИЯ МЕРЫ	
		qr			
		ГРУППА МЕРЫ		ИГ ИЗМЕРЯЕМАЯ ВЕЛИЧИНА	
qr		!			
ЧИСЛОВАЯ ГРУППА		ЕДИНИЦА МЕРЫ		!	
qr	!	!	!		
ЧИСЛОВОЕ ОТНОШЕНИЕ		ЧИСЛО			
∅		∅	гектар	леса	
∅		два	килограмма	мяса	
∅		∅	баррель	нефти	
∅		∅	большая бочка	воды	
в точности		∅	литр	молока	
масимум	два с половиной		литра	воды	
по меньшей мере	два		ящика	яблок	

⁸ Или просто рассматривать порцию как множество своих подпорций.

Вершинная составляющая этой структуры – именная группа КОНСТРУКЦИЯ МЕРЫ состоит из двух компонентов. Второй – это именная группа ИЗМЕРЯЕМАЯ ВЕЛИЧИНА, ее выражения называют некоторое количество (порцию) чего-нибудь – времени, площади, субстанций, т.е. сущностей, которые могут быть измерены.

Первый компонент конструкции, ГРУППА МЕРЫ, в свою очередь состоит из двух составляющих. Первая – это ЧИСЛОВАЯ ГРУППА, о ней ниже, а вторая – это ЕДИНИЦА МЕРЫ. Как мы уже говорили, единицы могут быть разные.

Первая составляющая числовой группы – это ЧИСЛОВОЕ ОТНОШЕНИЕ, а вторая – ЧИСЛО. При интерпретации структуры число соотносится с некоторым количеством единиц меры (назовем его *оценкой*), а числовое отношение соотносит (при интерпретации) значения измеряемой величины с этой оценкой.

Метафора

Рассмотренной выше синтаксической структуре (точнее, ее интерпретации) можно сопоставить следующую метафору процесса измерения. Допустим мы положили на одну чашку обыкновенных весов порцию некоторой субстанции, например, кусок мяса и, грубо оценив его вес, ставим соответствующие этой оценке гири на другую чашку весов. Весы могут остаться в равновесии или качнуться в какую-то сторону. То-есть поставленные гири – это, как бы, *грубая оценка* веса в *числах*, т.е. в количестве единиц измерения, а выражение *числового отношения* – это, так сказать, отношение возможных результатов (точного) взвешивания к этой грубой оценке: *в точности (равно), по меньшей мере, меньше чем* и т.п. *По меньшей мере семь литров* – значит, может быть и семь, и семь с половиной и т.п. Формально выражение числовой группы задает множество чисел, удовлетворяющих оценке.

Замечание

В русском языке, наряду с выражениями с «нормальным» порядком слов и неразрывными составляющими (типа предложений (11) ниже), в некоторых предложениях возможны «разрывы» конструкции меры, связанные с разными вариантами их информационной структуры (например, (12а)), а также другие отклонения от стандартного порядка слов в конструкции (например, (12б)). Но эти отклонения не связаны с сутью конструкции генитива меры, они вызваны другими. достаточно общими принципами и мы не будем их здесь обсуждать.

(11) а. Он истратил два литра молока.

б. Осталось два литра молока.

(12) а. Молока он истратил два литра.

б. Молока осталось литра два.

Семантика

В последующих подразделах (п.5.3, 5.4) мы обсудим разные типы конструкции меры, приведем их примеры и их неформальную интерпретацию. Формальное описание семантики этих выражений будет приведено ниже (в п.5.5).

5.3. Конструкции со стандартными единицами объема

Частный случай рассмотренной выше конструкции типа (9) – конструкции меры со стандартными единицами объема, типа приведенных выше примеров (11), а также (13а):

(13) а. Он выпил/принес литр воды.

б. *Он выпил/принес/истратил большой литр воды.

В этих примерах *вода* и *молоко* – примеры субстанций, а *литр* – это стандартная единица объема жидкостей и сыпучих тел. Для стандартных единиц невозможны примеры типа (13б).

5.4. Подтипы ГКМ-конструкции

Можно выделить несколько подтипов ГКМ-конструкции, назовем их условно **КВАНТ**, **МЕРА** и **КВАНТ + КОНТЕЙНЕР**. Мы опишем их кратко ниже.

а) Содержимое (реального) контейнера

- (14) **КВАНТ:** порция (количество) субстанции, соответствующее контейнерной мере, названной в первом компоненте конструкции:

Примеры

- (15) а. *Он налил себе стакан/ полстакана/ два больших стакана сока.*
 б. *Они выпили за завтраком полкринки молока.*
 в. *Он добавил в суп два стакана воды (S. Rothstein).*
 г. *Он купил на рынке два с половиной мешка картошки.*
 д. *Он сварил две кастрюли супа, большую для всех и маленькую для кошки.*

Синтаксическая структура выражений меры в этих примерах строится из тех же элементов, что и структура (9), описанная выше, но группа меры может состоять из нескольких конъюнктов, см., например (16):

- (16) *мешок и два больших ведра картошки*

Как и в структуре (9), в начале группы меры (или ее конъюнкта) может стоять выражение *numerical relation*:

- (17) *по меньшей мере два мешка картошки*

Но ниже, чтобы не усложнять изложение (и деревья рассматриваемых структур), мы не будем рассматривать конструкции, содержащие *numerical relation*, а также ограничимся структурами без конъюнкций в первом компоненте конструкции (группе меры):

- (18)
	ИГ _{КОНСТРУКЦИЯ МЕРЫ}		
	ГРУППА МЕРЫ		ИГ _{ИЗМЕРЯЕМАЯ СУБСТАНЦИЯ}
ЧИСЛО	ЕДИНИЦА МЕРЫ		
Ø	<i>стакан</i>	<i>воды</i>	
<i>пол-</i>	<i>кринки</i>	<i>молока</i>	
<i>две с половиной</i>	<i>бочки</i>	<i>воды</i>	
<i>два</i>	<i>больших ведра</i>	<i>картошки</i>	

С учетом принятых огрублений синтаксическая структура конструкции типа **КВАНТ** не отличается от рассмотренной выше синтаксической структуры конструкции меры (9).

Интерпретация

В этом случае, как и в конструкциях из п.5.2, второй компонент конструкции называет называет ту или иную субстанцию, а вся конструкция меры -- некоторую порцию этой субстанции. Но порция эта измеряется не стандартными единицами меры, а контейнерами, названными в первом компоненте конструкции: *полкринки молока* –

это *порция* (количество) молока, помещающееся в половине кринки, о которой идет речь. Кринка, бочка, большой стакан, мешок, кастрюля – все это *контейнеры*, которые в описываемых ситуациях мы принимаем за единицы измерения, они не обязаны быть стандартными, это, так сказать, *окказиональные единицы измерения*.

Группа меры в данном случае называет выражение контейнерной меры, определяющее объем порции субстанции в выбранных единицах измерения: *полкринки, две с половиной бочки, два больших ведра* и т.п.

А в соответствующих выражениях происходит семантический сдвиг: слово, обозначающее контейнер (физический объект), понимается как единица меры. *Две бочки воды* – это количество воды, помещающееся в двух бочках (в бочках из описываемой ситуации).

Но при этом от физического контейнера остается некоторый «след»: например, можно говорить о больших или маленьких стаканах, кастрюлях и т.п., в то время, как в конструкциях со стандартными единицами измерения нельзя говорить о больших или маленьких литрах и т.п.

Заметим, что конструкция как бы недоопределена. Скажем, в примерах (15а и 15в) могли быть использованы два конкретных стакана или один стакан дважды, либо вообще мерный контейнер, с помощью которого было налито в суп два стакана воды. А из фразы (15г), строго говоря, не следует, были ли это одинаковые по размеру мешки, и даже было ли там три разных мешка, два полных, а один, заполненный наполовину. Конструкция акцентирует прежде всего количество субстанции, измеряемое названными в ней контейнерами.

б) Контейнеры стандартного размера как единицы меры субстанций

- (19) **МЕРА:** количество субстанции, определяемое стандартным размером контейнера, используемого для измерений

Типичные примеры – предписания кулинарных рецептов:

- (20) *возьмите два стакана муки, столовую ложку сахара, четверть чайной ложки соли...*

В рецептах не идет речь о конкретных контейнерах, единицами меры тут являются, так сказать, «виртуальные» контейнеры общепринятого или стандартного размера. И уже следуя рецепту мы пользуемся либо мерными контейнерами, либо стаканами, чайными и столовыми ложками и т.п. «нормального» размера⁹.

Этот тип ГKM-конструкции синтаксически и семантически не отличается от конструкций с единицами меры (типа *литр молока*). По сути дела эти виртуальные контейнеры кодифицируются как стандартные единицы меры.

⁹ Отметим разницу в использовании мер в русских и в современных американских кулинарных рецептах. Разница эта прежде всего «культурно-технологическая». В русских рецептах *стакан, чайная* или *столовая ложка* ссылаются скорее на представления о «нормальных» размерах соответствующих реалий. А на кухне мы пользуемся или обычными ложками и стаканами, или же мерными контейнерами, которые обычно проградуированы в стандартных единицах – литрах, мл., и т.п. . Американцы же, как правило, пользуются специальными мерными приспособлениями, которые либо вмещают то или иное количество (*мерную чашку, мерную чайную* или *столовую ложку*, или их доли), либо проградуированы в тех же мерных чашках (*cups*) или мерных ложках. Эти мерные ложки и чашки уже и внешне сильно отличаются от обычных.

в) Контейнер вместе с содержимым

- (21) **КВАНТ+КОНТЕЙНЕР:** контейнеры (контейнер), названные в первом компоненте конструкции, вместе количеством субстанции, которое их (его) заполняет.

В этом значении конструкция как бы одновременно обозначает и контейнеры, и их содержимое. Скажем, в примерах из (22) это рюмки и содержащееся в них количество водки, ящик и количество яблок в нем.

- (22) а. *Официант принес/ поставил на стол две рюмки водки*
б. *Он откупорил две бутылки шампанского.*
в. *Принеси вон тот ящик яблок*
г. *Там стоят две полные бочки воды.*
д. **Там стоят две с половиной бочки воды.*
е. **Он поставил на стол две с половиной рюмки водки*

Аналогичная английская конструкция обсуждалась в работе Selkirk (1977) и называлась там «псевдопартитивной конструкцией». Дж. Пустейовский (Pustejovsky 1993) называл такой тип «парных» значений “dotted type” (dot – точка, символ умножения, ссылка на декартово произведение; наше обозначение в какой-то мере следует этой метафоре).

В работе and Dodge and Wright (2002) обсуждались примеры, выделяющие парные значения (23б) vs (23а). Аналогичные примеры обсуждались и в цитированной работе Selkirk.

- (23) а. *Мы выпили бутылку (полбутылки) шампанского*
б. *Мы разбили бутылку (*полбутылки) шампанского*

«Парность» этого типа значений и, вообще, различие значений типа (14) и (21) требует дальнейшего осмысления. Так, конструкции меры принято противопоставлять индивидуализирующим конструкциям (measure vs individuating reading – см., например, Landman 2001, Rothstein In press). Считается, что эти выражения имеют разную синтаксическую структуру, (24) vs (18):

- (24)
		ИГ	
	3		
ЧИСЛО			ИГ
!		3	
ИГ		ИГ	
! 6		!	
две	полные бочки		воды

В структуре (24) существительное *вода* – это модификатор именной группы *полные бочки* (также, как в выражениях *дом обуви* или *дом шоколада* существительные *обуви* и *шоколада* являются модификаторами существительного *дом*, это не конструкции меры), см. ниже обсуждение конструкций с предлогом *с*.

5.5 Formal semantics of Genitive of Measure constructions

In this section we give a formal semantic analysis of three of the four constructions: first, measure constructions with standard measure-unit words like *лump* (5.5.1), then the КВАНТ construction with words like *стакан* (5.5.2), then the МЕРА construction with words like *стакан* (5.5.3). In Section 5.5.4 we discuss but do not fully formalize the construction that seems to simultaneously denote a container and its contents; instead we formalize a reading

which denotes the container, which is characterized as having certain contents, the reading Rothstein (2009) refers to as an *individuating* reading. As we proceed, we discuss the relevant ontology and the relevant assumptions about the lexical semantics of the words in these constructions.

5.5.1. Два литра молока

Here we closely follow (a slightly simplified version of) the analysis of Landman (2004)¹⁰. In describing the formal analysis of the phrase *два литра молока*, we will work top-down, showing how the compositional semantics works by showing how to decompose the meaning of the whole into the meanings of its constituent parts. We start by repeating the syntactic tree that provides the input to the semantics and specifies the relevant part-whole structure.

(25)

The whole ИГ *два литра молока* should denote milk which measures 2 liters in quantity. The whole phrase has type <e,t>, as does the word *молока* within it, so we should immediately discuss the relevant ontology for *молоко*, milk.

Ontology. Landman follows Link in including both plural entities and massy entities in the entity ontology; we speak of “sums of milk” or “quantities of milk” or “portions of milk” simply as ways of referring to milk as it occurs in particular amounts, as opposed to the “kind” *milk* of type e. In Link’s ontology, there is some structure imposed on the domain of entities. Corresponding to each common noun, there is a semi-lattice structure which gives a part-whole mereology. (Landman departs from Link and uses Boolean algebras, which satisfy all the axioms for semi-lattices and additional axioms as well. The differences between them do not affect anything we say here.)

For count nouns, there is a notion of “plural entities”, very broadly construed: we may take any two entities and form their sum, which will be a plural entity. In Link’s semi-lattice structure (or Landman’s Boolean algebra), corresponding to the count noun *стол*, each individual table will be an “atom”, since a table does not have parts which are themselves tables. Sums of tables will be non-atomic entities, since they will have tables as parts. The

¹⁰ Our simplification involves replacing Landman’s “Number Group”, which allows for number ranges such as “at least 2 and a half”, by a simple “Number”, denoting a single number such as “2 and a half”. See Landman (2004) for the full version. Rothstein (2009) uses a slightly different simplification of Landman’s system; our analysis is largely compatible with hers. See also the alternative analysis in Schwarzschild (2002), which pays more attention to the nature of the *dimensions* being measured in different measure construction; in the case of our example with *литор*, for instance, it would make it explicit that “2 liters” is a measure of the *volume* of milk, something that is not explicit in Landman’s analysis.

atoms in a count-noun semi-lattice are in the denotation of the singular form of the noun, and the non-atomic (plural) entities are in the denotation of the plural form of the noun.

For mass nouns, the corresponding semi-lattice structure is non-atomic: there are (in the language users' *наивной картине мира* for substances like milk and mud and kasha) not necessarily any smallest bits of milk. The part-whole structure need not have any minimal units. [In the appendix, there is a diagram of an atomic semilattice with seven atoms. To picture a non-atomic semilattice, try to imagine more structure of a similar kind extending downward without limit from the bottom of the given lattice.]

The linguistic significance of Link's models for the ontology underlying mass and count nouns is that they make mass nouns and plural count nouns semantically very similar, and can be used to help explain why mass nouns and count nouns pattern together in so many constructions, including many measure constructions. (Chierchia (1998a) goes further and suggests that mass nouns are "inherently plural".)

Молоко. In addition to the part-whole structure shared by all mass nouns and modeled by Link's and Landman's ontologies, *молоко* has further sortal specifications that are relevant to its use in measure constructions. We do not have a formal theory of sorts; we view sorts not as forming a tree-like hierarchy but a cross-classifying lattice-like structure, since many predicates belong to more than one sort, and sorts themselves can be subsorts of more than one sort. Of most immediate relevance to our constructions is that *молоко* is a LIQUID, and that the sort LIQUID is a subsort of the sort SUBSTANCE, and that LIQUIDS, and all "pourable" SUBSTANCES, can be contained in containers and can be measured by volume-units like *литр*. We will use the predicate SUBSTANCE(x) as an oversimplified way of expressing the sortal restriction on the LITER function and on the relational sense of *стакан* to be introduced below.

Mass nouns like *молоко* in Russian and *milk* in English have (at least) two uses; some of the principal references in the formal semantics literature are (Chierchia 1982, Chierchia 1998b, Krifka 1995, Link 1983, Parsons 1970). In a sentence like (26a), *молоко* serves as the proper name of a "kind" and is of type *e*, like other names and referential terms. But when it is predicated of an entity as in (26б) or is used inside a larger noun phrase as in (26в), it is syntactically a mass common noun, and is semantically a predicate true of quantities (portions) of milk, and is of type $\langle e, t \rangle$, the type of one-place predicates. Example (26г) is most likely interpreted as an indefinite (or possibly definite) noun phrase built from the $\langle e, t \rangle$ predicate *молоко* (see discussion of the interpretations of larger noun phrases at the very end of section 5.5.1); conceivably (but improbably) it could be interpreted as a generic statement about the kind *молоко*, asserting that whenever it was put in my glass, it turned sour. There are many examples which may be ambiguous or unclear which variant is being used, and the decision may involve decisions about the syntax and semantics of the larger constructions in which it occurs.

- (26) а. *Молоко содержит много протеина.*
б. *То, что ты видела в моем стакане, было молоком.*
в. *Мы добавили немного молока в суп.*
г. *Молоко в моем стакане скисло.*

There are debates in the literature as to which is the more basic meaning of such nouns, the predicate meaning or the kind-denoting meaning. Landman (2004) uses the one-place predicate meaning in these constructions; Rothstein uses the kind-denoting meaning. We follow Landman below (5.5.1.1). Since the two meanings are closely related, the semantics could be adapted to use either one, and in Section 5.5.1.2 we give in brief form a derivation using the kind-denoting meaning, with a brief discussion of kinds of arguments that might

help to choose between them. When we need to distinguish the two meanings, we will write them as *молоко_e* (or MILK_e) and *молоко_{<e,t>}* (or MILK_{<e,t>}).

5.5.1.1. Derivation of the example using predicate-type *молоко*.

Following the discussion above, we may represent (part of) the predicate meaning of *молоко* below in (27).

(27) **молоко_{<e,t>}**: Type <e,t>. Meaning: MILK_{<e,t>} (we take this as a basic predicate; we do not attempt any semantic decomposition). Meaning postulates would include specifications that *молоко* is a LIQUID and therefore a SUBSTANCE: $\forall x[\text{MILK}_{<e,t>}(x) \rightarrow \text{SUBSTANCE}_{<e,t>}(x)]$

In our example, both the word *молока* and the whole phrase *два литра молока* are predicates true of portions or quantities of milk, hence of type <e,t>. What is the semantics of *два литра*, and how does it combine with *молока*? Two immediate comments: (i) on this analysis, *два литра* is a modifier, specifying quantity; so (ii) the compositional semantics for *два литра молока* is very different from the semantics of genitive constructions headed by relational nouns like *отец* or *портрет*. *Два литра молока* “is” *молоко*, whereas *портрет прекрасной дамы* is not a *дама* (see (Nikolaeva 2007) for more examples of similarly contrasting kinds of genitive constructions, where sometimes the constituent in the genitive is an argument of a relation and sometimes it is a modifier of a non-relational head noun.)

So following Landman (2004) (see also Rothstein 2009, In press), here we treat pure measure phrases like *два литра* as predicative modifiers: *два литра* combines with *молока* by predicate conjunction (denoting set intersection), resulting in a predicate true of milk, denoting (sums of) milk that measure two liters in quantity, as indicated in the preliminary formula below:

(28) $\lambda x. [\text{MILK}_{<e,t>}(x) \ \& \ \text{2-liters}(x)]$

Unit-of-measure words. We haven’t yet analyzed *два литра*. The main issue here is how to analyze *литр*. Landman’s proposal is to treat **unit-of-measure words** like *литр* as functions from entities to numbers. *Литр* applies to an entity, and intuitively speaking, measures it in liters, returning as value a **number** that indicates how many liters in volume that entity measures. On Landman’s account, the type for such a word is <e,n>, a function from entities to numbers, and it combines with a ‘number expression’ denoting a set of numbers by function composition. On our simplified version of Landman’s account, we can lift that basic meaning of *литр* (which we call LITER₁) to a relation between entities and numbers, LITER₂, combining first with a number, and resulting in a predicate of entities (a predicate that describes the *volume* of the given entity, which must be a portion of the kind of substance that can be measured in volume.)

(29) a. **Литр₁**: Type <e,n>. Meaning: LITER₁ (a basic measure word).
Definedness condition (presupposition): LITER₁ is defined for an argument x only if x is a PORTION-OF-SUBSTANCE (more accurately, a portion of a *pourable* substance)

б. **Литр₂**: Type <n, <e,t>>. Meaning: LITER₂, defined as follows:
LITER₂ = $\lambda n [\lambda x [\text{LITER}_1(x) = n]]$

In formula (296) above, n is a variable over numbers (we also use n as the type for numbers), and x is a variable of type e . $LITER_2$ will apply to a number such as 2 to give the denotation of the predicative measure expression *два литра*.

The sortal restriction on the function $LITER_1$ is inherited by the predicative measure expression *два литра*. If x is a portion of a pourable substance, then the *два литра* predicate can apply to x and return “true” or “false”. Otherwise the *два литра* predicate is undefined.

Sortal restrictions as presuppositions. Of course we would expect a good theory of SORTS and a good theory of measure dimensions like volume to provide a better and more systematic way of characterizing the sortal restrictions of measure functions than the stipulation in the formula in (29). Schwarzschild (2002) discusses some of the possible deeper principles that help to explain why many unit-of-measure words like *liter of* and *inches of* can apply to mass nouns and plural nouns but not to singular count nouns. One would want also to have a systematic account of the different kinds of measures of quantities, including volume, length, depth, weight, etc. In this paper, we have discussed some of the more specific sortal restrictions that apply to particular container-words when they are used to measure quantities. Whatever the best characterization of the relevant sortal restrictions may be, formally they can be modeled as parts of the presuppositions of the corresponding functions. More generally, whenever a functional expression places some sortal requirements on its arguments, these can be formalized as presuppositions (preconditions) for the application of the function. If the preconditions are not met, the function cannot apply and the result is undefined.

Example: If m is a quantity of milk measuring 2.5 liters, then $LITER_1(m) = 2.5$. If m is a mouse, then $LITER_1(m)$ is undefined.

Numerals: *два*: Since we are ignoring Landman’s full treatment of numeral groups like “at least 3”, “more than 2.5”, “between 3 and 6”, etc., we can just treat numerals as proper names of numbers¹¹. As a numeral, *два* is of a new type introduced by Landman, type n for numbers; this is the basic type for any numeral. (In Landman’s treatment, *два* is ambiguous; it can also be a “numeral group” meaning “exactly two” and denoting the unit set of the number 2.)

Combining *два* with *литр*. So now we have *два* in type n denoting the number 2 and *литр*₂ in type $\langle n, \langle e, t \rangle \rangle$, a function from numbers to predicates. They combine by function-argument application, as shown in (30).

When we compose *два* with *литр*, it goes as follows. We use the simple function-name $LITER$ in (30a), and spell it out in accordance with formula (296) in (306). In (306), one can see how the sortal restriction (precondition) for *литр* becomes a sortal restriction (precondition) for the composed function *два литра*.

$$\begin{aligned}
 (30) \quad & \| \text{два литр} \| = \| \text{литр}_2 \| (\| \text{два} \|) = \\
 & = LITER_2(2) = \\
 & = \lambda n [\lambda x [LITER_1(x) = n]] (2) = \\
 & = \lambda x [LITER_1(x) = 2]
 \end{aligned}$$

An annotated tree for the results of this part:

¹¹ In our examples we use the simple numeral *два*, but the same analysis holds for a rational number like *два с половиной*.

$$\begin{array}{ccc}
 (31) & \text{ГР. МЕРЫ, } \langle e, t \rangle, \lambda x. \text{LITER}_1(x) = 2 & \\
 & 3 & \\
 & \begin{array}{cc}
 \text{ЧИСЛО, } n, 2, 5 & \text{ЕДИНИЦА МЕРЫ } \langle n, \langle e, t \rangle \rangle \text{ LITER}_2 \\
 \downarrow & \downarrow \\
 \text{два, } n, 2, 5 & \text{литра}_2, \langle n, \langle e, t \rangle \rangle \text{ LITER}_2
 \end{array} &
 \end{array}$$

Combining *два литра* with *молока*. Now that we have assembled the meanings of the *два литра* and *молоко*, we can return to the top of the tree, where *два литра* combines with *молока* (see tree (25)), and complete the derivation of the meaning we expressed informally at the beginning of this subsection. Since both *два литра* and *молока* are of type $\langle e, t \rangle$, they combine by intersection, which is just generalized conjunction at type $\langle e, t \rangle$ (Partee and Rooth 1983), or the rule of Predicate Modification in (Heim and Kratzer 1998). The result is again of type $\langle e, t \rangle$.

$$\begin{aligned}
 (32) \quad \parallel \text{два литра молока} \parallel &= \\
 &= \lambda y [\parallel \text{два литра} \parallel(y) \ \& \ \parallel \text{молоко} \parallel(y)] = \\
 &= \lambda y [[\lambda z: \text{LITER}_1(z) = 2](y) \ \& \ \text{MILK}_{\langle e, t \rangle}(y)] = \\
 &= \lambda y. [\text{LITER}_1(y) = 2 \ \& \ \text{MILK}_{\langle e, t \rangle}(y)]
 \end{aligned}$$

This is the desired result: *два литра молока* is true of an entity (a portion of some substance) if that entity is (some) milk and that entity measures 2 liters.

Note on meaning and type of the complete *Именная Группа*. The phrase *два литра молока* is ambiguous between being an incomplete noun phrase (NP in Western work) of type $\langle e, t \rangle$, a predicate true of portions of milk, vs. being a complete noun phrase (DP), which could either be of entity-type e (a definite or indefinite referential expression) or of generalized-quantifier type $\langle \langle e, t \rangle, t \rangle$. To derive the possible DP meanings, one could posit either one or more “empty determiners”, which is controversial but fairly widespread in the Western literature, or use the kind of type-shifting principles suggested in (Partee 1986) to derive an indefinite or definite interpretation. A full DP could also be built up from an $\langle e, t \rangle$ -type NP by adding an overt determiner such as *эти*.

When the phrase *два литра молока* is used as a complete noun phrase with no added determiner, it is probably most often interpreted indefinitely, with a meaning paraphrasable as “some two liters of milk”, analyzable as a generalized quantifier (type $\langle \langle e, t \rangle, t \rangle$) incorporating an existential quantifier.

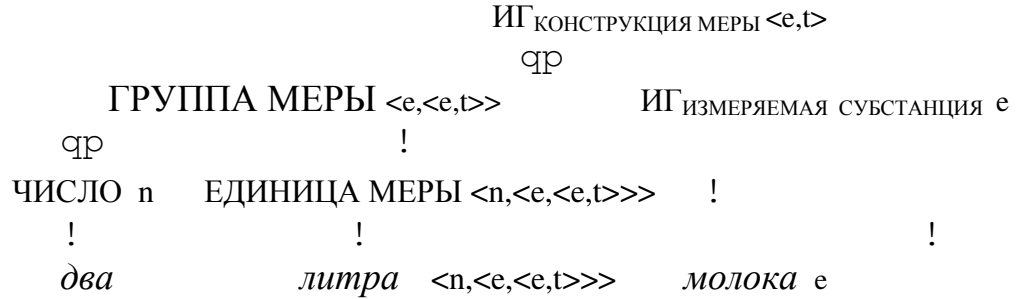
The existence of the NP of type $\langle e, t \rangle$ is uncontroversial, and it is enough for our purposes, so we will consider our work here complete when we have derived the proper interpretation for the $\langle e, t \rangle$ -type NP. We will not provide a full syntactic or semantic analysis of the possible DP readings for the expression; it would be straightforward to add such rules for either a “null determiner” analysis or a type-shifting analysis.

5.5.1.2. Derivation of the example using e-type kind-denoting *молоко*.

It would also be possible to derive the same semantic result with an analysis that treats *два литра* like a relational noun that takes as an e -type argument the kind-denoting version

of *молоко*. We present the tree annotated with the revised types needed for such an analysis, and then present the meanings of each of the parts and their compositional combination.

(33)

Молоко_e here serves as the proper name of a *kind* and is of type *e*. In the analysis on this derivation we appeal to two type-shifting operators of Chierchia (1984) which relate kind-denoting *молоко_e* and predicate *молоко_{<e,t>}* to each other, shown in (34).

- (34) а. $\cup \text{MILK}_e = \text{MILK}_{\langle e, t \rangle}$ (a predicativizing operator)
 б. $\cap \text{MILK}_{\langle e, t \rangle} = \text{MILK}_e$ (a nominalizing operator)

The number-word *два* is again treated as a constant of type *n*, denoting the number 2. But in order for *два литра* to take the *e*-type argument *молока_e*, we need a different type for *литр*; we will call this one *литр₃*, and we will call its denotation *LITER₃*.

- (35) *Литр₃*: Type $\langle n, \langle e, \langle e, t \rangle \rangle \rangle$. Meaning: *LITER₃*, defined as follows:
 $\text{LITER}_3 = \lambda n [\lambda y [\lambda x [\cup y(x) \ \& \ \text{LITER}_1(x) = n]]]$

Combining *два* with *литр*, again by function-argument application:

- (36) $\| \text{два литра} \| = \| \text{литра}_2 \| (\| \text{два} \|) =$
 $= \text{LITER}_3(2) =$
 $= \lambda n [\lambda y [\lambda x [\cup y(x) \ \& \ \text{LITER}_1(x) = n]]] (2) =$
 $= [\lambda y [\lambda x [\cup y(x) \ \& \ \text{LITER}_1(x) = 2]]]$

Combining *два литра* with *молока*, also by function-argument application:

- (37) $\| \text{два литра молока} \| = \| \text{два литра} \| (\| \text{молоко}_e \|)$
 $= [\lambda y [\lambda x [\cup y(x) \ \& \ \text{LITER}_1(x) = 2]]] (\text{MILK}_e) =$
 $= \lambda x [\cup \text{MILK}_e(x) \ \& \ \text{LITER}_1(x) = 2] =$
 $= \lambda x [\text{MILK}_{\langle e, t \rangle}(x) \ \& \ \text{LITER}_1(x) = 2]$

This is exactly the same as our earlier result: *два литра молока* is true of an entity (a quantity of some substance) if that entity is (some) milk and that entity measures 2 liters.

Of the two authors, BHP prefers the first derivation, in which *два литра* functions as a predicate (a modifier) and is combined with $\langle e, t \rangle$ -type *молока* by intersection, since that most directly reflects the interpretation we end up with on either derivation. VB prefers the second derivation, on which *два литра* functions as a relational expression taking *e*-type

молока as an argument, since that would seem to make it more similar to other genitive constructions. Further syntactic and semantic argumentation would be required to decide between the two. The analysis preferred by BHP makes *два литра молока* similar to familiar analyses of *две книги*. It is standard in formal semantics since Link (1983) to treat numerals as predicates of plural entities, and many authors such as Krifka (1995) have drawn analogies among simple numerals, numeral + classifier constructions, and measure phrases: all can be viewed as quantitative predicates true of countable or mass-like entities. Note that one difference between the two analyses is in the type of *молока*; since Russian lacks articles, it is not always easy to tell whether a given expression is a common noun phrase (type <e,t>) or a full noun phrase (DP, type e). That would be one direction in which more evidence could be sought; that is one kind of argumentation used by Rothstein (2009) to distinguish between individuating readings and measure readings of comparable constructions in Hebrew. But we will not try to settle the issue here. In the rest of Section 5.5, we will assume the first derivation for *два литра молока*, as given in Section 5.5.1.1.

5.5.2. КБАHT

Now let's consider *два стакана молока* on the КБАHT reading. The result should also be some quantity of milk, but this time it should be a quantity of milk that fills two glasses.

There seem to be two different ways to characterize the КБАHT reading more precisely, and we are not sure which is correct, so we will offer formalizations for both. One is closer to the pure measure reading that we formalize in Section 5.5.3, and the other is closer to the КБАHT+КОHTEЙHEP reading which we semi-formalize in Section 5.5.4.

The measure-like КБАHT. On the more measure-like version of the КБАHT reading, some glass is considered as a unit of measure, and *два стакана молока* then refers to a quantity of milk that fills, or would fill, that glass two times, or two glasses of that size. That is, we make a shift from a concrete glass to a measure of the volume of milk that glass can hold. And with the glass construed as a measure, it is perfectly natural to speak of fractional glassfuls (as with the English word *glassful*, in fact), as in a subset of the examples in (15) above, repeated below as (38).

- (38) (=15) a. *Он налил себе полстакана сока.*
 б. *Они выпили за завтраком полкринки молока.*
 г. *Он купил на рынке два с половиной мешка картошки.*

The more concrete КБАHT. On the more “concrete” version of the КБАHT reading, when we say *два стакана молока*, we are talking about milk that fills two glasses (though it could be indeterminate whether they were two different glasses or one glass twice¹²). But since on that reading a numeral like *два* in *два стакана молока* is quantifying over glasses, it's not clear how fractional glasses could be possible, and therefore it's not clear how we could account for the examples in (38). On the other hand, it's easier on this conception to account for example (15д) above, repeated below as (39).

- (39) (=15д) *Он сварил две кастрюли супа, большую для всех и маленькую для кошки.*

Formalizing the more concrete КБАHT.

¹² There is in principle even more indeterminacy; if the semantic interpretation concerns the amount of milk that “could fill” or “would fill” a certain number of glasses, the glass(es) themselves need not actually be used.

The more concrete KBAHT is easier to formalize. On this reading of *два стакана молока* we specify that there should be two glasses that the milk fills; normally they would be presumed to be distinct glasses, although technically the definition does not require that.

We believe that the syntax of this construction on either “sub-reading” of the KBAHT reading is basically the same as for the measure construction, the main difference being that *стакан* is not taken as a basic unit of measurement, but rather a ‘measure’ based on concrete glasses that are filled with the substance. This derived meaning of *стакан*, which we call *стакан2.1*, is based on a lexical meaning-shift available to all words of the sort CONTAINER.

стакан2.1: type: $\langle n, \langle e, t \rangle \rangle$. Meaning: $\lambda n [\lambda x [\exists y. \text{glasses}(y) \ \& \ x \text{ fills } y \ \& \ |y| = n]]$

два стакана2.1: type $\langle e, t \rangle$. Meaning: $\lambda x [\exists y. \text{glasses}(y) \ \& \ x \text{ fills } y \ \& \ |y| = 2]$

два стакана2.1 молока: type $\langle e, t \rangle$.

Meaning: $\lambda x [\text{MILK}_{\langle e, t \rangle}(x) \ \& \ [\exists y. \text{glasses}(y) \ \& \ x \text{ fills } y \ \& \ |y| = 2]]$

Meaning shift to convert *стакан1* (concrete object, type $\langle e, t \rangle$) to *стакан2.1*: In the formula below, *P* is a variable of type $\langle e, t \rangle$, the type of *стакан1*; the expression to the right of the arrow gives the meaning of the derived predicate *стакан2.1* when we take the meaning of *стакан1* as the value of *P*.

$P \Rightarrow \lambda n [\lambda x [\exists y. P(y) \ \& \ x \text{ fills } y \ \& \ |y| = n]]$

(Note: if we ignored modification by numerals, and just considered *стакан молока*, we could have a simpler meaning shift, which might be considered a step towards the meaning-shift above. The simpler meaning shift, from type $\langle e, t \rangle$ to a different (KBAHT) meaning of type $\langle e, t \rangle$, would be: $P \Rightarrow \lambda x [\exists y. P(y) \ \& \ x \text{ fills } y]$.)

Formalizing the measure-like KBAHT. This reading is very close to the MEPA reading to be discussed next, and both are quite similar to the interpretation of *лump*. The difference is that in this KBAHT reading, available for all sorts of containers whether they have any “standard” versions used for measuring or not, an *ad hoc* unit of measure is created based on a concrete container, such as a particular glass.

стакан2.2: type: $\langle n, \langle e, t \rangle \rangle$. Meaning: $\lambda n [\lambda x [\exists y [\text{glass}(y) \ \& \ \text{the volume of } x \text{ is } n \text{ times the volume of } y]]]$

два стакана2.2: type $\langle e, t \rangle$. Meaning: $\lambda x [\exists y. \text{glass}(y) \ \& \ \text{the volume of } x \text{ is } 2 \text{ times the volume of } y]$

два стакана2.2 молока: type $\langle e, t \rangle$. Meaning: $\lambda x [\text{MILK}_{\langle e, t \rangle}(x) \ \& \ [\exists y. \text{glass}(y) \ \& \ \text{the volume of } x \text{ is } 2 \text{ times the volume of } y]]]$

Meaning shift to convert *стакан1* (concrete object, type $\langle e, t \rangle$) to *стакан2.2*:

$P \Rightarrow \lambda n [\lambda x [\exists y [P(y) \ \& \ \text{the volume of } x \text{ is } n \text{ times the volume of } y]]]$

For either variant of the KBAHT reading, only nouns which either belong to the sort CONTAINER or can be contextually reinterpreted as belonging to the sort CONTAINER can undergo the given meaning-shift. In Section 6 we give a characterization of the sort CONTAINER, which includes the property of containers that their inner part has a VOLUME. As noted earlier, every noun which has the sort “CONTAINER” inherits the properties that hold of all containers, including the property of having an inner part which defines a

VOLUME. So a suitable theory of sorts, not developed here, is a crucial part of predicting which nouns can naturally shift to the КВАНТ reading or the related readings discussed below.

5.5.3. МЕРА

For those containers which have become “standard measures”, there is a further shift in meaning. In this МЕРА sense, *два стакана молока* does not require that there be any glasses containing the milk; the reference now is to a quantity of milk which would fill two “standard-glasses”. This is a shift that is conditioned by factors in the actual world; it can happen only when there has come to be a relevant standard size for a *стакан*, either by the manufacture of “measuring glasses” (as with ‘cup’ in the USA) or by common convention (as with *стакан* in Russia).

*стакан*3: type: $\langle n, \langle e, t \rangle \rangle$. Meaning: $\lambda n [\lambda x$ [the volume of x is n standard-*стакан*-units]]

*два стакана*3: type $\langle e, t \rangle$. Meaning: λx [the volume of x is n standard-*стакан*-units]

*два стакана*3 *молока*: type $\langle e, t \rangle$.

Meaning: λx [$MILK_{\langle e, t \rangle}(x)$ & the volume of x is n standard-*стакан*-units]]

Since the shift depends on a crucial non-linguistic factor, namely that some container becomes a new conventional standard measure of volume, we cannot write a formal meaning-shifting rule to derive it. The similarity of this shifted meaning to the more measure-like КВАНТ meaning and to the meaning of *литр* nevertheless makes it a natural shift.

5.5.4. КВАНТ+КОНТЕЙНЕР

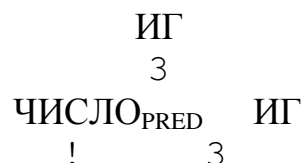
We have discussed above some of our uncertainties about how to describe the reading on which *два стакана молока* seems to denote both the glass and the milk at the same time. The notion of a “dotted type” proposed by Pustejovsky for such cases has not been adequately formalized and we will not try to formalize it here.

The reading we will formalize is one that corresponds to the “individuating reading” in Rothstein’s analysis of English and Hebrew (Rothstein 2009, In press). We believe that also in Russian, in this case *стакан* is the head noun of the noun phrase, and only in this case it shifts to a relational reading (like the head nouns in many other genitive constructions involving a relational noun and its argument (Borschev and Partee 1999, 2001a, 2001b, Jensen and Vikner 2004, Nikolaeva 2007, Partee and Borschev 2003, Vikner and Jensen 2002)). It takes as its complement not just a noun but a full noun phrase (DP in the Western literature). So *молока* in this case is not the head of the construction, but a complement of *стакан*, and because this complement should be a full noun phrase, we take this to be the kind-denoting version of *молока* (type e).

But we note that on the formalization we offer below, the construction directly denotes the glass, and only indirectly the milk in it. We have therefore not succeeded in formally differentiating this meaning from the meaning that would be appropriate for *стакан с молоком*.

The syntactic tree for *два стакана молока* on this reading is below in (40).

(40)

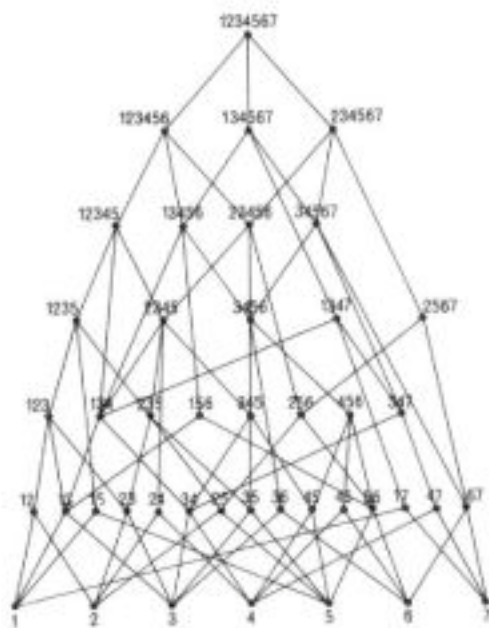

Appendix.

Here is a diagram of a semi-lattice structure, taken from <http://www.rudi.net/images/3698>, a part of “A City is not a Tree” by Christopher Alexander (<http://www.rudi.net/books/201>).

Imagine a universe with just seven tables, named by the numbers 1 through 7. Then this diagram is almost right for the semi-lattice corresponding to the noun *стол/стола*. The seven atoms corresponding to the singular *стол* are on the bottom. The plural individual consisting of table 1 plus table 3 is labeled 13 in the diagram; the plural individual that results if you sum atomic individual 4 and plural individual 13 is labeled 134; etc.

The semi-lattice in this diagram, unlike Link’s semilattices for mass nouns and plural nouns, is not a “complete” semi-lattice, because some of the plural individuals that Link would include are missing: there is no element 123, and no element 567, for instance.

5.6. Другие конструкции с контейнерами

Значения ГKM- конструкции и сорта ее участников можно сопоставить с употреблением контейнеров и субстанций в других конструкциях.

Конструкция с предлогом с: *стакан с молоком, ящик с яблоками, вазочка с вареньем, ваза с цветами*. Если первый компонент этой конструкции – предмет, относящийся к сорту КОНТЕЙНЕР, то конструкция в целом обозначает этот предмет (стакан или ящик), а его содержимое (второй компонент) используется как модификатор.

Эта интерпретация сближает рассматриваемую конструкцию с подтипом **КВАНТ+КОНТЕЙНЕР** ГKM-конструкции и с конструкцией с предлогом *shel* в современном иврите, рассатриваемую в работе (Rothstein, In press).

Заметим, что в английском языке конструкция с предлогом *with* используется меньше, чем русская конструкция с предлогом *с*. Может быть поэтому *vase of flowers* используется там, где по-русски говорят *ваза с цветами*.

Конструкция с предлогом *в*: *молоко в стакане, яблоки в ящике, вода в бассейне*. Второй компонент здесь (имя в предложной конструкции) должен, видимо, относиться к сорту ВМЕСТИЛИЩЕ. Первый участник конструкции (*молоко, яблоки*, и т.п.) – это любая реалия (предмет или субстанция), которая может быть помещена в соответствующее вместилище. Конструкция в целом обозначает эту реалию, специфицируя ее местоположение (во вместилище), но, в случае субстанции, не измеряя ее количества.

6. Описание сорта КОНТЕЙНЕР

6.1. Как описывать сорта

В работах Московской семантической школы значение слова (точнее, лексемы) описывается *толкованием* (см, например, Апресян 1994). Толкования можно рассматривать, как уточнения дефиниций в толковых словарях. Толкование строится как текст на «специальном формальном метаязыке»¹⁴. По-видимому, одним из образцов были тексты математических определений (выдвигались такие требования, как «необходимость и достаточность», «отсутствие порочных кругов», наличие семантических примитивов – аналог неопределяемых понятий в математике, и т.п.).

Мы в наших работах (Борщев 1996, Borschev and Partee 1998, Борщев и Парти 2002) предлагали представлять значение слова как набор утверждений, связывающих его со значениями других слов и категорий. Такого рода утверждений много и естественно пытаться выделить некоторый базисный набор утверждений, следствиями которых являются все остальные, и считать этот набор толкованием. С логической точки зрения можно говорить о наборе принимаемых в толковании *аксиом*, или, пользуясь терминологией формальной семантики (идущей от Карнапа), *meaning postulates*. Все такого рода утверждения вместе со всеми их следствиями можно, следуя логической терминологии, считать *теорией* данного слова (в рассматриваемом значении). Как нам кажется, такой подход в принципе совместим с реальной практикой Московской семантической школы.

Нужно отметить, что на практике нелегко (и не всегда обязательно) рассматривать все аксиомы, обычно мы имеем дело с неполными теориями.

Описание сортов также естественно строить, как их теории. Если слово принадлежит некоторому сорту, то теория этого сорта будет частью теории данного слова. Мы уже говорили, что слово (даже без учета полисемии) может принадлежать сразу нескольким сортам. Т.е. его теория может включать теории нескольких сортов.

Сорта делают теории других сортов (и слов) «модульными» Теория сорта «ссылается» на теории всех сортов, к которым принадлежит слово, и содержит дополнительные аксиомы, специфические для данного слова. Так, в работе Борщев, Парти 1999, рассматривая слово *портрет*, мы говорили, что оно принадлежит, по крайней мере, к трем сортам: ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ, ОБРАЗ и ПРОИЗВЕДЕНИЕ. Соответствующие свойства, относящиеся к этим сортам, описываются как теории этих сортов. Теория слова *портрет* включает ссылки на эти теории и содержит дополнительные аксиомы, описывающие специфические свойства портрета.

¹⁴ Кавычками в этом абзаце выделены цитаты из указанной работы Апресяна.

В каком-то смысле структура такого рода теории слова аналогична структуре обычных словарных дефиниций, опорные слова которых, а иногда и их модификаторы, аналогичны сортам (см. примеры словарных статей в разделе 3, в частности **КОРЗИНА ...** Плетеное ИЗДЕЛИЕ, служащее ВМЕСТИЛИЩЕМ...).

Замечание. Такого рода описания аналогичны понятию *абстрактных типов данных* (*Abstract Data Types*) в Computer Science (Wirsing 1990), где для каждого типа данных специфицируются его свойства и в терминах этих свойств описываются операции, которые можно выполнять на объектах, принадлежащих к данному типу.

6.2. Неформальная теория сорта КОНТЕЙНЕР

Ниже мы опишем на неформальном уровне теорию сорта КОНТЕЙНЕР¹⁵. Перечислим существенные свойства контейнеров (см. также Rakhilina 2004¹⁶):

1) Физический объект, имеющий полость

Контейнер – это *физический объект*, имеющий *полость*, предназначенную для заполнения *субстанцией*. Поэтому можно говорить об *объеме* этой *полости*.

Более того, прототипический контейнер, в каком-то смысле, «определяется» этой полостью, это как бы полость, образованная стенками или оболочкой контейнера.

Заметим, что это свойство отделяет ГKM-конструкции от упомянутых выше других конструкций генитива меры типа *охапка сена*, *связка книг* и т.п. Слова *охапка* и *связка* сами по себе, без последующего генитива, не являются именами автономных физических объектов, они только возможные части таких имен.

2) Мы наполняем контейнеры подходящими субстанциями.

Мы *наполняем* стаканы, банки, ведра и т.п. жидкостями или сыпучими телами, ящики, корзины, мешки и те же ведра не жидкими, но сыпучими или просто однородными *субстанциями* (яблоками, картошкой, мелкими упаковками и т.п.), а специальные ящики – бутылками пива, вина или водки. Как мы уже писали выше, что в данном случае множественность бутылок (выраженную множественным числом) язык «приравнивает» к субстанции, кроме того, здесь происходит метонимический сдвиг: *ящик водки* вместо *ящика бутылок*.

Существуют ограничения на то содержимое, которым могут быть заполнены те или иные контейнеры. Эти ограничения отражают «объективную реальность» (как физическую возможность, так и то, что принято или не принято держать в тех или иных контейнерах). Скажем, жидкости трудно держать в корзине (**корзина воды*). Можно держать на своем письменном столе кнопки или скрепки в стеклянной баночке, но это не стандартный способ хранения таких вещей (*банка со скрепками* лучше, чем ?*банка скрепок*).

Но мы не *наполняем* карман перчатками, а футляр очками, мы скорее *помещаем* туда эти предметы (**карман перчаток*, **футляр очков*), перчатки и очки не являются однородными *субстанциями*. По-видимому мы не считаем, что мы можем наполнять вазу, ее полость, цветами (особенно *в какой-то степени* – см. ниже). Скорее, мы *ставим* цветы в вазу.

¹⁵ В этих описаниях слова и выражения, набранные курсивом с подчеркиванием (типа *контейнер* или *физический объект*) представляют сорта, как те, которые мы рассматривали выше, так и те, о которых мы не говорили, но которые нужны для описания рассмотренных.

¹⁶ Как уже указывалось в ссылке к заголовку данной работы, авторы в течении нескольких лет тесно сотрудничали с Е.В. Падучевой и Е.В. Рахилиной. Поэтому естественно, что в наших работах и в работах Рахилиной, посвященных генитивной конструкции, много общего.

В то же время мы можем наполнять объекты, которые не являются контейнерами (по другим причинам, которые мы обсудим ниже) – бассейны и вазы водой, шкаф и полки шкафа одеждой и т.п. (**бассейн воды*, **полка белья*).

Выше мы уже обсуждали слово *сосуд*, сорт СОСУД и соотношение сосудов и контейнеров. Сосуды заполняют главным образом жидкостями или сыпучими телами, как правило их делают из стекла, керамики или металла. Стаканы и банки являются и *сосудами*, и *контейнерами*, вазы, по-видимому, относятся к *сосудам*, но не к *контейнерам*. Ящики заведомо не являются *сосудами*. Генитив меры возможен только для тех *сосудов*, которые являются *контейнерами* (**ваза воды*).

Как уже говорилось, генитив меры рассматривается в Апресян (1999), работа эта близка (в этой части) нашей статье Борщев и Парти (1999) и данной работе. В этой работе Апресяна рассматриваются сорт *сосуды*, но основные утверждения, касающиеся сосудов, на наш взгляд, верны и для *контейнеров*.

3) Контейнеры могут быть заполнены частично: *полкорзины грибов*

Стаканы, ящики и другие контейнеры могут быть заполнены до некоторой степени – полностью, наполовину, на треть и т.п. Некоторые прозрачные контейнеры снабжаются шкалой – чтобы видеть, до какой степени они заполнены. Может быть со всеми контейнерами мы связываем некоторую виртуальную шкалу и всегда можем судить о том, в какой степени они заполнены. Это верно не только для контейнеров, но и, например, для заполненных водой в той или иной степени ваз, бассейнов, и т.п. Но это не так для некоторых других вместилищ, не являющихся контейнерами – для карманов, бумажников, сейфов. Мы обычно не считаем, что сейф может быть заполнен бумагами на четверть, а бумажник деньгами на две трети (**сейф бумаг*, **бумажник денег*). По-видимому именно возможность оценивать степень наполнения контейнеров делает возможным их использование в конструкции генитива меры, т.е. возможность семантического сдвига, наблюдаемого в этой конструкции: от контейнеров к контейнерной мере.

Это свойство связано с двумя свойствами субстанций, упомянутыми выше, их гомогенностью и измеримостью. Словосочетание **ваза цветов* плохо, может быть, еще и потому, что мы не рассматриваем цветы в вазе как гомогенную и измеримую субстанцию. И мы не заполняем ими полость вазы на треть или наполовину. В то же время, правильность конструкции *полкорзины грибов* связана, может быть, не только с тем, что корзина может быть заполнена наполовину, но и с тем, что этот объем может быть использован, как мера данной измеряемой субстанции.

Измеримостью субстанций объясняется, видимо, и контраст примеров в (42):

- (42) (а) **полкошелька денег*
(б) *полкошелька золота*

Хотя можно представить, что кошелек физически наполовину заполнен деньгами (монетами, мелочью), мы обычно не измеряем деньги «объемом» (но и это бывает – *чемодан долларов*). Пример (42б) демонстрирует, что какое-то время тому назад дело, видимо, обстояло иначе (особенно, если судить по историческим романам).

Наверное, аналогичными причинами объясняется сомнительность (или неприемлемость) примеров (43), хотя комната может быть наполовину заполнена людьми, а полка в шкафу частично заполнена свитерами. Что тут играет основную роль – невозможность концептуализировать эти вместилища как контейнеры (со шкалой частичного заполнения) или трудность измерения людей «комнатами», а свитеров – полками? Или оба фактора вместе?

- (43) (а) ?? *полкомнаты гостей*
(б) **треть полки свитеров*

Замечание. Предыдущий абзац напоминает о том, что мы имеем дело с языковой, «наивной» онтологией. И когда мы говорим о сортах, в частности, о свойствах контейнеров, речь идет, скорее не об «объективной реальности», а о том, как мы концептуализируем эту реальность. Можно ли считать, что данный объект имеет полость? Можно ли считать эту полость вместилищем? Может ли это вместилище быть заполнено полностью или наполовину чем-то, что мы согласны считать однородной и измеримой субстанцией? Все это часто зависит от нашей точки зрения.

4) Контейнеры функциональны – мы их используем, интересуясь их содержимым

Действительно, мы пьем из стаканов, храним или перемещаем что-нибудь в ящиках. Т.е. контейнеры служат нам для хранения, перемещения и прочего употребления находящихся в них субстанций. А, скажем, бассейны (плавательные) нужны нам, чтобы плавать в них, а не просто держать воду. Поэтому, хотя мы и наполняем бассейны водой, этот процесс наполнения, видимо, не так важен с когнитивной точки зрения, он скорее воспринимается, как нечто техническое. Точно также, когда мы наливаем воду в вазу с цветами, она используется не для того, чтобы держать в ней воду, она не контейнер для воды.

Конечно, в экстремальной ситуации бассейн можно использовать для хранения воды и тогда естественно будет сказать, что *осталось еще полбассейна воды*.

Замечание. Четкость выделенных свойств

Допустим, что мы «правильно» выделили весь набор свойств, отделяющих контейнеры от других вместилищ, не являющихся контейнерами и можем сформулировать что-то вроде определения контейнера в наивной онтологии:

Вместилище является контейнером, если и только если оно обладает всеми перечисленными выше свойствами.¹⁷

Кажущаяся точность такого рода высказываний не должна вводить нас в заблуждение. Дело в том что выполнимость каждого из этих свойств не всегда очевидна и часто зависит от нашей точки зрения, от принимаемой нами в данный момент концептуализации реальности.

Скажем, является ли папка контейнером? Обсудим выполнимость наших свойств.

1) Старая «советская» папка с завязочками, скорее имеет полость, а вот имеет ли полость американский фолдер?

2) Можно ли наполнить бумагами «советскую» папку? Ну, наверное, можно, но не всегда понятно, что это значит.

3) Тем более не ясно, можно ли наполнить ее бумагами наполовину, на треть и т.п. Возможны разные точки зрения.

4) С четвертым свойством проще, вроде, папка предназначена, как правило, для хранения бумаг.

¹⁷ Е.В.Падучева (личное сообщение) предложила более афористичную формулировку: «Контейнер – это вместилище, которое может быть мерой». Это действительно удачная формулировка, но она не содержит описания свойств вместилищ, которые делают контейнер мерой, и, поэтому, скорее дополняет, а не заменяет наше описание таких свойств.

Итак, степень выполнимости того или иного свойства для данного объекта часто достаточно размыта, суждения об этом могут быть достаточно субъективны. Поэтому и степень соответствия конкретного объекта нашему определению контейнера тоже может быть достаточно размыта. Этим определяется размытость наших представлений о приемлемости некоторых словосочетаний типа *палка бумаг*.

6.3. «Способствующие» модификаторы

Известно, что добавление таких модификаторов, как *полный, целый*, или числительных делает приемлемыми выражения (генитива меры), которые без них были бы невозможны или сомнительны:

- (44) (а) *полная комната гостей* но **комната гостей*
(б) *два автобуса туристов* но ?*автобус туристов*

В работе Борщев-Парти (1999) мы рассматривали сходный пример (45), описывающий человека, оказавшегося в лесу без корзины и собиравшего грибы в свою шляпу. Прилагательное *полный* помогает «дешифровать» слово *шляпа*, как контейнер (дело, конечно, не только в слове *полный*, шляпа похожа на контейнер, у нее есть полость, и мы можем, если захотим, превратить ее в контейнер, и тогда для нее будут выполняться можно (1) – (4)). Без прилагательного *полный* словосочетание (45б) представляется не вполне приемлемым.

- (45) (а) *Он принес полную шляпу грибов*
(б) ?*шляпа грибов*

Видимо и в общем случае указанные модификаторы осуществляют такого рода механизм семантического сдвига, помогая считать контейнерами предметы, которые мы обычно таковыми не считаем. Модификаторы эти акцентируют наполняемость данных предметов соответствующей субстанцией. Но чтобы механизм такого сдвига работал, предметы эти исходно должны обладать некоторыми свойствами контейнеров (прежде всего, иметь полость).

6.4. набросок теории сорта КОНТЕЙНЕР

Чтобы построить теорию сорта КОНТЕЙНЕР, рассмотренные выше свойства контейнеров и соотношения контейнеров с субстанциями должны быть уточнены, схематизированы и представлены в виде четких утверждений. Ниже приводится полуформальный набросок такого рода теории.

(46) **Контейнер (x)**

- 1) *x* является автономным физическим объектом
- 2) *x* имеет полость и его форма определяется, в основном, этой полостью
- 3) *x* имеет объем, равный объему его полости, и этот объем может быть заполнен подходящей субстанцией до некоторой степени. Эта возможная степень заполнения *x* может быть оценена с помощью виртуальной шкалы с набором значений типа ‘полностью’, ‘почти полностью’, ‘наполовину’ и т.п.
- 4) *x* предназначен для того, чтобы иметь дело¹⁸ с субстанциями, которые *x* может содержать (для их хранения, перевозки, и т.п.)

¹⁸ У Даля (см. дефиницию слова *сосуд* в приведенном в разделе 2 фрагменте словаря) конечно, сказано короче и лучше: «для держанья, храненья чего-либо....»

Как мы уже говорили, аксиомы теории контейнера наследуются теориями всех слов, являющихся контейнерами. В то же время они связаны со свойствами сортов, упомянутых в этих аксиомах.

7. Несколько разрозненных замечаний

Нечеткости

Перечисленные выше свойства контейнеров и приведенная выше «теория» – это очень грубое описание сорта КОНТЕЙНЕР. Но мы предполагаем, что что-то вроде такого рода теории существует (в головах носителей русского языка) и позволяет нам различать хорошие и плохие примеры конструкции генитива меры.

Можно поспекулировать, почему граница между хорошими и плохими примерами довольно размыта:

- Размытость самой теории (в головах носителей языка). Так мы говорим, что контейнер может быть заполнен *подходящей* субстанцией и вряд ли наши представления о том, какие субстанции подходят для данного контейнера, могут быть достаточно четкими.
- Уже упоминаемая размытость выполнимости тех или иных свойств, хотя сами свойства могут быть достаточно четкими. Скажем выполнимость свойства (3) для тех или иных кандидатов в контейнеры. Мы уже говорили об этом выше: может ли, например, папка быть заполнена бумагами на одну треть или полка заполнена книгами наполовину?
- Разброс идиолектов.
- Конкуренция разных значений генитивной конструкции и других конструкций, возможные «блокирующие эффекты».

Непрототипические контейнеры

До сих пор мы обсуждали «нормальные» контейнеры. Можно говорить о «метафорических контейнерах», задаваемых такими выражениями, как *страница текста* или *три стены фресок* («плоские контейнеры», в отличие от обычных, объемных).

Словарные дефиниции для контейнеров

Мы просмотрели в русских толковых словарях слова, называющие сущности, подпадающие под наше определение сорта КОНТЕЙНЕР. Почти все они в качестве опорного слова словарного толкования используют либо *сосуд*, либо *вместилище*. Исключения составляют слова, относящиеся сразу к нескольким сортам. Скажем, *вагон* – это не только КОНТЕЙНЕР, но и ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО, причем этот второй сорт, в каком-то смысле, важнее для словарного определения, и именно он используется обычно в качестве опорного слова.

8. Заключение.

В заключение сравним понятие *сорт* с понятием *семантических примитивов*, рассматриваемом во многих работах по лексической семантике (см., например, Mel'čuk 1988, Апресян 1994, Wierzbicka 1996). Само слово *примитивы* (или *атомы смысла*) как бы навязывает представление, что сложные смыслы строятся некоторым образом из простых, в конечном счете, из примитивных.

Понятие *сорт* предлагает в каком-то смысле «обратную перспективу». Оно предполагает, что язык *классифицирует, сортирует* реалии и, тем самым, их имена и

акцентирует соотношения разных смыслов друг с другом, а не то, что одни смыслы строятся из других. Но *теории* более конкретных сортов *наследуют аксиомы* из *теорий* более абстрактных сортов, с которыми они связаны теми или иными соотношениями.

Впрочем, может быть именно это имеется в виду при рассмотрении семантических примитивов.

Приложение («чистилище Корпуса»)

Как уже говорилось во Введении, в 2004 г. появился Национальный Корпус Русского Языка (НКРЯ). А чуть позже одному из авторов была заказана популярная статья о Корпусе (Борщев 2006). Было естественно, так сказать, пропустить наш материал через «чистилище Корпуса», т.е. использовать инструментарий Корпуса для проверки основных положений нашей работы.

Мы начали работать с Корпусом в октябре 2005 г.¹⁹ Основная цель – более обстоятельная проверка наших гипотез, как основной, о сортах составляющих конструкции генитива меры, так и более частных, прежде всего о выделенных нами свойствах контейнеров.

Но прежде всего, хотелось бы подробнее посмотреть материал, т.е. *все* содержащиеся в Корпусе примеры нашей конструкции, проверить, так сказать, однородность материала и ощутить границы конструкции. Однако это не так легко сделать с помощью существующего инструментария. Можно, конечно, тупо запросить все генитивные конструкции из корпуса запросом типа (47), а потом все выданные примеры просмотреть и выбрать примеры генитива меры:

- (47) Слово 1: S
расстояние между словами: 1..2
Слово 2: S&gen
(т.е. первое (опорное) слово – существительное, второе (зависимое) – существительное в генитиве, второе слово либо непосредственно следует за первым, либо с помехоткой в одно слово)

Ответ:

Найдено документов: 21340, контекстов: около 350 тысяч

Но многовато пришлось бы просматривать...

К счастью, в Корпусе уже есть семантическая разметка – семантическая классификация лексики. Классификация эта сравнительно грубая. Но прагматически она очень полезна, в частности, в задачах типа нашей. Так, в этой классификации есть категории, близкие тем, которыми мы интересуемся: *вместилище*, а также *вещества и материалы*. *Вместилище* значительно шире *контейнера*²⁰. Вместилищами будут почти все наши контейнеры, но, кроме того к этому классу корпус относит *кухни, клубы, ущелья, ледники* и массу других слов.

Выделяемая в корпусе категория *вещества и материалы* уже ближе к нужным нам *субстанциям*, хотя вряд ли эти классы совпадают. Но используя обе эти семантические категории вместе с грамматическими признаками, можно существенно ограничить выдачу, сохраняя более или менее все, что нам нужно, см. запрос (48):

¹⁹ Мы указываем даты, т.к. НКРЯ постоянно пополняется и результаты поиска по одному и тому же запросу могут меняться.

²⁰ Заметим, что в языке запросов для этих категорий используются обозначения (tags) *contain* и *stuff*, первое образовано, видимо, от слова *container*. Но подчеркнем еще раз, что эта категория значительно шире, чем наш *контейнер*.

- (48) Слово 1: S r:concr & top:contain
расстояние между словами: 1..2
Слово 2: S&gen & S r:concr & t:stuff
(т.е. опорное слово – существительное, относящееся к категории *вместилище*, зависимое – существительное в генитиве, относящееся к категории *вещества и материалы*)

Ответ:

Найдено документов: 143, контекстов: 807

Это уже обозримая выборка. Естественно, даже в ней многие примеры заведомо не относятся к нашей конструкции (т.е. это генитивная конструкция, но не генитив меры). Скажем, *дом шоколада* – это не дом, заполненный шоколадом, а *клетки кожицы* – это не клетки, заполненные кожей. Если выкинуть все такие примеры, получим список из 167 словосочетаний. Большинство из них принадлежит нашей конструкции, некоторые – это интересные сомнительные или «пограничные» случаи. Т.е. это действительно хороший исходный материал для работы. Надо сказать, что некоторые типы примеров не приходили нам в голову, когда мы эту работу начинали.

В феврале 2006 г. мы продолжили работу с НКРЯ. К этому времени Корпус был расширен до 120 млн словоупотреблений. И, что было еще более существенным, поиск по запросам, использующим семантическую разметку, в частности, по запросу (48), проводился по всему корпусу, в то время как раньше поиск по таким запросам осуществлялся только на фрагменте корпуса со снятой грамматической омонимией. Поэтому, в ответ на запрос (48) была получена выборка с заголовком (49):

- (49) Найдено документов: 5376, контекстов: около 10 тысяч

Это уже огромная выдача. Такой материал нелегко просмотреть. В частности, потому, что пока в НКРЯ нет сервисных программ, позволяющих облегчить работу с большой выдачей материала. Поэтому материал был просмотрен только частично. Но все же было просмотрено намного (в десятки раз) больше примеров, чем в предыдущем поиске. Выше (см. (7) в разделе 2) была приведена подборка словосочетаний из полученной выборки.

Получив список примеров из корпуса, естественно было проверить прежде всего, нашу основную гипотезу о сортах составляющих конструкции генитива меры, а также гипотезу о признаках, выделяющих сорт *контейнер* (отделяют ли они действительно «правильные» контейнеры от «неправильных»).

Надо сказать, что примеры из корпуса в большинстве своем соответствовали нашим интуитивным предположениям и, в основном, подтвердили наши гипотезы. Но большой объем просмотренных примеров позволил углубить наши представления о конструкции и выделить ряд интересных пограничных случаев.

Некоторые конкретные результаты работы с корпусом

Что бывает и чего не бывает

Прежде всего, несколько слов об анализе примеров, полученных в ответ на запрос (48). Как мы уже говорили, они более или менее четко делились на «подходящие», относящиеся к конструкции генитива меры, и «неподходящие», не относящиеся к ней, типа упомянутых выше выражений *дом шоколада* или *клетки кожицы*.

Интересны были и те, и другие. Надо было проверить, как работает наша основная гипотеза о сортах составляющих конструкции и то, как «работают» выделенные нами свойства контейнеров.

«Неподходящие» примеры, как правило, отсеивались и по нашим критериям. Так *дом* в выражении *дом шоколада* являясь *вместилищем* по критериям Корпуса, не является контейнером по нашим критериям, для него не выполняются свойства 2, 3 и 4. А *клетки* в выражении *клетки кожицы* не являются и *вместилищем* (но Корпус проверяет только словарную информацию, а в словаре одно из значений слова *клетка* отнесено к *вместилищам*).

«Подходящие» выражения, как правило, удовлетворяли нашей основной гипотезе о сортах, а контейнеры в них обладали всеми выделенными нами свойствами. Почти все, но не все. Так, в корпусе встретились выражения *папка бумаг* и *бассейн воды*, по нашим критериям невозможные или сомнительные (*папка* не удовлетворяет свойству (3) для контейнеров, а *бассейн* – свойству (4)):

- (50) (а) Несколько слов о контракте, целой **папке бумаг**, которые ехали со мной...
(б) ...мы отправляли вот такую **папку бумаг** с расчетами
(в) Через пару минут принтер выдавал необходимую **папку бумаг**...
- (51) (а) ...образовавшийся в кратере потухшего вулкана **бассейн** стоячей **воды** ...
(б) Небольшой **бассейн** довольно мутной **воды** ...

Примеры такого типа были особенно интересны. Корпус тем и замечателен, что он помогает находить факты, не вполне соответствующие исходным предположениям.

Примеры эти требуют дальнейшего анализа. Ограничимся пока только предварительными замечаниями. По-видимому, по крайней мере в некоторых случаях эти примеры или не противоречат, или не слишком противоречат нашим утверждениям. Так в (50в) слово *папка* обозначает не контейнер, а, скорее, используется как синоним слов *кипа* или *стопка*, вряд ли принтер пакует бумаги в папки (были и другие примеры такого типа, видимо такое словоупотребление иногда имеет место). То же самое, возможно, имелось в виду и в примерах (50а) и (50б). Но там, в принципе, можно понимать слово *папка* и как контейнер. В этом случае такие модификаторы этого слова, как *целая*, *полная* или *вот такая* помогают (как мы уже отмечали выше) считать сущности типа *папка* контейнерами.

А примеры (51а) и (51б) отражают, видимо, некоторое изменение в употреблении слова *бассейн*. Сейчас (см. цитированную выше дефиницию из словаря Ожегова и Шведовой) прототипическое значение этого слова – это плавательный бассейн или другой искусственный водоем. Какое-то время тому назад дело явно обстояло иначе. Примеры (51а) и (51б) взяты из текстов примерно столетней давности, в них слово *бассейн* обозначает что-то вроде небольшого озера. Поэтому в этих примерах *бассейн* – не контейнер с нашей точки зрения, и конструкция не обозначает *количества* воды, это не генитив меры. Причем возможно, что тут вообще не «нормальная» генитивная конструкция, а так называемый «генитив с обязательным третьим членом», как *бриллиант чистой воды* или *ковер ручной работы*. Но, повторяем, все эти примеры требуют дальнейшего анализа.

Отвергаемые нами примеры *ваза воды* или *ваза цветов* не были найдены в НКРЯ (не только по запросу (48) но и по «прямому» запросу на эти словосочетания).

Однако в Google нашлись и *ваза цветов*, и *бассейн воды*. И найденное там выражение *Он выпил целый бассейн воды* вполне естественно. И здесь, в отличие от примеров (51) выше слово *бассейн* употребляется скорее в современном «прототипическом» смысле, например, как плавательный бассейн. Но тут *бассейн воды* – это метафора, явное преувеличение и происходит семантический сдвиг, в таком метафорическом смысле *бассейн* осмысливается как контейнер, из которого пьют, и, тем самым, как мера.

А вот *ваза цветов* в найденном примере употребляется в каком-то специфическом идиолекте русского языка, отличном от идиолекта русскоязычного автора данной статьи (в значении «ваза с цветами»). Может быть, это просто неряшливый язык (или калька с английского *vase of flowers*), а может быть, отражение тенденции к изменению русского языка. Опять же, тут необходимо дальнейшее исследование.

Некоторые итоги работы с Корпусом

В целом проверка Корпусом (и Интернетом) была очень полезна. Остановимся еще раз на отдельных результатах.

1. Примеры типа *стакан какой-то гадости* были для нас неожиданны, хотя они и подтверждали общий тезис, что типы реалий и именующие их выражения могут соотноситься весьма нетривиально. Более того, они демонстрировали конкретный тип таких соотношений в конструкции генитива меры, где только генитивная группа обладает «свободой» именования реалий. Тема эта – ограничения на именование разных составляющих тех или иных конструкций – заслуживает отдельной разработки.

2. Поиск в Корпусе и в Интернете выявил отдельные контрпримеры (типа *ваза цветов*, и *бассейн воды*) к нашим утверждениям. Хотя многие такого рода контрпримеры можно объяснить, не отменяя наших основных постулатов, а слегка корректируя их, ясно, что нужна дальнейшая работа.

3. Поиск в Корпусе продемонстрировал различия в идиолектах разных авторов.

4. Ну и в заключение надо отметить, что работа с Корпусом в основном подтвердила наши главные идеи о типах составляющих конструкции генитива меры и о свойствах контейнеров.

Литература

Словари

Даль В.И. 1978 (1880-1882). Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М. «Русский язык».

МАС 1981. Словарь русского языка. В 4 т. Под ред. А.П. Евгеньевой. М. «Русский язык» («Малый» академический словарь).

Ожегов С.И. и Н.Ю. Шведова 1993. Толковый словарь русского языка. М., «Советская Энциклопедия».

СЭС 1980 – Советский Энциклопедический Словарь. М., «Советская Энциклопедия».

Ушаков Д.Н. 1996 (1938). Толковый словарь русского языка. В 4 т. М. «Терра» – “Terra”.

Webster’s New World Dictionary of the American Language 1951. Encyclopedic Edition. “The World Publ. Co.”, Cleveland and New York

Апресян Ю.Д. 1986. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира.

Семиотика и информатика. Вып. 28, 5-33.

Апресян Ю.Д. 1994. О языке толкований и семантических примитивах. *Известия АН, серия литературы и языка*, № 4.

Апресян Ю.Д. 1999. Семантическая мотивация несемантических свойств лексем. In: Branco Tošović, ed. *Die Grammatischen Korrelationen*, Institut für Slavistik der Karl-Franzens-Universität, Graz. GraLiS-1999, 96-116.

Апресян Ю.Д. 2005. О Московской семантической школе. *Вопросы языкознания*, № 1, 3-30.

Борщев В.Б. 1996. Естественный язык – наивная математика для описания наивной картины мира. *Московский лингвистический альманах*. 1:203-225.

- Борщев В.Б. Национальный корпус русского языка – кому это нужно? *НТИ*, Серия 2, № 11, 2006. 44-55.
- Борщев В.Б. и Л.В.Кнорина.1990. Типы реалий и их языковое восприятие. В сб. “*Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка*” Под ред. Вяч.Вс.Иванова, Москва, 106-134.
- Борщев В.Б. и Б.Х. Парти. 1999. Семантика генитивной конструкции: разные подходы к формализации. В сб. *Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика. Под ред. Е.В. Рахилиной и Я.Г. Тестельца*. М. «Языки русской культуры», 159-172.
- Кнорина Л.В. 1979. Обобщенные толкования и их использование для формализованной записи текста. *Семантика естественных языков в специализированных системах. Тезисы докладов конференции*. Ленинград, ЛГУ.
- Кнорина Л.В. 1985. Об интерпретации генитивных конструкций. *Тезисы докладов на семинаре «Семиотические основы интеллектуальной деятельности»*. Москва, ВИНТИ.
- Кнорина Л.В. 1988. Классификация лексики и словарные дефиниции. В сб. *Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре*. Под ред. Ю.Н. Караулова, М. : Наука, 60-63.
- Николаева Л. 2007. Генитив качества в русском языке. Институт лингвистики РГГУ: Дипломная работа
- Падучева Е.В. 1996. *Семантические исследования*. М. «Языки русской культуры».
- Падучева Е.В. 2004. *Динамические модели в семантике лексики*. М. «Языки славянской культуры».
- Рахилина Е.В. 2003. Контейнер и содержимое в русском языке. В печати.
- Урысон Е.В. 2003. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М. «Языки славянской культуры» (*Studia philologica*), 224 с.
- Bach, Emmon. 1986. Natural language metaphysics. In *Logic, Methodology, and Philosophy of Science VII*, eds. Ruth Barcan Marcus, Georg J.W. Dorn and Paul Weingartner, 573-595. Amsterdam: North-Holland.
- Borschev, Vladimir, and Partee, Barbara H. 1999. Semantic types and the Russian genitive modifier construction. In *FASL 7: Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics: the Seattle Meeting, 1998*, ed. K. Dziwirek et al., 39-57. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications
- Borschev, Vladimir, and Partee, Barbara H. 2001a. Ontology and metonymy. In *Ontology-Based Interpretation of Noun Phrases. Proceedings of the First International OntoQuery Workshop*, eds. Per Anker Jensen and Peter Skadhauge, 121-138. Kolding:: Department of Business Communication and information Science, University of Southern Denmark.
- Borschev, Vladimir, and Partee, Barbara H. 2001b. Genitive modifiers, sorts, and metonymy. *Nordic Journal of Linguistics* 24:140-160.
http://people.umass.edu/partee/docs/genitive_modifiers.pdf.
- Borschev, Vladimir and Barbara H. Partee. 2004. Genitives, types and sorts: The Russian Genitive of Measure. In Kim, Ji-yung, Lander, Yury, and Partee, Barbara H. eds. *Possessives and Beyond: Semantics and Syntax*. Amherst, MA: GLSA Publications, 29-43.
- Chierchia, Gennaro. 1982. Bare plurals, mass nouns, and nominalization. In *Proceedings of the First West Coast Conference on Formal Linguistics*. Stanford: Stanford Linguistics Association, Stanford University.
- Chierchia, Gennaro. 1984. Topics in the Syntax and Semantics of Infinitives and Gerunds, University of Massachusetts, Amherst: Ph.D. dissertation.

- Chierchia, Gennaro. 1998a. Plurality of mass nouns and the notion of "semantic parameter". In *Events and Grammar*, ed. Susan Rothstein, 53-103. Dordrecht: Kluwer.
- Chierchia, Gennaro. 1998b. Reference to kinds across languages. *Natural Language Semantics*:339-405.
- Chomsky, Noam. 1980. *Rules and representations*, NY, Columbia University Press.
- Dodge, Ellen & Abby Wright. 2002. Herds of Wildebeest, Flasks of Vodka, Heaps of Trouble: An Embodied Construction Grammar Approach to English Measure Phrases. In: J. Larson, M. Paster (eds.) *Proc. of the 28th Annual Meeting of the Berkley Ling. Soc.*, 28-86.
- Dölling, Johannes. 1992a. Flexible Interpretation durch Sortenverschiebung. In *Fügungspotenzen*, eds. I. Zimmermann and A. Strigin, 23-62. Berlin: Akademie Verlag.
- Dölling, Johannes. 1992b. Polysemy and sort coercion in semantic representations. In *Discourse and Lexical Meaning: Proceedings of a Workshop of the DFG Sonderforschungsbereich 340.*, eds. Peter Bosch and Peter Gerstl, 61-78. Stuttgart: Arbeitspapiere des Sonderforschungsbereich 340: "Sprachtheoretische Grundlagen für die Computerlinguistik".
- Dölling, Johannes. 1997. Semantic form and abductive fixation of parameters. In *From Underspecification to Interpretation*, eds. R. van der Sandt, R. Blutner and M. Bierwisch, 113-138. Heidelberg: IBM Deutschland.
- Heim, Irene, and Kratzer, Angelika. 1998. *Semantics in Generative Grammar*. Oxford: Blackwell.
- Jensen, Per Anker, and Vikner, Carl. 2004. The English prenominal genitive and lexical semantics. In *Possessives and Beyond: Semantics and Syntax (UMOP 29)*, eds. Ji-Yung Kim, Yury A. Lander and Barbara H. Partee, 3-27. Amherst, MA: GLSA Publications.
- Krifka, Manfred. 1995. Common nouns: a contrastive analysis of Chinese and English. In *The Generic Book*, eds. Gregory N. Carlson and Francis Jeffry Pelletier, 383-411. Chicago: The University of Chicago Press.
- Landman, Fred. 2004. *Indefinites and the Type of Sets: Explorations in Semantics*. Oxford: Blackwell Publishing.
- Link, Godehard. 1983. The logical analysis of plurals and mass terms: A lattice-theoretical approach. In *Meaning, use and the interpretation of language*, eds. R. Bäuerle, C. Schwarze and A. von Stechow, 303-323. Berlin, New York: Walter de Gruyter; reprinted in Portner and Partee (2002), 127-146. Reprinted in Link, Godehard. 1998. *Algebraic Semantics in Language and Philosophy*: CSLI lecture notes No. 74. Stanford, Calif.: CSLI Publications. pp.11-34.
- Mel'čuk, Igor A. 1988. Semantic description of lexical units in an explanatory combinatorial dictionary: basic principles and heuristic criteria. *International Journal of Lexicography* 1: 165-188.
- Parsons, Terence. 1970. An Analysis of Mass and Amount Terms. *Foundations of Language* 6:363-385.
- Partee, Barbara H., and Rooth, Mats. 1983. Generalized conjunction and type ambiguity. In *Meaning, Use, and Interpretation of Language*, eds. Rainer Bäuerle, Christoph Schwarze and Arnim von Stechow, 361-383. Berlin: de Gruyter. Reprinted in Portner and Partee, eds., 2002, 334-356
- Partee, Barbara H. 1986. Noun phrase interpretation and type-shifting principles. In *Studies in Discourse Representation Theory and the Theory of Generalized Quantifiers*, eds. J. Groenendijk, D. de Jongh and M. Stokhof, 115-143. Dordrecht: Foris. Reprinted in Portner and Partee, eds., 2002, 357-381. Reprinted in Partee, Barbara H. 2004, 203-230

- Partee, Barbara H., and Borschev, Vladimir. 2003. Genitives, relational nouns, and argument-modifier ambiguity. In *Modifying Adjuncts*, eds. E. Lang, C. Maienborn and C. Fabricius-Hansen, 67-112. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Pustejovsky, James. 1993. "Type coercion and lexical selection". In J. Pustejovsky (ed.), *Semantics and the Lexicon*, Kluwer Academic Publishers, Dordrecht, The Netherlands.
- Pustejovsky, James. 1995. *The Generative Lexicon*. The MIT Press.
- Rakhilina, Ekaterina V. 2003. The case for Russian genitive case reopened. In *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Amherst Meeting 2002*, eds. Wayles Browne, Ji-Yung Kim, Barbara H. Partee and Robert A. Rothstein, 433-450. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications.
- Rakhilina, Ekaterina V. 2004. On Genitive and Stability: Evidence from Russian . In Kim, Ji-yung, Lander, Yury, and Partee, Barbara H. eds. *Possessives and Beyond: Semantics and Syntax*. Amherst, MA: GLSA Publications, 45-58.
- Rosch, Eleanor. 1975. Cognitive representations of semantic categories. *Journal of Experimental Psychology* 104:192-233.
- Rothstein, Susan. 2009. Individuating and measure readings of classifier constructions: Evidence from Modern Hebrew. Ms., *Handout for a Conference "Atoms and Laws of the NP"*, Utrecht University. Utrecht.
- Rothstein, Susan. In press. Individuating and measure readings of classifier constructions: Evidence from Modern Hebrew. *Brill Annual of Afroasiatic Languages and Linguistics* 1:1-40.
- Schwarzschild, Roger. 2002. The grammar of measurement. In *Proceedings of SALT XII*, ed. Brendan Jackson. Ithaca, NY: CLC Publications.
- Selkirk, Elisabeth. 1977. Some Remarks on Noun Phrase Structure. In *Formal Syntax*, ed. P.W.; Wasow Culicover, T.; Akmajian, A. 285-316. New York.
- Thomason, Richmond H. 1972. A Semantic Theory of Sortal Incorrectness. *Journal of Philosophical Logic* 1:209-258
- Vikner, Carl, and Jensen, Per Anker. 2002. A semantic analysis of the English genitive. Interaction of lexical and formal semantics. *Studia Linguistica* 56:191-226.
- Wierzbicka, Anna. 1996. *Semantics: Primes and Universals*. Oxford [England]; New York: Oxford University Press.
- Wirsing, Martin. 1990. Algebraic Specification. in J. Van Leeuwen (ed), *Handbook of Theoretical Computer Science*. Elsevier Science Publishers.

Конверсия и актантная деривация во фразеологии¹

Д.О. Добровольский

Понятие конверсных и каузативных преобразований оказывается значимым для описания не только глагольной лексики, но и фразеологии. Одним из решающих факторов, способствующих этим преобразованиям, является принадлежность идиомы к определенному семантическому классу. Анализ материала показал, что конверсивные пары встречаются в составе довольно узкого круга семантических полей, причем для поля ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ и для некоторых других семантически производных от него конверсия – довольно типичное явление. Для образования каузативно-декаузативных пар важно, чтобы один из членов такой пары обладал семантикой активной целенаправленной деятельности некоего лица, имеющей своей целью изменение некоторого состояния или инициацию некоторого процесса. Причем такие изменения состояний или процессы должны обладать характеристиками, позволяющими мыслить их как самопроизвольные, т.е. совершающиеся без участия Агенса. Еще одно условие образования конверсивов и каузативов – это членимость семантической структуры идиомы, параллельная покомпонентной членимости ее лексической структуры. Это значит, что слова – компоненты идиомы – должны обладать определенной семантической самостоятельностью. Глагольный компонент идиомы отвечает за преобразование и, соответственно, варьирует, а другая часть идиомы остается неизменной. В целом проведенное исследование показало, что семантико-синтаксические особенности глагольных идиом могут и должны анализироваться в тех же категориях и описываться в тех же терминах, что и синтаксическая семантика глагольной лексики. Парадигматика и таксономия глаголов и глагольных идиом обнаруживают характерные общие черты.

1. Предварительные замечания

Понятие конверсных преобразований, разработанное в рамках лингвистической модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» и активно используемое в Московской семантической школе (см. [Мельчук 1974; Апресян 1967; 1975; 1995; 1998; 2006; Апресян, Цинман 2002; Mel'čuk 1988; НОСС]) оказывается значимым и для описания фразеологии.

Конверсивом некоторого выражения А является любое выражение В, обозначающее ту же ситуацию, но отличающееся диатезой.² Понятно, что конверсия напрямую связана с перифрастическими отношениями в языке и в этом смысле представляет собой одну из осей системной организации лексикона. Поскольку правила перифразирования высказываний обращаются к единицам всех уровней языковой системы, конверсные преобразования могут пониматься весьма широко (ср. [Богуславский 2008]). В рамках семантико-синтаксической категории конверсии могут рассматриваться пассивы и другие конструкции со страдательной семантикой (ср. подробнее [Апресян 1995: 264]), декаузативы³, инхоативно-каузативные пары и пр. Важно, что конверсия – это симметричное отношение, т.е. набор семантических актантов у конверсивов должен быть постоянным; ср. глаголы типа *покупать* – *продавать* или *заразить кого-л. чем-л.* – *заразиться от кого-л. чем-л.* В сфере фразеологии конверсивные пары образуют идиомы типа *дать по шапке* (*За опоздание начальник дал сотрудникам по шапке*) – *получить по шапке* (*За опоздание сотрудники получили по шапке от начальника*).

Явлением, близким к конверсии, является актантная деривация. Под актантной деривацией (см. [Плунгян 2000]) понимается такое преобразование предикатного выражения, при котором меняется набор и/или семантические роли его актантов.

¹ Данная работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант 08-04-00173а). Автор благодарит И.М. Богуславского и Е.В. Падучеву, принимавших участие в обсуждении этой статьи на различных этапах ее создания.

² Диатеза понимается по [Мельчук, Холодович 1970: 117] как соответствие между семантическими и синтаксическими актантами предикатного выражения.

³ По крайней мере при условии сохранения набора актантов; ср. *постоянные войны истощили казну* – *казна истощилась от постоянных войн* (пример Е.В. Падучевой).

Актантная деривация состоит в том, что в ситуацию, описываемую предикатным выражением, добавляется еще один участник с определенной ролью (все остальные компоненты описания ситуации при этом сохраняются), или же один из участников ситуации элиминируется. Из возможных актантных дериваций здесь будут рассмотрены каузативы. Каузатив – это актантная деривация, связанная с введением в аргументную структуру участника с семантической ролью Агенса. Иными словами, каузативация прибавляет валентность (ср. *пить что-л.* – *напоить кого-л. чем-л.*; *лежать где-л.* – *положить что-л. куда-л.*), а конверсия – нет.

В строгом смысле, каузатив – это морфологический дериват, т.е. каузативация выражается аффиксом (*висеть* – *повесить*, *кипеть* – *кипятить*, *расти* – *растить*, *сидеть* – *посадить*),⁴ хотя в языках типа английского часто оказывается формально не выраженным (ср. пару *The door opened* – *John opened the door*, где первое предложение может рассматриваться как декаузатив от второго, а второе – как каузатив от первого). Поскольку в этой работе нас будут интересовать пары, образованные другими способами (типа *пойти с молотка* – *пустить с молотка*), мы будем говорить о каузативах и декаузативах в широком понимании, имея в виду семантические отношения между членами подобных пар. Часто это отношение узואльно равноправно, т.е. в узусе в равной мере закреплены обе идиомы, образующие каузативную пару, так что затруднительно сказать, имеет ли здесь место каузативизация (*сидеть на хлебе и воде* → *посадить на хлеб и воду*) или декаузативизация (*сидеть на хлебе и воде* ← *посадить на хлеб и воду*). В качестве более точного обозначения этого явления можно использовать термины «семантический каузатив» и «семантический декаузатив».

Одна из целей данной работы – выяснить, насколько конверсивы и каузативы характерны для современной русской фразеологии, в частности, для идиом. Это достаточно нетривиальная задача, поскольку в этой области нет четких априорных ожиданий. С одной стороны, и конверсия и каузативизация представляют собой настолько общие явления в языке, что логично предположить их наличие во всех подсистемах лексикона. С другой – идиомы по определению характеризуются значительной нерегулярностью, а следовательно, могут и не допускать тех или иных продуктивных преобразований. Другая цель работы состоит в выявлении семантических или семантико-синтаксических условий образования конверсивов и каузативов. Ожидается, что одним из решающих факторов, способствующих этим преобразованиям, окажется принадлежность идиомы к определенному семантическому полю. Иными словами, для того чтобы подвергаться конверсии или каузативизации, идиома должна обладать значением определенного типа. Еще одним гипотетическим условием образования конверсивов и каузативов является членимость семантической структуры идиомы, параллельная (точнее: гомоморфная) покомпонентной членимости ее лексической структуры, т.е. слова – компоненты идиомы – должны обладать определенной семантической самостоятельностью. Это предположение основано на факте варьирования глагольного компонента, приводящего к относительно регулярному и предсказуемому преобразованию значения выражения. Соответственно, глагольный компонент, отвечающий за образование конверсивных или каузативных пар, должен сохранять в составе идиомы свое значение, по крайней мере в редуцированной до выражения соответствующей лексической функции версии.

2. Фразеологические конверсивы

Анализ материала «Словаря-тезауруса современной русской идиоматики» (далее – Тезаурус), представляющего собой самый полный по словнику идиом словарь русской фразеологии, показал, что конверсные преобразования – явление в этой

⁴ См. подробнее [Падучева 2001]. В ряде случаев оба глагола образуются от основы прилагательного и характеризуются чередованием; ср. *сохнуть* – *сушить*, *ослепнуть* – *ослепить*, *отвыкнуть* – *отучить*.

области скорее редкое. Всего встретилось более 30 пар фразеологических конверсивов, что для словника, содержащего около 8000 идиом, явно не слишком много. Наиболее часто встречающийся тип конверсивов – это пары идиом с глаголами *дать* – *получить* и их синонимами. Ср. *дать сдачи* (*Морду ему набили и сдачи дать не позволили!* [Корпус Детективов]) – *получить сдачи* (*Папаша даже замахивался, правда, не ударил – или побоялся сдачи получить, или просто отвык сына по щекам лупцевать.* [Корпус Русской Прозы]).⁵

Идиомы-конверсивы обнаруживаются в ограниченном круге семантических полей. Перечислим их, прежде чем перейти к более детальному разбору. Это в первую очередь поле ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ. Далее следуют принципиально родственные поля:

НАКАЗАНИЕ; УПРЁК, ОСУЖДЕНИЕ, ПОРИЦАНИЕ, ОБВИНЕНИЕ, КРИТИКА, УКОР;
КОНФЛИКТ;
СОПРОТИВЛЕНИЕ, АГРЕССИЯ

и менее тесно связанные с идеей физического воздействия/насилия поля

ВЫГНАТЬ, НЕ ПУСКАТЬ;
ПОТЕРЯ РАБОТЫ, УХОД С РАБОТЫ, УВОЛЬНЕНИЕ;
ПОДЧИНЕНИЕ, ЗАВИСИМОСТЬ – ПРИНУЖДЕНИЕ, НАСИЛИЕ;
КОНТРОЛЬ, ОТСЛЕЖИВАНИЕ.

Несколько особняком стоит поле РАЗРЕШЕНИЕ, и одной единственной конверсивной парой *получить* (что-л. от кого-л.) *на блюдечке* [*с голубой каёмочкой*] – *принести* (что-л. кому-л.) *на блюдечке* [*с голубой каёмочкой*] представлены семантически связанные друг с другом поля ПОМОЩЬ и ВЕЗЕНИЕ, УДАЧА.

В большинстве случаев идиомы-члены конверсивных пар семантически симметричны, т.е. их значения различаются ровно на компонент, отвечающий за диатетический сдвиг (мену диатезы, термин Е.В. Падучевой). Идиомы, в которых подобная симметрия отсутствует, будут обсуждены ниже.

2.1. Конверсивы поля ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ

Типичными для этого поля являются такие стилистически сниженные идиомы, как *дать в лоб* (кому-л.) – *получить в лоб* (от кого-л.), *дать по соплям* (кому-л.) – *получить по соплям* (от кого-л.), *дать по шее* (кому-л.) – *получить по шее* (от кого-л.). Характерно при этом, что агентивная валентность всех *получить*-коррелятов факультативна и в большинстве контекстов оказывается незаполненной. В этом смысле конверсивы данного поля большей частью оказываются не вполне симметричными с синтаксической точки зрения. Примеры употребления *получить*-коррелятов с заполненной валентностью (от кого-л.) либо не вполне стандартны по тем или иным основаниям, см. (1), либо идиома реализует в таких контекстах не значение ‘физического воздействия’, а значение ‘наказания’ (подробнее об этом ниже) – как «в чистом виде», пример (2), так и в контексте языковой игры, пример (3).

- (1) Вместо него я *получил* золотую медаль и зонтиком *по шее от его мамы* на выпускном вечере. [Ф. Искандер. Начало]
- (2) Думать, анализировать, воевать нестандартно – даже если рискуешь потом *получить по шее от начальства* за «своеволие». [«Солдат удачи», 2004.09.08]
- (3) Близкая до неприличия схема составлялась и из биографии Бродского и обкатывалась, обнашивалась, подавалась еще при его жизни, хотя и не в лоб — из опасения *получить в лоб от него*, реального. [А. Найман. Славный конец бесславных поколений]

⁵ В качестве источников примеров использовались базы данных и корпуса Отдела экспериментальной лексикографии ИРЯ РАН, а также Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).

Контекст (1) нестандартен по двум причинам: во-первых, он содержит зевгму – типичное средство языковой игры и, во-вторых, выражение *получить по шее* осциллирует между идиоматическим и прямым значением. Значение идиомы *получить по шее* отличается от значения соответствующего свободного словосочетания, в частности, тем, что – в случае идиоматической интерпретации выражения – подвергаться физическому воздействию могут разные части тела Пациенса, а совсем необязательно его шея (ср. типичный пример (4)), в то время как контекст (1) из-за наличия инструментального актанта (*зонтиком*) заставляет скорее предположить, что «удар мамы» пришелся именно по шее.

- (4) А вот старая, как мир, глупая шутка: подкрасться к кому-либо незаметно и, крикнув: «а!», напугать человека – вызывает не страх. Это испуг – короткий всплеск эмоций. И хотя «шутник» вполне справедливо может *получить по шее*, испуг проходит быстро и бесследно. [А. Букин. Детские страхи]

Контекст (3) также содержит зевгму – каламбурное противопоставление двух идиом *получить в лоб (от кого-л.)* и *в лоб сказать (кому-л. что-л./о чём-л.)*. К тому же это употребление идиомы *получить в лоб* может рассматриваться как нейтрализация значения: допустимой оказывается как интерпретация в смысле ‘физического воздействия’, так и в смысле ‘(нефизического) наказания’. Итак, в семантическом поле ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ мы имеем дело скорее с неточными конверсивами. Если же симметрия в семантике соблюдается, она часто нарушается в синтаксисе, т.е. поверхностная реализация диатезы в коррелятах с глаголами *дать* и *получить* оказывается несимметричной.

Еще одной характерной особенностью конверсиров поля ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ оказывается их слабая идиоматичность. Такие выражения по некоторым параметрам напоминают коллокации. Рассматриваться как идиомы они могут скорее из-за характерного для них усложнения способа указания на денотат,⁶ чем по более типичным для фразеологии основаниям – семантической переинтерпретации и непрозрачности. Действительно, выражения типа *дать в глаз – получить в глаз* вполне прозрачны и переосмыслены лишь в минимальной степени. Слабая идиоматичность подобных выражений объясняется прежде всего тем, что глаголы *дать* и *получить* обнаруживают соответствующие значения и за пределами идиом. Ср. фразы типа *А он как даст кулаком по столу* или эллиптический риторический вопрос *Ну что, получил!?*, где семантическая автономность глаголов *дать* и *получить* в значении ‘физического воздействия’ достаточно очевидна; ср. также коллокации с данными глаголами *дать пощечину/оплеуху – получить пощечину/оплеуху*. Кроме того, идиомы типа *дать в глаз – получить в глаз* неметафоричны. Это скорее метонимические выражения, в которых номинация части тела/лица (например, *глаз*⁷, *лоб*, *шея*) осмысляется по принципу *pars pro toto* как неспецифицированное указание на тело (чаще голову/лицо) Пациенса. Таким образом, здесь мы имеем дело не с метафорической переинтерпретацией, а с метонимическим сдвигом. Заметим попутно, что фразеология содержит весьма богатый материал для изучения связи метафоры и метонимии в лексической семантике.

В рамках семантического поля ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ встречается довольно много конверсивных пар, образованных по этой схеме, причем большинство таких идиом относится к сниженному стилистическому регистру и к жаргонным типам дискурса; например, *дать в бубен (кому-л.)* (с синонимичными вариантами *наварить в бубен (кому-л.)* и *выписать бубен (кому-л.)*) – *получить в бубен; дать/врезать по рогам (кому-л.) – получить/схлопотать по рогам;*

⁶ В том смысле, что *ударить кого-л.* – более простой способ указания на денотат, чем *дать по шее кому-л.* – об этом факторе идиоматичности см. подробнее [Баранов, Добровольский 2008: 46-50].

⁷ Здесь *глаз* понимается скорее как часть лица, чем как орган зрения.

дать/оформить/двинуть в табло (кому-л.) – получить/схлопотать в табло; примеры свидетельствуют о наличии довольно широкой (в том числе и окказиональной) вариативности в выборе глагола⁸, а следовательно, продуктивности образования конверсивных пар этого типа; ср. контексты (5).

- (5) – *Щас как дам в бубен!* – в сердцах орет Градусов. [А. Иванов. Географ глобус пропил]; Утром Вальке нос разбил. Чудной у него все-таки характер, бестолковый: трояк просила на опохмелку, не дал, да еще *бубен выписал*, а потом сам сказал, где самогон спрятан... [Корпус Русской Прозы]; В который раз наступив на «Сонины грабли», Лиза пожалела о том, что в нужный момент не щелкнула Рите по лбу и не удержала от бестолкового визита, а также о том, что без лишних церемоний не *наварила* Соне в бубен. [Д. Симонова. Шанкр]

Можно утверждать, что в данном семантическом поле действует некоторая схема-образец, которая в обобщенном виде может быть представлена как [X дал в/по {часть тела} Y-а] в значении 'X ударил <избил> Y-а' – [Y получил в/по {часть тела} Y-а от X-а] в значении 'Y получил удар <был избит> X-ом'⁹. В связи с этим можно вспомнить выработанное в Грамматике конструкций противопоставление «штамповки» (coining) и «порождения» (generating). В то время как под понятием «порождения» объединяются продуктивные правила, использование которых позволяет говорящему порождать и понимать новые высказывания, под «штамповкой» понимается создание тех или иных конструкций по определенному образцу, не обладающему предсказательной силой¹⁰. Образование конверсивов по указанной схеме однозначно подпадает под понятие «штамповки». Любые «правила» в этой области следует интерпретировать лишь в том смысле, что соблюдение их обеспечивает следование некоторой выработанной языком конструктивной модели. Продуктивность соответствующей схемы сильно ограничена. Тем не менее, порождение таких конструкций является не хаотично-случайным, а системным. Таким образом, рассматриваемые идиоматические выражения, возникающие в результате конверсии, могут быть описаны как конструкции, созданные по определенной схеме. Это относится, естественно, не только к семантическому полю ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ, а к общим принципам образования фразеологических конверсивов.

2.2. Другие семантические поля

Выше уже было отмечено, что с полем ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ принципиально связаны такие поля, как (а) НАКАЗАНИЕ; УПРЁК, ОСУЖДЕНИЕ, ПОРИЦАНИЕ, ОБВИНЕНИЕ, КРИТИКА, УКОР; (б) КОНФЛИКТ; (в) СОПРОТИВЛЕНИЕ, АГРЕССИЯ; (г) ВЫГНАТЬ, НЕ ПУСКАТЬ; (д) ПОТЕРЯ РАБОТЫ, УХОД С РАБОТЫ, УВОЛЬНЕНИЕ; (е) ПОДЧИНЕНИЕ, ЗАВИСИМОСТЬ – ПРИНУЖДЕНИЕ, НАСИЛИЕ и (ж) КОНТРОЛЬ, ОТСЛЕЖИВАНИЕ.

⁸ В выборе существительного вариативность также достаточно широка. С появлением в молодежном сленге очередного нестандартного обозначения лица возникают и соответствующие идиомы-конверсивы. Это связано также и с тем, что идея физического насилия оказывается, видимо, одним из центральных концептов в дискурсе определенного типа.

⁹ В множество «частей тела» здесь включаются и метонимические лексемы; ср. *дать/получить по соплям*, а глаголы *дать* и *получить* представляют соответствующие семантические классы, т.е. в составе конкретных идиом эти концепты могут реализовываться с помощью разных языковых выражений, например, *врезать*, *вмазать*, *наложить*, *наварить*, *оформить* или *схлопотать*, *влетело* и пр.

¹⁰ «We can distinguish two kinds of 'creativity' in language. In one case there is the ability of speakers, using existing resources in the language, to produce and understand novel expressions. In the other case, the one for which we use the term coining, a speaker uses existing patterns in the language for creating new resources. <...> Since the ability to create new words, using non-productive processes, is clearly a linguistic ability, it is my opinion that a grammar of a language needs to identify constructions that exist for 'coining' purposes as well.» [Fillmore 2006: 4]. Ср. также развиваемые в Московской семантической школе (например, [Апресян 2005]) идеи о роли «лексикографических ожиданий», которые, в отличие от продуктивных правил, не имеют предсказательной силы.

Причем поля (г) и (д) скорее связаны между собой – в какой-то степени также с полями (а) и (б) –, чем непосредственно с идеей физического воздействия/насилия. То же относится и к полям (е) и (ж). Некоторые идиомы полей (а-в) можно рассматривать как результат метафорического переосмысления выражений поля ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ. Многие идиомы-конверсивы этого поля появляются в переосмысленном значении в полях (а-в). Ср., например, *дать сдачи* – *получить сдачи* в контекстах типа (6) и (7).

- (6) Генка, проявив крайнюю глупость, *дал сдачи*, зеваки оживились, а Алька вошел в азарт и замолотил вовсю: расквасил Генке нос, губы, подбил глаз... [Корпус Русской Прозы]; Так улыбаются, когда хотят ударить, когда можно наконец ударить и не *получить сдачи*. [Б. Окуджава. Новенький как с иголки]
- (7) Невозможно *дать сдачи* литературному злодею, не вывалявшись вместе с ним в болоте сверкнословия [«Лебедь», 2003.10.05]; Если у государства появляется шанс пнуть соседа и не *получить сдачи*, оно немедленно это делает. [Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона]

Поскольку многие идиомы, входящие в семантическое поле ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ, способны развивать «нефизическое» значение по принципу регулярной полисемии, они дублируются в этих производных значениях в полях (а-в). Естественно, их способность образовывать конверсивы при этом наследуется. Как это часто происходит при регулярной многозначности, те идиомы семантического поля ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ, которые появились недавно, (еще) не развили «нефизического» значения. Так, жаргонные идиомы *дать/получить в табло*, *дать/получить в бубен*, *дать/получить по щам* имеют только одно – «физическое» – значение, в отличие, например, от выражения *дать/получить сдачи*, развившего, как видно из примеров (7), значение ‘нефизического сопротивления’.

С другой стороны, в составе семантических полей (а-д) встречаются идиомы-конверсивы, не обладающие значением ‘физического воздействия’. Например, выражения *дать по шапке* и *получить по шапке* входят в поля (а) НАКАЗАНИЕ (– *Большие чиновники только и нужны для таких моментов, – проговорил Всеволод. – Спасти дело и получить по шапке...* [В. Рыбаков. Вода и кораблики]) и (д) ПОТЕРЯ РАБОТЫ, УВОЛЬНЕНИЕ (*А ребяташек чем кормить, если тебе по шапке дадут с завода, об этом молодцы эти думают али нет?* [А.Н. Толстой. Хождение по мукам]). А конверсивы *дать/получить по башке*, *дать/получить по мозгам*, *дать/получить по рукам* представлены только в поле (а). Сходным образом, у конверсивной тройки¹¹ из таксона НАКАЗАНИЕ *досталось на орехи (кому-л. от кого-л.)* (с синонимом *будет на орехи (кому-л. от кого-л.)* – *получил на орехи (кто-л. от кого-л.)* – *выдал на орехи (кто-л. кому-л.)* в современном узусе отсутствует значение ‘физического воздействия’. Ср. типичные контексты (8). Это значение, однако, было актуальным еще в первой половине XX века, ср. (9), где эта идиома употреблена в несколько устаревшей форме *добавить на орехи (кому-л.)*.

- (8) Уже Саша дознается, *будет всем на орехи!* [В. Тендряков. Тройка, семерка, туз]; Тихон и Варвара могли бы дать показания: от мамы-домостроевки и им *доставалось на орехи...* [Корпус публицистики]; Две существенные стратегические ошибки были допущены еще задолго до самих выборов, за что впоследствии *на орехи получили* и губернатор и представитель президента. [Интерфакс-АИФ, № 17 (147), 1998]; Право, как непозволительно плохо, просто

¹¹ Конверсивные тройки – явление во фразеологии достаточно редкое. Отдельные примеры встречаются как в поле ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ, так и в его «нефизических» коррелятах. Ср., например, многозначные выражения *всыпать по первое число (кому-л.)* – *получить по первое число (от кого-л.)* – *влетело (кому-л. от кого-л.) по первое число*.

- легкомысленно он организовал операцию! Хорошо, что об этом не знает Кручинин, — вот бы *выдал* он ему *на орехи*! [Н.Н. Шпанов. Ученик чародея]
- (9) Кипчаки избили его основательно и, когда он попытался разыграть и у них умильную сцену «всеобщего прощения», *добавили* еще и «*на орехи*».
[Г.Г. Белых, Л. Пантелеев. Республика ШКИД]¹²

Таким образом, в целом прослеживается ожидаемая линия развития. На базе изначально более конкретных, «физических» значений со временем развиваются более абстрактные, «нефизические». Какое-то время те и другие значения сосуществуют, а впоследствии более абстрактное значение может вытеснить из употребления значение конкретное. Ср. аналогичные наблюдения над идиомой *испустить дух* и ее немецким коррелятом *den Geist aufgeben* в [Добровольский 2004].

Специфичными для семантических полей (г) ВЫГНАТЬ, НЕ ПУСКАТЬ и (д) ПОТЕРЯ РАБОТЫ, УХОД С РАБОТЫ, УВОЛЬНЕНИЕ оказываются идиомы *дать пинка* и *получить пинка*. Поля (г) и (д) оказываются связанными между собой наиболее тесным образом: многие идиомы поля (г) развивают по принципу регулярной многозначности более абстрактные «нефизические» значения, относящиеся к полю (д). Семантические отношения между выражениями полей (г) и (д) напоминают отношения между идиомами полей ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, с одной стороны, и НАКАЗАНИЕ, а также КОНФЛИКТ и СОПРОТИВЛЕНИЕ – с другой. Ср. также идиомы семантических полей (е) ПОДЧИНЕНИЕ, ЗАВИСИМОСТЬ – ПРИНУЖДЕНИЕ, НАСИЛИЕ: *под каблуком* (кто-л. у кого-л./чьим-л.) – *держат под каблуком* (кого-л.) с инхоативно-декаузативным коррелятом *попасть под каблук* (к кому-л.); *в кулаке* (кто-л. у кого-л.) – *держат в кулаке* (кого-л.) и (ж) КОНТРОЛЬ, ОТСЛЕЖИВАНИЕ: *под колпаком* (кто-л. у кого-л.) – *держат под колпаком* (кого-л.); *на крючке* (кто-л. у кого-л.) – *держат на крючке* (кого-л.); *на прицеле* (кто-л. у кого-л.) – *держат на прицеле* (кого-л.).

Еще одним семантическим полем, в котором представлены идиомы, связанные отношением конверсии, оказалось поле РАЗРЕШЕНИЕ. Ср. такие выражения, как *дать добро* (кому-л. на что-л.) – *получить добро* (от кого-л. на что-л.), *дать* (кому-л. на что-л.) *зеленый свет* – *получить зеленый свет* (от кого-л. на что-л.), *дать/открыть зеленую улицу* (кому-л./чему-л. на что-л.) – *получить зеленую улицу* (от кого-л. на что-л.)¹³, реализующиеся в характерных контекстах (10).

- (10) Хотя руководство лиги *дало зеленый свет* фармацевтической рекламе, оно ввело некоторые новые запреты. [«Рекламный мир», 2003.04.28]; Именно эти грузы должны *получить «зеленый свет»*. [«Труд», 1988.12.31]; – Но ты знаешь, Иванько для нас очень много делает. Вот сейчас через него мы проббили Булгакова. Другие ни в какую не соглашались, а он *дал «добро»*. [В. Войнович. Иванькиада]; Российская делегация, оказывается, не имела полномочий подписывать какие бы то ни было соглашения. По российской бюрократической системе, прежде необходимо *получить добро* от всех министерств, имеющих малейшее отношение к документу, а также резолюцию правительства. [Корпус Публистики] Мы выступаем против того, что государство освобождает новоявленные религиозные объединения от налогов и *дает* проведению чужеземного культа *зеленую улицу*. [С. Романов. Парламент]; – Во-первых, я уберу с твоей дороги все материальные препятствия, во-вторых, возьму на себя

¹² Заметим, что эта группа идиом организована по схеме, отличной от обсуждаемой в разделе 2.1., в то время как сходная по некоторым параметрам конверсивная пара с компонентами *по шапке* может рассматриваться как «штампованная» по схеме [X *дал в/по* {часть тела} Y-а] – [Y *получил в/по* {часть тела} Y-а *от* X-а], так как *шапка* метонимически замещает голову.

¹³ Валентность (от кого-л.) при формах с глаголом *получить* и валентность (на что-л.) во всех выражениях этого типа являются факультативными.

все административные проблемы, в-третьих, в конце концов, *открою тебе зеленую улицу* к выпуску. [В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь]

Очевидно, что в основе конверсии этого типа лежит аналогия с неидиоматической доминантой данного синонимического ряда *дать разрешение* – *получить разрешение*. Все идиомы этого типа характеризуются явственно выраженной семантической членимостью, причем значение глагола в составе идиомы редуцировано до лексической функции $Oper_1$ и $Oper_2$ соответственно, а именная часть идиомы интерпретируется как ‘разрешение’. Это значение изначально «вмонтировано» в структуру транспортной метафоры, лежащей в основе идиом *дать/получить зеленый свет*, *дать/получить зеленую улицу*, где за зеленым цветом (противопоставленным красному, символизирующему ЗАПРЕТ) конвенционально закреплена символическая функция РАЗРЕШЕНИЯ.

Завершая рассмотрение конверсивов во фразеологии, отметим, что формы с глаголом *получить* и его синонимами встречаются в целом реже, чем выражения с глаголом типа *дать*. Соответственно, с точки зрения узуса такие конверсивные пары большей частью асимметричны. Так, форма *получить зеленую улицу* настолько редка, что не была включена в Тезаурус. Тем не менее, соответствующие контексты встречаются (ср., например, (11)), что свидетельствует об известной продуктивности конверсных преобразований в рассмотренных фрагментах фразеологической системы.¹⁴ Иными словами, в случае конверсивных пар мы имеем дело не просто с двумя закрепившимися в узусе идиомами, между которыми устанавливается отношение конверсии, а с реализацией некоторой системно обусловленной потенции варьирования диатезы.

- (11) <...> на моих глазах начал создаваться рынок российских ценных бумаг за рубежом. Он сразу оказался кормушкой для многих крупных чиновников в России. Как только они выходили в отставку, к ним бросались инвестиционные банки и предлагали создать фонд, который потом *получал зеленую улицу* на покупку всевозможных акций и появившихся позже различных государственных обязательств. [А. Тарасов. Миллионер]

Такая ассиметрия в употребительности членов конверсивной пары объясняется, по-видимому, наличием других возможностей диатетического сдвига, в частности возможностью вывести Агенса из фокуса, повысив коммуникативный ранг Бенефактива, например, с помощью пассивизации исходной идиомы (см. подробнее [Добровольский 2007]); ср. также употребление идиомы *дать зеленую улицу* в неопределенно-личной форме в контекстах (12).

- (12) Мне *дали «зеленую улицу»*, все решаю я сам. [В. Смехов. Театр моей памяти]; Соавтора Р. не утруждал писанием, зато тот звонил в необходимые инстанции, все моментально решалось и картине *давали зеленую улицу*: сценарий принимался без поправок, несмотря на отрицательный отзыв худсовета, картина включалась в план студии <...> [В. Катанян. Лоскутное одеяло]

В целом, рассмотренный материал показывает, что образование конверсивов во фразеологии происходит по определенным принципам, которые, однако, не являются продуктивными правилами. Отсутствие полной предсказуемости в образовании конверсивов может быть показано на примере идиом *дать дрозда (кому-л.)*, *здать/дать/поддать жару (кому-л.)*, *дать жизни (кому-л.)*, *дать шороху (кому-л.)* и *дать прикурить (кому-л.)*, которые не допускают (даже окказионально) форм **получить дрозда*, **получить жару*, **получить жизни*, **получить шороху* или **получить прикурить*. Возможно, причиной является, с одной стороны, туманность

¹⁴ Ср. также идиому *получить на орехи*, которая не зафиксирована в [ФСРЯ], хотя эта форма воспринимается как вполне стандартная и примеры ее употребления встречаются в корпусах (ср. (8)). В [ФСРЯ] представлена только – безусловно, более частотная – идиома *достаться на орехи*.

мотивационных связей некоторых из этих выражений (действительно, как *дрозд* связан с идеей наказания, порицания и т.п.), а с другой – ненормативность соответствующих словосочетаний с *получить* в прямом значении, причем если *получить дрозда* еще как-то возможно в прямом значении (например, *в подарок*), то выражения **получить жару/жизни/шороху/прикурить* явным образом нарушают нормы сочетаемости.¹⁵ В целом, вопрос об «отказе узуса» использовать все предоставленные системой возможности нуждается в отдельном серьезном исследовании. Наличие репрезентативных корпусов позволяет собрать необходимые для решения этой задачи эмпирические данные.

Можно привести и другие примеры отсутствия симметрии в этой области. Встречаются идиомы, которые на первый взгляд выглядят как конверсивная пара, но, строго говоря, конверсивами не являются. Например, идиомы *воздать по заслугам* – *получить по заслугам* обнаруживают нетривиальные семантические различия, которые нельзя свести к мене диатезы: *воздают по заслугам* в качестве награды, а *получают по заслугам* скорее в наказание (на это обратил мое внимание И.М. Богуславский). Интересны также синтаксические особенности этих выражений. Так, *воздать по заслугам* – особенно в контекстах, содержащих отрицание – может управлять (хотя и редко) аккузативным дополнением: *Все эти почести ему воздали совершенно не по заслугам*. Отсутствие симметрии между этими выражениями проявляется также и в том, что *воздать по заслугам* – это, строго говоря, коллокация, а не идиома, т.е. выражение, напоминающее по структуре устойчивые словосочетания типа *возлагать надежды* или *одержать победу*. Напротив, выражение *получить по заслугам* в значении ‘наказания’ – типичная идиома. В этом – идиоматическом, переинтерпретированном – значении *получить по заслугам* не управляет аккузативным дополнением. Такое дополнение возможно лишь при «дословном» прочтении этого словосочетания (причем чаще под отрицанием), т.е. в случае, если *получить по заслугам* воспринимается не как идиома, возникшая в результате переинтерпретации ‘поощрения’ в ‘наказание’, а как коллокация, коррелирующая с выражением *воздать по заслугам*; ср. <...> *она всю жизнь завидовала Лике, считала ту безалаберной лентяйкой, не по заслугам получившей отличную работу...* [Д. Донцова. Уха из золотой рыбки].

3. Семантические каузативы во фразеологии

Как и конверсивы, семантические каузативы встречаются во фразеологии скорее редко. В Тезаурусе зафиксировано около 50 каузативно-декаузативных пар. Как правило, они образуются с помощью варьирования следующих глаголов:

пойти/уйти/отправиться – пустить/отправить:

отправиться на тот свет – отправить на тот свет (кого-л.), пойти с молотка – пустить с молотка (что-л.), пойти/попасть под откос – пустить под откос (что-л.), пойти по рукам – пустить по рукам (кого-л.), уйти в свободное плавание – пустить в свободное плавание (кого-л.);

К этой группе каузативов примыкают выражения типа *идти/пойти/катиться/убираться на все четыре стороны – отпустить на все четыре стороны (кого-л.), уйти на вольные хлеба – отпустить на вольные хлеба (кого-л.)*, в которых, однако, реализуется не

¹⁵ Такие идиомы, как *дать по щам* – *получить по щам* также воспринимаются как нарушающие нормы сочетаемости при их буквальной интерпретации, но если принять во внимание, что слово *щи* употребляется в молодежном сленге в значении ‘лицо’ (ср. достаточно употребительную сегодня идиому *на сложных щах* ‘с неприступным выражением лица’), то данные выражения оказываются вполне осмысленными с мотивационной точки зрения. Таким образом, подобные идиомы не должны рассматриваться как контрпримеры к высказанной гипотезе о причинах отсутствия полной регулярности в образовании фразеологических конверсивов.

столько ЛФ Caus, сколько ЛФ Perm (ср. [Мельчук 1974]). Эти выражения рассматриваются здесь в том же ряду, что и точные каузативы.

остаться – оставить:

остаться в дураках – оставить в дураках (кого-л.), остаться с носом – оставить с носом (кого-л.), остаться без штанов – оставить без штанов (кого-л.), остались рожки да ножки (от чего-л.) – оставить рожки да ножки (от чего-л.); камня на камне не осталось (от чего-л.) – камня на камне не оставить (от чего-л.), мокрого места не останется (от кого-л./чего-л.) – мокрого места не оставить (от кого-л./чего-л.);

стоять/становится/встать¹⁶ – ставить/поставить:

становиться на котурны – ставить на котурны (кого-л.), становиться на одну доску (с кем-л.) – ставить на одну доску (кого-л. с кем-л.), во главе угла стоять/быть – во главе угла ставить (что-л.), стоять на коленях – поставить на колени (кого-л.), стоять на рогах – поставить на рога (кого-л.), стоять на атасе – поставить на атас (кого-л.), стоять на карте – поставить/бросить на карту, стоять на кону – поставить на кон (что-л.);

сидеть/сесть – посадить:

сесть на скамью подсудимых – посадить на скамью подсудимых (кого-л.), сидеть под замком – посадить под замок (кого-л.), сидеть на хлебе и воде – посадить на хлеб и воду (кого-л.), сидеть/висеть на шее (чьей-л./у кого-л.) – посадить [к] себе на шею (кого-л.), сесть в калошу/галошу – посадить в калошу/галошу (кого-л.), сесть в лужу – посадить в лужу (кого-л.);

выйти/выбиться – вывести:

выйти на первый план – вывести на первый план (что-л.), выйти на передний план – вывести на передний план (что-л.), выйти из строя – вывести из строя (кого-л./что-л.), выйти из себя – вывести из себя (кого-л.), выйти/выбиться в люди – вывести в люди (кого-л.).

Подобные идиомы входят в состав весьма разнообразных семантических полей, т.е., в отличие от идиом-конверсивов, здесь отсутствует концентрация вокруг какого-то одного доминирующего поля. Представляется, что основным семантическим условием для образования каузативно-декаузативных пар во фразеологии является

принадлежность соответствующих идиом таким семантическим областям, в которых естественным оказывается противопоставление обозначения разных состояний, их (самопроизвольных) изменений, (самопроизвольных) процессов, с одной стороны, и целенаправленной деятельности Агенса, вызывающей такие состояния Пациенса, их изменение или инициирующей процессы, в которые вовлечен Пациент или Тема. Так, эти семантические области могут быть связаны с идеей

- свободы (*уйти в свободное плавание – пустить в свободное плавание*),
- риска (*стоять на карте – поставить/бросить на карту, стоять на кону – поставить на кон*),
- уничтожения/разрушения/порчи (*каменя на камне не осталось – камня на камне не оставить, остались рожки да ножки – оставить рожки да ножки, выйти из строя – вывести из строя*),
- неудачи (*уплыть из рук – упустить из рук, остаться на бобах – оставить на бобах, сесть в калошу – посадить в калошу, сесть в лужу – посадить в лужу*),
- общественного статуса и успеха (*выйти/выбиться в люди – вывести в люди*),
- значимости/актуальности (*выйти на передний план – вывести на передний план*),
- обеспеченности/небедности (*иметь крышу над головой – дать крышу над головой*),
- бедности (*остаться без порток – оставить без порток*),

¹⁶ Для простоты изложения идиомы, выражающие длящиеся состояния и процессы, рассматриваются здесь в одном ряду с инцептивами.

- отсутствия ресурса (*[сидеть] на голодном пайке – держать на голодном пайке с инцептивом посадить на голодный паек*),
- воровства/кражи (*ноги выросли у чего-л. – приделать/приставить ноги чему-л.*),
- купли-продажи (*пойти с молотка – пустить с молотка*),
- ухода с работы/увольнения (*вылететь с треском – выгнать/вышибить с треском*),
- сопротивления/конфликта (*спуску не будет кому-л. – спуску/спуска не давать кому-л.*),
- избежания конфликта (*сойти на тормозах – спустить на тормозах*),
- состояния неудовольствия/раздражения (*выйти из себя – вывести из себя*),
- осторожности, предусмотрительности (*держаться на расстоянии – держать на расстоянии*) и др.

В Тезаурусе идиомы-конверсивы и идиомы-каузативы представлены неединообразно. В зависимости от того, воспринимаются ли обе формы как равноправные или же одна из форм является базовой, члены конверсивных и каузативных пар либо оформляются как самостоятельные леммы, либо – нет. При этом они могут входить в один таксон (если его название задается настолько общими дескрипторами, что охватывает как концепт некоторого состояния или его изменения, или же некоторого процесса, так и концепт каузации этого состояния или процесса) или же в разные (если название таксона специфицировано относительно противопоставления состояния/процесса и его каузации). Ср. такие таксоны, как УНИЧТОЖЕНИЕ, РАЗРУШЕНИЕ, ПОРЧА, с одной стороны, и ТРУДНОСТИ, НЕПРИЯТНОСТИ vs. НАНЕСЕНИЕ ВРЕДА, СОЗДАНИЕ ПОМЕХ – с другой, ср. также СМЕРТЬ vs. УБИЙСТВО. Последний способ подачи материала выбирался в тех случаях, когда соответствующие семантические области оказывались настолько значительны по объему, что их деление на противопоставленные таксоны было лексикографически оправдано. Так, идиомы *пойти/попасть под нож – пустить под нож (что-л.)* или *пойти/попасть под топор – пустить под топор (что-л.)* представлены в одной лемме в таксоне УНИЧТОЖЕНИЕ, РАЗРУШЕНИЕ, ПОРЧА, а идиомы *отправиться на тот свет – отправить на тот свет (кого-л.)* или *отправиться к праотцам – отправить к праотцам (кого-л.)* – в таксонах СМЕРТЬ и УБИЙСТВО соответственно.

Первое, что бросается в глаза, при взгляде на отдельные каузативные пары, – это уже отмеченное нами ранее (см. [Баранов, Добровольский в печати]) отсутствие в ряде случаев семантической симметрии. Обычно каузативы должны быть семантически симметричны, т.е. их значения должны различаться ровно на один компонент – ‘Р’ vs. ‘сделать так, чтобы Р’. Такие семантические отношения являются нормальными и для фразеологии; ср., например, употребление идиом *выйти в тираж* и *списать в тираж (кого-л.)* в контекстах (13).

- (13) По крайней мере, мне лично вдруг показалось, что я окончательно *вышел в тираж*, что меня опередили, что жизнь тускла, плоска и неинтересна.

[Евг. Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов»]; Мужчину волнует работа, он расстраивается, что на службе его заведомо *списали в тираж*... [«Семейный доктор», 2002.11.15]

Подобная симметрия присутствует, однако, в идиоматике далеко не всегда. В частности, каузативы могут различаться набором значений. Ср. обсуждаемые в работе [Баранов Добровольский в печати] идиомы *прийти к общему/единому/одному знаменателю* и *привести к общему/единому/одному знаменателю (что-л.)*. Первая идиома имеет лишь одно значение ‘(о людях) в результате обсуждения согласовать свои, изначально различавшиеся, мнения, представления и т.п. о чем-л.’. Вторая идиома имеет два значения: 1. ‘сделать так, чтобы некоторые явления, объекты действительности, их свойства и т.п. стали в своей основе иметь много общего’ и 2. ‘сделать так, чтобы какие-л. явления, объекты действительности, их свойства и т.п. приобрели общие для всех усредненные характеристики, что оценивается говорящим отрицательно’. Причем ни одно из этих значений не может быть представлено как простое производное от значения идиомы *прийти к общему/единому/одному знаменателю* по правилам образования каузатива. Интересно, что и устаревшие сегодня значения идиомы *привести к общему/единому/одному знаменателю* не могут

рассматриваться как точные каузативы выражения *прийти к общему/единому/одному знаменателю*; ср. примеры (14).

- (14) Он добирался до имения, желал быть полным хозяином; отчего ж не венчаться на этой дуре, которую, конечно, он сумеет *привести к одному знаменателю*. [Гл. Успенский. Новые времена. Три письма]; Учение Беркутова было очень просто и выражалось в следующих немногих словах: всех *привести к одному знаменателю*... Все в большей или меньшей степени равняет людей перед лицом «знаменателя»... Это общая утрामбовка. [М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонские рассказы]

Приведем другой пример. Идиома *увидеть небо в алмазах* имеет, казалось бы, «хороший» каузатив *показать небо в алмазах (кому-л.)*. Однако эти идиомы симметричны только в одном из значений, входящих в семантическую область ПРОБЛЕМЫ, ТРУДНОСТИ, НЕПРИЯТНОСТИ; ср. контексты (15).

- (15) Я до ректора дойду! Я в министерство поеду! Они еще *увидят небо в алмазах* <...> [А. Житков. Кафедра]; Митя посмотрел на запястья со следами Маркушиных пальцев... Наверняка, будут синяки. Ничего, он потерпит до завтра. А завтра *покажет* ему *небо в алмазах*! [А. Житков. Кафедра]

Действительно, *увидеть небо в алмазах* понимается здесь в смысле ‘иметь серьезные проблемы’, а *показать небо в алмазах* – ‘сделать так, чтобы Пациенс имел серьезные проблемы’. Такие симметричные употребления встречаются, однако, скорее редко. Ср. употребление идиомы *увидеть небо в алмазах* в значении ‘испытывать сильную боль’ (которое можно рассматривать как частный случай ‘неприятностей’) и ее (скорее, неточный) каузатив в контекстах типа (16).

- (16) В одиннадцать меня привезли в роддом, в двенадцать что-то вкололи. <...> В шесть прибежала акушерка, глянула на меня, что-то сказала сестре — и мне вкатили один за одним три укола. После чего я *увидела «небо в алмазах»*. [«Марийская правда», 2003.09.01]; – Ох, – сказала она с яростью, – мне бы хотя бы одного фашиста вот сюда в руки, я бы *показала* ему *небо в алмазах*. [Л.З. Уварова. Мытная улица]

Наиболее часто выражение *увидеть небо в алмазах* встречается в значении ‘испытать что-то очень хорошее’ и относится к таким семантическим полям, как СЧАСТЬЕ, РАДОСТЬ или УСПЕХ. Ср. типичные контексты (17).

- (17) Если папы и мамы очень постараются — их дети *увидят небо в алмазах* и будут учиться в Англии, а отдыхать на Канарах... [«Наш современник», 2002.08.15]; <...> мы-то будем ещё молоды; мы отдохнём; *увидим*, как было обещано, *небо в алмазах* и запируем на просторе. ... [М. Палей. Поминование]; Зарплата повысится настолько, что за нее не стыдно будет расписываться в ведомости, тиражи вырастут — короче говоря, сотрудники еще при жизни *увидят небо в алмазах*. [«Витрина читающей России», 2002.10.25]

В этом значении идиома восходит к Чехову (ср. (18)), т.е. понимание выражения *увидеть небо в алмазах* как ‘испытать что-то очень хорошее’ является, по-видимому, самым старым и, очевидно, первичным, а значение ‘неприятностей’ возникло в результате его иронического переосмысления.¹⁷ Примечательно, что в своем первичном значении эта идиома каузативов не образует.

- (18) Мы услышим ангелов, мы *увидим все небо в алмазах*, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежною, сладкою, как ласка. [А.П. Чехов. Дядя Ваня]

¹⁷ На возможность интерпретации значения ‘неприятностей’ как вторичного, т.е. как ироничного цитирования Чехова с антонимическим эффектом обратила мое внимание Е.В. Падучева.

Асимметрия в каузативных парах не сводится к несовпадению набора значений у членов пары. Часто отсутствие симметрии связано со степенью употребительности каждого из членов, а также с плохо предсказуемыми семантическими особенностями таких идиом. Например, в паре *вылететь в трубу* – *выпустить в трубу* последнее выражение гораздо менее употребительно, а главное – эти выражения обнаруживают ряд семантических различий, не сводимых к чистой каузативизации. Судя по примерам употребления, *вылетает в трубу*, как правило, человек, а *выпускают в трубу* не человека, а ресурс. Нельзя сказать **Он выпустил меня в трубу*, а можно *Он выпустил имение жены в трубу*, но при этом нельзя сказать **Имение жены вылетело в трубу*.¹⁸

Анализ подобных случаев приводит к выводу, что каждая каузативная пара идиом нуждается в отдельном семантическом описании. Любая экстраполяция на основе общего принципа образования каузативов рискует исказить реальную картину.

В заключение этого раздела отметим, что отдельные идиомы образуют своего рода микропарадигмы, в которых в разных комбинациях могут присутствовать каузативы, конверсивы и инцептивы; ср. *почва уходит из-под ног* – *выбить почву из-под ног* – *лишиться почвы под ногами*; *стоять на ушах* – *встать на уши* – *поставить на уши*; *[стоять] под ружьем* – *встать под ружье* – *поставить под ружье*; *становиться на котурны* – *[стоять] на котурнах* – *ставить на котурны*; *[сидеть] на голодном пайке* – *держат на голодном пайке* – *посадить на голодный паек*; *сидеть/оказаться за решеткой* – *угодить за решетку* – *посадить за решетку*; *сидеть/висеть на шее* – *сесть на шею* – *посадить [к] себе на шею*. Подобные микропарадигмы встречаются и в других языках; ср. нем. *in der Tinte sitzen* «сидеть в чернилах» ‘находиться в неприятной ситуации’ – *in die Tinte geraten* «угодить в чернила» ‘попасть в неприятную ситуацию’ – *jmdn. in die Tinte reiten* «загнать кого-л. в чернила» ‘сделать так, чтобы кто-л. оказался в неприятной ситуации’. Видимо, здесь работают настолько универсальные механизмы преобразования предикатных выражений, что их действие распространяется даже на нерегулярную по определению сферу идиоматики.

4. Факторы, способствующие конверсии и актантной деривации

Представляется, что основной фактор, способствующий конверсным преобразованиям и каузативизации в сфере фразеологии, носит семантико-синтаксический характер. Для того, чтобы подвергаться конверсным преобразованиям, идиома должна иметь две активных валентности на лицо. Чаще всего эти валентности заполнены Агенсом и Пациентом, реже – Агенсом и Адресатом или же Бенефактивом. Понятно, что для того, чтобы соответствовать этому условию, идиома должна обладать семантикой определенного типа. Именно поэтому идиомы-конверсивы характерны для одних семантических полей и нехарактерны (или даже невозможны) для других. Анализ материала показал, что конверсивные пары встречаются в составе довольно узкого круга семантических полей, причем для поля ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ и для некоторых других семантически производных от него конверсия – довольно типичное явление. Что касается актантной деривации, то и здесь принадлежность идиом к определенным семантическим областям представляется решающим фактором. Для образования каузативно-декаузативных пар важно, чтобы один из членов такой пары обладал семантикой активной целенаправленной деятельности некоего лица, имеющей своей целью изменение некоторого состояния или инициацию некоторого процесса. Причем такие изменения состояний или процессы должны обладать характеристиками, позволяющими мыслить их как самопроизвольные, т.е. совершающиеся без участия Агенса. Если такие семантические

¹⁸ Этим наблюдением я обязан И.М. Богуславскому.

характеристики наличествуют, т.е. если противопоставление «самопроизвольного» и «каузируемого» воспринимается как естественное, вполне вероятно образование каузативно-декаузативной пары.

Еще одним фактором, существенным для конверсии и актантной деривации, является семантическая членимость соответствующих идиом. Иными словами, отдельные части идиомы должны обладать определенной семантической автономностью. Это достаточно очевидное условие, поскольку одна часть идиомы (в обычном случае это глагольный компонент) отвечает за преобразование и, соответственно, варьирует (причем это варьирование регулярно и предсказуемо с точностью до соответствующего семантического класса), а другая часть идиомы остается неизменной. Тем самым, члены конверсивных и каузативных пар обнаруживают вполне определенные, неслучайные различия в лексической структуре, т.е. в компонентном составе данных идиом, и этим различиям в плане выражения регулярно соответствуют различия в семантике.¹⁹ Уже одно это заставляет воспринимать каждую из таких идиом как членимую, т.е. состоящую из относительно автономных частей. Можно было бы подумать, что членимость является не причиной способности идиом участвовать в конверсных и каузативных преобразованиях, а следствием из наличия в языке парных идиом, связанных соответствующими семантическими отношениями. Однако это не так. В пользу первичности семантической членимости говорит в первую очередь наличие определенной динамики в образовании конверсивных и каузативных коррелятов, некоторые из которых воспринимаются как окказиональные, не закрепившиеся в узусе, но, тем не менее, вполне нормативные выражения. Иными словами, носители языка интуитивно знают, какие идиомы допускают конверсные и/или каузативно-декаузативные преобразования, т.е. обладают системно обусловленной способностью варьирования диатезы, а какие – нет.

Категория семантической членимости является одной из центральных для современной теории фразеологии и заслуживает отдельного подробного рассмотрения. Отметим здесь лишь, что тип семантической членимости, представленный в конверсивных и каузативных парах, часто отличается от «классического». В прототипическом случае семантическая членимость идиомы объясняется особенностями структуры лежащей в ее основе метафоры. Если между элементами метафоры и элементами актуального значения прослеживаются четкие корреляции, идиома оказывается семантически членимой. Ср. разбиравшийся в разделе 2.2 пример *дать/получить зеленый свет*. Именная группа *зеленый свет* означает ‘разрешение’ не потому, что существуют два коррелирующих выражения *дать зеленый свет* и *получить зеленый свет*, а потому, что в структуре транспортной метафоры зеленый свет – это разрешающий знак.²⁰ Данная именная группа настолько автономна семантически, что выражения *дать/получить зеленый свет* можно описывать как коллокации, в состав которых входит идиома *зеленый свет*. Такое описание, строго

¹⁹ Естественно, встречаются и случаи отсутствия семантической симметрии, т.е. случаи, когда семантическое соотношение между идиомами, напоминающими по форме конверсивные или каузативные пары, оказывается непредсказуемым. В таких случаях мы, строго говоря, имеем дело не с конверсией и каузативизацией, а с принципиально различными идиомами, обнаруживающими пересечения в синтаксической структуре, лексическом составе и образной составляющей. Примеры такого рода разбирались выше.

²⁰ Живость метафоры объясняет также и такие существенные компоненты актуального значения, как ‘возможность осуществления запланированных действий’, ‘непререкаемость авторитета разрешающей инстанции’ и пр. по принципу «можно ехать дальше, поскольку загорелся зеленый свет» → «можно действовать дальше, поскольку получено разрешение на продолжение начатого». Иными словами, *дать/получить зеленый свет* – это не просто ‘дать/получить разрешение на что бы то ни было’, а ‘дать/получить разрешение на продолжение начатого, на осуществление запланированных действий’.

говоря, было бы теоретически более аккуратным, хотя и более громоздким. Другое дело, что с лексикографической точки зрения оно вряд ли удачно.

Помимо этого типа семантической членимости, в материале представлены выражения, членимость которых не требует обращения к структуре мотивирующей метафоры. Это в первую очередь слабоидиоматичные метонимические выражения типа *дать/получить по шапке*. Поскольку слабая идиоматичность означает и более слабую устойчивость, относительная композиционность выражений этого типа, т.е. относительная семантическая автономность их компонентов ощущается непосредственно, без обращения к мотивационным связям. Также и выражения типа *остаться/оставить на бобах*, *остаться/оставить с носом* ощущаются как членимые непосредственно, без обращения к структуре метафоры, что объясняется их слабой мотивированностью. Действительно, соотнести метафору «бобов» или «носа» с актуальным значением этих идиом можно только этимологически. Здесь, как и в случае метонимических выражений типа *дать/получить по шапке*, решающим фактором оказывается семантическая отдельность глагола. В каком-то смысле идиомы, членимые по такому принципу, уподобляются коллокациям. Возможно, есть смысл выделить выражения этого типа в особую – пограничную – группу. Важную роль в образовании подобных выражений играет аналогия, оказывающаяся дополнительным фактором членимости. Когда в рамках одного семантического поля встречается целая группа конверсивных пар с глаголами *дать* и *получить* или целая группа каузативных пар с глаголами *остаться* и *оставить*, между этими выражениями устанавливаются парадигматические связи, следствием из которых оказывается интерпретация перекрестно коррелирующих частей этих идиом как семантически самостоятельных.

Образование однотипных выражений по аналогии – это филлморовская «штамповка» в чистом виде. По определенному выработавшемуся в языке образцу создаются новые выражения, причем следование этой схеме не является продуктивным правилом, т.е. сама схема не обладает предсказательной силой, что и отличает «штамповку» от «порождения».

Обобщая полученные результаты, отметим, что семантико-синтаксические особенности глагольных идиом могут и должны анализироваться в тех же категориях и описываться в тех же терминах, что и синтаксическая семантика глагольной лексики. Парадигматика и таксономия глаголов и глагольных идиом обнаруживают характерные общие черты.

Литература

- Апресян 1967 – Ю.Д. *Апресян*. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967.
- Апресян 1975 – Ю.Д. *Апресян*. Лексические конверсивы в русском языке // *Linguistica Silesiana*, Katowice, 1975, tom 1.
- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: ШЯРК, 1995.
- Апресян 1998 – Ю.Д. *Апресян*. Каузативы или конверсивы? // Типология. Грамматика. Семантика. К 65-летию Виктора Самуиловича Храковского. СПб.: Наука, 1998.
- Апресян 2005 – Ю.Д. *Апресян*. О Московской семантической школе // Вопросы языкознания, 2005, № 1.
- Апресян 2006 – Ю.Д. *Апресян*. Типы соответствия семантических и синтаксических актантов // Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. А.А. Холодовича. Материалы. СПб.: Нестор-История, 2006.

- Апресян, Цинман 2002 – Ю.Д. *Апресян*, Л.Л. *Цинман*. Формальная модель перифразирования предложений для систем переработки текстов на естественных языках // Русский язык в научном освещении 2002, № 2.
- Баранов, Добровольский 2008 – А.Н. *Баранов*, Д.О. *Добровольский*. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.
- Баранов, Добровольский в печати – А.Н. *Баранов*, Д.О. *Добровольский*. Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания, 2009, № 6.
- Богуславский 2008 – И.М. *Богуславский*. Только ли у глаголов есть диатезы? // Вопросы языкознания, 2008, № 6.
- Добровольский 2004 – Д.О. *Добровольский*. Регулярная многозначность в сфере идиоматики // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сб. в честь Н.Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Добровольский 2007 – Д.О. *Добровольский*. Пассивизация идиом (о семантической обусловленности синтаксических трансформаций во фразеологии) // Вопросы языкознания, 2007, № 5.
- Мельчук 1974 – И.А. *Мельчук*. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст». М.: Наука, 1974.
- Мельчук, Холодович 1970 – И.А. *Мельчук*, А.А. *Холодович*. К теории грамматического залога // Народы Азии и Африки, 1970, № 4.
- НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под рук. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры; Вена: Wiener Slawistischer Almanach, Sonderbd. 60, 2004.
- Падучева 2001 – Е.В. *Падучева*. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении, 2001, № 1.
- Плунгян 2000 – В.А. *Плунгян*. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Тезаурус 2007 – Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007.
- ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И.Молоткова. 4-е изд., стереотип. М., 1986.
- Fillmore 2006 – Ch. *Fillmore*. Idiomaticity // Berkeley Construction Grammar.
<http://www.icsi.berkeley.edu/~kay/bcg/lec02.html>
- Mel'čuk 1988 – I.A. *Mel'čuk*. Dependency Syntax: Theory and Practice. Albany, New York: The SUNY Press, 1988.

Т.И. Фролова

БЛИЗКИЙ, БЛИЖНИЙ, БЛИЖАЙШИЙ, уточнение значений, управление, сочетаемость

БЛИЗКИЙ. Значение

Прилагательное БЛИЗКИЙ, согласно толковым словарям [Ожегов], [Ушаков] и [МАС], имеет следующие значения (разные словари упорядочивают их по-разному, нумерация ниже не совпадает с нумерацией ни одного из упомянутых словарей):

- 1) 'находящийся на небольшом расстоянии': *близкие выстрелы; близкая берега.*
1а) МАС выделяет подзначение 'короткий', с пометой разг.: *близкий путь.*
- 2) 'отделенный небольшим промежутком времени': *близкий отъезд, веянье близкой весны* [И. Гончаров, Обломов, пример из МАС], часто в краткой форме: *ночь близка.*
2а) МАС выделяет подзначение 'приближающийся к какому-л. состоянию': *близкий к обмороку.*
- 3) о сходстве и смежности
3а) 'схожий': *близкий по содержанию; близкий к подлиннику; близки во мнениях; интересы, близкие к моим.*
3б) 'смежный, имеющий отношение': *За обедом обыкновенно шел разговор о предметах, самых близких к обеду.* [Гоголь, Старосветские помещики, пример из МАСа]. Значение отсутствует в словаре [Ушаков].
- 4) 'связанный тесным личным общением, дружбой, любовью' [Ожегов], 'находящийся, состоящий в прямой связи, в тесных отношениях (о родне, друзьях)' [МАС], 'коротко знакомый, связанный дружескими отношениями, взаимной симпатией' [Ушаков]: *он близок с отцом.*
- 5) 'приятный, милый, дорогой' (в словаре [Ожегов] объединено с 3б): *дочь близка матери.* В словаре [Ушаков] разделены 'дорогой, милый' и 'отвечающий интересам, взглядам': *призывы, близкие массам; эта тема мне близка.* В словарях [МАС] и [Ожегов] эти два значения объединяются. От значения 4, описывающего симметричное отношение, данное значение отличается однонаправленностью.
- 6) 'вхожий, имеющий доступ': *журналист, близкий к театральным кругам.* Это значение выделяется в словарях [Ожегов] и [Ушаков] и не выделяется в словаре [МАС].

Это описание требует некоторых дополнений и уточнений. Так, к значению 1 ('находящийся на небольшом расстоянии') можно добавить вариант 'имеющий свойство небольшой дальности', описывающий значение прилагательного в сочетаниях: *близкое расстояние, близкая поездка.* С этим значением можно объединить и предлагаемое в [МАС] для словосочетания *близкий путь* значение 'короткий'.

К толкованию значения 2 ('отделенный небольшим промежутком времени') в словаре [МАС] добавляется уточнение 'вскоре наступающий'. В других двух словарях такого уточнения нет, но все примеры во всех трех словарях относятся к будущему времени. Однако нужно заметить, что достаточно часто прилагательное БЛИЗКИЙ можно и нужно понимать не как 'скоро наступающий', а как 'недавно прошедший': *даже в сравнительно близкую эпоху Екатерины II; Новейшее время – потому что это самые близкие к нам дни.*

В словосочетании *близкий приятель* во всех трех словарях употребление прилагательного относится к значению 4. Для словосочетаний *близкий родственник*; *близкая родня* в словаре [Ожегов] выделяется отдельное значение прилагательного ‘о родстве: кровно связанный, непосредственный’; в словаре [Ушаков] эти словосочетания выделены и истолкованы целиком как ‘лицо, лица, связанные родством недалей степени’, в словаре [МАС] этих словосочетаний нет.

Очевидно, что в примерах *близкий родственник*; *близкая родня*; *близкий приятель* значение прилагательного можно описать как значение лексической функции MAGN (=‘высокая степень’, подробнее о лексических функциях см., например, [Апресян и др.]) от компонента ‘отношение’, входящего в толкование соответствующих существительных. К этим примерам можно добавить словосочетания *близкий друг*; *близкий знакомый*; *близкий аналог*. Интересно, что в текстах встречаются менее стандартные словосочетания, в которых прилагательное БЛИЗКИЙ употребляется в том же значении: *близкий конкурент*; *близкий сверстник*; *близкий соперник*.

Словосочетание *близкие отношения* в словарях [Ушаков] и [МАС] рассматривается целиком: и получает два толкования, ‘дружеские отношения’ и ‘любовная связь’. Ожегов относит употребление прилагательного в этом словосочетании к значению 4, это несколько неточно, поскольку толкование значения 4 относится к человеку, связанному отношением, а не к самому отношению, но в целом последовательно. То есть, если выделить значение прилагательного ‘дружеский, тесный (об отношениях)’, то именно к этому значению нужно отнести употребление прилагательного в рассматриваемом словосочетании. Это же значение прилагательного можно усматривать в словосочетаниях (*проявить*) *близкое участие*; *близкая дружба*.

Значение прилагательного в этих словосочетаниях можно рассматривать как значения лексической функции MAGN. В том же значении употребляется прилагательное БЛИЗКИЙ и в словосочетаниях *близкое знакомство*; *близкое касательство*; *близкая причастность*; *близкое родство*; *близкая связь*; *близкое соприкосновение*; иногда *близкое сравнение*. Нужно заметить, что словосочетания *близкий контакт*; *близкое общение* имеют по два понимания и употребления в зависимости от значения прилагательного: ‘контакт или общение на близком расстоянии’ (значение 1) и ‘контакт или общение в высокой степени’ (значение MAGN).

БЛИЗКИЙ. Управление

Разные значения прилагательного БЛИЗКИЙ имеют разное управление:

- 1) ‘находящийся на небольшом расстоянии’. В этом значении прилагательное употребляется либо без актантов: *близкие березы*, либо с первыми комплетивными зависимыми с предлогами К и ОТ: *Идея Петра заключалась в том, чтобы быстро построить в России новый город, близкий к Европе*; *близкая от солнца планета*. Нужно отметить, что предлог ОТ употребляется с прилагательным БЛИЗКИЙ только в этом значении. Со вторыми комплетивными зависимыми это прилагательное в этом значении в нормальном случае не употребляется; возможно, исключение составляют словосочетания с уточнением с предлогом ПО: *близкий по расположению*; *близкий по расстоянию*.

1а) В значении ‘имеющий небольшую дальность’ употребляется без комплетивных зависимых: *близкий путь*.

- 2) ‘отделенный небольшим промежутком времени’. В этом значении прилагательное употребляется либо без актантов: *близкое будущее*; *близкая смерть*; *близкая эпоха прошлого*, либо с первыми комплетивными зависимыми с предлогом К (только для прошлого): *Вернусь в близкие к нам дни, когда особенно врать историкам невозможно, так как остались еще живые люди*.

2а) При прилагательном БЛИЗКИЙ в значении ‘приближающийся к какому-л. состоянию’ всегда употребляется предлог К: *близкий к обмороку; близкий к завершению*.

3) о сходстве и смежности:

3а) ‘схожий’. Может употребляться без комплетивных зависимых или иметь первые комплетивные зависимые с предлогом К, с предлогом С или с дательным падежом и вторые комплетивные зависимые с предлогом ПО, с предлогом В или творительным падежом: *близкие показатели, состав, близкий к идеальному; близкий с фиолетовым цвет; цвет темно-серый или близкий ему по цветовому оттенку; секта, близкая в своем учении (или своими обычаями) к исмаилитам*;

3б) ‘смежный, имеющий отношение’. Может иметь первые комплетивные зависимые с предлогом К или с дательным падежом и вторые комплетивные зависимые с предлогом ПО, с предлогом В или творительным падежом: *показатель будет близким к нулю; близкий ребенку бытовой уклад; вид, по пропорциям, формам и декору (или пропорциями, формой и декором или в своих пропорциях) близкий памятникам раннемосковской архитектуры*;

4) ‘находящийся в тесных дружеских отношениях’. В этом значении прилагательное употребляется с первым комплетивным зависимым с предлогом С: *он близок со своими родителями*.

5) ‘приятный, милый, дорогой’. В этом значении прилагательное употребляется либо без актантов: *близкий человек*, либо с первым комплетивным зависимым в дательном падеже: *близкая мне тема; близкий мне человек*.

6) ‘вхожий, имеющий доступ’. В этом значении прилагательное употребляется с первым комплетивным зависимым с предлогом К: *наш сотрудник, близкий к администрации президента*.

В тех случаях, когда прилагательное БЛИЗКИЙ является значением лексической функции MAGN, оно употребляется без комплетивных зависимых: *близкий друг; близкое знакомство*.

БЛИЖНИЙ. Значение

Согласно словарям [Ушаков] и [МАС] значение прилагательного БЛИЖНИЙ совпадает с первым значением прилагательного БЛИЗКИЙ¹.

Действительно, практически во всех употреблениях прилагательное БЛИЖНИЙ относится к месту и расстоянию. Но полное совпадение можно усмотреть только со значением ‘имеющий небольшую дальность’: *близкий путь = близкий путь; близкая перевозка (близкая перевозка практически не встречается)*. Словосочетания с БЛИЖНИЙ часто оказываются точнее, чем с БЛИЗКИЙ: *близкая поездка* ‘поездка на небольшое расстояние’, ср. *близкая поездка* ‘поездка на небольшое расстояние’ или ‘скорая поездка’. То же самое верно в отношении пар словосочетаний *близкое путешествие – близкое путешествие; близкая командировка – близкая командировка*.

Значение прилагательного БЛИЖНИЙ совпадает с первым значением прилагательного БЛИЗКИЙ далеко не во всех случаях. Ср. пример из национального корпуса русского языка, где два этих прилагательных даже противопоставлены:

В конце концов, после долгих согласований, на неделю приковав начальника экспедиции к телефону в близнем (но не близком) поселке, признали наименьшим злом оставить все как есть и вывозить бомбу в будущем сезоне. [Михаил Бутов. Свобода // «Новый Мир», 1999]

Если прилагательное БЛИЖНИЙ служит определением не названию интервала, а расстоянию, на котором находится предмет, обозначаемый определяемым

существительным, то в его значении очевидно имеется компонент сопоставления, то есть БЛИЖНИЙ совпадает по значению не с БЛИЗКИЙ¹, а с САМЫЙ БЛИЗКИЙ¹. Ср. толкование этого прилагательного в словаре [Ожегов]: ‘**наиболее** близкий по расстоянию’. Именно поэтому возможны сочетания типа *ближний берег далек*. Именно из-за этого БЛИЖНИЙ, наряду с БЛИЖАЙШИЙ, но в отличие от БЛИЗКИЙ, не сочетается с ограничительными наречиями: ОЧЕНЬ, НАИБОЛЕЕ, БОЛЕЕ, МЕНЕЕ, НАИМЕНЕЕ.

В словаре [Lingvo] справедливо выделяется ещё одно значение прилагательного БЛИЖНИЙ: ‘действующий на близком расстоянии’. Действительно, в сочетаниях *ближний бой; ближний свет (фар); ближний огонь; ракеты ближнего действия* прилагательное БЛИЖНИЙ имеет не значение ‘находящийся неподалеку’, а значение ‘действующий на небольшом расстоянии’. Ср. сочетания тех же существительных с прилагательным БЛИЗКИЙ: *близкий бой; близкий свет (фар); близкий огонь*, где прилагательное имеет значение ‘находящийся неподалеку’.

Словосочетания *ближний родственник; ближняя родня* описывается в словаре [Ушаков] вместе с первым значением: ‘то же, что БЛИЗКИЙ (в 1 знач. и о родне). В словаре [МАС] для этих словосочетаний выделяется отдельное значение ‘находящийся в кровном родстве’ (с пометой устар.), в словаре [Ожегов] эти словосочетания не учтены. Признавая более устойчивый и устаревающий характер этих словосочетаний, можно всё же объединить их с несколькими другими словосочетаниями, иногда встречающимися в текстах и обладающими схожими свойствами: *ближний круг, ближние бояре, Ближняя Дума, ближние дворяне*, и описывать значение прилагательного БЛИЖНИЙ несколько шире, например, ‘находящийся в тесных отношениях’.

Таким образом, у прилагательного БЛИЖНИЙ хорошо выделены следующие значения:

- 1) ‘находящийся на более близком расстоянии’: *ближний берег*;
- 2) ‘имеющий небольшую дальность’: *ближняя командировка*;
- 3) ‘действующий на небольшом расстоянии’: *ближний свет (фар)*;
- 4) устаревшее значение ‘находящийся в тесных отношениях’: *ближние бояре; ближние родственники*.

БЛИЖНИЙ. Управление

Прилагательное БЛИЖНИЙ может иметь первые комплетивные зависимые только в первом значении, ‘находящийся на более близком расстоянии’. Так же как и для прилагательного БЛИЗКИЙ в первом значении первые комплетивные зависимые могут присоединяться с предлогами К и ОТ: *кисть ближней к зрителю руки; .комната, ближняя от входа*.

БЛИЖНИЙ. Замечание о формах

Прилагательное БЛИЖНИЙ имеет согласно толковым словарям [Ушаков] и [МАС] только полные формы положительной степени. Согласно словарю [Lingvo] у него также есть формы сравнительной и превосходной степени, наличие этих форм предполагает и разметка национального корпуса русского языка. Однако наличие у первого значения прилагательного сопоставительного компонента и относительная ограниченность употреблений других значений прилагательного говорят в пользу точки зрения толковых словарей, то есть форм сравнительной и превосходной степени у прилагательного БЛИЖНИЙ нет.

БЛИЖАЙШИЙ. Интерпретация формы и значение

Прилагательное БЛИЖАЙШИЙ трактуется толковыми словарями по-разному. Все словари выделяют значение превосходной степени от БЛИЗКИЙ, но различаются в перечне значений прилагательного БЛИЗКИЙ, от которых возможно образование синтетической превосходной степени, и в трактовке примеров. Так, в словаре [Ушаков] БЛИЖАЙШИЙ интерпретируется

1) как форма превосходной степени прилагательного БЛИЗКИЙ (значения не ограничиваются), ‘самый близкий, ближе всех’: *ближайшее от нас (или к нам) почтовое отделение; ближайший повод; принимать ближайшее участие; ближайшие дни, ближайшие задачи;*

2) либо как форма сравнительной степени прилагательного БЛИЗКИЙ: *при ближайшем рассмотрении.*

В словаре [Ожегов] также выделяется два значения:

1) ‘непосредственный, прямой’: *ближайшее участие; при ближайшем рассмотрении;*

2) ‘самый близкий’, для четырех значений прилагательного БЛИЗКИЙ: ‘отделенный небольшим промежутком времени’; ‘сходный, похожий’; ‘находящийся, происходящий на небольшом расстоянии, недалеко отстоящий’; ‘(О родстве) кровно связанный, непосредственный’: *ближайшая аптека; в ближайшие дни; ближайший родственник; ближайший приятель.*

В словаре [МАС] выделяются следующие значения:

1) превосходная степень к БЛИЗКИЙ (без примеров и указания перечня значений);

2) ‘непосредственный, прямой’: *ближайший повод к выступлению; при ближайшем участии кого-л.; Бутлер ехал верхом рядом с своим ближайшим начальником, майором Петровым.* [Л. Толстой, Хаджи-Мурат.];

3) ‘Более точный, более соответствующий сущности предмета’: *ближайшее определение предмета; при ближайшем рассмотрении;*

4) ‘Первоочередной, наиболее близкий по времени, неотложный’: *Вооружение народа становится одной из ближайших задач революционного момента.* [Ленин, Начало революции в России].

При рассмотрении различных значений прилагательного БЛИЗКИЙ, оказывается, что форма превосходной степени БЛИЖАЙШИЙ очевидно свободно образуется от значений 1 и 3 (а или б), при этом форма превосходной степени БЛИЖАЙШИЙ имеет то же значение, что и САМЫЙ БЛИЗКИЙ:

для значения 1 (‘находящийся на небольшом расстоянии’): *близкие выстрелы => ближайшие (или самые близкие) выстрелы; близкая аптека => ближайшая (или самая близкая) аптека;*

для значения 3 (‘сходный’ или ‘смежный’): *близкий по содержанию => ближайший (или самый близкий) по содержанию; близкий к подлиннику => ближайший (или самый близкий) к подлиннику.*

Также синтетическая форма превосходной степени может быть образована от прилагательного БЛИЗКИЙ в значении 1а ‘имеющий небольшую дальность’: *близкое расстояние => ближайшее (или самое близкое) расстояние.* Однако уже для словосочетания *близкая командировка* имеющего две интерпретации: ‘командировка на небольшое расстояние’ и ‘скорая командировка’ (значение 2), образование превосходной степени для первого значения невозможно, потому что словосочетание *ближайшая командировка* имеет только интерпретацию ‘следующая командировка’.

При существительном КОМАНДИРОВКА (а также, например, ВЕСНА) прилагательное БЛИЗКИЙ может употребляться и иметь ‘отделенный небольшим промежутком времени, скорый’), в таком случае, можно считать, что в словосочетаниях *ближайшая командировка; ближайшая весна* можно интерпретировать БЛИЖАЙШИЙ как форму превосходной степени.

Однако для других обозначений событий употребление с прилагательным БЛИЗКИЙ не встречается (по крайней мере, в значении 'скорый'), ср., например, **близкое заседание*. То же самое верно для существительных, обозначающих отрезки и точки во времени. Очевидно, что для словосочетаний: *ближайшее время, ближайшие недели, ближайший четверг* неправильно считать, что БЛИЖАЙШИЙ – превосходная степень от БЛИЗКИЙ, потому что с прилагательным БЛИЗКИЙ в нужном значении указанные существительные не употребляются. Таким образом, в ряде случаев с разными существительными интерпретация формы БЛИЖАЙШИЙ в одном и том же значении может оказаться непоследовательной: в словосочетании *ближайшая командировка* как формы превосходной степени, а в словосочетании *ближайшее заседание* как отдельной лексемы.

Для прилагательного БЛИЗКИЙ в значении 2 ('отделенный небольшим промежутком времени') по отношению к прошлому, всегда оказывается возможным образовать форму превосходной степени: *близкие к нам дни => ближайшие (или самые близкие) к нам дни; близкий период прошлого => ближайший (или самый близкий) период прошлого*.

Форма превосходной степени для прилагательного БЛИЗКИЙ не образуется в значениях: 2а, 'приближающийся к какому-л. состоянию': **ближайший (самый близкий) к обмороку, к завершению*; 4, 'состоящий в тесных отношениях': **ближайший (самый близкий) с отцом*; 5, 'приятный, милый, дорогой': *ближайший человек* (другое значение), **ближайшая мне тема*, ср. однако устаревшее употребление у Гоголя *ближайший моему сердцу*; 6, 'вхожий, имеющий доступ': *журналист, ближайший к президенту* (только в значении расстояния).

Отдельного рассмотрения требует соотношение форм БЛИЗКИЙ и БЛИЖАЙШИЙ в значении лексической функции MAGN. При существительных, обозначающих лиц или предметы, связанные определенным отношением, форма БЛИЖАЙШИЙ встречается чаще, чем БЛИЗКИЙ. Могут встречаться разные ситуации:

а) *ближайший друг* и (*самый*) *близкий друг* (ср. также *родственник, знакомый, аналог*). Возможны сочетания существительного с обеими формами. Возможно, что БЛИЖАЙШИЙ и БЛИЗКИЙ в данном случае можно рассматривать как синонимы.

в) *ближайший конкурент*, но **близкий конкурент*. Форма БЛИЖАЙШИЙ возможна, в то время, как форма БЛИЗКИЙ неприемлема. В ряде случаев сочетание с САМЫЙ оказывается более приемлемым: *самый близкий конкурент* (ср. также *соперник, сотрудник* и т.п.).

Очевидно как в словарях [Ожегов] и [МАС] выделяется значение 'непосредственный, прямой' для прилагательного БЛИЖАЙШИЙ в сочетании с ограниченным кругом существительных: *ближайшее определение; ближайший повод; ближайший начальник*.

Таким образом, у прилагательного БЛИЖАЙШИЙ выделяются следующие значения:

- 1) 'следующий': *ближайшие часы; ближайший урок*;
- 2) значение лексической функции MAGN: *ближайший конкурент; ближайший соперник*;
- 3) 'непосредственный': *ближайший повод, ближайший начальник*.

Форма БЛИЖАЙШИЙ может также иметь значение превосходной (и сравнительной) степени от значений 1 (о расстоянии), 2 (о времени, с оговорками), 3 (о сходстве и смежности) прилагательного БЛИЗКИЙ.

[МАС] – Словарь русского языка: В 4-х тт. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

[Ожегов] – Толковый словарь русского языка / Под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. 1992

[Ушаков] – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935—1940.

[Lingvo] – ABBYY Lingvo 12.

Слова со значением пространственной ориентации: топологическая зона верха

В докладе рассматриваются признаки, необходимые для описания семантики слов *верх*, *вершина*, *верхушка*, *макушка*, *пик*, *гребень*, объединенных смыслом 'верхняя часть объекта', и излагаются результаты семантического анализа перечисленных слов.

«Слова со значением пространственной ориентации заслуживают самостоятельного и детального исследования», — написал Ю. Д. Апресян в книге «Лексическая семантика» [Апресян 1974: 109]. Здесь же он сформулировал основные понятия, необходимые для описания слов такого типа и предложил «эскиз семантического анализа этого круга лексики».

Предлагаемый доклад представляет собой попытку сравнения некоторых слов указанной семантической группы. В нем рассматриваются основные существительные, обозначающие верхнюю часть объекта: это прежде всего само слово *верх*, а также слова *вершина*, *верхушка*, *макушка*, *пик*, *гребень*. Речь пойдет не обо всех лексемах перечисленных слов, а только о тех, которые обозначают часть материального объекта, а именно о лексемах *верх 1.1 (коробки)*, *вершина 1.1 (ели)*, *верхушка 1.1 (побега)*, *макушка 2 (ивы)*, *(горный) пик 1.1* и *пики 1.2 (минаретов)*, *гребень 3 (леса)*. Далее, говоря о том или ином слове, мы будем иметь в виду именно указанную лексему этого слова.

Рассматриваемые здесь единицы можно разделить на две неравные группы: к первой относится только лексема *верх 1.1*, а вторая включает все остальные.

Эти слова в сопоставляемых здесь значениях объединены не только указанием на расположение обозначаемой ими части объекта выше всех других его частей и дальше всего от земли, но и тем, что эта часть не отделена от других частей целого четкой границей, потому что обычно не обладает структурной или функциональной самостоятельностью, и не может сохранить свое название, будучи отделена от целого. Если первая особенность семантики отражается в толковании в явном виде (например, с помощью компонента 'верхний'), то вторая выводится из примитива 'часть', входящего во все эти толкования и не содержащего никакой информации о самостоятельности или несамостоятельности обозначаемого фрагмента целого.

Для описания свойств анализируемых здесь слов релевантным оказывается целый ряд признаков, и прежде всего это используемый уже в самом названии семантической группы признак ориентации в пространстве.

Ю. Д. Апресян выделяет два вида ориентации — абсолютную и относительную. «При абсолютной ориентации <...> употребление слова зависит только от строения того тела, часть которого обозначается данным пространственным словом. Наименование этой части остается постоянным, независимо от других тел, а также положения или движения данного тела» [Апресян 1974: 110]. «При относительной ориентации употребление слова определяется не строением, а положением или движением того тела, часть которого названа данным пространственным словом, или положением или движением других тел» [Апресян 1974: 111]. Различие между абсолютной и относительной ориентацией Ю. Д. Апресян иллюстрирует в том числе словами *верх* и *низ*. «Верх <низ> шкафа не перестает быть верхом <низом>, независимо от того, как стоит шкаф (он может, в частности, стоять вверх тормашками) и откуда мы на него смотрим. Между тем верх <низ> кубика — это та его грань, которая в момент наблюдения расположена выше <ниже> всех прочих его граней» [Апресян 1995: 42]. Л. Л. Иомдин отмечает, что сочетание *верх шкафа* может интерпретироваться и относительно: «верхом шкафа, лежащего на задней стенке, можно назвать и ту его часть, где расположены дверцы» [Иомдин 1996: 372]. Таким образом, наличие у объекта (например, у шкафа) «встроенной» ориентации не исключает для слова *верх* возможности относительного употребления.

Каким же должно быть упоминаемое Ю. Д. Апресяном строение тела, чтобы у этого тела могла быть «встроенная» ориентация (а у обозначающего его существительного — семантический признак абсолютной ориентации), в частности по верху–низу? Такая ориентация релевантна «лишь для тех слов, которые описывают, так сказать, «неизотропно» организованные предметы» [Иомдин 1996: 373, сн.], причем в данном случае неизотропно, неодинаково устроены должны быть верхняя и нижняя части, а предмет (объект) должен быть несимметричен хотя бы относительно горизонтальной оси или плоскости. Если же верх и низ устроены симметрично или объект и вовсе одинаков со всех сторон, то для него возможна только относительная ориентация. Действительно, кубики отличаются от шкафов, в частности, тем, что все стороны кубика совершенно одинаковы, а у шкафа (или тумбочки) с одной из сторон обычно имеются ножки, отсутствующие со всех прочих. Но можно представить себе дизайнерскую тумбочку, имеющую ножки, скажем, с четырех сторон, и слово *верх* будет использоваться применительно к такой тумбочке относительно. Несимметричность верха и низа может относиться как к форме (ср. куб и конус), так и к функции (ср. палку и столб); при этом различие частей по функции обычно обусловлено тем, что нижняя часть предназначена для соединения с опорой.

Поскольку слово *верх* может иметь и абсолютное, и относительное употребление, оно может использоваться для обозначения частей объектов, имеющих «встроенную», или, по выражению Л. Л. Иомдина, «внутреннюю», вертикальную ориентацию, заданную их собственным строением (*верх шкафа*), и не имеющих такой ориентации (*верх кубика*), объектов, симметричных относительно горизонтальной оси (*верх столба <коробки>*) и несимметричных (*верх грядки*), имеющих контакт с опорой (*верх мачты*) или не имеющих его (*верх занавеса*). Можно было бы предположить, что слово *верх*, столь «нетребовательное» к свойствам целого объекта, сможет обозначить наиболее удаленную от земли часть практически любого объекта — главное, чтобы такая часть была. Но сочетаемость этой лексемы гораздо уже, а контекстов употребления гораздо меньше, чем можно было бы ожидать.

Причина этого, по мнению Л. Л. Иомдина (см. [Иомдин 1996: 382–384]), кроется в семантическом устройстве слова *верх*, в его смысловой неоднозначности, порождаемой способностью употребляться и абсолютно, и относительно, причем часто — в составе одних и тех же сочетаний, а также сложностью взаимодействия значения этого пространственного слова со значением пространственных предлогов. В результате язык использует для обозначения верхней части другие языковые средства.

У многих объектов, имеющих «встроенную» ориентацию, эта часть, конструктивно или функционально отличающаяся от других частей, получает специальное наименование. Например, верхняя часть банок и бутылок называется *горлышком*, и потому сочетания *верх банки <бутылки>* попадают нечасто, в основном в инструкциях по консервированию. Верхняя часть дерева называется *вершиной*, *верхушкой* или *макушкой*, поэтому сочетания типа *верх дерева <сосны>* встречаются относительно редко и при этом либо в формах множественного числа (ср. не вполне стандартное *верхи деревьев <берез>*), либо в сочетании с локативными или направлятельными предлогами и прилагательным *самый* (*на самом верху дерева <березы>*). Верхняя часть дома называется *мансардой* или *чердаком*, верхняя часть шкафа — *антресолю*, верхняя часть колонны — *капителью*. Однако существование специальных обозначений не запрещает полностью сочетаний со словом *верх*, лишь сокращая их количество, иногда весьма значительно.

Подобные специальные наименования представлены в том числе и в самой вокабуле *верх*. Это *верх 2.1* — «складная или съемная часть транспортного средства, образующая его верх»: *автоматически убирающийся верх, грузовик <полупортка> с брезентовым верхом* (имеется также специальное наименование этой части — *тент* или *навес*); и *верх 2.2* — «самый далекий от земли жилой этаж двух- или трехэтажного дома»:

небольшое строение с каменным первым этажом и деревянным верхом (ср. также *верхний этаж*). Порожденная полисемией слова *верх* неоднозначность сочетаний *верх дома* или *верх экипажа* снимается в контексте.

Если же верхняя часть объекта определяется по его относительной ориентации, то она не может получить постоянного наименования, потому что сама ориентация непостоянна. Однако и слово *верх* не может быть употреблено во всех контекстах, где речь идет именно о такой части. Как показал, Л. Л. Иомдин в [Иомдин 1996], *верх* обладает семантически дефектной парадигмой и в наиболее востребованных в связи с пространственной локализацией локативных и направительных конструкциях заменяется производными от него наречиями *вверх, наверх, наверху, сверху*, имеющими только относительное употребление. В этих же контекстах могут использоваться и другие пространственные предлоги, не образованные от слова *верх*; ср. *поставить на шкаф*.

«Что же касается абстрактных [то есть относительных. — И. Г.] *верха, низа* и т.д., то они постепенно исчезают, поскольку в них отпадает нужда: для пространственной ориентации используются наречия, а для нечасто требуемых оstenсивных указаний достаточно выражений типа *верхняя <нижняя> часть*» [Иомдин 1996: 382].

Конкуренцию слову *верх* составляет не только указанное сочетание *верхняя часть*, но и сочетания *верхняя сторона <поверхность, плоскость, грань>*, которые способны именовать части объектов, имеющих разную форму, в том числе и двухмерных, мыслимых как горизонтально ориентированные; ср. *верхняя сторона листа подорожника*, и странное ^{??}*верх листа подорожника*.

Имеются также объекты, имеющие «относительную» верхнюю часть, для упоминания которой, однако, не может быть использован никакой из приведенных способов. Представим себе лежащую на столе небольшую плоскую коробку, у которой, безусловно, есть *верх* или *верхняя часть <сторона>*, и такую же по форме книгу, аналогичную часть которой нельзя обозначить ни одним из перечисленных слов или сочетаний.

О сочетаемости лексемы *верх* 1.1 дает представление следующая подборка примеров: *верх кубика <шарика>*, *верх валуна*; *верх мишени*; *верх башни <колокольни>*; *верх фронтона*, *верх двери <стены>*, *закругленный верх оконного проема*; *верх колонны*, *верх столба <антенны>*; *верх мачты <трубы парохода>*; *верх занавеса <шторы>*; *верх кружки <банки>*, *верх бутылочного горлышка*; *верх шкатулки <коробки>*; *верх кекса <торта>*; *верх пианино <буфета>*; *верх вагона <кабины автомобиля>*; *верх лица <туловища, живота, груди, бедра>*; *верх юбки <чулок, колготок>*; *верх косогора <насыпи, холма>*; *верх дамбы <плотины>*.

Нельзя не заметить, что сочетаний, в составе которых *верх* используется или может использоваться относительно, мало: это *верх кубика <шарика>*, *верх валуна*, *верх мишени* и *верх коробки*. Это одна из причин, по которой в толковании лексемы *верх* 1.1 первой указывается нормальная ориентация, а второй — наблюдаемая; ср. *верх* 1.1 = ‘часть или поверхность объекта, которая при его нормальном или наблюдаемом положении находится дальше от центра земли, чем все другие его части или поверхности’.

Приведенные примеры показывают, что *верх* обозначает часть только таких объектов, у которых есть вертикальное измерение. При этом размер по вертикали не обязательно превышает все остальные линейные размеры: ср. *верх помоста* (длина и ширина которого обычно существенно больше, чем его высота, в противном случае сооружение уже не может называться *помостом*), *верх плоской коробки* или *верх ступени*. Можно говорить не только о *верхе заводской трубы*, высота которой существенно превышает диаметр, но и о *верхе трубы газопровода* (существуют строительные нормы и правила (СНиПы) «о заглублении трубопроводов до верха трубы <...> не менее чем на 1,0 м»). Возможны сочетания *верх тоннеля* и *верх пещеры*. Не во всех случаях при наличии *верха* объект, с точки зрения языка, имеет также и *высоту*: у лежащей трубы нет высоты,

как нет ее, по-видимому, и у плоской коробки; нет высоты также у водосточной трубы, но сочетание *верх водосточной трубы* не запрещено.

Форма объектов, имеющих *верх*, может быть разной: это и вертикально ориентированные объекты типа телеграфных столбов, не имеющие ширины и длины (вертикальные стержни в соответствии с классификацией топологических типов Л. Талми), также имеющие вертикальную ориентацию плоские объекты типа заборов (вертикальные пластины), объемные объекты в виде шара, параллелепипеда, конуса, и т.п.. Важно лишь, чтобы у такого объекта было вертикальное измерение.

Форма самого *верха* в значительной степени зависит от формы целого объекта и также бывает разная: объемная и при этом заостренная, закругленная или, наоборот, расширяющаяся кверху, одномерная вытянутая по горизонтали или стремящаяся к точке, двухмерная (например, в виде площадки).

Верх может обозначать не только часть объекта, выше которой — свободное пространство (*верх крепостной стены <земляного вала>*), но и часть, соединяющуюся с каким-то другим объектом (*верх опоры моста <ножки стола>*; *В парадных залах верх стен украшен росписью*). Так, *верх колонны* может быть свободным, если это памятник в виде колонны, а может поддерживать фронтон или другую часть сооружения.

Таким образом, лексема *верх 1.1* «безразлична» ко многим характеристикам и обозначаемой ею части, и того объекта, у которого имеется соответствующая часть. Это отличает ее от единиц, входящих во вторую группу рассматриваемых здесь лексем — *вершина 1.1*, *верхушка 1.1*, *макушка 2*, *пик 1.1* и *пик 1.2*, *гребень 3*, которые гораздо более избирательны.

Из списка лексем второй группы ясно, что слово *пик* входит в него сразу в двух своих значениях — *пик 1.1* ($\approx$ ‘вершина горы’: *пики Гималаев*) и *пик 1.2* ($\approx$ ‘вершина дерева или сооружения’: *пики кипарисов*). Различия между двумя этими значениями далее не обсуждаются, поэтому поясним, что они не сводятся к указанию на таксономический тип целого: эти лексемы различаются, кроме того, обязательностью реализации валентности целого у *пик 1.2* и необязательностью — у *пик 1.1*, а также тяготением *пик 1.2* к употреблению преимущественно в формах множественного числа. Необходимо также отметить, что у лексемы *гребень 3* есть два круга употреблений: в первом из них оно указывает на реальную форму объекта, а именно на то, что две его боковые поверхности, соединяясь вверху, образуют линию (*гребень бархана*); во втором круге *гребень* характеризует восприятие объекта: его верхняя часть воспринимается как линия, видимая обычно на фоне неба.

Все слова второй группы обозначают части только таких объектов, которые имеют «встроенную» ориентацию, и основной фактор, задающий ориентацию — это наличие постоянной, фиксированной связи с опорой в нижней части объекта. Если объект не имеет встроенной ориентации, его верхнюю часть нельзя назвать ни одним из перечисленных слов. Так, например, у бревна, даже вкопанного в землю вертикально, не будет *вершины* или *верхушки*, в то время как у изготовленного из этого же бревна столба такая часть есть. Нет таких частей и у объектов, не соединенных с опорой, например, занавесов или гимнастических канатов.

К объектам, имеющим подобные характеристики, относятся: деревья (*вершина <верхушка, макушка> ивы, пики елей*), некоторые их части (*вершина ствола, верхушка побега*), совокупности деревьев (*верхушки соснового бора, гребень леса*), другие растения (*верхушка травинки*); возвышения как естественного, так и искусственного происхождения (*вершина горы <кургана, тороса>, верхушка <гребень> сугроба*), совокупности возвышений (*гребень Кавказа*), волны (*верхушки <гребни> волн*); сооружения (*вершина башни, гребень крепостной стены*), некоторые их части (*верхушка <пик> шпиль*), а также вертикальные столбы, которые могут быть как самостоятельными объектами, так и частями каких-то объектов (*вершина телеграфного столба, верхушка мачты*).

В отличие от слова *верх*, слова этой группы не сочетаются с названиями частей тела и предметов одежды (ср. неправильное **вершина груди*, **верхушка юбки*); исключением является терминологическое сочетание *верхушка легкого*. Сочетания с названиями предметов, например (*поставить что-л.*) *на верхушку шкафа* или (*постучать*) *по макушке кабины*, не запрещены, но носят авторский характер. Эти особенности сочетаемости можно связать с отсутствием у всех этих объектов хотя бы одного из обсуждаемых здесь признаков.

Все слова этой группы, кроме слова *гребень* во втором круге употреблений, применимы только к объектам, ориентированным вертикально, и при этом к таким, у которых с языковой точки зрения есть высота (например, к заводской, но не к водосточной трубе). Форма их такова, что либо размер по вертикали существенно превышает все их горизонтальные размеры (как у башен) или один из них (как у крепостных стен) и горизонтальные размеры в норме не увеличиваются с высотой, либо размер по вертикали хотя бы сопоставим с размерами по горизонтали (как у гор), причем в этом случае горизонтальные размеры объекта обязательно уменьшаются с высотой. Например, можно сказать *вершина* <*верхушка*> *небоскреба*, но сочетание ?*вершина* <*верхушка*> *дома* по меньшей мере странное, поскольку слово *дом*, в отличие от слова *небоскреб*, не указывает на большую высоту объекта. Нет *вершин* или *верхушек* и у помостов: они могут быть достаточно высокими, но не сужаются кверху.

Высота как одно из измерений и какая-либо из указанных форм необязательны только для слова *гребень* во втором круге употреблений: действительно, можно сказать *гребень берега* или *гребень окопа*, хотя у окопа не высота, а глубина, при этом ни берег, ни окоп не имеют сами по себе вертикальной ориентации в пространстве. Есть *гребень* и у леса, хотя к лесу понятие формы и вовсе неприменимо.

У части объектов, имеющих *вершины*, *верхушки*, *макушки*, *гребни* и *пики*, таких как горы и другие возвышения, изменить ориентацию нельзя в принципе: отрыв от опоры возможен только вместе с уничтожением объекта (например, курган нельзя перевернуть, его можно только срыть).

Если же нормальная ориентация объекта может быть изменена, как, например, в случае с деревьями или некоторыми сооружениями, которые можно мыслить сохранившими целостность, но, например, упавшими, то все слова второй группы, имея только абсолютное употребление, должны были бы продолжать называть ту же часть объекта, которую они называли при нормальной ориентации (ср. подобные свойства слова *верх* в сочетании *верх шкафа*). Однако существительные этой группы ведут себя по-разному. *Вершина*, *верхушка* и *макушка* в контексте названий деревьев не отличаются в этом отношении от слова *верх* и могут называть соответствующую часть как у растущего, так и у упавшего дерева; ср. *Поваленное дерево своей вершиной* <*верхушкой*, *макушкой*> *перегородило тропу*. Однако металлическая заводская труба, приготовленная для установки на место, пока не имеет *вершины*, которую приобретет после закрепления ее в вертикальном положении и, видимо, утратит после демонтажа. С другой стороны, слово *пик* неприменимо к названию части объекта, изменившего ориентацию: *пики елей* могут быть только у растущих деревьев; ср. неправильное **Упавшие ели своими пиками перегородили дорогу*. Аналогичным образом устроено слово *гребень*: такая часть есть только у стоящего забора (ср. *По гребню двухметрового кирпичного забора проложены провода сигнализации*), но не, например, у лежащих на земле щитов, из которых предполагается собрать забор, или у поваленного забора.

Помимо указания на контакт с опорой в нижней части объекта при его расположении в соответствии с «встроенной» ориентацией, все слова второй группы содержат и характеристику верхней части с точки зрения ее контакта с расположенными выше объектами. Все эти слова указывают на то, что выше данной части объекта в обычной ситуации нет не только никаких других его частей, но и никаких других объектов; иначе говоря, они имеют, так сказать, свободный верхний конец или край.

Например, у крепостной стены есть *гребень*, а у стены дома его нет; триумфальная колонна имеет *вершину* или *верхушку*, а колонна, поддерживающая перекрытие, по-видимому, имеет только *верх*. О *вершине лестницы* уместно говорить применительно к знаменитой одесской лестнице, представляющей собой отдельное сооружение, или парадной лестнице в здании, которая рассматривается как отдельный объект; лестница же в обычном жилом доме *вершины* не имеет.

Слова второй группы отличаются друг от друга по тому, несут ли они информацию об абсолютных размерах целого: такая информация содержится в словах *вершина* и *пик*. *Вершина* обычно бывает у больших объектов, высота которых существенно превышает рост человека; ср. *вершина горы* <дерева, мачты, колокольни>, но не **вершина кочки* <стебля, травинки>. Лексема *пик 1.1* называет вершины только очень высоких гор, а лексема *пик 1.2* — верхнюю часть только очень высоких деревьев или сооружений, обычно возвышающихся над другими деревьями или сооружениями, имеющими обычную высоту. *Верхушка* и *макушка*, напротив, информации о размере не содержат, поскольку могут быть как у низких, так и у высоких объектов; ср. *верхушка башни* <сопки> и *верхушка травинки* <кочки>, *макушки осины* и *макушка побега*. Что касается слова *гребень*, то оно ведет себя по-разному: в первом круге употреблений оно не указывает на размер (ср. *гребень сугроба* и *гребень горы*); во втором круге, когда имеется в виду часть объекта, воспринимаемая наблюдателем как линия, использовать это слово уместно только в том случае, если человек смотрит на этот объект снизу вверх, а значит, речь идет либо о высоких объектах (ср. *гребень берега* <обрыва, леса>), либо о высоко расположенной части объекта (*гребень оврага*).

Помимо размера, некоторые из слов указывают также на другие характеристики объекта. *Макушка* бывает обычно у стройных деревьев, которые отличаются гибкостью; напротив, деревья, с которыми ассоциируется представление об устойчивости, массивности, имеют *вершины*, а не *макушки*; ср. *макушки молоденьких сосенок* и *вершина дуба* <баобаба>, но не наоборот, а также несколько странное *вершина осины*.

Слова второй группы различаются по тому, какова форма называемой ими части. Ни *вершина*, ни *верхушка*, ни *макушка*, ни *пик* не могут быть вытянутыми: у них приблизительно одинаковые горизонтальные размеры, и они сужаются или по крайней мере не расширяются кверху. *Макушка* и *пик* (в любом из рассматриваемых значений) указывают на заостренную часть объекта; по этой причине невозможны сочетания **раскидистая макушка* или **раскидистые пики деревьев*. Напротив, *вершины* и *верхушки деревьев* могут быть и *раскидистыми*, и *зонтикообразными*, и *остроконечными*. Совершенно другая форма у *гребня* (в первом круге употреблений) — это всегда вытянутая, имеющая длину часть объекта (ср., например, *гребень кремлевской стены* или *гребень Кавказа*). Хотя у волны может быть и *верхушка*, и *гребень*, между ними есть различия по форме: *гребень* — наиболее высокая часть, идущая вдоль всей волны, а *верхушка* — лишь небольшая центральная часть этого гребня. По этой причине можно сказать *Чайка летит вдоль гребня волны*, но не **Чайка летит вдоль верхушки волны*.

Таким образом, для описания слов, обозначающих верхнюю часть объекта, необходимыми оказываются достаточно разные признаки, причем не только вполне предсказуемые (например, форма этой части), но и несколько неожиданные (например, функция противоположной, нижней части объекта). И одним из важнейших признаков остается признак ориентации в пространстве.

Все изложенные в докладе наблюдения могут быть использованы в лексикографической практике.

Так, основываясь на полученных результатах, можно уточнить состав синонимического ряда со значением 'верхняя часть объекта при его обычном положении в пространстве'. В Словаре синонимов русского языка под ред. А. П. Евгеньевой этот ряд включает слова *верхушка*, *вершина*, *верх*, *макушка* и *макуша* (прост.), *маковка*, *глава*

(трад.-поэт.), а в Словаре синонимов З. Е. Александровой — слова и сочетания *верх*, *верхняя часть*, *вершина*, *верхушка*, *макушка*; *маковка* (прост.), *гребень*. Между тем, отличия лексемы *верх* 1.1 от прочих рассмотренных в докладе лексем столь значительны, что она должна быть исключена из данного ряда. Аналогичным образом решен в Новом объяснительном словаре синонимов вопрос о составе синонимического ряда со значением ‘нижняя сплошная часть объекта, которая соединяет его с опорой’, включающего слова *основание*, *подножие* и *подошва*, но не слово *низ*; см. [Галактионова 2004]. Существенной спецификой обладает и лексема *гребень* 3, которая также не должна входить в состав ряда. Что же касается слова *пик*, то его, по-видимому, следует включить в синонимический ряд, причем сразу в двух значениях. Слова *маковка* и *глава*, несомненно, входят в состав синонимического ряда, но являются периферийными средствами выражения смысла ‘верхняя часть’ и поэтому в докладе не рассматривались; слово *макуша* в современном литературном языке отсутствует, а сочетание *верхняя часть* сближается со словом *верх* и уже по этой причине из ряда должно быть исключено.

Все изложенные наблюдения положены в основу описания соответствующих лексем слов *верх*, *вершина*, *верхушка*, *макушка*, *пик* и *гребень* и учтены в разных зонах словарных статей, написанных автором для проспекта Активного словаря русского языка, создаваемого под руководством Юрия Дерениковича Апресяна.

Литература

- Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян и др. (в печати) — В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Проспект Активного словаря русского языка / Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна.
- Иомдин 1996 — Л. Л. Иомдин. Семантическая неполнота русских именных парадигм // *Die Welt der Slaven* XLI, 1996.
- Галактионова 2004 — И. В. Галактионова. Словарная статья *основание* 3, *подножие* 1, *подошва* 2 // В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, С. А. Григорьева, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. Москва–Вена, 2004.

A Life of Their Own: English Borrowings in the Italian Lexis of Economics

Paola Gaudio

(University of Bari – Italy)

1. Introduction

We all are witnesses to how English is unrelentingly and unwaveringly spreading throughout our globalized societies. It is a phenomenon common to cultures as diverse as the Italian and the Russian. Newspapers, TV series, movies, the fashion industry, not to mention anything computer-related, seethes with Anglicisms: sometimes loanwords are adapted, other times they are simply incorporated in our languages just as they are, with very little or no adaptation at all. Indeed, this last trend seems to be becoming stronger and stronger as the laymen grow more and more familiar with and accustomed to the presence of foreign words in their native language. Of course Anglicisms are not unique to the 21st century, as they have also occurred in earlier periods of our history: for example, a noteworthy big boom in the use of Anglicisms can be traced back to the late 40s and 50s (Görlach 2002:3) – just after the Second World War – at least as far as Western countries are concerned. In the case of ex-communist countries, the boom took place in the 90s, coinciding with the fall of the economic and political barriers to the free flow of capital, information and people. Therefore, in spite of our origins, our history, and therefore our *Weltanschauung* – our view of the world – being different, we do share the same destiny when it comes to English. Anglicisms are just all over the place.

English, then, as the language of globalization. Some may point to the spread of English as to a form of linguistic imperialism, where English becomes the means by which Western ideas flood our societies (Widdowson 2003:45). For sure we all are – although probably to different degrees – subject to its influence, which is not only lexical but conceptual as well. In fact the influence exerted by one language upon another can never be exclusively linguistic, and this as direct result of the very close relationship between linguistic expression and view of the world: between what a language can express, and what it actually expresses in order to meet the communicative needs of its speakers (Jakobson 1985:110). Language – as Edward Sapir and Benjamin Lee Whorf have already pointed out so admirably with their principle of linguistic relativity (Whorf 1956) – influences the ways one thinks and behaves. So, when a language borrows some words from another language, it is importing much more than mere lexical labels to attach to objects or entities: it also imports a way of constructing reality through those very labels.

Henry Widdowson (2003:45) uses the word ‘spread’ to refer to the dissemination of English in the most diverse languages, and he emphasizes the potential lack of agency that this ergative verb implies: somebody or something (some political or economical power maybe) is spreading English or, more simply, English is spreading – with no agency, no outer guidance, no exertion of power, it is simply and naturally

spreading – just like a disease or a virus (without necessarily having the same negative connotations carried by these words).

Such spreading is taking place not only geographically but also socially, affecting the modes of expression and possibly also the modes of thought of wide strata of society. If therefore, in the past, the influence of English was limited to well-defined areas like pop music, for example, or computer sciences, currently it not only reaches out to our daily lives, but by now affects most, if not all, specialized languages. It is precisely one of these specialized languages that this paper revolves around – namely, the language of economics.

However, I would take distance from the view that considers English (or any other language for that matter) as exclusively tantamount to linguistic imperialism. Things can be seen from quite another perspective. Languages are alive, and they each live a life of their own. Words too. What happens in today's society is that languages such as Italian or Russian (or any other) get in touch with foreign (English) words, incorporate them into their linguistic system and appropriate them. Once these words have been borrowed and therefore appropriated, they start a new life: they may acquire new meanings, they may lose some of their old ones, and they can change – morphologically, semantically, even syntactically. In other words, they begin to live a brand new life, a life of their own.

Seen from this perspective, the spread of English ceases to appear a socio-linguistic invasion at the hands of the colonizers, and becomes itself the victim of a moulding process carried out by the innumerable worldwide users of this language. Especially within the domain of specialized areas – and therefore within closed communities of language users that need not at all be native speakers, because they belong in their circle by upbringing and by formal education, like indeed economists, doctors, lawyers, or scientists – changes do happen pursuant to an appropriation of the language by those who use it. This is especially true to the point of being unavoidable when – within that globalized village our world has become – such non-native users of English tend to take the specialized lexis and use it in their own language, thus ultimately appropriating it.

Be it as it may, the spread of English can definitely be considered a very complex process that calls upon important issues such as power and ideology. As is often the case when it comes to these matters, though, boundaries are never clear cut and the analysis of facts lends itself to speculation, revealing – as it often does – hidden, subtle and possibly paradoxical dynamisms.

However, if a general discourse would call into question the most varied socio-cultural, economic and political issues, a more focused analysis allows for greater analytical observation of the matters at stake. And it is for this reason that the focus of this paper will be limited to a well precise area of interest: the non-adapted English loanwords that are currently used in the Italian lexis of economics.

2. The two corpora

In order to carry out the analysis of the borrowings selected, two parallel corpora have been used: one comprising the issues of the Official Journal of the European Union (OJEU) dating from January to June 2008 (adding up to more than ten million tokens), and the other comprising the transcripts of the debates held in the European Parliament from June 2008 to April 2009 (adding up to five million tokens). Both corpora are parallel, this means that each text has two versions: one in English and the other in Italian. However, strictly speaking it is not possible to distinguish between source text and target text, or between original and

translation, since all texts were produced in more than one language to begin with. Besides, from a legal point of view, each version shares the same status as the other EU official languages. The European Union legislation in fact provides that documents produced by any of its institutions should be on an equal footing with each other – regardless of the language they were initially produced in – because each version is to be considered authentic.

The texts from both languages comprised in the two corpora can be found online at the official websites of the Official Journal of the European Union¹ and of the European Parliament² respectively.

3. Analysis of four non-adapted Anglicisms

What follows is the analysis of four non-adapted Anglicisms from the language of economics: ‘broker’, ‘joint venture’, ‘start-up’, and ‘business angels’. These terms are commonly used by the language communities that use Italian for business, for commerce, or for other economics-related purposes. However, borrowing is never a simple process because, in the transfer from one language into another (in this case, from English into Italian), words inevitably change over time and depending on their context of usage: as already suggested, they may take on new meanings or lose some of the old, and consistency in the way they are used is more of a theoretical abstraction than an actual reality. In fact, what will be observed with reference to each of the words selected are the various forms a word can take, both lexically and semantically: at times the English term is borrowed as it is, without any major adaptation (apart from the phonetic one, which is just unavoidable if the languages in question use different phonetic systems); other times it is translated into the receiving language, even though the original loanword is already well-established; some other times instead, the Anglicism is paradoxically used to translate a range of English words that are only loosely connected with the semantic meaning of the etymon concerned.

3.1. ‘Broker’

The first example is ‘broker’. In the English corpus of the Official Journal and of the Parliamentary debates combined, there are 21 occurrences of ‘broker’ and 35 of its derivative forms (the noun ‘brokerage’, the verb ‘to broker’, and the verbal forms ‘brokering’ and ‘brokered’). In the Italian version instead, there are only 14 occurrences of ‘broker’ (as noun), plus two instances of ‘brokeraggio’, a calque from ‘brokerage’:

1	e mediatori (broker) di assicurazioni 66.22.1 Servizi di agenti e mediatori (broker) di assicurazioni 66.22.10 Servizi di agenti e mediatori (broker) di
2	di valutazione dei rischi e dei danni 71620 66.22 Servizi di agenti e mediatori (broker) di assicurazioni 66.22.1 Servizi di agenti e mediatori (broker) di
3	del settore finanziario che sfuggono alle autorità di vigilanza. Chi controllava i broker ipotecari quando concedevano generosi prestiti a famiglie che non
4	e mediatori (broker) di assicurazioni 66.22.10 Servizi di agenti e mediatori (broker) di assicurazioni 71610 66.29 Altri servizi ausiliari delle assicurazioni e
5	per tutti gli attori. Infine, dovremmo dettare una normativa per i promotori e i broker finanziari e le relative provvigioni. Le agenzie per la valutazione dei crediti
6	di investimenti, nonché i rischi correlati per individui e investitori istituzionali, per broker assicurativi e organismi di vigilanza. Milan Gala (PPE-DE). – (SK)
7	in merito al compromesso esprime dell'onorevole Ouzký come broker. Considero un successo per il Parlamento e anche per il gruppo
8	milioni di GBP occorre citare i business angels, i fornitori di venture capital, i broker, i sistemi di negoziazione alternativa (ATS) nonché le principali borse
9	di venture capital, associazioni professionali, università, esperti accademici e broker della regione West Midlands nonché da una regione comunitaria. Oltre
10	primari per le PMI Negoziazione di titoli sul mercato primario e secondario. Broker raccolgono fondi Condizione preliminare per l'adesione è la fornitura di
11	dei fondi di venture capital sarà molto limitata. (195) Dalla comunità dei broker, la Commissione ha ricevuto osservazioni critiche, in particolare dalla
12	e degli altri operatori del settore bancario (compresa la remunerazione dei broker, di cui si parla poco ma che mi sembra anch'essa un problema
13	all'incasso 29 marzo 2007 Vendita della Funk International Austria GmbH Broker assicurativo 1o gennaio 2007 Vendita di Cosmos Elektrohandel GmbH &
14	aerea di linea nel maggio 2005 e ha trasformato la propria attività in quella di broker aeronautico e operatore di voli charter, stipulando un accordo con una
15	ammonta a [...] Mrd EUR. A gennaio 2007 è stata inoltre venduta la società di brokeraggio assicurativo Funk International Austria GmbH. (204) La banca si è
16	merci 52.29.11 Servizi degli agenti marittimi 67910 (*) 52.29.12 Altri servizi di brokeraggio di merci 67910 (*) 52.29.19 Altri servizi delle agenzie di trasporto di

Figure 1

¹ <http://eur-lex.europa.eu/en/index.htm>

² http://europa.eu/institutions/inst/parliament/index_en.htm

As can be seen from the concordance lines above (figure 1), at times ‘broker’ is given between parenthesis after the Italian translation ‘mediatore’ (lines 1, 2 and 3) – as if, ‘mediatore’ being a more general word, ‘broker’ represented the more technically proper term.

All in all, it would seem that the loanword ‘broker’ coexists with its Italian translations. However, in three cases, the Italian text has ‘broker’ as an equivalent for the English words ‘trader’, ‘stockbroker’, and ‘promoter’: it is as though ‘broker’ *in qua* Anglicism, seems to be a more effective translation of English near-synonyms of ‘broker’ which have not been borrowed by Italian (yet):

1 per tutti gli attori. Infine, dovremmo dettare una normativa per i promotori e i **broker** finanziari e le relative provvigioni. Le agenzie per la valutazione dei crediti
2 di venture capital, associazioni professionali, università, esperti accademici e **broker** della regione West Midlands nonché da una regione comunitaria. Oltre
3 e degli altri operatori del settore bancario (compresa la remunerazione dei **broker**, di cui si parla poco ma che mi sembra anch'essa un problema

Figure 2

1 the same status for all players. We should also be stipulating requirements for **promoters** of packages and syndicating packages, whereby they retain a chunk
2 West Midlands universities and academic experts, West Midlands **stockbrokers** as well as a European region. Apart from Ofex, also JP Jenkins
3 directors' pay and the pay of others working in the banking sector (there is also **traders'** pay, which is not often talked about but it also seems to me to be an

Figure 3

Apart from these very specific and particular cases, the question arises as to how and in what circumstances the term ‘broker’ is actually translated into Italian rather than being simply used in its foreign form.

Excluding the verbal forms and the noun ‘brokerage’, and taking into consideration only the noun with its plural ‘brokers’, there are 10 cases in which the term is translated into Italian:

1 79222000-6 Tax-return preparation services 86300 79223000-3 Custom **broker** services L 74/268 EN Official Journal of the European Union 15.3.2008
2 services 79222000-6 Tax-return preparation services 79223000-3 Custom **broker** services 79300000-7 Market and economic research; polling and
3 to raise equity finance are offered by Ofex, the AIM, JP Jenkins Limited, **broker** networks and investor mailing lists. Furthermore, equity could be raised
4 support services 52.29.1 Freight transport agency services 52.29.11 Ship-**broker** services 67910 (*) 52.29.12 Other freight brokerage services 67910 (*)
5 Investbx. The same arguments are valid for the activity of other execution-only **brokers**. L 45/24 EN Official Journal of the European Union 20.2.2008 (41) The
6 whether he works exclusively with one or more creditors or as an independent **broker**; 22.5.2008 EN Official Journal of the European Union L 133/81 (b) the
7 in Central America. President Arias's efforts in his role as an international **broker** came to fruition in the Esquipulas Peace Agreement, which was signed by
8 myself and my colleagues at the Commission, we shall play the role of honest **brokers** in order to make this possible. Catherine Trautmann, rapporteur. – (FR)
9 We in the European Union and the European Parliament want to be honest **brokers** of peace. We want the people of Israel to live within secure borders and
10 the European Union 26.3.2008 (9) Refco was at the time the largest derivatives **broker** in the USA. (30) In order to clean up the losses of the Caribbean

Figure 4

1 Servizi di compilazione delle dichiarazioni fiscali 86300 79223000-3 Servizi di **agenti** di dogana L 74/268 IT Gazzetta ufficiale dell'Unione europea 15.3.2008
2 Servizi di compilazione delle dichiarazioni fiscali 79223000-3 Servizi di **agenti** di dogana 79300000-7 Ricerca di mercato ed economica, indagini e
3 possono rivolgersi sia a Ofex, che a AIM, a JP Jenkins Limited, a reti di **agenti** di borsa nonché procurarsi indirizzari di investitori. Inoltre, possono
4 52.29.1 Servizi delle agenzie di trasporto di merci 52.29.11 Servizi degli **agenti** marittimi 67910 (*) 52.29.12 Altri servizi di brokeraggio di merci 67910 (*)
5 principale di Investbx. Le stesse argomentazioni si applicano alle attività di altri **intermediari** specializzati L 45/24 IT Gazzetta ufficiale dell'Unione europea
6 in particolare se lavori a titolo esclusivo con uno o più creditori oppure a titolo di **mediatore** indipendente; 22.5.2008 IT Gazzetta ufficiale dell'Unione europea L
7 no alla pace in America centrale. Gli sforzi del Presidente Arias nel suo ruolo di **mediatore** internazionale hanno dato i loro frutti con l'accordo di pace di
8 riguarda me e i miei colleghi alla Commissione, svolgeremo il ruolo di onesti **mediatori** onde renderlo possibile. Catherine Trautmann, relatrice. – (FR)
9 Noi, nell'Unione europea e nel Parlamento europeo, vogliamo essere onesti **mediatori** di pace. Vogliamo che il popolo israeliano viva all'interno di confini
10 ufficiale dell'Unione europea 26.3.2008 (9) La Refco era allora la maggiore **società di commercializzazione** di operazioni a termine e di materie prime degli

Figure 5

Here follows instead a selection of the derivative forms – i.e.: the noun ‘brokerage’, the verb ‘to broker’, and the verbal forms ‘brokering’ and ‘brokered’ – with their respective translations:

1 that a different African neighbour respected by all sides would be better placed to broker such negotiations. And, if there is an international accompaniment, that
2 and related securities and commodities services 66131000-7 (3) Security brokerage services 66131100-8 (3) Pension investment services 66132000-4
3 services 66180000-5 (3) Foreign exchange services 66190000-8 (3) Loan brokerage services 66500000-5 Insurance and pension services 66510000-8
4 66131100-8 (3) Pension investment services 66132000-4 (3) Commodity brokerage services 66133000-1 (3) Processing and clearing services
5 (3) Corporate finance and venture capital services 66130000-0 (3) Brokerage and related securities and commodities services 66131000-7 (3)
6 materiel for the DRC, or any provision of technical assistance, financing, brokering services and other services related to military activities in the DRC,
7 Bill auditing and freight rate information services 83990 (*) 74.90.12 Business brokerage and appraisal services other than for real estate and insurance 83990
8 then an annex added unilaterally by Ukraine to the agreement painfully brokered by our presidency was refused by Russia. After several trips by Prime
9 of all to acknowledge the speed and effectiveness of the French Presidency in brokering a truce between the parties to the conflict. The six-point plan must now
10 which would be most welcome. In that respect, we support the efforts of Egypt to broker a cease-fire. While Egypt and the Arab leaders may bring influence to
11 in both the short and long term. Its failure, to date, to honour the six-point plan brokered by the presidency and its decision to recognise Abkhazia and South

Figure 6

1 un altro paese africano vicino rispettato da tutte le parti possa più facilmente fare da intermediario in questi negoziati. Anche un eventuale accordo
2 e servizi collegati a valori mobiliari e merci 66131000-7 (3) Servizi di intermediazione valori 66131100-8 (3) Servizi di investimento pensionistico
3 66180000-5 (3) Servizi di cambio valute 66190000-8 (3) Servizi di intermediazione prestiti 66500000-5 Servizi assicurativi e pensionistici
4 66131100-8 (3) Servizi di investimento pensionistico 66132000-4 (3) Servizi di intermediazione merci 66133000-1 (3) Servizi di esecuzione e compensazione
5 delle imprese e servizi di capitali di rischio 66130000-0 (3) Servizi di intermediazione e servizi collegati a valori mobiliari e merci 66131000-7 (3)
6 alla RDC o la fornitura di assistenza tecnica, il finanziamento di servizi di intermediazione e di altri servizi pertinenti ad attività militari nella RDC, diversi da
7 di carico e di informazione sulle tariffe di nolo 83990 (*) 74.90.12 Servizi d'intermediazione commerciale e di valutazione, diversa da quella immobiliare e
8 l'allegato aggiunto unilateralmente dall'Ucraina all'accordo faticosamente mediato dalla nostra presidenza. Dopo varie spedizioni del primo ministro
9 innanzi tutto riconoscere la rapidità e l'efficacia della Presidenza francese nel negoziare una tregua tra le parti nel conflitto. Il progetto in sei punti ora deve
10 positivo. In tal senso, sosteniamo gli sforzi compiuti dall'Egitto nel negoziare un cessate il fuoco. Se nel caso di Hamas sono i leader egiziani e
11 e lungo termine. Il suo fallimento, finora, nell'onore il progetto in sei punti negoziato dalla Presidenza e la sua decisione di riconoscere Abkhazia e

Figure 7

Even if the above is only a selection of all the occurrences that have been found (a case by case analysis of each concordance would be too time consuming and would run the risk of being evasive), what can certainly be noticed is that, in the translations of the verbal forms, the Anglicism disappears altogether, and Italian words such as 'intermediazione' or 'negoziare' are preferred instead.

The conclusion that can be drawn from these data is that the noun 'broker' appears commonly in the Italian lexis of economics, and it is widespread enough to also translate other English words (i.e.: 'promoters', 'stockbrokers', and 'traders' – fig. 2-3). However, the English form has not completely replaced the equivalent Italian translations (i.e.: 'mediatore', 'intermediario', 'agente', etc.), and this is also proved by the fact that, in three cases, 'broker' appears between parenthesis, only after its Italian translation.

On the other hand, with regard to the verbal forms, the dissemination of 'to broker' and its derivatives seems much less widespread: in fact, none of the translations above (fig. 6-7) renders 'to broker', 'brokering', or 'brokered' with an Anglicism (a partial exception being 'brokerage', with its calque 'brokeraggio' in figure 1, lines 15 and 16).

If therefore 'broker' and its derivatives alternate between a plain usage of the English loanword and its fully Italian translations, our second example poses problems of an entirely different nature.

3.2. 'Start-up'

As a matter of fact, at first glance it would seem that the use of this English loanword in the Italian corpora is particularly limited, with only 9 occurrences against the 138 to be found in the English texts. However, a difference needs to be made between 'start-up' and 'start up' – with the hyphen or without the hyphen. Whereas 'start-up' (with a hyphen) tends to indicate the noun referring to a new business, 'start up' without the hyphen may more likely refer to the verb 'to start up' or to a more general use of the word, not related to economics, as in the noun phrase 'the vehicle start up procedure'.

In Italian, the English borrowing is exclusively used to express the economics-related meaning, it is therefore not a coincidence that all nine occurrences of ‘start-up’ in the Italian corpora occur with a hyphen:

1 utile per favorire la partecipazione delle piccole e medie imprese e delle start-up. Per quanto riguarda i negoziati e gli emendamenti relativi alla
2 del fatto che, proprio oggi, sia stato firmato il regolamento che garantisce lo start-up effettivo dei programmi EGNOS e Galileo. La nostra esperienza al
3 lungo tempo. Poiché essa è rivolta alle PMI, e invece vanno previste anche le start-up – cioè le società che sorgono dall’idea di avviare una nuova impresa
4 le competenze. Banche e finanziatori dovranno correre rischi e sostenere start-up nel campo delle tecnologie pulite. Se alziamo il tiro, a lungo termine
5 a banda larga; allestire uno sportello unico pienamente operativo per le start-up; introdurre la formazione all’imprenditorialità; accrescere la concorrenza
6 dopo il 1996 sono stati riclassificati in categorie di venture (incluse seed, start-up e fasi iniziali di sviluppo), piccoli MBO (MBO/MBI inferiori a 10 milioni di
7 I business angels in generale investono tra 10 000 e 250 000 GBP in imprese start-up o in fase iniziale con potenziale di crescita. CBI: Improving Access to
8 e energia rinnovabile; l’allestimento parziale di uno sportello unico per le start-up; la revisione della legislazione sull’occupazione; l’adozione della
9 il contesto imprenditoriale (segnatamente per le PMI e per l’agevolazione delle start-up), contribuendo in tal modo anche alla lotta contro la corruzione, —

Figure 8

1 for the participation of Small and Medium-Sized Enterprises (SMEs) and start-up companies. Grant agreement negotiation and amendments: A new
2 this very day, the relevant regulation has been signed guaranteeing a practical start-up of the EGNOS and Galileo programmes. Our experience with these two
3 I believe that such a proposal was long overdue. As this is aimed at SMEs, and start-ups – that is, companies that arise from the idea of starting up a company
4 expertise. Banks and funders will have to take risks on green technology start-ups. There will be long-term gain if we step up to the mark. The jobs and
5 for broadband infrastructure; full implementation of one-stop shops for start-up companies; introducing entrepreneurship education; increasing
6 closed after 1996 were reclassified to categories of venture (including seed, start-up and early stages of development), small MBO (MBOs/MBIs below GBP
7 Business angels generally invest between GBP 10,000 and GBP 250,000 in start-up or early-stage businesses with growth potential. CBI: Improving Access
8 and renewably energy; the partial implementation of a one-stop shop for start-up companies; the revision of employment legislation; the adoption of the
9 to improve the business environment (in particular for SMEs and facilitating start-ups), which will also help in the fight against corruption, — increase the

Figure 9

Regarding the English corpora, there are in all 83 instances between ‘start-up’ and its plural ‘start-ups’ (we are exclusively considering instances that occur with a hyphen). As we have seen, only nine of them are rendered in Italian with the English loanword. It should be emphasized that, mostly, the rest of the occurrences do not concern economics but are related to the semantic fields of mechanics and information technologies (the most frequent collocates being ‘engine’, ‘vehicle’, ‘driver’, and ‘device’), as shown by the following concordance lines:

1 start-up, an operating period, an engine shut-off, and the time until the next start-up, where a specific OBD monitor runs to completion and a malfunction
2 for determining the conditions for extinguishing the MI. It consists of an engine start-up, an operating period, an engine shut-off, and the time until the next
3 by lower values for m. Therefore, calibration shall be performed at pump start-up, after major maintenance, and if the total system verification indicates a
4 purpose other than emission related malfunction except to indicate emergency start-up or limp-home routines to the driver. Safety related messages can be
5 off). 3.23. ‘Operating sequence’ means a sequence consisting of an engine start-up, an operating period, an engine shut-off, and the time until the next
6 for normal use to the driver. The first cycle starts on the initiation of the vehicle start-up procedure. 3.1.2.5.2. Sampling shall begin (BS) before or at the initiation
7 under static conditions, shall be stored upon detection and be displayed at start-up and at all times when the ignition (start) switch is in the ‘on’ (run) position,
8 The MI shall not be used for any other purpose except to indicate emergency start-up or limp-home routines to the driver. The MI shall be visible in all
9 as detailed in Annex 4, Appendix 1. 2.10. A ‘driving cycle’ consists of engine start-up, driving mode where a malfunction would be detected if present, and
10 the dynamometer to a speed of 90 km/h. 2.2.7. Disconnect the device used to start-up the dynamometer. 2.2.8. Note the time taken by the dynamometer to

Figure 10

These of course are fully translated into Italian, but an analysis of their translation would be well beyond the scope of this paper. What is interesting instead is to notice how ‘start-up’ is otherwise translated within an economics-related context:

1 i.e. it must at least cover its costs, without public funding. For this reason start-up aid must be degressive and of limited duration. (e) Compensation for
2 61(3)(a) and (c). Operating aid (9) granted to airports or airlines (such as start-up aid) can only be declared compatible under exceptional circumstances
3 problems of a lack of permanent address or of a bank account, and the lack of start-up capital. Danuta Hübner, Member of the Commission. - Madam
4 must be degressive and of limited duration. (e) Compensation for additional start-up costs: the amount of aid must be strictly linked to the additional start-up
5 increased and is limited to what is necessary to cover potential losses in the start-up phase of Investbx. 20.2.2008 EN Official Journal of the European
6 for the outermost regions. 30A.5.2. Compatibility criteria (68) Financial start-up incentives, except in cases where the public authorities act as a private
7 self-sustainable. Investbx will use this grant to cover its investment and other start-up costs that may not be covered by the revenues of its activity. Investbx
8 company is receiving assistance which constitutes State aid. (41) In terms of start-up aid, it is possible that a public airport gives an airline financial
9 of abuse in which a company seeks to circumvent the temporary nature of start-up aid by replacing a line receiving aid with a supposedly new line offering
10 is intended to cover the conduct of feasibility studies and the provision of start-up subsidies for a pilot project on security on the trans-European road

Figure 11

1 le spese senza finanziamenti pubblici. Questo è il motivo per cui gli aiuti di **avviamento** devono essere decrescenti e limitati nel tempo; e) compensazione
2 funzionamento (9) concessi ad aeroporti o a compagnie aeree (come gli aiuti di **avviamento**) possono essere dichiarati compatibili solo in casi eccezionali e
3 mancanza di residenza o di un conto corrente, e alla mancanza del capitale di **avviamento**. Danuta Hübner, membro della Commissione. - (EN) Signora
4 decrescenti e limitati nel tempo; e) compensazione per costi supplementari di **avviamento**: l'importo dell'aiuto deve essere strettamente legato ai costi
5 e si limita a quanto necessario per coprire eventuali perdite nella fase di **avviamento** di Investbx. 20.2.2008 IT Gazzetta ufficiale dell'Unione europea L
6 ultraperiferiche. 30A.5.2. Criteri di ammissibilità (68) Gli incentivi finanziari per l'**avviamento**, salvo nel caso in cui le autorità pubbliche si comportino come un
7 utilizzerà la sovvenzione per coprire i suoi costi d'investimento e altri costi di **avviamento** che non possono essere coperti dai proventi della sua attività.
8 di un vantaggio costitutivo di aiuto di Stato. (41) Per quanto riguarda gli aiuti di **avviamento**, è possibile che un aeroporto pubblico accordi ad una compagnia
9 di abuso in cui una compagnia cerchi di eludere la provvisorietà degli aiuti di **avviamento** sostituendo un collegamento sovvenzionato con un collegamento
10 Stanziamento destinato a coprire studi di fattibilità e a fornire sovvenzioni per l'**avvio** di un progetto pilota sulla sicurezza lungo la rete transeuropea di trasporto

Figure 12

For the most part, 'start-up' gets translated with 'avviamento' (the concordance lines above are only a small selection of the about 50 occurrences of 'start-up' within an economics context, but they are totally representative of the general trend). 'Avvio' (line 10) is just a synonym for 'avviamento' and, apart from this, exceptions are rare and far between.

Therefore, just like the case of 'broker', 'start-up' also presents a certain degree of variability.

3.3. 'Joint venture'

Things change dramatically with our two other examples, which present a much higher degree of consistency. Consider 'joint venture' first:

1 non-discriminatory restrictions concerning telecommunications; 10. setting up **joint ventures** with any locally established shipping agency to engage in
2 investments within the same investment project (for example in the case of a **joint venture**). (48) Inserted in Chapter 26.A Multisectoral framework on regional
3 or to provide the assistance or financing concerned, to an enterprise or **joint venture** in Burma/Myanmar; (b) the contract or agreement which created the
4 in, the acquisition or creation of the enterprise concerned or the creation of the **joint venture** concerned. 3. By way of derogation from Article 7(1), the
5 of shares and securities of a participating nature; (c) the creation of any **joint venture** with the enterprises, legal persons, entities or bodies listed in
6 address and other information Date of first designation 22. Forest Products **Joint Venture** Corporation Ltd 422-426 Strand Rd., FJV Commercial Centre,
7 4th St., TGKNN, Yangon 19.11.2007 113. Unite of Myanmar Forest Products **Joint Venture** 422-426 Botahtaung Pagoda Road, Corner of Strand Rd.,
8 Rd., Botahtaung, Yangon 19.11.2007 114. Unite of Myanmar Forest Products **Joint Venture** 10 Kwethit St., Pazundaung, Yangon 19.11.2007 115. Win Kabar
9 Rd., 8 Mile Junction, Mayangon, Yangon 19.11.2007 137. Forest Products **Joint Venture** Corporation Ltd 422-426 Strand Road, FJV Commercial Centre,
10 49th St. BTHGG, Yangon 19.11.2007 466. United Myanmar Forest Products **Joint Venture** 10, Kwethit St. PZDGG, Yangon 19.11.2007 467. United
11 St. PZDGG, Yangon 19.11.2007 467. United Myanmar Forest Products **Joint Venture** 422-426, Botahtaung Pagoda Rd. Corner of Strand Rd. BTHGG,
12 Plaza, Shwegondaing Rd., Bahan, Yangon 19.11.2007 539. Chit Thein Mining **Joint Venture** 556, 6th Street, East Gyogone, Insein, Yangon 19.11.2007 540.
13 Ltd 189 Bo Myat Tun Rd., Pazunaung, Yangon 19.11.2007 569. Myanmar ECI **Joint Venture** Co Ltd 1 Shwe Li Street, Bahan, Yangon 19.11.2007 570.
14 Co Ltd 1-F, Corner of 27 & 78th St., Mandalay 19.11.2007 595. Myanmar ECI **Joint Venture** Co Ltd Barite Powdering Plant, Thazi 19.11.2007 596. Myanmar
15 Theingi 56 Ma Gyi Gyi St., Sanchaung, Yangon 19.11.2007 823. Myanmar VES **Joint Venture** Co., Ltd. 66, Kaba Aye Pagoda Rd., Mayangone Tsp, Yangon,
16 189/191 Mahabandoola Road, Corner of 50th Street, Yangon 25.10.2004 **Joint Ventures** A. MANUFACTURING 1. Myanmar Segal International Ltd. Pyay
17 the costs incurred by European SMEs in devising and setting up transnational **joint ventures**, as well as part of the total amount of the transnational investment.
18 section 'I. UNION OF MYANMAR ECONOMIC HOLDING LTD.', sub-heading '**Joint Ventures**', 'A. MANUFACTURING', shall be replaced by the following
19 189/191 Mahabandoola Road, Corner of 50th Street, Yangon 25.10.2004 **JOINT VENTURES** A. MANUFACTURING 1. Myanmar Segal International Ltd.
20 Europe's oil and gas supplies. Germany and Italy are both building pipelines in **joint ventures** with Gazprom. To balance this, the EU should also support the
21 Rosia Montana Gold Corporation, a Canadian-Romanian **joint venture**, is planning to develop Europe's largest open-pit gold mine in the
22 the EUR 3.3 billion package they propose; to bring clarity to the future of their **joint venture** with the French company Renault for van production in Luton, in

Figure 13

1 in materia di telecomunicazioni; 10) creazione di imprese comuni (joint ventures) con qualsiasi agenzia di navigazione locale al fine di esercitare
2 del medesimo progetto di investimento (ad esempio nel caso di una joint venture). (48) Inserite nel capitolo 26.A della disciplina multisettoriale in
3 o a fornire l'assistenza o i finanziamenti in questione ad un'impresa o a una joint venture in Birmania/Myanmar; b) il contratto o l'accordo che ha fatto
4 o all'acquisizione o alla creazione della stessa oppure alla creazione della joint venture in questione. 3. In deroga all'articolo 7, paragrafo 1, le autorità
5 e l'acquisizione di azioni e di titoli a carattere partecipativo; c) la creazione di joint venture con le imprese, persone giuridiche, entità o organismi di cui
6 indirizzo e altre informazioni Data del primo inserimento 22. Forest Products Joint Venture Corporation Ltd 422-426 Strand Rd., FJV Commercial Centre,
7 4th St., TGKNN, Yangon 19.11.2007 113. Unite of Myanmar Forest Products Joint Venture 422-426 Botahtaung Pagoda Road, Corner of Strand Rd.,
8 Rd., Botahtaung, Yangon 19.11.2007 114. Unite of Myanmar Forest Products Joint Venture 10 Kwethit St., Pazundaung, Yangon 19.11.2007 115. Win Kabar
9 Rd., 8 Mile Junction, Mayangon, Yangon 19.11.2007 137. Forest Products Joint Venture Corporation Ltd 422-426 Strand Road, FJV Commercial Centre,
10 49th St. BTHGG, Yangon 19.11.2007 466. United Myanmar Forest Products Joint Venture 10, Kwethit St. PZDGG, Yangon 19.11.2007 467. United
11 St. PZDGG, Yangon 19.11.2007 467. United Myanmar Forest Products Joint Venture 422-426, Botahtaung Pagoda Rd. Corner of Strand Rd. BTHGG,
12 Plaza, Shwegondaing Rd., Bahan, Yangon 19.11.2007 539. Chit Thein Mining Joint Venture 556, 6th Street, East Gyogone, Insein, Yangon 19.11.2007 540.
13 Ltd 189 Bo Myat Tun Rd., Pazundaung, Yangon 19.11.2007 569. Myanmar ECI Joint Venture Co Ltd 1 Shwe Li Street, Bahan, Yangon 19.11.2007 570.
14 Co Ltd 1-F, Corner of 27 & 78th St., Mandalay 19.11.2007 595. Myanmar ECI Joint Venture Co Ltd Barite Powdering Plant, Thazi 19.11.2007 596. Myanmar
15 Theingi 56 Ma Gyi Gyi St., Sanchaung, Yangon 19.11.2007 823. Myanmar VES Joint Venture Co., Ltd. 66, Kaba Aye Pagoda Rd., Mayangone Tsp, Yangon,
16 189/191 Mahabandoola Road, Corner of 50th Street, Yangon 25.10.2004 Joint Venture A. PRODUZIONE 1. Myanmar Segal International Ltd. Pyay Road,
17 costi di creazione ed attuazione sostenuti nel quadro della fondazione di una joint venture transnazionale di PMI europee, nonché di una quota
18 «I. UNION OF MYANMAR ECONOMIC HOLDING LTD», sottocapitolo «Joint Venture», «A. Produzione», è sostituita dalla seguente (le modifiche sono
19 189/191 Mahabandoola Road, Corner of 50th Street, Yangon 25.10.2004 JOINT VENTURES A. PRODUZIONE 1. Myanmar Segal International Ltd. Pyay
20 di petrolio e gas all'Europa. Germania e Italia stanno costruendo condotti in joint venture con Gazprom. Per equilibrare tale situazione, l'UE dovrebbe altresì
21 sfida in termini finanziari ed economici. László Tokés (Verts/ALE). – (HU) La joint venture rumeno-canadese Rosia Montana Gold Corporation, conosciuta a
22 del pacchetto di 3,3 miliardi di euro da essa proposto; fare luce sul futuro della joint venture con la società francese Renault, in particolare per la produzione di

Figure 14

To be noticed immediately is the remarkable homogeneity with which plurals are rendered in Italian with a singular: whereas in English six occurrences are in fact plural (fig. 13, lines 1 and from 16 to 20), the Italian has only two plurals (fig. 14, lines 1 and 19), thus complying with the well-established trend that wants the 's' to be dropped and the loanword to always be used in the singular.

However, whether in the singular or in the plural, the use of the non-adapted loanword is nonetheless very consistent. Indeed, there is just one attempt at rendering 'joint venture' in Italian ('imprese comuni', fig. 14, line 1), but this translation is followed right away by the original form given between parenthesis – almost as if the author of the text wanted to clarify that what is really meant by 'imprese comuni' is in fact 'joint ventures'.

The other partial exception is the following:

1 indicators to measure progress. Signatories to the Paris Declaration agreed on a Joint Venture on Monitoring Implementation. The results of the latest survey are

Figure 15

1 I firmatari della dichiarazione di Parigi hanno raggiunto un accordo su un Comitato congiunto per il controllo dell'attuazione. I risultati dell'ultima indagine

Figure 16

Here, the translation of 'joint venture' with 'comitato congiunto' would seem more proper had the English been 'joint committee' rather than 'joint venture' (and this might be explained in terms of simple oversight). Be it as it may, it remains that it is nothing more than an *apax legomenon*, and therefore of little consequence.

So, all in all, it can be held that – to a greater degree as compared with 'broker' and 'start-up' – 'joint venture' has definitely become a widespread term in the Italian lexis of economics.

3.4. 'Business angels'

Moving on to our last example, 'business angels', it is possible to observe a dramatic dissemination of the English term in the Italian lexis. Apart from one exception (line 16 in figure 18), the norm seems to be that

‘business angels’ is by now part and parcel of the Italian lexis and consequently it is never ever translated into Italian:

1 Nell'offrire una possibilità di uscita, Investbx susciterà quindi l'interesse dei **business angel**. (72) Varie parti ribadiscono la necessità di un mercato locale
2 borse valori, tra cui l'AIM e il LSE. (193) Rispetto ai finanziamenti effettuati dai **business angels**, Investbx si distingue, da un lato, in quanto facilita la fornitura di
3 di GBP presumibilmente avrà effetti positivi sui mercati finanziari adiacenti. **Business angels** e altri investitori ufficiosi, che di solito apportano meno di 0,5
4 di capitale proprio nel segmento 0,5-2 milioni di GBP occorre citare i **business angels**, i fornitori di venture capital, i broker, i sistemi di negoziazione
5 di informazioni e di studi indipendenti. Benché alcune reti o consorzi di **business angels** siano in grado di fornire volumi equivalenti di capitale proprio, la
6 La Commissione ha ricevuto soltanto osservazioni positive dalla comunità dei **business angels**. (194) I fondi privati di venture capital, come testè indicato, si
7 giacché non esigono lo stesso livello di ricerca e di informazioni. Del resto, i **business angels** potrebbero perfino trarre vantaggio dalla misura investendo via
8 nei confronti di Investbx nel caso di specie sarebbe limitata in quanto detti **business angels** offrirebbero capitale proprio a costi inferiori a quelli di Investbx
9 è troppo elevato per la maggior parte degli investitori informali, tra cui i **business angels**, che hanno accesso a risorse finanziarie limitate (19), e troppo
10 del mercato concerne sia la domanda che l'offerta e non è risolto né dai **business angels** che forniscono importi di minore entità né da fondi privati di
11 Investbx si prefigge di costituire un ponte tra gli investitori privati, compresi i **business angels** e i fornitori di venture capital, ai quali fornirà ulteriori possibilità
12 di sviluppo. L. 45/16 IT Gazzetta ufficiale dell'Unione europea 20.2.2008 (19) I **business angels** in generale investono tra 10 000 e 250 000 GBP in imprese
13 nella fase seed e quindi questo criterio non è applicabile. D'altro lato, potenziali **business angels** possono, alla pari di qualsiasi altro investitore, utilizzare
14 ufficiale dell'Unione europea 20.2.2008 (176) Quanto alla partecipazione di **business angels** per gli investimenti nella fase seed (punto 5.2.3.4 degli
15 della dimensione della misura (punto 5.2.3.3) nonché della partecipazione di **business angels** per gli investimenti nella fase seed (punto 5.2.3.4). (171) Il

Figure 17

1 markets. By providing an exit possibility, it will thus stimulate interest by **business angel** investors. (72) Several parties reaffirm the need for a local
2 mainstream stock exchanges the AIM and the LSE. (193) In comparison with **business angels** financing, Investbx, on the one hand, facilitates the provision of
3 0,5 and 2 million is likely to have positive effects on adjacent financial markets. **Business angels** and other informal investors, who usually provide financing
4 provision of equity financing in the range of GBP 0,5 to 2 million could include **business angels**, venture capitalists, brokers, Alternative Trading Systems as
5 of disclosure and independent studies than business angels. Although some **business angel** networks or syndications may provide the same amounts of
6 through Investbx. The Commission only received positive comments from the **business-angel** community. (194) Private venture capital funds, as
7 as they do not require the same level of research and disclosure. Moreover, **business angels** could even benefit from the measure by investing through
8 their competition with Investbx in this case may be rather limited because such **business angels** would offer equity at lower costs than Investbx, as they do not
9 this range of investment size is too high for most informal investors such as **business angels** who have access to limited financial resources (19), and too
10 on the demand as well as on the supply side and not to be resolved either by **business angels**, who provide lower amounts, or by private venture capital
11 (25) Investbx aims at providing a bridge between private investors, including **business angels** and venture capitalists, to whom it will provide an additional exit
12 L. 45/16 EN Official Journal of the European Union 20.2.2008 (19) **Business angels** generally invest between GBP 10,000 and GBP 250,000 in
13 and therefore this criterion does not apply. On the other hand, potential **business angels** as any other investors may use Investbx for investing into
14 Journal of the European Union 20.2.2008 (176) Concerning the involvement of **business angels** at the seed stage (point 5.2.3.4 Risk Capital Guidelines), on
15 of the measure (point 5.2.3.3 Risk Capital Guidelines) and the involvement of **business angels** at the seed stage (point 5.2.3.4 Risk Capital Guidelines). (171)
16 other hand, requires greater level of disclosure and independent studies than **business angels**. Although some business angel networks or syndications may

Figure 18

The match is perfect: every time the lexical group is used in English, there is an equivalent Anglicism in the Italian corpora. In other words, ‘business angels’ is never translated. There might seem to be a discrepancy in the data since in English there are 16 occurrences, versus 15 in Italian. But the truth is that in fact this discrepancy is only apparent: what happened with the sixteenth occurrence is simply that, since ‘business angels’ appears already twice within the immediate co-text, in Italian the lexical group is left understood in order to avoid redundancy (the omitted parts are given in square brackets):

Rispetto ai finanziamenti effettuati dai **business angels**, Investbx si distingue, da un lato, in quanto facilita la fornitura di volumi più ingenti di capitale proprio e, d'altro lato, in quanto impone un maggiore livello di divulgazione di informazioni e di studi indipendenti [rispetto ai **business angels**]. Benché alcune reti o consorzi di **business angels** siano in grado di... [OJEU, 20-02-2008].

One last but not least remark concerning ‘business angels’ is that, contrary to the well-established Italian norm that any borrowed word should always be used in the singular even when it is semantically plural (as has already been shown with ‘joint venture’), in this case the opposite is true: not only ‘business angels’ is consistently used in the plural when its meaning is plural, but it is plural even when in English it is indeed singular (lines 5 and 6).

4. Conclusions

The four Anglicisms that have been examined exemplify different degrees of appropriation of some English words on the part of Italian: at times the appropriation is so complete that the etymon can even violate a well-established morphological rule, like the one providing that foreign words are to be used exclusively in the singular and not in the plural. And this was the case with 'business angels'. Similarly, 'joint venture' has entered the Italian lexis of economics with a fairly sound level of success: it would be interesting to further investigate the only exception that popped up during the analysis ('joint venture' rendered with 'comitato congiunto'), and verify whether it is to be found in other corpora too. Also, 'start-up' and 'broker' show a noteworthy presence in Italian, even if in these cases the non-adapted Anglicisms alternate with their fully Italian equivalents. Only time will tell whether these translations are bound to become obsolete and be altogether replaced by the Anglicism, or vice versa.

Finally, it seems only fair to specify that it would be a mistake to generalize the results provided. These refer exclusively to the texts of the corpora considered and, even though they are objectively true and scientifically repeatable – being drawn as they are from a pool of more than 15 million tokens – generalization is always a delicate matter. For this reason, further research would certainly be desirable, both from a diachronic and from a synchronic perspective. What stands, though, is the indication of how differently words can behave in a foreign (socio-linguistic) environment, and of how different the lives that they lead can be. And, therefore, conclusions can nonetheless be drawn: in order to explain the reasons for the different behaviours observed in the four Anglicisms considered, we need to go back to what was suggested at the beginning of this paper with a relativist Sapir-Whorfian bias, i.e. that every language uses different lexical labels to express different concepts. Since each language is the realization of a unique way to view the world and hence to categorize reality, and since, as Jakobson so poignantly pointed out, a language's peculiar syntactical and lexical structure responds to the communicative needs of its speakers, it follows that the Anglicisms at stake respond to very precise communicative and expressive meanings that were not met by the previously existing Italian lexis. This, of course, applies to varying degrees of lexical integration. It can be fairly positively assumed that 'business angels', along with 'joint venture', has filled a void: in fact in the Italian lexis there are no equivalents of these two lexical items, unless we resort to longish and unpalatable sequences such as 'investitori informali di capitale di rischio' or the not quite so expressive 'associazione in partecipazione' or 'compartecipazione aziendale': 'business angels' and 'joint venture' have come in handy to the Italian businessman (or woman) looking for succinct ways to express those very meanings.

On the other hand, 'broker' and 'start-up' do have equivalents in Italian, but what the Anglicism has offered to the Italian business professional is the immediate economics-related connotations associated with those borrowings. As a matter of fact, it can be argued that the equivalent of 'broker' be 'mediatore', 'agente', or 'intermediario' – however, these terms are extremely versatile in their polysemy and can be applied to a variety of semantic fields: a 'mediatore' can refer to, for example, an interpreter ('mediatore linguistico'), and 'agente' can mean 'police officer' for that matter, whereas 'intermediario' expresses such a general concept that it can hardly be considered an exclusively economic term. Likewise, 'avviamento' (the equivalent of 'start-up') may refer – just like in English – to a variety of semantic fields: it can be the 'avviamento' ('start up') of an engine or of a conversation, but it is only the field of economics that the Anglicism refers to.

Hence, with all the different degrees of adaptation respectively shown by 'broker', 'start-up', 'joint venture' and 'business angels', these Anglicisms respond quite clearly to very specific linguistic needs. The different lives these words lead can be accounted for in terms of the need of the Italian language to fill some pre-existing voids in its lexis of economics.

Works cited

Görlach, M. (ed.), 2002, *English in Europe*, OUP, Oxford.

Jakobson, R., 1985, "Language and Culture", in *Roman Jakobson. Selected Writings: Contributions to Comparative Mythology. Studies in Linguistics and Philology (1972-1982)*, Walter de Gruyter & Co, Berlin.

Whorf, B.L., 1956 *Language, Thought and Reality. Selected Writings of Benjamin Lee Whorf*, ed. by John B. Carroll, MIT Press, Boston MA.

Widdowson, H.G., 2003, *Defining Issues in English Language Teaching*, OUP, Oxford.

Елена Викторовна Горбова (Санкт-Петербургский государственный университет)

От антонимии до синонимии СВ и НСВ русского глагола (на материале лингвистического эксперимента)*

Доклад базируется на эксперименте, в ходе которого информантам-носителям русского языка (45 участников) было предложено указать (одну или более чем одну) приемлемую с их точки зрения в данном контексте видо-временную форму глагола. Анализ выявляет два полюса: полной предсказуемости видо-временной формы и вариабельности. Анализируются как крайние значения выбора, так и промежуточные случаи с точки зрения его обусловленности имеющимся контекстом и стратегиями взаимодействия граммем и контекста в русском языке.

0.1. Исходная гипотеза: эксплицитный лингвистический контекст в рамках высказывания (фрагмента текста) однозначно определяет выбор видо-временной глагольной формы (далее – ВВГФ).

0.2. Описание эксперимента

Эксперимент - множественный выбор видо-временной глагольной формы в заданном контексте - проводился в письменной форме. Информантам была дана следующая инструкция: *Подчеркните наиболее адекватную, с Вашей точки зрения, в данном контексте глагольную форму из предложенных в скобках. Если, по Вашему мнению, в этом контексте возможно употребление более чем одной формы (например, с несколько отличными друг от друга смыслами), подчеркните их и пронумеруйте в порядке убывания приемлемости (1, 2 и т.д.). Если, например, две формы представляются **одинаково** приемлемыми, снабдите их одинаковыми номерами (два раза 1, или 1, а потом два раза 2).* Ниже предлагались 40 фрагментов текста, содержащих левый и правый контекст (в двух фрагментах было по две лакуны, итого – 42 лакуны для заполнения). Тексты представляют собой переводы на РЯ испаноязычной беллетристики XX века. Предложенные претеритальные и презентные видо-временные формы русского глагола являлись, по крайней мере, квазивидовыми парами (т.е. функциональными видовыми парами; отступлением от «классических» видовых пар являются введенные в качестве вариантов для выбора делимитативы, пердуративы и инцептивы). Приведем в качестве иллюстрации два фрагмента:

- Это Инес нашла тетрадь и маленькую пулю, завернутую в кусок газетной бумаги. Она (*складывала, сложила, складывает*) серый пиджак, чтобы положить его в сундук, когда обнаружила под подкладкой какую-то твердую и гладкую поверхность, а затем, продолжая ощупывать, еще и сверточек, такой маленький, что сначала ее пальцы не могли прощупать его в той складке, где он находился.
- Хосефино открыл рот, но ничего не сказал. Несколько секунд он (*моргал, поморгал, моргает*), со смущенной и апатичной улыбкой, кривившей все его лицо. Потом мягкими движениями начал потирать руки.

Переводной характер материала был мотивирован одной из задач более широкого компаративного исследования на материале испанского и русского языка; ранее эксперимент с теми

* Работа поддержана грантом Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ "Школа общего языкознания Ю. С. Маслова" НШ-1242.2008.6.

же 40 фрагментами, но в их оригинальном виде, был проведен с носителями испанского языка для исследования специфики функционирования видо-временных форм испанского глагола.

Информантами послужили 45 студентов-романистов 1 курса, являющихся носителями русского языка; и – вторая группа информантов – участники аспектологического семинара (6 человек), студенты и аспиранты-филологи разных курсов (материнским языком одного из участников является японский). В дальнейшем будут учитываться данные исключительно по первой группе информантов (45 человек).

1. Полученные результаты

При анализе ответов информантов в первую очередь было обнаружено, что с достаточной четкостью выявляются два типа решения при выборе видо-временной формы глагола, которые условно обозначим как:

1. уверенный выбор (результаты в диапазоне от 83 до 100% относительно одной из ВВГФ), реализованный в 18 случаях из 42 (44%) - **предсказуемость грамме(ы)** и
2. отсутствие явного предпочтения, оказанного одной из ВВГФ (результаты колеблются от пропорции 18 на 82% до 50 на 50% относительно двух ВВГФ), реализованный в оставшихся 23 контекстах (56%) – **относительно равная возможность использования грамме(ы) в заданном контексте**¹.

В [Маслов 1984/2004: 96-111] среди типов видового противопоставления грамме СВ и НСВ выделяются как их антонимия (с внутренним подразделением на последовательную, непоследовательную и относительную, приравниваемую к конкуренции) и синонимию (синонимическую конкуренцию). Результаты проведенного эксперимента подтверждают утверждения Ю.С. Маслова: тип 1 в решениях испытуемых, обнаруживающий дополнительную дистрибуцию относительно окружения, может быть сопоставлен с (последовательной) антонимией видовых грамм русского языка; тип 2, характеризующийся появлением в одном и том же окружении двух различных единиц, по-видимому, дает основания для постулирования разных видов отношений между граммами – от непоследовательной антонимии до синонимии.

В [Поливанова 1985/2008: 71-73] утверждается, что переход к видовому корреляту (от некоторого реального русского предложения П к результату видовой замены П*) может иметь один из трех исходов:

- при недопустимости замены (П* оказывается неправильным предложением) – «контекстный контроль»;
- при допустимости замены (П* является правильным предложением):
 - видовые корреляты П и П* имеют разный смысл – «контраст»;
 - видовые корреляты П и П* имеют одинаковый смысл – «конкуренция».

¹ Приводимые данные имеют отношение к противопоставлению НСВ и СВ в плане прошедшего, т.е. здесь не учитывается противопоставление презентной и претеритальной формы НСВ.

Как можно видеть, схема отношений между граммемами русской аспектуальной оппозиции, предложенная Ю.С. Масловым, и схема исходов при взаимозамене НСВ и СВ, принадлежащая А.К. Поливановой, обнаруживают некоторую аналогию. Более того, полученные в рамках эксперимента результаты могут быть интерпретированы в рамках и той, и другой. Однако примечательным является сильное расхождение полученных количественных данных с таковыми из [Поливанова 1985/2008: 73]: если в [Поливанова 1985/2008] соотношение между «контекстным контролем» (недопустимость замены) и «контрастом» и «конкуренцией» вместе взятыми (допустимость замены) составляет 90 на 10%, то в рамках обсуждаемого эксперимента – 56 на 44%.

1.1. Задачами дальнейшего анализа полученного материала являются:

- выявление особенностей окружения аспектуальных граммем, обуславливающих как их дополнительное распределение относительно заданных контекстов (антонимия), так и их синонимию;
- определение типа стратегии взаимодействия граммема и контекста как при антонимических отношениях граммем, так и при их синонимии в соответствии с типологией, предложенной в [Горбова 2007];
- соотнесение полученных результатов с положениями гипотезы видового согласования и результатами исследования языкового материала, представленными в [Поливанова 1985/2008].

В данном докладе будет представлено решение поставленных задач не на всем полученном материале, а на его части. Мы ограничимся анализом взаимоотношений аспектуальных граммем, сосредоточив внимание на плане прошедшего. Анализ взаимоотношений претеритального и презентного НСВ остается за рамками данного этапа работы.

1.2. Рассмотрим вначале 1-ый тип, обозначенный выше как (последовательная) антонимия СВ/НСВ («контекстный контроль»). Прежде всего, следует отметить, что информант в каждом случае должен был осуществить двоякий выбор: а) относительно аспектуальной граммема (СВ/НСВ)² и б) относительно темпоральной граммема (презентс/претерит для НСВ). Следовательно, каждый раз при анализе ответов информантов и роли элементов окружения ВВГФ в осуществлении выбора, обрисованный анализ должен осуществляться дважды – относительно темпоральности и аспектуальности. В соответствии с принятым выше ограничением, в рамках данного сообщения анализ будет проводиться только относительно аспектуальных граммем в плане прошедшего.

1.2.1. В полученном материале (группа с уверенным выбором граммема) можно выделить две подгруппы по отношению к признаку наличие/отсутствие в окружении эксплицитных элементов контекста, «катализирующих» употребление аспектуальной граммема:

² В части случаев при наличии альтернативы СВ/НСВ сутью выбора оказывалось не достижение/недостижение предела (как, например, *прочитал – читал* (книгу)), а эксплицирование двусторонней ограниченности (СВ) / ее отсутствия (НСВ) у неопределенной ситуации (напр., *помяла – мяла* (плюшевого мишку)).

- наличие в контексте «катализатора»³ граммемы;
- отсутствие в контексте «катализатора» граммемы (частный случай – нулевой контекст).

В свою очередь при положительном значении обозначенного признака возможна дополнительная классификация в соответствии с типом фактора («катализатора»), обуславливающего реализацию граммемы. В итоге получаем следующую классификацию:

1) наличие в контексте «катализатора» граммемы:

- а) присутствие в левом контексте лексических «катализаторов» с семантикой имперфективности (предлогов (типа *в течение* или *на протяжении* + ИГ с семантикой неограниченной множественности), союзов (*пока*), частиц (*(все) еще*), обстоятельств (*долго*)), см. (1), (2), (3), (4), (5);
- б) присутствие в левом контексте лексических «катализаторов» с семантикой перфективности (не реализовано в материале);

2) отсутствие в контексте эксплицитного «катализатора» граммемы (6) или его амбивалентность относительно обоих членов противопоставления (типа *некоторое время, все это время*), см. (7), (8).

- (1) Было время, когда **в течение многих ночей** я (*слышал^{НСВ}, услышал^{СВ}, слышу*) шум праздника. Звуки доходили до меня даже в Медия Луна. (45/0/0)⁴
- (2) Я сижу около канавы и ожидаюсь, когда покажутся лягушки. Вчера, **пока** мы (*ужинали^{НСВ}, поужинали^{СВ}, ужинаем*) они подняли ужасный шум и не прекращали свои песни до самого рассвета. (45/0/0)
- (3) Некоторые из нас **еще** (*ждали^{НСВ}, подождали^{СВ}, ждут*), что, может, он еще вернется, что придет день, и он объявится, чтобы снова поднять нас на борьбу; но потом устали мы ждать. (45/0/0)
- (4) - Ты что, (*плакала^{НСВ}, поплакала^{СВ}, заплакала^{СВ}, плачешь*)? Глаза как будто покраснели.
Хулита делает гримаску.
- Нет, мама, я просто **долго** (*думала^{НСВ}, подумала^{СВ}*). (44/0)
- (5) - Говорил ты это потому, что **на протяжении нескольких дней** ты (*видел^{НСВ}, увидел^{СВ}, видишь*) этого солдата. Ты столько на него глядел, что он тебе теперь как родной стал. (42/1/15)
- (6) И я уж (*снял^{НСВ}, снял^{СВ}, снимаю*) засов с ворот, когда увидел, что хозяин, дон Хусто, выходит из надстройки со спящей барышней Маргаритой на руках и идет через двор, не замечая меня. (29/40/2)

³ В литературе подобные эксплицитные элементы контекста, способствующие реализации той или иной граммемы, обозначаются также как «семантические актуализаторы», или «видовые согласователи» (см., напр., [Поливанова 1985/2008], где первый термин только упоминается, а второй используется в соответствии с гипотезой видового согласования; впрочем, в названной работе речь идет исключительно о семантической актуализации частных видовых значений, но мне думается, что явление семантической актуализации может иметь более широкое распространение).

⁴ Полу жирным шрифтом выделен тот элемент контекста, который оказался значимым для выбора граммемы. В скобках приводятся результаты эксперимента. Порядок следования (абсолютных) чисел соответствует порядку предложенных информантам глагольных словоформ. Напомню, что в данной работе будут учитываться ответы только первой группы информантов (45 человек; относительно некоторых фрагментов – 44 (при незаполненных информантами лакунах)). Превышение суммой трех чисел выбора ВВГФ 100% (45) имеет место вследствие предоставленной инструкцией и реализованной во многих случаях возможности предложить для заполнения лакуны более чем одну приемлемую с точки зрения информанта форму.

- (7) [*Некоторое время*] они (*спорили*^{HCB}, *проспорили*^{CB}, *спорят*), размахивая руками и переругиваясь, и наконец, он их убедил, и все вслед за ними вступили в заросли кустарника, покрывавшие остров. (45/7/1)
- (8) Я вам скажу одну вещь, - заявил Литума, - с путешествиями для меня покончено. *Все это время* я (*думал*^{HCB}, *продумал*^{CB}, *думаю*) и осознал, что невезенье привязалось ко мне из-за того, что я не остался на своей земле, как вы. Хотя бы это я заучил: хочу умереть здесь. (44/3/1)

Относительно стратегии взаимодействия контекста и аспектуальной граммы можно отметить следующее. При эксплицитном присутствии аспектуально значимого элемента контекста («катализатора») реализуется партнерский сценарий взаимодействия граммы и контекста в одном из двух его подвидов: семантическое дублирование (см. (1)-(5)) или индифферентность контекста (7), (8).

Примечателен тот факт, что в рамках 1-ой группы, характеризующейся уверенным выбором одной из предложенных ВВГФ, соотношение случаев с наличием и отсутствием эксплицитного лексического «катализатора» аспектуальной граммы - 39 на 61% (в абсолютных цифрах - 7 на 11). Это означает, что более чем в двух третях случаев информант не мог воспользоваться «подсказкой» контекста, и вынужден был осмысливать всю полипредикативную ситуацию для принятия решения (см. (9), (10)). При этом, напомним, колебаний в выборе именно в этой группе примеров (практически) не было.

- (9) Мне тогда только что исполнилось одиннадцать лет, и вот однажды вечером, покормив скотину и заперев на засов входную дверь, он сел напротив меня и отодвинул книгу, которую я (*читал*^{HCB}, *прочитал*^{CB}, *читаю*), чтобы посмотреть мне в глаза. (45/3/2; выбор *читал*^{HCB} как единственно возможный – 41, выбор *прочитал*^{CB} как единственно возможный – 0, в рамках комбинации *читал*^{HCB}-*прочитал*^{CB} – 2, в рамках комбинации *читал* - *читаю* – 1, в рамках комбинации *читал*-*прочитал*-*читаю* - 1)
- (10) И вот уже, как тогда полагалось, был выставлен на всеобщее обозрение сундук с приданным в доме невесты, а Мануэль почти каждый вечер принимал у себя портного, который (*шил*^{HCB}, *сшил*^{CB}, *шьет*) ему фрак. (44/8/5; выбор *шил*^{HCB} как единственно возможный – 34, выбор *сшил*^{CB} как единственно возможный – 0, выбор *шьет* как единственно возможный – 1, в рамках комбинации *шил*^{HCB}-*сшил*^{CB} – 6, в рамках комбинации *шил*-*сшил*-*шьет* - 2)

В случаях такого рода особенно ярко реализуется дискурсивная роль русской аспектуальной оппозиции и ее таксисная функция в сфере финитных форм. Решение принимается с учетом возможного и, что особенно важно, наиболее естественного соотношения референтов обозначенных глагольными формами ситуаций, причем одной из важнейших альтернатив является следующая: последовательность секвентных событий – их (полная или частичная) одновременность (при одновременности секвентность может отсутствовать).

Факт наличия в группе последовательной антонимии СВ/НСВ («контекстный контроль» по А.К. Поливановой) доли случаев с отсутствием эксплицитного аспектуального «катализатора», в полтора раза превышающей долю с присутствием такового, заставляет либо признать, что в ходе анализа не были обнаружены контекстные «катализаторы» аспектуальных грамм и с бóльшим вниманием отнестись к их вычленению, либо отказаться от гипотезы видового согласования, согласно которой «любое предложение, содержащее видоопределенную словоформу, которую нельзя заменить на существующую противоположную ей по виду форму без нарушения правильности всего предложения, содержит в контексте некоторые видовые согласователи,

совместимые с данным членом видовой оппозиции и антагонистичные противоположному члену» [Поливанова 1985/2008: 77 (сноска 8)].

Факт наличия в группе примеров с уверенным выбором ВВГФ значительной доли (около 2/3) фрагментов текста с отсутствием «катализатора» аспектуального выбора свидетельствует о том, что эта группа не находится в полном соответствии с исходом «контекстный контроль». То есть не обнаруживается двусторонняя корреляция между наличием в окружении граммы «видовых согласователей» («катализаторов» в принятой здесь терминологии) и невозможностью взаимозамены видовых грамм.

Эти же случаи служат своего рода переходом к материалу, выделенному во 2-ую группу (с отсутствием явного предпочтения в выборе граммы), в рамках которой при тех же условиях отсутствия «катализатора» аспектуальной граммы, наблюдались существенные колебания информантов в выборе НСВ или СВ. (Впрочем, как можно видеть на примерах (9) и (10), абсолютного единодушия не было и в 1-ой группе)⁵.

1.3. Второй тип выбора ВВГФ информантами, обозначенный выше как антонимия, переходящая в синонимию («контраст» и «конкуренция» по [Поливанова 1985/2008]), составляет 56% от общего количества. Объединен материал в эту группу по количественному параметру – выбор альтернативной граммы как единственно возможной в количестве случаев, превышающем 3 (и превышающем 8 в случае ее появления в рамках комбинации ВВГФ), что демонстрирует возможность появления в данном контексте более одной ВВГФ. Содержательно же он распадается на две самостоятельные подгруппы, на первый взгляд существенным образом различающиеся: с антонимическими («контраст») и синонимичными («конкуренция») отношениями между граммами.

Несмотря на практикуемое здесь параллельное использование терминов Ю.С. Маслова и А.К. Поливановой, нельзя не отметить, что это является определенным упрощением. Дело в том, что резкие границы присутствуют у Поливановой, но не у Маслова. В [Маслов 1984/2004: 111] антонимия и конкуренция частных видовых значений представлена с использованием следующего набора отношений:

- ✓ последовательная антонимия (процессного значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ),
- ✓ непоследовательная антонимия (неограниченно-кратного значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ),
- ✓ относительная антонимия (конкуренция) (общефактическое значение НСВ и конкретно-фактическое значение СВ),
- ✓ синонимическая конкуренция (синонимия) видов (подчеркнуто-длительное значение НСВ и значение охвата длительности СВ).

⁵ В ходе обработки материала было принято решение, что пороговым значением при решении вопроса об отнесении фрагмента в 1-ую или 2-ую группу является количество 3: ≤ 3 случаев выбора альтернативной граммы как единственно возможной – 1-ая группа, ≥ 3 – 2-ая группа (для общего количества выбора альтернативной граммы с учетом ее появления в комбинациях пороговым значением считается 8).

Как видим, это континуум, в котором осуществляется градуальный переход от антонимии к синонимии, а не дискретная схема. Вернемся к этой теоретической проблеме ниже, после обсуждения материала.

Приведем по одному примеру на каждый из выделяемых в [Маслов 1984/2004: 96-111] видов отношений между контекстно реализованными формами НСВ и СВ, соблюдая порядок приведенного выше перечня.

а) Последовательная антонимия: 9 случаев из 23, т.е. 39%:

- (11) И лишь гораздо позже, когда Миная читал рукопись, он смог понять, почему Мануэль обманул его, сказав, что не осталось ни одной страницы из той книги, которую Солана (*писал*^{НСВ}, *написал*^{СВ}, *пишет*), когда его убили. (34/12/0; выбор *писал*^{НСВ} как единственно возможный – 32, *написал*^{СВ} как единственно возможный – 10, в рамках комбинации *писал*^{НСВ}-*написал*^{СВ} – 2)

б) Непоследовательная антонимия: 3 случая из 23 (13%):

- (12) Говорил он так много и быстро, и с такими гримасами, что я сделал вывод о том, что он (*выпивал*^{НСВ}, *выпил*^{СВ}, *выпивает*) как раз до самого того момента, как поезд прибыл в Магину. (26/24/0; выбор *выпивал*^{НСВ} как единственно возможный – 20, *выпил*^{СВ} как единственно возможный – 18, в рамках комбинации *выпивал*^{НСВ}-*выпил*^{СВ} – 6)

с) относительная антонимия (конкуренция): 5 случаев из 23 (22%):

- (13) - Он что, выпивши?..

- Немного, - сказал Хосефино. – Мы (*отмечали*^{НСВ}, *отметили*^{СВ}, *отмечаем*) его возвращение у братьев Леон. (44/18/5; выбор *отмечали*^{НСВ} как единственно возможный – 26, *отметили*^{СВ} как единственно возможный – 1, в рамках комбинации *отмечали*^{НСВ}-*отметили*^{СВ} – 13, в рамках комбинации *отмечали*-*отмечаем* – 1, в рамках комбинации *отмечали*-*отметили*-*отмечаем* – 4)

д) синонимическая конкуренция (синонимия) видов: 6 случаев из 23 (26%):

- (14) Вытащил я его на берег, спрашиваю: «Жив еще?». А он ни звука. *До самой зари* я (*возился*^{НСВ}, *провозился*^{СВ}, *вожусь*) с Эстанислао: растирал, искусственное дыхание делал, чтобы он дышать начал, но он ни слова больше не произнес. (37/39/0; выбор *возился*^{НСВ} как единственно возможный – 6, *провозился*^{СВ} как единственно возможный – 8, в рамках комбинации *возился*^{НСВ}-*провозился*^{СВ} – 31)

При последовательной антонимии, с моей точки зрения, в случае того или другого выбора представлены различные таксисные трактовки ситуации (последовательность ситуаций при выборе СВ и (хотя бы частичная) одновременность при НСВ), см. **Ошибка! Источник ссылки не найден..**

При непоследовательной антонимии неограниченно-кратного значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ суть выбора заключается в количественной оценке ситуации либо как единичной (СВ) либо как кратной (НСВ). В случае недостаточности контекстной информации для принятия однозначного решения по вопросу об одно- или многократности ситуации, возникает почва для вариативности в интерпретации ситуации - (12).

В ситуации относительной антонимии (конкуренции) (общефактического значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ) граммема НСВ с одной стороны не полностью лишается свойственной ей семантики процессности и длительности, а с другой стороны, именно этой граммемой обычно обозначается денотативная ситуация как таковой, чем и вызвана бóльшая

предпочтительность ее употребления - (13). Отмечу также, что в (13), по-видимому, отсутствуют эксплицитные элементы окружения, способные склонить чашу весов в пользу выбора той или иной граммеы. Тем не менее, количественные данные говорят о явном предпочтении, оказанном НСВ. Представляется, что этот факт можно объяснить «энциклопедией» носителя русского языка, побуждающей его наличествующее в левом контексте состояние (*выпивши*) обусловить предикатом НСВ *отмечали* как связанным с повторяемостью и длительностью процесса с большим основанием, чем альтернативная форма СВ *отметили*. Здесь, таким образом, граммема привносит семантику, отсутствующую в оставшейся части текста, т.е. здесь имеет место чистый случай нулевого аспектуально значимого контекста, что позволяет выйти на первый план грамматической семантике ВВГФ.

В группе синонимической конкуренции (синонимии) видов, характерной для выбора между подчеркнуто-длительным значением НСВ и значением охвата длительности СВ, количественные данные демонстрируют склонность к употреблению пердуратива (14) и делимитатива (15) (пример из 1-ой группы) при наличии в контексте указания на двухстороннюю (или хотя бы правостороннюю) ограниченность ситуации. С другой стороны, такой выбор является не более чем тенденцией, поскольку соответствующая партнерская стратегия взаимодействия контекста и граммеы повышает избыточность текста. Употребление НСВ в случаях такого рода не запрещено, при этом обнаруживается семантическая трансформация «под контекст» в рамках конфликтной стратегии, что соответствует закону экономии кода.

(15) Сусана **помолчала** немного, (*мяла, помяла, мнёт*) в руках своего плюшевого кота, **а потом** сказала:

- А ты во многих странах с моим отцом был? И в Шанхае тоже? (1/44/1; выбор *мяла*^{НСВ} как единственно возможный – 1, *помяла*^{СВ} как единственно возможный – 43, в рамках комбинации *мяла*^{НСВ}-*помяла*^{СВ} – 0, в рамках комбинации *помяла*^{СВ}-*мнет* – 1)

Вернемся к вопросу о том, что в рамках этой группы примеров оказались объединены два вида исхода, предусмотренные в [Поливанова 1985/2008: 96-111] в случае возможности взаимозамены аспектуальных грамме: «контраст» и «конкуренция». Где следует провести границу между этими внешне антагонистическими ситуациями? Откровенно говоря, ни континуальность переходов в сфере частных видовых значений от последовательной антонимии до синонимической конкуренции по Ю.С. Маслову, ни полученные количественные данные не позволяют с достаточной степенью уверенности провести эту границу. Впрочем, прямой перенос схемы с тремя исходами А.К. Поливановой на наш материал не является корректным в силу ряда причин:

- а) в рамках проведенного А.К. Поливановой эксперимента с носителями русского языка им предлагалось оценить высказывание исключительно как правильное (метка +) или как неправильное (метка –); материал, в котором информант обнаружил сомнение, исключался из дальнейшего рассмотрения⁶;

⁶ Ср.: «Разумеется, иногда информанту бывает затруднительно с уверенностью отнести ту или иную из предъявленных пар П – П* к одному, но не другому из исходов. Как обычно, все случаи, вызывающие затруднения у информанта, могут быть безболезненно выброшены из контрольного корпуса наблюдаемых данных, поскольку, по счастью, при наблюдении над живым языком исследователь располагает неограниченным резервом данных; а для первоначальных наблюдений можно обойтись изучением бесспорных примеров» [Поливанова 1985/2008: 72-73].

- б) для рассмотрения привлекались только «морфологически парные глаголы, имеющие как СВ-, так и НСВ-формы: *решить^{СВ}-решать^{НСВ}, оказаться^{СВ}-оказываться^{НСВ}, убедиться^{СВ}-убеждаться^{НСВ}, но не мыть-вымыть^{СВ}, гулять^{НСВ}-погулять^{СВ}*» исключительно в формах прошедшего времени на –л и форме инфинитива, в рамках «предложений естественной длины, рассматриваемых в их природном контексте», извлеченных из текстов научной или научно-деловой прозы [Поливанова 1985/2008: 73].

Учитывая принятые в [Поливанова 1985/2008] условия наблюдения, постараемся соотнести «контраст» и «конкуренцию» с континуумом отношений между видовыми граммемами из [Маслов 1984/2004]. (Здесь следует оговориться, что речь идет о моей реконструкции, потому что в рассматриваемой работе подробному разбору с привлечением и комментированием примеров подвергся только исход «контекстный контроль», доля которого составила более 90%.)

По-видимому, из спектра

последовательная антонимия - непоследовательная антонимия - относительная антонимия (конкуренция) - синонимическая конкуренция (синонимия) видов

по причине б) исключается последний вид отношений, поскольку он устанавливается между подчеркнуто-длительным значением НСВ и значением охвата длительности СВ, а последнее реализуется исключительно в делимитативах и пердуративах. Далее, последовательная антонимия с высокой степенью вероятности также должна быть исключена, поскольку соотносится с исходом «контекстный контроль», при котором невозможна взаимозамена ВВГФ. Остаются непоследовательная антонимия и относительная антонимия (конкуренция). Логично предположить, что непоследовательная антонимия соотносится с исходом «контраст», а относительная антонимия - с исходом «конкуренция». Если эти рассуждения верны, то граница между «контрастом» и «конкуренцией» должна проходить между непоследовательной антонимией (неограниченно-кратного значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ) и синонимической конкуренцией (общефактического значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ). Между тем, наши количественные данные (ни в их «суммарном» виде, ни в более подробном, с отдельным представлением выбора ВВГФ как единственно возможной с одной стороны и в рамках комбинаций – с другой) не дают оснований усмотреть именно в этом месте столь существенное противопоставление «контраста» и «конкуренции».

2. Основные выводы

В качестве итогов предлагаются следующие соображения:

- при предоставлении информантам возможности осуществлять множественный выбор она реализуется, но не во всех случаях;
- количественный подход к обработке результатов эксперимента в условиях множественного выбора разбивает полученный материал на две не совсем равные по объему группы по признаку наличия/отсутствия явного предпочтения, оказанного информантами одной из ВВГФ;
- в каждой из полученных групп присутствуют примеры и с наличествующими и с отсутствующими в окружении «катализаторами» аспектуальных граммем; в связи с этим

следует констатировать, что исходная гипотеза, в соответствии с которой эксплицитный лингвистический контекст в рамках высказывания (фрагмента текста) однозначно определяет выбор ВВГФ, не подтверждается;

- также не находит подтверждения гипотеза видового согласования, сформулированная для «контекстно-контролируемых употреблений видоопределенных словоформ» [Поливанова 1985/2008: 76-78];
- контекстно-контролируемые употребления не составляют преобладающего большинства в русских высказываниях, извлеченных из художественной литературы и репрезентирующих как нарративный, так и диалогический дискурс;
- доля высказываний, допускающих взаимозамену ВВГФ русского глагола, составляет чуть менее половины от общего количества исследованных высказываний – 44%;
- резкое противопоставление «контраста» и «конкуренции» видо-временных форм русского глагола не находит своего подтверждения в рамках проанализированного материала; скорее, речь должна идти о континууме взаимоотношений ВВГФ русского глагола с экстремумами в виде (последовательной) антонимии и синонимии;
- возможно и более сильное утверждение: при способности появляться в одном и том же окружении обладающих собственной семантикой единиц (в частности, граммем) различие контраста и свободного варьирования если и является релевантным, то исключительно по отношению к денотативной ситуации (т.е. ее сохранению в неизменном виде), а не по отношению к ее интерпретации и кодированию языковыми средствами при речепорождении. Со стороны прагматики говорящего всегда будет представлен «контраст», даже в случае синонимической конкуренции типа *Вы уже обедали^{НСВ} / пообедали^{СВ}»?*

Литература

Горбова 2007 – Е.В. Горбова. Аспектуальные граммемы и адвербиальный контекст (на материале испанского языка) // ВЯ, №4, 2007. С. 63-88.

Маслов 1984 - Ю.С. Маслов. Очерки по аспектологии. Изд-во ЛГУ. Л., 1984.

Маслов 2004 - Ю.С. Маслов. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Поливанова 1985 - А.К. Поливанова. Выбор видовых форм глагола в русском языке // Russian Linguistics 1985. Vol.9, № 2/3.

Поливанова 2008 – А.К. Поливанова. Выбор видовых форм глагола в русском языке // Избранные работы. Общее и русское языкознание. РГГУ: Orientalia et Classica: Труды института Восточных культур и античности. М., 2008. С. 39-52.

Б. Л. Иомдин

**Материалы к словарю-тезаурусу бытовой терминологии.
СВИТЕР: образец словарной статьи¹**

*Дорогому Юрию Дерениковичу с
восхищением и благодарностью*

*Повторит Вас резец умелый,
Но лучшие мрамора – слова,
Когда поет Ваш свитер белый
И пристальная голова.
Как постамент крутые плечи,
Свободный ворот – бюст готов.
И гению увековечить
Придется шерстяной покров.*

(Н. Оцуп, Белый свитер, 1920)

«Бытовая терминология» нечасто становится специальным объектом исследования лингвистов, в том числе лексикографов. Задача системного лексикографического описания бытовой предметной лексики – достаточно большого лексического пласта, находящегося на стыке общеупотребительной лексики и терминологии и адекватно не описанного в рамках какой бы то ни было профессиональной сферы, – в литературе по теоретической семантике и лексикографии не ставится, хотя проблема неполного соответствия профессионального и общезыкового употребления была осознана давно; ср. хотя бы [Щерба 1940: 68]. Важное высказывание на эту тему было сделано Ю. Д. Апресяном, который писал, что значение таких слов в толковом словаре принципиально не может быть описано с исчерпывающей полнотой [Апресян 1995: 71].

Разумеется, большинство интересующих нас слов истолкованы в традиционных словарях; оказывается, однако, что эти описания часто неудовлетворительны. В [Иомдин 2009] в доказательство этого факта приводился обширный материал толковых словарей русского языка. Критика описаний бытовой лексики может быть распространена и на словари других типов. Так, в новейшем Русско-английском визуальном словаре [Корбей, Аршамбо 2009], специально разработанном для наглядного представления переводных эквивалентов в области предметной лексики русского и английского языка, легко обнаружить несоответствия современному узусу. Например, в этом словаре отсутствует *диван*, а английским *sofa* и *two-seater settee* и соответствующим изображениям приписаны русские слова *канане* и *козетка*. При этом в НКРЯ находим 10795 вхождений слова *диван*, но лишь 157 вхождений слова *канане*, причем большинство современных употреблений относится к омониму (‘тип бутерброда’), и 54 вхождения слова *козетка*. *Канане* отсутствует в МАС, СОШ, СШ, БТС, ЛЛ, а в БАС и СУш приводится с пометой устар. *Козетка* отсутствует в СОШ, СШ, ЛЛ, БТС, ТСИ, в МАС и БАС приводится с пометой устар., в СУш – разг. устар. Для англ. *blender* приводится эквивалент *шейкер* (хотя это приспособление для измельчения продуктов по-русски называется *блендер*, а *шейкером* называется устройство для приготовления коктейлей). Англ. *glass* шесть раз соответствует *рюмка*, четыре раза – *бокал* (в частности, *hock glass* переводится как *рюмка для эльзасского вина*, а *burgundy glass* – как *бокал для бургундского вина*, при существенном сходстве приводимых изображений)².

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» и гранта НШ-3205.2008.6 для поддержки научных исследований, проводимых ведущими научными школами РФ. Автор хотел бы также поблагодарить А. Ч. Пиперски за ценные замечания.

² Та же картина наблюдается в русско-немецком и, по-видимому, в других вариантах этого словаря.

Результаты критического анализа традиционных словарных толкований излагались в докладе [Иомдин 2009], где делалась попытка привлечь интерес к этой теме и обосновать целесообразность составления толково-энциклопедического словаря-тезауруса бытовой терминологии, а также предлагалась предварительная схема его словарных статей.

В настоящей работе дается образец словарной статьи такого словаря на материале, уже предварительно рассматривавшемся в [Иомдин 2009] и обсужденном автором на семинарах Летней лингвистической школы (Дубна, 8–18.07.2009). Большинство зон снабжено комментариями, в которых обосновываются принятые решения и рассматриваются основные проблемы, возникающие при создании словаря.

В качестве отправной точки для составления схемы словарной статьи была взята структура словарной статьи НОСС, с некоторыми отличиями, продиктованными спецификой описываемого материала и задачами предлагаемого словаря. Оттуда же заимствованы некоторые особенности оформления.

Словарная статья может включать в себя следующие зоны:

1. Группа слов с близким значением
2. Совпадающая часть значения
3. Близкие слова и группы слов
4. Доминанта группы
5. Различительные признаки, релевантные для данной группы
6. Смысловые различия
7. Другие значения слов, входящих в группу
8. Другие редкие слова, примыкающие к группе
9. Региональные варианты
10. Данные нормативных документов
11. Этимология и время появления слова
12. Иллюстрации: тексты и изображения

Образец словарной статьи

СВИТЕР

1. Группа слов с близким значением

свитер, джемпер, пуловер, водолазка, кофта, кофточка, кардиган, толстовка, фufайка

2. Совпадающая часть значения

‘трикотажный предмет одежды для торса неофициального стиля с рукавами, который можно носить в помещении и который не носят в жаркую погоду’

3. Близкие слова и группы слов

С описываемой группой сближаются следующие группы слов, также называющих предметы одежды для торса, которые можно носить в помещении (то есть не являющиеся верхней одеждой):

- (1) *майка, футболка, тенниска*
- (2) *рубашка, блуза, блузка, сорочка*
- (3) *пиджак, жакет, блейзер*
- (4) *жилет, жилетка, безрукавка*

Основные их различия состоят в следующем.

Материал. Предметы групп *свитер* и *майка* обычно изготавливают из трикотажного материала (*вяжут*), предметы групп *рубашка* и *пиджак* – из швейного материала (*шьют*), для предметов группы *жилет* возможен разный материал.

Фасон. Предметы группы *пиджак* обычно имеют фиксированную форму; для остальных предметов характерна свободная форма, повторяющая контуры фигуры человека, который их надевает.

Стиль. Предметы групп *свитер* и *майка* традиционно не входят в одежду официального стиля.

Слой одежды, характерный для данного предмета. Предметы группы *майка* носят в нижнем слое (надевают на тело). Из предметов группы *свитер* нижний слой характерен (хотя и не обязателен) только для *водолазки*. Предметы группы *рубашка* носят в нижнем (надевают на тело) или втором слое (надевают на *майку*). Для предметов групп *свитер* и *жилет* характерен второй (надевают на *майку*) или третий (надевают на *майку* и *рубашки*) слой. Наконец, для предметов группы *пиджак* характерен предпоследний слой (на них ничего не надевают, кроме верхней одежды).

Погодные условия, характерные для использования данного предмета. Предметы группы *майка* носят в любую погоду. В жаркую погоду *майка* может быть единственным предметом одежды для торса, надетым на человека. Для предметов остальных групп использование в жаркую погоду нехарактерно.

Автономность. Для предметов группы *пиджак* характерно изготовление и использование в составе *костюма* – в комплекте с соответствующими им по материалу, фасону, цвету и т.п. предметами одежды, покрывающими ноги (*брюками, юбками*).

Наличие рукавов. Для предметов групп *свитер, пиджак* и *рубашка* характерно наличие рукавов, для предметов групп *жилет* и *майка* – их отсутствие.

Тип застежки. Для предметов групп *пиджак* и *рубашка* характерны пуговицы по всей длине.

Комментарии. Различительные признаки по возможности перечисляются в порядке убывания значимости и категоричности оппозиций. Как и в любой классификации лексики, основные проблемы при выделении и противопоставлении близких лексических групп связаны с непрерывностью пространства языка (термин Ю. Д. Апресяна). Однако специфика рассматриваемого материала (многообразие типов предметов, их постоянное увеличение и широкие возможности для изготовления предметов, обладающих признаками разных групп) создает особые трудности. Так, по нашим данным, некоторые говорящие затрудняются при описании тонких трикотажных облегающих предметов одежды без ворота, но с рукавами, а большинство относит их либо к *майкам* (*футболка с рукавами*), либо к *свитерам* (*водолазка без ворота*).

4. Доминанта группы: *свитер*

Комментарии. Доминантой мы (вслед за практикой НОССа) называем наиболее употребительное слово группы, которым можно заменить остальные слова во всех контекстах, где не подчеркиваются различия между соответствующими предметами. Необходимость выделения доминанты в группах предметной лексики (казалось бы,

противоречащая принципу таксономической классификации, согласно которому в номенклатуре должно существовать взаимно-однозначное соответствие между названиями и их референтами) обосновывалась в [Иомдин 2009], где выдвигалось несколько критериев ее выделения:

1) Частотность. Из рассматриваемой группы только *свитер* входит в список самых частотных слов [Ляшевская, Шаров 2008]. По данным НКРЯ, в текстах, опубликованных после 2000 г., из всех употреблений слов этой группы *свитер* составляет почти половину (ср. *кофта* – менее 18%, *джерсер* – менее 4%, *пуловер* – менее 2%). Показательно также употребление в текстах словарных речений: из всех обсуждаемых слов в предложениях словаря ЛЛ 20 раз встречается *свитер* (ср. *вылезти* – *рубашка вылезла из-под свитера*, *выпустить* – *выпустить воротничок на свитер*, *вытянуться* – *свитер после стирки вытянулся*, *зад* – *надеть свитер задом наперед*, *закончить* – *закончить свитер*, *навязать* – *навязать свитеров*, *облегать* – *облегающий свитер*, *поддеть* – *поддеть рубашку под свитер* и т.д.) и один раз *кофта* (*трепаться* – *кофта треплется*); похожая ситуация в предложениях СОШ и СШ.

2) Предпочтительность в некоторых типах контекстов – прежде всего, в контекстах, где важно назначение предмета. Рекомендация *взять с собой теплый свитер* выглядит значительно естественнее и встречается в десятки раз чаще, чем та же рекомендация с упоминанием *кофты*, *джерсера*, *пуловера* или *кардигана*. Рекламируют *бронежилеты под свитер*, но не *бронежилеты под джерсер* <*пуловер, кофту, кардиган*>. В современных поэтических текстах *свитер* также естественнее, чем *джерсер* или *пуловер*. Так, в разделе «Поэзия» популярной электронной библиотеки Максима Мошкова (Lib.Ru) *свитер* встречается 12 раз (у М. Джалиля, Т. Бек, К. Григорьева, М. Алигер, К. Левина, А. Добрынина, О. Асиновского и др.), *кофта* – 19 раз, но чаще у авторов начала XX века (В. Маяковский, М. Цветаева), *джерсер* – два раза, *пуловер* и *водолазка* – по одному разу.

3) Сочетаемость. Так, в НКРЯ глагол *натянуть* 7 раз сочетается со словом *свитер* и ни одного раза – со всеми остальными словами этой группы. Ср. также характерное *в старом растянутом свитере* vs. *в старом растянутом джерсере* <*пуловере*>.

4) Словообразовательный потенциал. От доминанты рассматриваемой группы, например, гораздо легче образуется и чаще употребляется диминутивная форма: в НКРЯ 82 *свитерка* и только 2 *джерсерка*³, а *пуловерок* <*пуловерчик*> и *водолазочка* отсутствуют вовсе (*кофточек*, конечно, значительно больше, но это слово, помимо диминутива от *кофта*, имеет отдельное значение).

5) Экспериментальные данные. Как кажется, в рассматриваемой области опросы информантов и данные психолингвистических экспериментов играют особенно важную роль. В [Иомдин 2009] описан проведенный автором эксперимент с описанием изображений людей, результаты которого также демонстрируют подавляющее преимущество слова *свитер* в нейтральных описаниях предметов данной группы (цель эксперимента не сообщалась участникам, чтобы они специально не задумывались над номинациями интересующих нас предметов). Подобные же результаты были получены при анализе описаний собственной одежды участниками Летней лингвистической школы в Дубне.

Ср. также сходные с нашими наблюдения о «гиперонимизации» в области конкретно-предметной лексики: «Отошли от денотата, известного из словарных толкований<,> такие названия одежды, как *пиджак*, *жакет*, *сюртук*, *майка*, *тенниска*, *свитер* и др. Гипоним *пиджак* вытеснил употребление слов *жакет*, *сюртук* и др.; *свитер*

³ Интересно, что еще 40 лет назад ситуация, по-видимому, выглядела иначе. Так, в [Bratus 1969] приводятся формы *джерсерок* и *джерсерочек*, но только *свитерок*. В современной речи, по нашим данным, *свитерочек* встречается значительно чаще, чем *джерсерочек* (например, в блогах мы обнаружили 3100 *свитерочков* против 400 *джерсерочков* и двух *пуловерочков*).

относится и к денотатам слов *пуловер, джемпер. Майка* – это и женская, и мужская одежда, нижняя и верхняя и т.д.» [Ермакова 2006: 26].

5. Различительные признаки, релевантные для данной группы

‘функция’, ‘материал’, ‘фасон’, ‘обладатель’, ‘стиль’, ‘толщина’, ‘тип надевания’, ‘слой’, ‘наличие ворота’, ‘наличие застёжки’, ‘тип выреза’

Комментарии. Различительные признаки по возможности перечисляются от более общих к более частным. При этом стремление к систематизации описания в рамках всего словаря может приводить к конфликту между универсальностью названий признаков и идиоматической сочетаемостью: например, возникает вопрос, использовать ли при описании одежды признак ‘фасон’ (нелеревантный в других сферах) или признак ‘форма’, релевантный практически для всей предметной лексики, но имеющий менее прозрачный смысл в применении к названиям предметов одежды (в частности, из-за сбивающего выражения *форма одежды*).

6. Смысловые различия

Свитер. Основная функция – утепление. Материал трикотажный. Толщина достаточно большая. Надевается через голову. Слой не нижний (под *свитер* надевают *рубашки, водолазки, футболки*) и часто не верхний. Имеет ворот, не имеет застёжки.

Джемпер. Надевается через голову. Не имеет ворота.

Пуловер. Надевается через голову. Не имеет ворота.

Кофта. Не надевается через голову. Расстегивается.

Водолазка. Материал трикотажный. Фасон облегающий. Толщина небольшая. Надевается через голову. Слой нижний (надевают на тело). Имеет высокий ворот. Не имеет застёжки.

Кардиган. Фасон удлиненный. Стиль скорее элегантный. Не надевается через голову. Слой не нижний. Расстегивается.

Кофточка. Толщина небольшая. Носят женщины. Стиль скорее элегантный. Надевается не через голову. Расстегивается.

Фуфайка. Материал вязаный или трикотажный. Стиль не элегантный.

Толстовка. Материал синтетический. Толщина достаточно большая. Слой не нижний. Может иметь капюшон.

Комментарии. Описание различий в предметной лексике – дело особенно сложное и неблагодарное по многим причинам, среди которых – быстрые изменения значений слов и самих реалий, размытость, диффузность значений в этой сфере, различия региональных вариантов (см. ниже), семейных лексиконов⁴, словоупотребления людей разных поколений⁵ и, наконец, предпочтений отдельных идиолектов⁶, интерференция

⁴ См., например, [Занадворова 2003].

⁵ Ср.: «Так, записана беседа красноярцев 20, 40 и 70 лет. Обсуждая некое происшествие, они именовали один и тот же предмет *олимпийка, куртка* и *тужурка*, не обратив внимания на различие номинаций» [Михалап, Шмелева: 82].

общеречевого и профессионального словоупотребления, возможность употребления в упрощенном режиме, когда доминанта группы (или, реже, любой другой ее член) может использоваться в гиперонимическом смысле⁷. Поэтому к заполнению этой зоны словарной статьи следует подходить особенно осторожно, фиксируя лишь те ключевые различия, в которых сходится большинство носителей и которые подтверждаются представительным материалом.

Так, во многих описаниях усматриваются различия между *джермпером* и *пуловером*. Однако сравнение этих описаний обнаруживает порой прямо противоположные утверждения и не позволяет сделать никакого разумного вывода.

Ср. словарные толкования: «*Джермпер*. Вязаная кофта без воротника и без застежек, надеваемая через голову; *Пуловер*. Трикотажная фуфайка без воротника и без застежек, плотно облегающая фигуру» [МАС]; «*Джермпер*. Вязаная фуфайка без воротника, надеваемая через голову; *Пуловер*. Вязаная теплая фуфайка без воротника и застежек» [СШ]; данные двуязычных словарей: «пуловер: V-neck, usually knit wool, with sleeves, often a man's; джермпер: for men, a V-neck sweater with sleeves; also, a woman's knit top often of wool, usually with short sleeves» [Gerhart 2001: 75]; определения в специальной литературе о моде: «*Джермпер*. Трикотажная кофта без застежки или с застежкой<,> но только не до низу. <...> *Пуловер*. Трикотажная кофта без воротника и застежек, достаточно облегающая фигуру» (М. Сорокина, Найди свой стиль, 2002); «*Пуловер* (от англ. *pull over*) – трикотажная одежда без застежек с длинными рукавами и V-образным вырезом горловины. <...> *Джермпер* (от англ. *juniper*) – трикотажная одежда без застежек с длинными рукавами и круглым вырезом горловины» (Г. Непокойчицкий, Жизнь и здоровье мужчины, 2006); толкования с интернет-форумов, посвященных вязанию и моде: «Классический пуловер – это тот же джермпер с вырезом и без застежки; Отличие пуловера от джермпера чисто академическое – горловина выполнена в виде полукруга, а не галочки; Пуловер – как джермпер, но с круглым вырезом горловины; Джермпер – с круглой горловиной «под горлышко», пуловер – с v-образной; Пуловер – это как бы джермпер, имеющий низкий вырез углом». Легко видеть, что в этих описаниях нет единого мнения ни о материале, ни о фасоне, ни о предназначении для мужчин/женщин, ни о толщине, ни о наличии/отсутствии застежки, ни о форме выреза, ни о рукавах.

С другой стороны, нередко утверждается, что *джермпер* и *пуловер* – точные синонимы. В БТСин, содержащем синонимический ряд «*джермпер, пуловер*», между ними не усматривается ни одного различия. Ср. также: «Джермпер – появившийся ранее синоним для пуловера» (R. Berndt, Mode in Russland, 2005). Приведем, наконец, целиком характерный отрывок из работы [Кадеева 1986: 98]: «Нетрудно заметить, что *джермпер* и *пуловер* имеют одно и то же лексическое значение. О близости понятий, обозначаемых словами *джермпер* и *пуловер*, и их синонимичности свидетельствуют примеры из швейных словарей и справочников. Так, в «Товарном словаре» (М., 1956) *джермпер* и *пуловер* составитель включил в одну словарную статью: «*Пуловер, джермпер* – вид верхней трикотажной одежды, надеваемой через голову»⁸. Параллельное употребление названий *джермпер* и *пуловер* находим и в «Справочнике продавца промышленных товаров» (М., 1982); «*Джермперы* – это изделия без разреза или с разрезом, не доходящим до конца стана (*пуловеры*)». Таким образом, расширяя сферу употребления, переходя в общеразговорный стиль речи, *пуловер* расширило свое значение, став точным синонимом, дублетом слова *джермпер*» [Кадеева 1986: 98].

⁶ Так, по нашим подсчетам, в 43 произведениях А. Марининой *джермпер* встречается 46 раз, *пуловер* – 3 раза; в 131 произведении Д. Донцовой, напротив, *джермпер* встречается 6 раз, *пуловер* – 232 раза.

⁷ Приведем характерный отрывок из газетной заметки «Фараду похоронили с любимым свитером»: «Вместе с великим актером в гроб положили его любимую красную кофту, с которой он не расставался на протяжении последних восьми лет. – Это был его любимый джермпер, который приносил ему счастье, – вспоминают родственники. – От него веяло теплотой, уютом, которых ему так не хватало в последнее время. Свитер был старый, изношенный, но это была его любимая вещь» («Жизнь», 31.08.2009).

⁸ Отметим, что и ныне действующий ГОСТ фактически не различает *пуловер* и *джермпер* (см. ниже).

Таким образом, налицо интересная ситуация. Хотя, по нашим наблюдениям, абсолютное большинство говорящих по-русски уверены в том, что они знают различия в значениях слов *джермпер* и *пуловер*, представления носителей о том, каковы именно эти различия, решительно не совпадают, и, тем самым, нет достаточных оснований для постулирования в современном языке каких-либо различий у этих слов.

Еще одно спорное различие касается слов *кофта* и *кардиган*, которые часто описываются как женская одежда. В [Иомдин 2009] уже приводились данные, свидетельствующие о широком распространении *мужской кофты* (из всех рассмотренных нами словарей отчасти признанной лишь в НБАС). Что касается *кардигана*, то по происхождению (отраженному во внутренней форме, см. ниже в зоне «Этимология») это мужская одежда, однако в словарях описывается как женская. Ср. «Верхняя женская одежда в виде длинного жакета из плотной материи, обычно без пуговиц» [ТСИ] и практически такое же толкование в [Скляревская 2006]. В толковании БТС «Жакет без воротника и лацканов с удлиненным вырезом горловины» этого прямо не указано, но следует из речения («*блузка под кардиган*») и из того факта, что *жакет* в этом словаре толкуется как «женская верхняя одежда». Однако в современных текстах *мужской кардиган* встречается часто. Ср. *Вскоре и я был в порядке, как будто и не заголялся, как будто все это время просто сидел в своем старом кардигане* (В. Аксенов, Кесарево свечение, 2000); *Джермперы и кардиганы из мужской коллекции подешевели в среднем на тысячу и теперь стоят 3000 – 4000 рублей, водолазки – 1490 рублей* («Комсомольская правда», 10.12.2008); *Классический мужской трикотаж: рубашки-поло, джермперы, пуловеры и кардиганы* (Коммерсантъ «Weekend», 04.04.2008)⁹.

7. Другие значения слов, входящих в группу

Кофточка 2 – ‘предмет женской одежды для торса из швейного материала’ (см. в группе *рубашка*).

Толстовка 2 – ‘удлиненный предмет одежды из швейного материала для торса с поясом, который можно носить в помещении’ (см. в группе *рубашка*).

Фуфайка 2 – ‘трикотажный предмет домашней одежды для торса, надеваемый на тело’ (см. в группе *майка*).

Фуфайка 3 – ‘стеганный предмет рабочей теплой верхней одежды для торса’ (см. в группе *куртка*).

Комментарии. Полисемия в бытовой предметной лексике также представляет собой сложную проблему из-за высокой диффузности значений. Тем не менее в каких-то случаях представляется целесообразным разделение входящих в словарь слов на лексемы, если они относятся к разным группам. Чаще всего это связано с изменением семантики слова, когда в языке одновременно бытуют его изначальное и новое значения.

Так, слово *фуфайка*, использующееся в большинстве словарей как *genus proximum* для толкования слов *свитер*, *джермпер*, *пуловер*, в этом значении безусловно устарело, что показывает анализ современного материала. Ср. хотя бы его включение в словарь «Полузабытые слова и значения» с толкованием «короткая теплая поддевка под одежду, с рукавами или без них, с воротником или только с вырезом для шеи, типа современного свитера или пуловера, байковая, вязаная, шерстяная или, позже, трикотажная» [Байбурин

⁹ Вообще, *кардиган* часто описывается как точный синоним *кофты*; ср.: *Блузка кремовая, пуговицы, как жемчужинки, а кофта сверху, кардиган ажурный, такого же цвета* (Л. Филиновская, Последняя бабочка осени, 2002). Характерно обсуждение редакторов на сайте Wikipedia, где предлагается объединить статьи *Кофта* и *Кардиган* (одежда): «Собственно, есть ли разница, кроме названия?» (13.11.2009).

и др. 2004]¹⁰. Отметим, что в нашем эксперименте по описанию людей в похожей одежде слово *фуфайка* встретилось 2 раза, а *свитер* – 524 раза¹¹.

При этом *фуфайка* продолжает использоваться в двух других значениях. Первое из них (домашняя одежда, род белья), по-видимому, наиболее старое (в словарях XVIII – начала XIX века слово *фуфайка* дается как переводной эквивалент для англ. *under waistcoat* [Жданов 1784], франц. *camisole de nuit* [Hamonière 1816], *chemisette, pourpoint* [Рейф 1853], *justaucorps* [Cornet 1871]), но оно прослеживается и в более поздних текстах¹² и используется также в современных каталогах одежды. Второе, по-видимому, характерно для некоторых регионов. Ср. также: «Готовя первые публикации песен для сборника «Фольклор Западной Сибири» и не найдя объяснений в словарях, я воспользовалась данными, полученными от исполнительницы: *чижелчехонька* – это фуфайка (с. 14), т.е. ватник, стеганая куртка» [Леонова 2005].

8. Другие редкие слова, примыкающие к группе

Флиска – ‘сделанный из синтетических материалов (флиса и др.) предмет теплой одежды для торса неофициального стиля с рукавами, при небольшом весе хорошо сохраняющий тепло, не надеваемый на тело, который можно носить в помещении’

Худи – ‘сделанный из синтетических материалов предмет одежды для торса молодежного стиля с рукавами и капюшоном, который можно носить в помещении’

Кенгуру, кенгурушка – ‘сделанный из синтетических материалов предмет одежды для торса неофициального стиля, с рукавами, капюшоном и большим карманом на животе, имеющим отверстия по бокам, который можно носить в помещении’

Олимпийка – ‘трикотажный предмет одежды для торса спортивного стиля, с рукавами и застежкой-молнией по всей длине, который можно носить в помещении’.

Комментарии. В эту зону включаются слова с близким значением, употребляющиеся ограниченно (устаревшие или появившиеся совсем недавно). Из-за недостаточной словарной фиксации значения этих слов особенно размыты. Так, *флиска*, *худи* и *кенгуру(шка)* отсутствуют во всех рассмотренных нами словарях. *Олимпийка* описывается по-разному; ср. «олимпийская форма» [Земская 1968]; «Кофта-олимпийка. Кофта с олимпийской символикой» [Новое в русской лексике 1987]; «спортивная майка (в разг. речи)» [Словарь новых слов русского языка 1995]; *Синий свитер с белой каймой по вороту, по рукавам, с белой «молнией» сверху вниз, так называемая олимпийка, широко, надежно закрыл от нее весь белый свет* (Москва: литературно-художественный сборник, 1981); *...мятый спортивный костюм, который у него на глазах разворачивал, демонстрируя товар «лицом», этот незнакомый человек. Спортивные брюки и «олимпийка» светло-голубого цвета* (О. Егорова, *Ложь во спасение*, 2008); *Под презентовой штормовкой у меня олимпийка (раньше так назывались спортивные*

¹⁰ Ср. также характерный пример *Он говорит «фуфайка» вместо «свитер»* в [Зализняк 2006: 274].

¹¹ В более новых словарях в качестве *genus proximum* слов группы используется *свитер*. Ср.: «Водолазка – тонкий шерст. или х/б свитер (джерсер), охватывающий горло, к-рый носится, как правило, вместо рубашки (сорочки) под пиджаком и напоминает водолазный грубый свитер» [Словарь современных понятий].

¹² Ср.: *Я часто простужался, но ничто в мире не могло бы заставить меня носить те нательные фуфайки, чуть ли не из медвежьей шерсти, которые англичане носили под сорочкой, после чего поражали иностранца тем, что зимой гуляли без пальто* (В. Набоков, *Другие берега*, 1954); *Фуфайками же с конца XIX в. называли мужские трикотажные нижние сорочки* (Е. Деготь, Ю. Демиденко, *Память тела: нижнее белье советской эпохи*, 2000).

костюмы), футболка и больше ничего, свитер остался в рюкзаке (С. Алексеев, Сокровища Валькирии. Правда и вымысел, 2003).

9. Региональные варианты

Водолазка – банлон/бадлон/бодлон (Санкт-Петербург), *гольф* (Украина, Белоруссия, Литва), *битловка* (Латвия), *роллинг* (Грузия). *Флирка* – *пайта* (Донбасс, Крым). [Словарь «Языки городов»].

Комментарии. Среди бытовой предметной лексики особенно много слов, имеющих хождение лишь в определенных регионах. В Словаре «Языки городов» подавляющее большинство слов относится именно к названиям артефактов. Поскольку большая часть традиционных толковых словарей составляется в Санкт-Петербурге, слова, имеющие хождение в этом регионе, могут в них не иметь никакой пометы, хотя в литературном языке эти слова отсутствуют. См. подробнее о слове *банлон/бадлон/бодлон* в [Беликов 2009]. Ср. также свидетельства о меньшей дифференциации бытовой предметной лексики в региональных вариантах русского языка, просторечии и диалектах в работах [Коготкова 1977], [Михалап, Шмелева 1987], [Ерофеева, Грузберг 1989].

10. Данные нормативных документов

Свитер – трикотажная плечевая одежда с длинными рукавами, без застежки, с высоким воротником (более 5 см), покрывающая туловище и частично бедра.

Джемпер – трикотажная плечевая одежда с рукавами, без застежки или с застежкой сверху, покрывающая туловище и частично бедра.

Кофточка – швейная или трикотажная плечевая одежда с рукавами, застежкой, покрывающая туловище частично или полностью, для новорожденных, детей ясельных или дошкольных групп.

Пуловер – разновидность джемпера.

Фуфайка – трикотажная плечевая одежда, покрывающая туловище частично или полностью, надеваемая на корсетные изделия или непосредственно на тело.

Недопустимые термины: *кофта*, *кофточка*.

[Государственный стандарт Союза ССР. Изделия швейные и трикотажные. Термины и определения. ГОСТ 17037-85. М.: Издательство стандартов, 1988].

Комментарии. С учетом особенностей описываемого материала и возможных практических применений словаря кажется целесообразным приводить данные официальных нормативных документов, регламентирующих словоупотребление в соответствующей сфере¹³. Проблема несоответствия таких документов словарям и общеречевой практике обсуждалась, в частности, в сборнике [Культура речи в технической документации]. Она ярко заметна и на рассматриваемом материале. С одной

¹³ Интересен и сравнительный анализ документов разных лет. Ср. определение *джемпера* в ГОСТ 5358-50: «Джемпер – верхнее изделие с воротником и без воротника, с разрезом у ворота не до конца стана. Джемпер может быть с застежкой и без застежки» (цит. по [Кадеева 1986: 97]).

стороны, ГОСТы «узаконивают» слова, употребляющиеся в быту, и закрепляют за ними значения, часто не соответствующие узусу. С другой стороны, термины, употребительные лишь в профессиональной речи, в области бытовой лексики часто «выплескиваются» за ее пределы¹⁴.

11. Этимология и время появления слова

Водолазка. От *водолаз* (первоначально такие предметы одежды из тонкой синтетической ткани надевали под водолазный костюм для утепления). Не позднее 1963.

Джемпер. От брит. англ. *junper* ‘то же’, вероятно, образованного не позднее 1850 от *jump* ‘короткое пальто’. Не позднее 1931.

Кардиган. От англ. *cardigan* ‘то же’, образованного не позднее 1868 по фамилии лорда Кардигана 7-го (James Thomas Brudenell Cardigan, 1797–1868), носившего камзол особого покроя. Не позднее 1995.

Кенгуру(шка). От *кенгуру* (большой карман на животе напоминает сумку кенгуру). Не позднее 1982.

Кофта. По-видимому, заимствовано из одного из германских языков, ср. шведск. *kofta*. Не позднее 1792.

Кофточка. Уменьш. от *кофта*. Не позднее 1792.

Олимпийка. От *олимпийская форма* или *олимпийская куртка*. Не позднее 1968.

Пуловер. От англ. *pullover* ‘то же’, образованного не позднее 1899 от *pull over* ‘натягивать, надевать через голову’. Не позднее 1924.

Свитер. От амер. англ. *sweater* ‘то же’, образованного не позднее 1828 от *sweat* ‘потеть’ (одежда, стимулирующая потоотделение и способствующая потере лишнего веса). Не позднее 1920 (вначале часто *светер*¹⁵).

Толстовка. По фамилии А. Н. Толстого, носившего *толстовку* 2. Новое значение – по-видимому, результат влияния слова *толстый* ‘имеющий большую толщину (о материале)’.

Флиска. От англ. *fleece*, образованного не позже 1979 от *polar fleece* ‘особый синтетический материал, букв. полярное руно’. Не позднее 2000.

Фуфайка. Возможно, от диал. *хухать, фукать* ‘дышать теплом, согревать’. Не позднее 1765.

Худи. От англ. *hoodie* ‘то же’, образованного не позднее 1992 от *hooded sweatshirt* ‘кофта с капюшоном’. Не позднее 2006.

Комментарии. Этимологические сведения приводятся по специализированным словарям [Фасмер 1986], [Черных 1999] и др. Даты (в случае отсутствия в словарных источниках) – по результатам поиска в корпусах текстов, базе «Интегрум», электронной библиотеке Google Books и других материалах Интернета. Особый интерес представляют достаточно характерные для бытовой предметной лексики народные этимологии, ср.

¹⁴ Разумеется, и в рассматриваемой области существуют термины, не употребляющиеся в быту – в частности, связанные с изготовлением одежды; ср. критику журналов мод, авторы которых не всегда разграничивают бытовое и профессиональное словоупотребление: «Иногда читатель может вникнуть в скрытый смысл написанного, если термины русские – *жилет с застежкой встык* или *рулики, проглаженные с изнанки на ребро*. Но не всем могут быть понятны советы: «к куртке прикеттлюйте бейку», «застежку жакета сделайте на супате» и т.п.» [Граудина 1982: 166].

¹⁵ Ср. *В осенний солнечный день, так и не устроив своих китайцев, Бабель уехал, оставив мне свой серый свитер и кожаный саквояж* (В. Шкловский, Гамбургский счет, 1928).

прост. форму *полувер*, возведение *свитер* к *свить* и новое значение у *толстовки* (см. о нем также в [Журавлев, Варбот]).

Иллюстрации.

Он был в толстом свитере с широким вырезом, в модной черной водолазке, плотно обнимавшей его шею (М. Кураев, Записки беглого кинематографиста, 2001); «Правда, красивая у меня рубашка?» Ну как же я увижу? Она же под джемпером, один воротничок и видно (Н. Садур, Немец, 1997); Роскошная Муза, в каком-то немислимом белом кардигане, в туфлях на высоком каблуке, рука об руку с генералом, направляется к машине (В. Синицына, Муза и генерал, 2002); В другом фирменном павильоне «Гулливвер», оформленном с изысканной фантазией, изобиловали любимые у мальчишек свободные теплые толстовки фирмы Kiff с капюшонами на все возраста за 650 рублей. Но, прикинув, сколько всего еще надо купить на осень ребенку, от ботинок до куртки, такую модную кенгурушку многие уныло обходили стороной. Ведь полный ансамбль – толстовка, ветровка и брюки – обошлись бы действительно по-гулливеровски («Труд», 06.08.2001); Зимой и летом одетая в расстегнутую кофту шахматного цвета поверх простенького василькового платья, она не располагала к знакомству (В. Слипенчук, Зинзивер, 2001); Однако я тоже была изобретательна: из свитера сделала кофточку, к ней пришивала то белый пикейный, то розовый накрахмаленный воротник и манжеты (А. Смирнова, Моя любовь, 1997); Школьник в ярко-синей олимпийке, с огромным ранцем за спиной (В. Спектр, Наезд, 2004); Борзов пытался уговорить своего друга ехать на встречу в дорожном виде – малиновых джинсах и страшно волосатом яичного цвета пуловере, но француз, привыкший к строгому параду торжественных премьер, отказался наотрез (Н. Богословский, Заметки на полях шляпы, 1997); Она была в сером домашней вязки свитере с высоким воротом и в длинной шерстяной юбке (В. Корнилов, Демобилизация, 1969); Толстовки, флиски, полартек, безрукавки <...> сохраняют тепло тела и «дышат» (реклама, 19.03.2009).

Комментарии. В словаре кроме примеров из текстов (с указанием дат) обязательны иллюстрирующие изображения (здесь не приводим их по соображениям места). Ср.: «При толковании таких слов, независимо от того, даются к ним какие-либо энциклопедические пояснения или нет, должны во всяком случае существенно использоваться картинки (*ostensible definitions, définitions démonstratives*)» [Апресян 1995: 71].

Литература

1. Апресян 1995 – Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры, 1995. (1-е изд. – М., 1974).
2. Байбурин и др. 2004 – Байбурин А.К., Беловинский Л.В., Конт Ф. Полузабытые слова и значения. Словарь русской культуры XVIII-XIX вв. СПб.-М.: Европейский Дом, Знак, 2004.
3. БАС – Словарь современного русского литературного языка в семнадцати томах. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.

4. Беликов 2009 – Беликов В.И. Стереотипы в понимании литературной нормы // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре. М.: РГГУ, 2009. С. 339—359.
5. БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
6. БТССин – Большой толковый словарь синонимов русской речи. Под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс, 2008.
7. Граудина 1982 – Граудина Л.К. О языке и стиле журналов мод // Культура речи в технической документации: 165–172.
8. Ермакова 2006 – Ермакова О. Семантические процессы в русском языке на рубеже веков. Acta Neophilologica VIII. Wydawnictwo Uniwersytetu wamińskiego-mazurskiego. Olsztyn, 2006. P. 23–32.
9. Ерофеева, Грузберг 1989 – Ерофеева Т.И., Грузберг Л.А. Еще раз о просторечии // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1989. С. 2–10.
10. Жданов 1784 – Жданов П.И. Новый словарь английской и российской. СПб.: Тип. Мор. шляхет. кадет. корпуса, 1784.
11. Журавлев, Варбот – Журавлев А.Ф., Варбот Ж.Ж. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. etymolog.ruslang.ru/doc/etymology_terms.pdf
12. Зализняк 2006 – Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.
13. Занадворова 2003 – Занадворова А.В. Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи) // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2003.
14. Земская 1968 – Земская Е.А. Русская разговорная речь. Проспект. М., 1968.
15. Иомдин 2009 – Иомдин Б.Л. Терминология быта. Поиски нормы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27-31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М.: РГГУ, 2009, с. 127–135.
16. Кадеева 1986 – Кадеева М.И. Свитер, джемпер, пуловер – «сыновья» фуфайки. «Русская речь», 1986, №3, с.95–98.
17. Коготкова 1977 – Коготкова Т.С. Роль просторечия в процессах освоения говорами лексики литературного языка // Литературная норма и просторечие. М., 1977.
18. Корбей, Аршмабо 2009 – Корбей Ж.-К., Аршамбо А. Русско-английский визуальный словарь. М.: Рипол Классик, 2009.
19. Культура речи в технической документации – Культура речи в технической документации (на материале ГОСТов и специальной литературы). Ред. В. П. Даниленко, Л. И. Скворцов, Г. И. Миськевич. М: Наука, 1982.
20. Леонова 2005 – Леонова Т.Г. Проблемы изучения регионального фольклора // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сборник докладов, том 2, 2005. С. 118.
21. ЛЛ – Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М.: Русский язык, 1997.
22. Ляшевская, Шаров 2008 – Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь национального корпуса русского языка: концепция и технология создания // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.). Вып. 7 (14). М.: РГГУ, 2008. С. 345–351.
23. МАС – Словарь русского языка в четырех томах. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.
24. Михалап, Шмелева 1987 – Михалап К.П., Шмелева Т.В. Словарь города // Филологические науки. М: «Высшая школа», 1987, №4. С.81–84.

25. НБАС – Большой академический словарь русского языка. Тт. 1–9. / Гл. ред. К. С. Горбачевич. М.–СПб.: Наука, 2004–2008.
26. Новое в русской лексике 1987 – Новое в русской лексике. Словарные материалы-1987. Под ред. Н. З. Котеловой Н.З., Т. Ф. Денисенко. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1996.
27. НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное. / Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. М.-Вена: Языки славянской культуры; Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 60, 2004.
28. Рейф 1853 – Рейф Ф. Параллельные словари языковъ русскаго, французскаго, немецкаго и англійскаго. СПб – Карлсруэ, 1853.
29. Складаревская 2006 – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складаревской. М.: Эксмо, 2006.
30. Словарь «Языки городов». <http://www.lingvo.ru/goroda/articles.asp>
31. Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х). Под ред. Н. З. Котеловой. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 1995.
32. Словарь современных понятий – Бунимович Н.Т., Жаркова Г.Г., Корнилова Т.М. и др. Словарь современных понятий и терминов. 4-е изд., дораб. и доп. М.: «Республика», 2002.
33. СОШ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е. М.: Русский язык, 1997.
34. СУш – Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1934–1940.
35. СШ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007.
36. ТСИ – Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русский язык, 1998.
37. Фасмер 1986 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. Под ред. Б. А. Ларина. Изд. 2-е, стереотипное. В четырех томах. М.: Прогресс, 1986. Тома I–IV.
38. Черных 1999 – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. 3-е изд. М.: Русский язык, 1999.
39. Щерба 1940 – Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Избранные работы по языкознанию и фонетике. 1958. Т. 1.
42. Bratus 1969 – Bratus B.V. The formation and expressive use of diminutives. Cambridge: Cambridge University Press. 1969.
43. Cornet 1871 – Cornet J. Manuel de la conversation russe et française. Leipzig, 1871.
44. Gerhart 2001 – Gerhart G. The Russian's World: Life and Language. London: Slavica Pub, 2001.
45. Hamonière 1816 – Grammaire française à l'usage des Russes, nouvelle édition, revue, corrigée et augmentée par G. Hamonière. Paris: Imprimerie royale, 1816.

Proper Names as a Cross-Cultural Problem and Their lexicographic Treatment

The so-called cross-cultural relations are known to be one of the main forms of interrelation of cultures within cross-cultural communication. This idea may be traced back to the works of M.M. Bakhtin and is of vital methodological importance in the Humanities of today. Within cross-cultural relations we observe interaction of different language codes; other forms of behaviour and moral values. Although the naive pictures of the world share a great many of universal traits, they are in many ways language specific, or nationally coloured (Apresjan 1992, 8).

A remarkably interesting issue within the problem of language specificity is the problem of proper names. On the one hand, they belong to language specific elements, on the other hand, they very often become a stumbling block in cross-cultural communication. Thus, the problem of proper names has come to the fore again – from the angle of cross-cultural studies. So we think it only fair to start the discussion of this question with a short survey of some general problems of onomastics as it is a comparatively new linguistic discipline.

It is common knowledge that semantically proper names are viewed as a unity of linguistic and extralinguistic information. The correlation of proper names and concept is one of the most complicated aspects of studying the lexical meaning of proper names. The variety of scholars' opinions is represented by three main points of view on the problem (Карпова, Карташкова 2001, 106-113).

According to the first one proper names have no meaning, according to the second proper names have certain meaning of their own; and according to the third point of view proper names are, semantically decreased. The above-mentioned points of view are reflected in the traditional, descriptive and casual (historical) theories correspondingly.

Within the traditional theory we can distinguish two approaches. The first one is connected with the name of John Mill and his fundamental work "The System of Logics" (1843). John Mill assumed that the word is a sign which points to the object, the connection being established through thinking. The scholar discriminated between appellatives and proper names on the ground that the former denote not only the object but its properties as well, which, in fact, makes their meaning, while proper names denotes the individual and gives no information as to their properties.

John Mill treated meaning as the sum of properties inherent to the classes of objects, which accounts for his point of view according to which proper names is a sign without meaning.

John Mill uses the term “appellative” in the meaning of a “common name” while modern linguistics use this term quite differently: this is a term for naming address.

Within the traditional theory of names (O. Jespersen, M. Breal) predominates the point of view counter to that expressed above, namely: proper names have maximum of meaning. O. Jespersen came to the conclusion that the meaning of proper names in the context is much more specific than the meanings of other groups of names.

The descriptive theory of proper names is given above all in the works of outstanding logicians G. Frege and B. Russell who assumed that the meaning of the name is given through denotation or description. Hence, the volume of meaning depends on the volume of description. Theory of knots (Bundeltheory), according to which the meaning of proper names consists of a bundle of denotations, may be treated as modification of the above-mentioned theory.

Another variant of the descriptive theory is theory of certain denotations within which proper names is treated as connotation of description with deictic expression, i.e. a certain denotation but not any description.

Representatives of theory of meaning as usage limit the theory of proper names to their usage in speech. The meaning of the name is understood as correct standard usage of this unit, that's why proper names, accordingly to the scholars, have limited meaning or, in other words, are semantically reduced.

Kripke and K. Donnellan are known to have created casual (historical) theory of name. The term “rigid expressions of denotation”, introduced by Kripke, implied designation of one and the same objects irrespective of their description. Kripke stresses “casual chain of connotation” between the thing named and the giver of the name within the act of naming.

Thus, we can see that foreign scholars stick to two points of view. According to the first, proper names are either deprived of meaning or semantically decreased; according to the second point of view, proper names have several meanings. Such approach seems to be rather categoric and can't be taken as an adequate one.

It is interesting to note that Russian scholars' point of view on this problem is different. For instance, A.V. Superanskaya claims that the meaning of proper names is not equal to the notion of its appellative and is not limited by it even when it coincides with it phonetically and morphologically. The scholar points out that proper name is a social phenomenon rather than a common name, which accounts for the fact that beside lexical component the meaning of a proper name includes esthetic, affective, moral and social components. Proper names, according to A.V. Superanskaya, don't have any specific functions on the language level while on the

speech level proper names perform communicative, appellative, expressive and deictic functions. Hence, functioning of proper names does not differ essentially from functioning of common names. Later on the scholar admitted the peculiarity of proper names, considering the weakened connection of the name with the notion and its close connection with a concrete object to be the main property of proper names.

According to V.D. Bondaletov, proper names display all types of connections which are distinguished within the meaning of any word: denotative, significative and structural linguistic, although their quality is somewhat specific in comparison with the corresponding components of common names.

Dual nature of proper names is discussed in the works of other scholars as well. L.P. Chesnokova claims that one of the main properties of proper names is their dual functioning, which implies functioning of single lexemes and functioning within a discourse. The meaning of a proper name in a language turns out to be poorer than in speech.

Much attention to the difference between proper names and common names is paid by O.I. Fonyakova. Comparing the contents and volume of denotative meaning of proper names and common names, the scholars draw the conclusion that they are in counter relations. Proper names are characterized by a greater number of properties than common names as the contents of denotative meaning of proper names contains all properties of a single notion especially on the speech/text level.

As to the volume of denotative meaning, proper names has < 1 meaning while common names have >1 meaning (as they denote a class of objects). The above mentioned points determine the difference in the functioning of proper names in the language and in speech.

A similar approach is found in the work of Ernest Hanzak: the number of properties of information about the classes of objects makes up a closed quantity while the number of properties of information about a single object makes up an open quantity. Hence, proper names have a larger number of properties than common names.

Thus, having discussed different points of view on proper names we can say that proper names have a certain meaning of their own which is very specific and rather various in comparison with the meaning of common names.

One of the main specific features of proper names is that they represent that part of the lexical system which may be called a crossroad of the problem of interrelation of language and culture. It is a proper name that is of a paramount importance from the angle of interrelation of cultures in a linguistic aspect. This fact accounts for the necessity of studying intertextual names, the term refers to proper names which are most typical of different literary pieces (of British authors preferably).

Intertextual names are allusions of different types to which we refer names from the Bible and mythology, toponyms and some other groups of proper names. Texts of literary pieces are known to be “open”, they related to other texts and to other codes.

A great number of proper names are used by writers of a later period without any additional commentaries. The authors supposed that such names would be easily deciphered by the reader but very often (if the reader has no sufficient background knowledge) we come across the so-called communicative failures (Karpova, Kartashkova 2009, 33). It is sometimes rather difficult to find a way out because there are no communicators as in a situation of real communication where one can easily get the necessary information and explication, that’s why compiling a dictionary of intertextual names is really a burning task.

English author lexicography which dates back to the XVI c. has at its disposal numerous types of linguistic and encyclopedic dictionaries (glossaries, concordances, indices, lexicons, thesauri, dictionaries of authors proverb, quotations, onomasticons, etc.) to the works of about seventy British authors (Karpova 2004, 31-38). Among these reference books writers onomasticons (i.e. Dictionaries of Characters) may be a valuable model for creation a new type of reference work like a “Dictionary of Intertextual Proper names”.

Detailed analysis of authors onomasticons in English lexicography published since XVIII c. (Karpova 2004, 31-38) show that they developed in three ways:

1. Dictionaries of the characters from literary pieces, fixing personal proper names;
2. Dictionaries of characters from literary pieces and geographic names;
3. Reference books, fixing all types of proper names.

The most numerous group of writers onomasticons make up Shakespeare reference books, the majority of which present different types of dictionaries of characters in which personal proper names are fixed and which date since the XVIIIth c. (Karpova, 2010). Of all the dictionaries of proper names (see for example: “Dictionary of Shakespeare” by L. MacConnell, 2000, “Who is who and What's What in Shakespeare”, O'Connor, 2000 etc.), we must mention above all “Who is who in Shakespeare” by a famous Shakespeare scholar F. Stokes (Stokes, 2007). The latter is worth analyzing to work out the main principles of compiling the above-mentioned type of dictionaries.

The dictionary of characters “Who is Who in Shakespeare” by F. Stokes (2007) which saw print in 1996 and was based on the 1924 year edition of this dictionary is a classical sample of writers onomasticon.

In its macrostructure we find different groups of proper names belonging to:

- middle-age period: *Pandulf, Hostpur, Macbeth*;
- Old Greek and Latin origin: *Ulysses, Brutus, Cleopatra*;
- names of made-up characters: *Ariel, Morvolio, Othello*;
- characters from the Bible, toponyms;
- names of holidays, planets, books, musical pieces, etc.

The second edition of such an authoritative dictionary as that by F. Stokes in such a long period of time must have been caused above all by the necessity of its use in modern conditions not only by those who study Shakespeare but by those readers who lack sufficient knowledge and therefore experience great difficulties while reading and perceiving Shakespearean texts. It is equally topical both for native speakers and foreigners who read Shakespeare in the original.

The entry line includes a detailed description of proper names (sometimes having a historical survey, which enables the reader to get a pretty good idea of author's onomastic space):

Alonso. In *The Tempest*, the King of Naples, who has helped Antonio to usurp Prospero's dukedom. On a return voyage from Tunis he is shipwrecked on Prospero's island and is made to repent his action. His son, Ferdinand, marries Miranda.

Personal proper names of all types are supplied with an obligatory illustrative example from Shakespeare works together with its location in the author's text:

Philemon (1). The husband of Baucis; they hospitably entertained Jupiter and Mercury in their cottage (Ovid, *Metam*, viii, 623 ff.).”*D.Pedro*. My visitor is Ph.’s roof; within the house is Jove [‘Love,’ Ff] (*M.Ado*, ii, 1). The story is also alluded to in *A.Y.L.* iii, 3: ‘ill-inhabited, worse than Jove in a thatched house!’

Sometimes they give the subject matter of the work, determine the relations between the characters and give other additional information which contributes to a deeper understanding of the text:

York, Lord Mayor of. D.P. 3 Hen.VI.iv, 7] demurs to admitting Edw. IV into the city; but delivers the keys on its being pointed out that Edw. is a D. of York, and that he and his companions are 'King Henry's friends'.

This personage was Thomas Beverley, Lord Mayor in 1460 and 1471. The title of ‘Lord Mayor’ was first granted in 1389. The *True Tragedie* gives him his correct title in the st. dirs., and he is addressed as “My Lord Maire” instead of ‘Master Mayor’ as in 3 Hen. Vi. (‘Two Alderman’ Hall, pp.201-2).

Our research of Shakespeare Dictionaries of Characters showed that in spite of pioneer tradition of English authors lexicography to register and describe proper names from literary works in special groups of reference works, they still lack some important points of systematic

treatment of lexicon. That's why our project of a "Dictionary of Intertextual Proper names" must be an explanatory dictionary for learners (learner's lexicography being an important factor for developing systematic lexicography (Apresjan 1992, 3). The conceptual basis of the dictionary under discussion is founded on the theoretical ideas and practical results in the field of systemic lexicography. We shall name only few of them here.

First of all, the compilers of such a dictionary must distinguish between the language as an object of lexicographic research and metalinguistic description. The compilers must also be guided by such ideas as:

- the idea of semantic notion as a basic one, which is the deepest component of many-layer model of language;
- the idea of semantic simplicity and semantic decomposing;
- treatment of a dictionary as a very important and at the same time complicated result of intellectual activity of a person.

Speaking of the most essential parameters of the dictionary, we must mention the following ones. First and foremost is the question of how to select the material, or, in other words, what will be the sources of intertextual names. Here we shall stress the fact that we are going to take into consideration large text units, the study of which is of great relevance for systemic lexicography (Apresjan 1992). As to the criteria of collecting the material, it is possible to make use of the anthroponyms that are to be found in F. Stokes' onomastikon, as it is a very reliable dictionary, although we are fully aware of the fact that it is a very lasting process. Of special interest is the idea of decomposing the meaning of intertextual names, which, in the long run, will contribute to better understanding of this or that intertextual name by the users, whose perspective is of great importance for such type of dictionary. Of no less importance is to show in the dictionary what typical illocutionary functions of intertextual names are.

The dictionary of intertextual names must be a systemic one. For this all the lexical items under discussion must be distributed according to lexicographic types or classes which are semantically similar and have common meaning and which must be described in the dictionary in identical or similar way. For example, names of persons must be described practically in the same way.

As to the lexicographic portraits of intertextual names, they must meet all the demands which are lexicographically relevant (See Апресян 1986). Above all, the dictionary should explain how the semantics of the given name motivates its other relevant properties and display intertextual names' interaction with the rest of the material of the utterance it occurs in. Hence, each intertextual name in the dictionary must be assigned all the properties that semantic, pragmatic and some other rules refer to. Moreover, lexicographic description of religious terms

gives rich material for studying functions and peculiarities of this vocabulary in a literary work or the writer's collection of works.

The present research showed that questions arising in connection with compiling onomasticons writers dictionaries of different types are mostly various. The detailed principles of mega-, macro- and microstructure of the dictionary under discussion will be given in the presentation.

References

Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // Вопросы языкознания. 1986. №2. С. 57-70.

Карпова О. М., Карташкова Ф. И. Проблема лексикографического описания имен собственных в различных типах писательских словарей в ракурсе лингвокультурологического подхода. В кн. *Язык и общество*. М.: изд-во РГГУ, 2001. С. 106-113.

Aprésjan Y.D. Systemic Lexicography// Euralex'92 Proceedings I-II Part I. Tampere, 1992.

Karpova, O. Author's Lexicography with Special Reference to Shakespeare Dictionaries *Historical dictionaries and historical dictionary research. Lexicographica. Series major*. 2004. Band 123, 31-38.

Karpova O. Shakespeare Dictionaries of New Generation. // *New Trends in Lexicography: Ways of Registrating and Describing Lexis*. /ed. by O. Karpova, F. Kartashkova. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, In Print.

Karpova O. M., Kartashkova F. I. New Generation of Specialiazed Dictionaries to Shakespeare's Works // *Lexicography and Terminology: a Worldwide Outlook*. / ed. by O. Karpova, F. Kartashkova. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 28-41.

O'Connor, E.M. Who is Who and What's What in Shakespeare. New York: Randomhouse, 2000.

Stokes, F. Who is Who in Shakespeare. A Dictionary of Characters and Proper Names. N.- Y.: Dover Publications, 2007.

Что такое Московская семантическая школа?

Московская семантическая школа - это школа (и соответствующее ей направление) в семантике, возникшая в начале 1960-х гг. и продолжающая плодотворно и успешно работать в настоящее время.

Её основные принципы были, во-первых, провозглашены в ряде публикаций-манифестов, а во-вторых, воплощены в многочисленных публикациях работ по семантике, посвящённых уже не общим принципам, а конкретным опытам анализа отдельных семантических проблем, отдельных слов, отдельных семантических полей, отдельных семантических категорий и отдельных лексикографических типов - преимущественно на материале русского языка, но также (в меньшей степени) и ряда других языков: французского, английского и т.п.

Её предшественниками были Р.Якобсон (имею в виду его работы 1957-1960) и Вяч. Вс. Иванов (имею в виду его работы конца 1958-1961).

Её пионерами (первопроходцами) в период «Московского семантического кружка» (МСК) (1961-1964) были А. К. Жолковский, Н. Н. Леонтьева и Ю. С. Мартемьянов (см. манифест 1961).

Её организационным лидером в 1960-е гг. (и до середины 1970-х гг., когда возник семинар Апресяна в Информэлектро) был В. Ю. Розенцвейг.

Её организационным лидером с середины 1970-х гг. (когда возник Семинар Апресяна в Информэлектро) и по настоящее время был и остаётся Ю. Д. Апресян.

В 1961-1964 гг. решающее влияние на менталитет МСК оказывали идеи Ю.С.Мартемьянова (это влияние постепенно убывало от 1961 к 1964 гг. и существенно упало во второй половине 1960-х гг.) и А. К. Жолковского (постепенно возраставшее от 1961 к 1964 гг. и достигшее максимума в 1965-1968 гг.).

Новым этапом МСК (1965-1968) стало активное участие И. А. Мельчука, что привело к формированию МСШ в недрах МСК.

Приблизительно с 1968 Ю. Д. Апресян становится одним из ведущих теоретиков МСК и МСШ; в 1969-1976 гг. максимальное идейное влияние на МСШ оказывали И. А. Мельчук и Ю. Д. Апресян.

Организационным лидером МСШ (а также наиболее влиятельным среди её участников теоретиком) с 1977 г. по настоящее время был и остаётся Ю. Д. Апресян.

Первое близкое (к МСШ) понятие - "МСТ". Нетождественность состоит в следующем:

(1) "МСТ" включает (а) общую концепцию лингвистических описаний; (б1) общую концепцию морфологических описаний (б2) несколько конкретных морфологических описаний; (в1) общую концепцию синтаксических описаний; (в2) несколько конкретных синтаксических описаний; (г1) общую концепцию семантических описаний; (г2) несколько конкретных семантических описаний;

а "МСШ" включает из всего этого только (г1) и (г2);

(2) История МСТ начинается с 1965 г., а история МСШ - с 1961 г.;

(3) Примерно с середины 1970-х гг. МСТ начинает претерпевать период угасания, ею занимаются всё меньше и меньше людей, а начиная с середины 1980-х (после выхода "венской" книги Апресяна и ТКС-1984) по настоящее время теорию МСТ разрабатывает (развивает) фактически уже один И. А. Мельчук (правда, вопросами экспериментальной компьютерной реализации МСТ [что нетождественно развитию теоретических принципов МСТ] занимаются немногочисленные сотрудники ИППИ). Тогда как МСШ продолжает жить и даже год от году расцветает (в 1980-е гг. обогащается трудами И.М.Богуславского, в 1990-м создаёт эскиз Интегрального словаря РЯ; в 1990-е создаёт проспект НОСС, а в 2000-е - трёхтомный НОСС).

Другое близкое понятие: "школа системной лексикографии". Она отличается от "МСШ" тем, что МСШ возникла примерно в 1961, а "ШСЛ" - примерно в 1986-м (манифест - статья Апресяна "Интегральное описание языка и толковый словарь"). То есть ШСЛ - это поздний этап МСШ.

Третье близкое понятие: "Московский семантический кружок" (границы размытые: это (приблизительно) те семанты, которые публиковались в МПиПЛ и в ПГЭПЛ). Однако, возможно, было бы терминологически оправданным провести разграничение понятий «МСК» и «МСШ» ещё по одному параметру. А именно, есть основание считать, что всю первую половину 1960-х гг. «МСК» и «МСШ» были одной и той же сущностью. В таком случае уместнее будет признавать, что МСШ постепенно выросла из МСК. Иначе говоря, в первой половине 1960-х гг. существовал лишь МСК; приблизительно в 1965-1967 гг. в его недрах стала созреть МСШ (по инициативе Жолковского и Мельчука); и приблизительно с 1968 можно уже с уверенностью говорить об МСШ (важнейшими событиями, диагностирующие возникновение МСШ как социального образования, отличного от МСК, можно считать присоединение к МСК Ю. Д. Апресяна и начало коллективной работы над ТКС).

Четвёртое близкое: "школа логического анализа естественного языка". Это те семанты, кто публиковался у Арутюновой в ЛАЕЯ и выступал на её семинарах. Т.о., личный состав частично пересекается с МСШ.

Пятое близкое: "школа Падучевой" = те семанты, кто публиковался в СиИ, НТИ-2 или участвовал в работе проекта "Лексикограф". Т.о., личный состав слегка пересекается с МСШ.

Т.о., периодизация этапов МСШ такая:

(1."детский" = период МСК:) (1960-1964): "Теория семантических множителей" (осн. результат: Манифест 1961 и статьи в МПиПЛ, особенно вып. 8, 1964).

(2."отроческий") (1965-1969): ("ранняя МСТ"; формирование МСШ в недрах МСК): "Теория семантического синтеза и лексических функций" (осн. результат: статьи Жолковского и Мельчука 1965-1969);

(3."юношеский") (1970-1976) ("зрелая МСТ"): "Теория толково-комбинаторной лексикографии" (осн. результат - брошюры ТКС, монографии Мельчук 1974, Апресян 1974);

(4."молодой") (1977-1980) ("обновление МСТ", имплицитная ревизия МСТ, усиление внимания к грамматической семантике. Осн. результаты: Венская книга Апресяна; ТКС-1984; Богуславский);

(5."средний") (1981-1985) ("переход от МСТ к пост-МСТ") (усиление внимания к служебным словам, аспектологии, дейксису и прагматике; осн. результат - статьи по аспектологии, дейксису, по частицам и т.п.)

(6."зрелый") (1986-1991) (возникновение концепции системной лексикографии. Заключительный этап - создание группы будущего ИС РЯ и НОСС, когда отмечалось 60-летие Ю.Д.Апресяна в школе под Тарусой. Результат - публикация проспекта Интегрального словаря РЯ в 1991 (СИИ-32) и создание Сектора теоретической семантики в ИРЯ).

(7. "начало позднего") (1992-1996) (результат - проспект НОСС и публикация двухтомника Апресяна: "Интегральная лексикография").

(8. "середина позднего") (1997 - 2004) (результат: трёхтомный НОСС и слитный однотомный НОСС).

(9. "текущий период") (2005 - по наст.вр.) (осн. результат - коллективная монография "Языковая картина мира и системная лексикография" 2006 и начало работы над Активным словарём РЯ).

Личный состав МСШ:

В 1960-1964 (период МСК; МСШ в узком смысле слова тогда ещё не было): все авторы МПиПЛ-1964 (включая Жолковского и Мартемьянова).

В 1965-1969 все авторы работ по МСТ, ЛФ и ТКС (Мельчук, Жолковский и их ученики; Апресян).

В 1970-1976: (Мельчук, Жолковский и их ученики, напр. А. К. Поливанова, З. М. Шаляпина, Е. Э. Разлогова; Апресян и его ученики).

В 1977-1980: (Апресян и его круг в Москве, в т.ч. И. М. Богуславский, М. Я. Гловинская; с этого же времени - уже без Мельчука, Жолковского, З. М. Шаляпиной, А. К. Поливановой, Е. Э. Разлоговой).

В 1981-1986: те же.

В 1986-1991: те же + все (!) авторы Интегрального словаря РЯ 1991 (в т.ч. А. Д. Шмелёв, Анна А. Зализняк, М. А. Кронгауз, Е. В. Рахилина и др.; с этих же пор по наст.вр.: И. Б. Левонтина,).

В 1992-1996: авторы проспекта НОСС (следовательно, с этих пор - без Анны А. Зализняк, М.А.Кронгауза, А.Д.Шмелёва и Е.В.Рахилиной).

В 1997-2004: авторы НОСС.

С 2005 - по наст.вр.: авторы колл. монографии "Языковая картина мира и системная лексикография" 2006.

Теперь об основных идеях МСШ. Они, я думаю, известны, поэтому не буду на них останавливаться. Они не стояли на месте, а эволюционировали.

Идея-лейтмотив была одна: изучение синонимических (и перифрастических) средств языка; толкование сложных значений через более простые. Остальное - уже детали.

Детали такие.

1) Несколько (менее чётко сформулированных) мыслей о периодизации (но не "МСШ", а "МСТ") было сказано в статье:

Крылов С.А. Влияние МСТ на общую лингвистику (в свете подведения предварительных итогов "семантической революции") // Апресян Ю.Д., Иомдин Л.Л. (отв. ред.), Восток – Запад. Вторая международная конференция по модели "Смысл $\Leftrightarrow$ Текст", М., Языки славянской культуры, 2005, с. 237-247.

2) Н.Н.Леонтьева, Ю.К.Щеглов, Ю.А.Мушанов могут считаться участниками МСШ (лишь в «широком» смысле слова) в период № 1 (= период «МСК»).

3) И.А.Мельчук и Л.Н.Иорданская могут считаться участниками МСШ в периоды № 2 ("отроческий" период МСШ, 1965-1969) и № 3 ("юношеский" период МСШ, 1970-1976).

4) Л.П.Крысин - в период № 3 ("юношеский" период МСШ, 1970-1976) и № 4 ("молодой" период МСШ, 1977-1980).

5) С.Е.Никитина может считаться участником МСШ (точнее, МСК) в периоды № 1 ("детский" период МСШ=МСК, 1960-1964), № 2 ("отроческий" период МСШ, 1965-1969) и № 3 ("юношеский" период МСШ, 1970-1976).

6) Е.М.Вольф и В.Н.Телия могут считаться участниками МСШ в период № 3 ("юношеский" период МСШ, 1970-1976).

7) Как И.А.Мельчук, так и Л.Н.Иорданская "выбыли" из МСШ не в силу идейных разногласий или творческих планов, а по сугубо личной и территориальной причине: переезд в Канаду. И соответственно, при употреблении термина в "слегка расширенном смысле" могут трактоваться как участники МСШ или как "пожизненные почётные члены МСШ". Иначе говоря, их невключение после 1977 имеет чисто территориальный (а не идейный) смысл.

8) Ещё одно близкое понятие: "школа И.А.Мельчука". Разница между этим понятием и "МСШ" примерно такая:

Во-первых, "школа Мельчука" включает всех разработчиков МСТ, в том числе морфологов и синтаксистов (А. В. Гладкий как синтаксист, Н. В. Перцов как морфолог и синтаксист, Е. Н. Саввина как синтаксист и т.д.). А МСШ - это только семанты (в том числе все авторы ТКС, включая Н.В.Перцова, Е.Н.Саввину, Е.Э.Разлогову, З.М.Шаляпину).

Во-вторых, МСШ (= МСК) "детского" периода №1 (1960-1964) не может трактоваться как "школа Мельчука" (так как в этот период идейное влияние Ю. С. Мартемьянова на МСК было тогда решающим, а идеи А. К. Жолковского оказывали на МСК первой половины 1960-х гг. более весомое воздействие, чем идеи И. А. Мельчука, занимавшегося в те годы преимущественно морфологией и синтаксисом).

В-третьих, если выбирать более точные термины, в период №2 (1965-1967) МСШ – это «школа Мельчука и Жолковского», а для периода №3 (1968-1976) – это «школа Мельчука, Жолковского и Апресяна».

В-третьих, МСШ "молодого" периода № 4 (1977-1980) и "среднего" периода № 5 (1981-1986 гг.) - это уже "школа Мельчука-Апресяна"; а более поздних периодов (1987-1991, 1992-1996, 1997-2004, 2005-2009) - это уже просто "школа Апресяна", так как лично у Мельчука не обучались (не работали непосредственно в ТКС-е) ни И.Б.Левонтина, ни С.А.Иванова-Григорьева, ни прочие участники, примкнувшие к МСШ после 1987 г.

9) Вопрос о Е.В.Падучевой - нетривиальный. На мой взгляд, для более или менее всех периодов её творчества следует рассматривать её не как участника МСШ, а как самостоятельную фигуру (причём после примерно середины 1970-х гг. - как лидера своей школы - сначала немногочисленной: Т. Д. Корельская, Г. Е. Крейдлин, а затем постепенно растущей количественно: это авторы «СиИ», «НТИ», «САФИД», а затем группы «Лексикограф»).

10) Вопрос про Ю. Д. Апресяна - нетривиальный. Думаю, что для "детского" (№1, 1960-1964, т.е. МСК) и "отроческого" (№ 2, 1965-1967) периода он не может считаться непосредственным участником МСШ, хотя в период №2 происходит довольно тесное сближение его с МСШ, (особенно после 1967 г., т.е. начиная с его статей 1968 г.); для периода № 3 он - один из идейных лидеров МСШ, а для периодов № 4 и более поздних - ярко выраженный лидер МСШ (как идейный, так и организационный).

11) То, что я выше назвал "московским семантическим кружком" (в отличие от МСШ), охватывает семантическую составляющую "московского кружка (направления) экспериментальной и прикладной лингвистики", существовавшего около 30 лет примерно в 1958-1990 гг. и возглавлявшегося В. Ю. Розенцвейгом. Этот кружок имел 2 своих собственных органа неперIODической научной прессы: "МПипЛ" и "ПГЭПЛ". Сюда уместно относить не только представителей МСШ, и Мартемьянова (разных периодов), и Леонтьеву (разных периодов), и Ю.И.Левина (1969 г.), и Падучеву (примерно в 1969-1980 гг.), и А.Я.Шайкевича, и С.И.Гиндина, а в поздний период (после 1977) - в частности, А.Д.Кошелева и М.И.Козлова, киевлянина В.М.Труба.

12) Среди участников МСШ имеет смысл выделять такую категорию, как "временно примыкавшие к ней". Это:

для периода 1965-1969 И.И.Убин, Э.И.Королёв и др.;

для периода 1970-1976 Е.М.Вольф, В.Н.Телия, Е.Ю.Богданова (Кукушкина) и др.;

для периода 1987-1991 - Анна А. Зализняк, А.Д.Шмелёв, М.А.Кронгауз, Е.В.Рахилина.

Это те, кто участвовал в каких-то коллективных монографиях по семантике на одном из этапов существования МСШ начиная с "отроческого". Именно по критерию "участия в коллективных работах МСШ" я и определяю понятие "принадлежности к МСШ".

13) Тех участников "Московского семантического кружка", чье участие в МСШ ограничилось периодом №1 (периодом МСК) (Мартемьянов, Леонтьева, Мушанов, Щеглов), неуместно относить к "примыкавшим", поскольку они же сами совместно создавали МСК, т.е. не к кому им было "примыкать". Уместнее сказать, что это были первопроходцы, которые в последующие годы (примерно в 1965-1968 гг.) отошли от МСШ (но не от МСК! - и продолжили работу независимо и самостоятельно). Это никоим образом не противоречит существенной идейной близости между "МСК" (просуществовавшим под руководством В.Ю.Розенцвейга примерно до 1991 г., и не предполагавшем участия в коллективных работах) и "МСШ" (как органа создания коллективных работ).

14) "Статьями-манифестами" МСШ можно считать:

Период № 1

Жолковский-Леонтьева-Мартемьянов 1961

Жолковский 1964 (Предисловие)

Период № 2

Жолковский-Мельчук 1965

Жолковский-Мельчук 1966

Жолковский-Мельчук 1967

Мельчук 1967 ("МСТ" доклад на Междунар. съезде в Бухаресте)

Апресян 1968 (Об экспериментальном толковом словаре РЯ)

Апресян-Жолковский-Мельчук 1968 Ю.Д.Апресян, А.К.Жолковский, И.А.Мельчук. О системе семантического синтеза. III. Образцы словарных статей. // Научно-техническая информация. Серия 2. 1968, № 11.

Апресян 1969 (О языке для описания значений)

Апресян 1969 Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики. // Известия АН СССР, Серия литературы и языка, 1969, № 1.

Апресян 1969 Синонимия и синонимы. // Вопросы языкознания, 1969, № 4.

Апресян-Жолковский-Мельчук 1969 Ю.Д.Апресян, А.К.Жолковский, И.А.Мельчук. Об одном способе изучения сочетаемости слов // Русский язык в национальной школе, 1969, № 6 [подведение итогов периода № 2]

Период № 3

Мельчук 1970 (О принципах описания означаемых) [подведение итогов периода № 2]

Мельчук 1972 (МСТ-1972, статья в ПГЭПЛ)

Мельчук 1974 (МСТ-1974)

Апресян 1974 [подведение итогов периода № 3]

Период № 4

(Ю.Д.Апресян, И.М.Богуславский, Л.Л.Иомдин и др.) Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения. // М.: Совет по комплексной проблеме "Кибернетика; АН СССР, 1978. [подведение итогов периода № 3]

Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл - Текст" (тезисы доклада). // Семантика естественных и искусственных языков в специализированных системах. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.

Период № 5

(Ю.Д.Апресян, И.М.Богуславский, Л.Л.Иомдин и др.) Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода ЭТАП-1. // Разработка формальной модели естественного языка. Новосибирск, 1981. (Итоги) [подведение итогов периода № 3]

(Ю.Д.Апресян, Е.В.Гецелевич, Л.П.Крысин и др.) Толково-комбинаторный словарь как компонент семантического анализа текста. // Семинар проекта "Диалог": Тезисы докладов. Тарту, 1982 [подведение итогов периода № 3].

(Ю.Д.Апресян, И.М.Богуславский, Л.Л.Иомдин и др.) Типы лексикографической информации в толково-комбинаторном словаре. // Актуальные вопросы практической реализации систем автоматического перевода. Ч. 2. М.: Изд-во МГУ, 1982. 129-187 [подведение итогов периода № 3].

(Ю.Д.Апресян, Л.Л.Цинман.) Об идеологии системы ЭТАП-2. // Формальное представление лингвистической информации. Новосибирск, 1982 [подведение итогов периода № 3].

Апресян 1983: Лексическая семантика (синонимические средства языка). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1983. [подведение итогов периода № 3]

Апресян 1985: Личная сфера говорящего и наивная модель мира. // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар "Кутаиси-1985". Тезисы докладов и сообщений. М., 1985.

Период № 6

Апресян 1986а: Интегральное описание языка и толковый словарь. // Вопросы языкознания, 1986, № 2. 57-70.

Апресян 1986б: Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. // Семиотика и информатика, вып. 28. 1986. 5-33.

Апресян 1988: Толковый словарь нового типа как основа серии словарей // Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. М.: Русский язык, 1988.

Апресян 1990: Формальная модель языка и представление лексикографических знаний. // Вопросы языкознания, № 6, 1990.

Апресян 1991а: Концепция нового словаря синонимов русского языка. // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. М., 1991.

Апресян 1991б: Об интегральном словаре русского языка. // Семиотика и информатика, вып. 32, 1991.

Период № 7

Апресян 1992а: О новом словаре синонимов русского языка. // Известия АН, серия литературы и языка, № 1, 1992.

Апресян 1992б: Systemic Lexicography. // Euralex '92 Proceedings I-II. Tampere 1992, part I, pp. 3-16.

Апресян 1992в: Lexicographic Portraits and Lexicographic Types. In: Linguistique et slavistique. Melanges offerts a PAUL GARDE. Paris, 1992, p. 360 - 376.

Апресян 1994: О языке толкований и семантических примитивах. // ИРАН, СЛЯ, № 4, 1994.

Апресян 1995а: Новый словарь синонимов: концепция и типы информации // Ю.Д.Апресян, О.Ю.Богуславская, И.Б.Левонтина, Е.В.Урысон. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. М., 1995.

Апресян 1995б: Theoretical Linguistics, Formal Models of Language and Systemic Lexicography // Linguistics in the Morning Calm. Seoul, 1995, сс. 3-30.

Апресян 1995в: Предисловие // Теоретическая лингвистика и лексикография: к формальному описанию лексики. М., 1995.

Период № 8

Апресян 1997: Предисловие к Новому объяснительному словарю синонимов русского языка // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. М., 1997.

Апресян 1998: Системная лексикография и новый объяснительный словарь синонимов русского языка // Nyelv, stilus, irodalom. Koszonto konyv Peter Mihaly 70. Szuletesnapjara. Budapest, 1998.

Апресян 1999а: Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Изв. АН, сер. лит. и яз., № 4, 1999.

Апресян 1999б: Принципы системной лексикографии и толковый словарь // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. Москва, 1999.

Апресян, Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: ход работы и результаты // Вестн. Рос. гуманитар. науч. фонда. - М., 2002. - N 3. - С. 8-99

Период № 9

Апресян 2006: Вводный раздел книги "Языковая картина мира и системная лексикография".

15) Основными обзорами разных этапов (периодов) можно считать публикации:

По периоду № 1:

Апресян 1963: Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики. // Проблемы структурной лингвистики. М.: Изд-во АН СССР, 1963. (первый публичный сочувственный обзор периода № 1, в самом разгаре этого периода)

Апресян 1966 "Идеи и методы", глава про семантический анализ (итоги периода №1)

Апресян-Бабицкий 1966 (итоги периода №1)

По периоду № 2:

(Ю.Д.Апресян, И.А.Мельчук). Русский язык в исследованиях по автоматическому переводу. Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1966-1969 гг. Материалы для обсуждения. М.: Институт русского языка АН СССР. М., 1973. (Итоги периода № 2)

По периоду № 3:

Падучева 1975

Крысин (Russian Linguistics)

Weiss

Hartenstein

По периоду № 4:

Не знаю.

По периоду № 5:

Не знаю.

По периоду № 6:

Рецензии на Интегральный-1991? Не знаю.

По периоду № 7:

Рецензии на НОСС-Проспект 1995.

Червенкова, И. [Рецензия] // Съпоставително езикознание. - С., 1998. - Г. 22, N 1/2. - С. 180-187 Рец. на кн. : Новый объяснительный синонимический словарь русского языка/ Под ред. Апресяна Ю.Д. - М., 1995.

По периоду № 8:

Рецензии на НОССРЯ:

Санников, В.З. [Рецензия] // Вопр. языкознания. - М., 1997. - N 6. - С. 134-137 Рец. на кн.: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый вып. / Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б. и др.- М., 1997.- 511 с.

Бабаева, Е. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка // Рус. речь - М., 1997. - N 6. - С. 107-112 Аннотация: О книге "Новый объяснительный словарь синонимов русского языка" под ред.Ю.Д.Апресяна.

Москвин, В.П. О новом словаре синонимов // Филол. зап. - Воронеж, 1997. - Вып. 9. - С. 252-255 Рец. на кн.: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1/ Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б. и др. - М., 1997. - 552 с.

Лубенская, С. [Рецензия] // Изв. Акад. наук. Сер. лит. и яз. - М., 2002. - Т. 61, N 2. - С. 68-72 Рец. на кн.: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка/ Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б. и др. Вып. 1. - М., 1997. - XXXIX, 511 с.; Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Крылова Т.В. и др. Вып. 2. - М., 2000. - LV, 487 с.

Толстая, С.М. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка // Изв. Акад. наук. Сер. лит. и яз. - М., 2004. - Т. 6, N 63. - С. 52-54 Рец. на кн.: Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Языки славянской культуры. Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 60. - 2004. 1417 с.

Падучева, Е.В. "Новый объяснительный словарь синонимов русского языка" как лаборатория семантического анализа лексики // Изв. Акад. наук. Сер. лит. и яз. - М., 2006. - Т. 65, N 6. - С. 16-29 Библиогр.: с. 28-29. Рез. англ.

По периоду № 9:

Рецензии на ЯКМСЛ-2006.

16) Генезис термина мне неизвестен.

Сам термин «МСШ» появился, по-моему, в одной из статей Ю. Д. Апресяна, хотя я и не помню сейчас, в какой именно статье и в каком году.

Странное “согласование времён” в русском языке

Введение

Понятие согласования времён разработано на материале латинского и греческого языков, затем оно широко применялось к английскому языку и несколько меньше – к другим индоевропейским языкам. Этим понятием обозначаются случаи, когда время (и вид) глагола не прямо выбирается исходя из семантики ситуации, а обусловлено также видовременными характеристиками другой словоформы глагола в контексте. Например, в английском языке высказывание (1) можно перевести в косвенную речь, не меняя формы:

(1) *I will go to USA next year.*

(2) *John says that he will go to USA next year.*

Иначе говоря, если ситуация, выраженная придаточным предложением, следует за ситуацией, выраженной главным, и в главном предложении глагол стоит в форме настоящего времени, то в подчинённом выбирается будущее время. Однако если главный глагол стоит в форме прошедшего времени, для глагола в подчинённом предложении допустимо только сослагательное наклонение, но не будущее время:

(2') *John said that he would go to USA next year / *will go to USA next year.*

Точно так же глагол в форме Present Perfect при согласовании времён переводится в Past Perfect, Present Continuous – в past continuous и т.д. Явление согласования времён также наблюдается в романских языках, например, во французском.

Считается, что в русском языке согласования времён нет. Например, в аналогичных примерах, независимо от времени главного глагола, употребляется будущее время:

(3) а. *Иван говорит, что поедет в США.*

б. *Иван сказал, что поедет в США.*

Однако один тип конструкций весьма близок к английскому согласованию времён. Речь идёт о предложениях с двойным вложением, где имеется придаточное с союзом *чтобы*¹, от которого, в свою очередь, зависит временное предложение с *когда*.

Глагол в придаточном с союзом *чтобы* стоит в форме прошедшего времени, поскольку данный союз не допускает других возможностей². Во временном придаточном глагол обычно в форме будущего времени:

(4) *На вашем месте я бы убивал где-нибудь в провинции, так чтобы, когда вы вернетесь в Лондон, о ваших подвигах никто не знал*³ (http://lib.ru/INPROZ/FISHER_T/idiotaw.txt_Piece40.06).

Это вполне естественно, учитывая смысл обоих придаточных: придаточное со *чтобы* фиксирует события, которые произойдут в будущем (или вообще не произойдут), а временное по умолчанию обозначает ситуацию, одновременную с ситуацией в *чтобы*-придаточном. Тем самым, будущее время выбирается по смыслу.

Однако встречаются примеры, где не только в придаточном с союзом *чтобы*, но и во временном придаточном мы видим прошедшее время:

(5) *И сегодня мне папа сказал, чтобы, когда он вернулся с работы, на мониторе красовалось... пиво* (<http://www.diary.ru/~animash4ka/p69656662.htm>)

(6) *Сделай так, чтобы, когда я вернулся, не было разговоров, ранящих мне душу* (<http://www.peoples.ru/art/cinema/actor/kruchkov/history.html>).

¹ Здесь и ниже мы воздерживаемся от употребления термина «целевое придаточное», так как придаточные с союзом *чтобы* могут употребляться и не в целевом значении (например, выступая в качестве дополнения при глаголах речи: *Он мне сказал, чтобы я вышел*).

² Поскольку в самом союзе *чтобы* содержится частица *бы*, вполне обоснованно считать, что по крайней мере исторически в придаточном со *чтобы* глагол стоит в форме сослагательного наклонения (*чтобы никто не знал* = «что никто бы не знал»). Данный вопрос рассматривается ниже, в части «Попытка объяснения».

³ Используемые примеры, в основном, взяты из Национального корпуса русского языка и Интернета. В случае, если пример взят с форума в Интернете, сохраняется пунктуация оригинала. Ряд примеров сконструирован автором и проверен с носителями русского языка.

Более того, опрос показывает, что носители принимают такие конструкции – тем самым, объяснить их простой опиской под влиянием объемлющего придаточного нельзя. Грамматические описания русского языка, например, [Грамматика 1970] и [Русская грамматика 1980], не упоминают о таком явлении.

При этом в отсутствие объемлющего придаточного такое употребление прошедшего времени невозможно:

(7) *Пусть, когда я вернусь/*вернулся с работы, на мониторе красуется пиво!*

(8) **Не заводи этих разговоров, когда я вернулся!*

По-видимому, форма глагола в таких конструкциях объясняется влиянием формы глагола в придаточном с союзом *чтобы*. Е.В. Падучева (1996) вводит понятие гипотаксического режима интерпретации элементов языка, наряду с нарративным и речевым (имеется в виду, что многие единицы, например, видовременные формы глагола, интерпретируются особым образом, если находятся в составе подчинённого предложения). Однако случаев, когда существенно было бы именно *двойное* вложение одного придаточного в другое, для русского языка не отмечалось ни в этой работе, ни в [Barentsen 1996] и [Timberlake 2004] – работах, где подробно рассматривается интерпретация видовременных форм русского глагола.

В докладе мы подробнее рассмотрим это явление, выясним, при каких условиях оно возникает и каков синтаксический механизм, приводящий к такому «согласованию».

Порядок придаточных

В русском языке одним из признаков сложноподчинённой конструкции, в отличие от сложносочинённой, считается возможность вставить подчинённое предложение внутри главного: так, возможно предложение (9b), но невозможно (10b):

(9) а. *Когда Пете позвонили из деканата, он уже ехал в поезде.*

б. *Петя, когда ему позвонили из деканата, уже ехал в поезде.*

(10) а. *Пете позвонили из деканата, и он срочно вернулся в Москву.*

б. **Пете, и он срочно вернулся в Москву, позвонили из деканата.*

Такое же перемещение возможно для конструкций с двумя придаточными предложениями: одно из придаточных может занимать позицию внутри второго:

(11) а. *Попроси его, чтобы он всё написал, пока мы будем заседать.*

б. *Попроси его, чтобы, пока мы будем заседать, он всё написал*
(временное придаточное с союзом *пока* разрывает изъяснительное с союзом *чтобы*).

Более того, для рассматриваемых конструкций с сочетанием сентенциального актанта с *чтобы* и временного придаточного с *когда* данный способ для некоторых информантов является основным: часть опрошенных оценивает (12b) лучше, чем (12a):

(12) а. *Сделай так, чтобы ужин был на столе, когда я вернусь.*

б. *Сделай так, чтобы, когда я вернусь, ужин был уже на столе.*

Возможно, это связано с тем, что (12a) с финальным положением временного придаточного допускает две интерпретации: при одной оно присоединяется к главному предложению ('когда я вернусь, сделай ...'), при второй – к придаточному со *чтобы* ('чтобы ужин, когда я вернусь, был на столе').

Рассматриваемое «согласование» частотно и полностью грамматично только в случае, если союз *когда* находится непосредственно после союза *чтобы*. При любой другой расстановке оно становится менее приемлемым – носители оценивают его хуже, чем варианты без согласования:

(13) [?]*И сегодня мне папа сказал, чтобы пиво уже было на мониторе, когда он вернулся с работы* (лучше: *когда он вернётся с работы*).

Больше того, даже если временное придаточное вставлено внутрь придаточного со *чтобы*, но не после союза *чтобы*, это тоже понижает оценку информантами предложений с «согласованием»:

(14) [?]*Сделай так, чтобы не было, когда я вернулся, этих разговоров, ранящих мне душу.*

Тем самым, роль играет, видимо, именно контактное положение двух союзов. Синтаксически предложение (13) устроено так же, как (5) – следовательно, синтаксическая структура с двумя последовательно вложенными придаточными сама по себе согласования не гарантирует.

Набор союзов

Хотя чаще всего описываемое нами явление наблюдается именно при союзе *когда*, некоторые другие типы временных придаточных также допускают подобное согласование: ср. придаточные с *как только* в (15)–(16):

(15) *А я хочу чтобы как только открывала форум там была моя любимая картинка* (<http://a.borda.ru/?1-0-0-00005063-000-120-0>).

(16) *Выходит, рассада нужна в любом саду уже по весне, чтобы как только вылупились вредители из личинок, тут же прилетели бы полезные насекомые* (<http://innatim.narod.ru/Aogorod.html>).

Ср. сомнительное:

(17) *Как только вылупились вредители, прилетят полезные насекомые.*

Иногда в подобных конструкциях встречается и союз *после того как*:

(18) *В каком формате сохранять аватары, чтобы после того, как я их слова загрузила в photoshop слои были не склеены?* (<http://www.diary.ru/~avatarss/p46288433.htm>)

Наконец, выходя за рамки временных союзов, можно отметить похожие конструкции в условных конструкциях с *если*:

(19) *Он должен быть на виду, чтобы если пришёл незнающий игры и форума человек, мог задать вопрос.* (<http://forroll.forum24.ru/?1-0-0-00000102-000-0-0>)

(20) *Мне кажется, что надо сделать, чтобы если начал делать задание, но не закончил его, это задание можно было бы закончить попозже.* (<http://earnik.com/forum/topic36435s0.html>)

Однако ниже мы покажем, что здесь речь как раз идёт не о «согласовании времён», а об относительном времени – употребления такого рода по сочетаемости отличаются от рассматриваемых нами.

Согласование времён или относительное время?

В русском языке есть явление, очень похожее на рассматриваемое, но не тождественное ему. Даже в отсутствие придаточного с союзом *чтобы* глагол в клаузе, содержащей, например, союз *после того как* может стоять в форме прошедшего времени, хотя ситуация не предшествует моменту речи:

(21) *После того, как Вы запустили программу, появится её главное окно.* (<http://www.alorbroker.ru/services/mts/docs/help.doc>)

(22) *Какие наступают улучшения после того, как бросил курить?* (<http://otvet.mail.ru/question/21794838>)

В (22) речь идёт о ситуации, имеющей место всегда и не локализованной во времени, а в (21) она относится к будущему времени. Тем самым, *после того как* повышает вероятность употребления прошедшего времени.

В действительности в (21) и (22) прошедшее время, конечно, связано с семантикой, но интерпретируется не абсолютно, а относительно. Иначе говоря, оно употребляется потому, что ситуация в придаточном предложении (запуск программы) имеет место до ситуации в главном⁴. При этом согласования времён в подобных примерах обычно нет: напротив, время глагола во временном придаточном обычно отличается от времени в главном предложении.

Отметим на всякий случай, что приведённые выше английские примеры явно иллюстрируют согласование времён, а не относительное время. В предложении *John said that he would go to the USA* ситуация в придаточном предложении следует за ситуацией в

⁴ См. в связи с этим также обсуждение категории таксиса (порядка следования событий) в сборнике [Храковский 2009], включающей относительные употребления времени типа (21)–(22).

главном – а значит, относительная интерпретация требовала бы не сослагательного наклонения, а будущего времени.

Такое относительное употребление времени, связанное с индивидуальными свойствами союза, для русского языка отнюдь не уникально. Ср., например, настоящее время при союзе *пока* (см. также [Barentsen 1996] об относительных и абсолютных употреблениях временных форм при союзах *пока* и *пока не*):

(23) *Пока мы играем, ты вещи покараулишь.*

(24) *Ну ничего, пока я хожу, ты немного приберёшь.*

Очевидно, что в (24) говорящий ещё не вышел, а только собирается это сделать, однако употребляет настоящее время, поскольку ситуация ‘ходить’ одновременна с ситуацией ‘прибирать’.

Однако несложно увидеть, что употребления *когда* и (реже) *после того как* в конструкции с согласованием времён нельзя объяснить относительной интерпретацией прошедшего времени. Дело в том, что в русском языке относительная интерпретация имеет жёстко фиксированный контекст употребления. Например, в противоположность (21), невозможно:

(25) **После того как я сейчас запустил программу, она должна выполнить эту команду* (ср. *После того, как я сейчас запущу эту программу, она должна выполнить эту команду*).

(26) **Когда ты прошел два переулка, позвони мне.*

В (21) описываемая ситуация, которая должна иметь место в будущем, – это как бы проявление устройства мира, закона, по которому ситуация всегда развивается таким образом (например, при запуске программы выполняется команда). В (25) речь идёт о планах говорящего, связанных с единичной ситуацией – эти планы никак не соотносятся с общими закономерностями устройства мира.

Тем самым, конструкция с относительным употреблением времени закреплена за хабитуальными, гномическими и подобными контекстами. Ситуация в таких случаях могла ещё ни разу не произойти, но из устройства мира и объектов, о которых идёт речь, вытекает, что она будет иметь место. Если речь идёт о единичной ситуации в будущем времени, относительное употребление недопустимо. Напротив, как видно из примеров, конструкция с согласованием времён допустима вне зависимости от временной отнесённости ситуации, выраженной в главном предложении, а также в обоих придаточных.

То же самое верно и для союзов *после того как* и *как только*. Например, возможно (27), где ситуация связана с положением дел в мире (‘трасса устроена так, что после поворота можно пересекать дорогу’), но невозможно (28), где речь идёт о конкретных планах говорящего:

(27) *Как только ты повернул, встреча становится "пересекаемой", а затем "попутного направления".*

(28) **Как только я повернул, я тебе оттуда позвоню*⁵.

Есть и ещё один способ различить «согласование времён» и относительную интерпретацию прошедшего времени: во втором случае глагол обычно употребляется в совершенном виде:

(29) а. *После того, как ты прошел два дома, поворачиваешь налево.*

б. *???После того, как ты шёл по этой улице десять минут, поворачиваешь налево.*

Например, (30), с совершенным видом глагола, явный случай согласования времён:

(30) *Мне не хотелось, чтобы, когда зритель приходил в театр и смотрел на афишу, он бы говорил: “А, ну понятно, это его жена”.*

⁵ Заметим, что в контекстах такого рода особое употребление прошедшего времени допустимо и вне временных придаточных, ср., например: *Так, значит, ты скачал этот файл, загрузил программу – теперь перезагрузись и можешь спокойно работать.*

Вернёмся теперь к союзу *если*. По-видимому, предложения (19) и (20) иллюстрируют не согласование времён, а именно относительное употребление прошедшего времени. Конечно, различить эти случаи нельзя, поскольку время в двух клаузах совпадает: союз *чтобы* требует прошедшего времени. Однако не случайно, что придаточное условное обычно обозначает именно устройство мира, то, что происходит всегда, а не конкретное событие (так, (19) не значит ‘если придёт (конкретный) человек’ – имеется в виду, что некоторая ситуация должна возникать *всегда*, когда приходит человек, не знающий правил).

Значим ли семантический фактор?

Важен вопрос о том, связана ли возможность согласования времён с семантикой придаточного предложения. Так, если считать, что имеет место простое копирование прошедшего времени глагола, можно ожидать, что оно будет возможно при самых разных употреблениях *чтобы*. Напротив, если на согласование влияет конкретный тип придаточного (например, целевое придаточное, как в (18)), то при производных употреблениях оно должно быть невозможно.

В действительности верно первое предположение. При «повелительном» употреблении *чтобы* согласование также возможно:

(31) *Я ухожу на зачёты, чтобы когда я пришел было 3 страницы!*
(<http://forum.theabyss.ru/light/index.php/t160466.html>)

(32) *Сейчас я должен известить директора о случившемся, и чтобы, когда я вернулся, вы уже спали!* (http://www.snapetales.com/all.php?fic_id=5241)

Точно так же допускает согласование конструкции со *чтобы* при модальных глаголах:

(33) *Хочу, чтобы, когда я проснулся утром, я мог почувствовать нежность* (см. также (15) (<http://gday.ru/phorum/viewtopic.php?p=347681&sid>)).

Возможно ли согласование с другими типами союзов?

Как оказывается, ни с какими союзами, кроме *чтобы* согласование времени во вложенном придаточном со временем во «внешнем» не происходит. Однако не всегда понятно, чем это вызвано: свойствами самого союза или семантикой соответствующей конструкции. Так, время при союзе *потому что* диктуется семантикой. Если употреблена форма прошедшего времени, это значит, что ситуация действительно имела место в прошлом:

(34) *Я плохо отношусь к Пете, потому что он меня в своё время очень сильно оскорбил.*

(35) *Я плохо отношусь к Пете, потому что он меня постоянно оскорбляет.*

Тем самым, если внутри причинного придаточного вложено ещё одно (например, временное), то подразумевается, что выраженная в нём ситуация имела место либо до той, которая обозначается причинным придаточным, либо одновременно с ней:

(36) *Я плохо отношусь к Пете, потому что, когда я приехал, он меня выставил из дома.*

(37) *Я плохо отношусь к Пете, потому что, когда мы слушаем музыку, он всегда пытается подпевать и всё мне заглушает.*

Это значит, что в силу самой семантики причинной конструкции глагол во временном придаточном тоже должен стоять в прошедшем времени (с другими причинными союзами: *так как*, *вследствие того, что*, *поскольку* – дело обстоит точно так же).

Теоретически согласование могло бы происходить при сочетании условного придаточного в конструкции с *если бы*⁶ и вложенного в него временного:

(38) *Как здорово бы было, если бы, когда он придёт, торт уже стоял на столе* (вариант без согласования времён).

⁶ Мы рассматриваем эту конструкцию отдельно от конструкции с *если*, допускающей любое время глагола в главном и придаточном предложениях. В действительности, конечно, они связаны между собой и противопоставлены по признаку реальности (*если*) vs. ирреальности (*если бы*) условия.

(39) *Как здорово бы было, если бы, когда он пришел, торт уже стоял на столе* (вариант с согласованием).

Судя по примерам из Интернета, конструкции типа (39) употребляются обычно в другом значении – временное придаточное обозначает в них ситуацию, которая уже имела место:

(40) *Должен вам сказать, что если бы мне, когда я приехал в 1995 году на фестиваль в Сочи, кто-то сказал, что я буду генеральным директором АМиКа, я бы долго смеялся.* (<http://www.amik.ru/Article/36/7238.html>)

В (40) говорящий уже приехал на фестиваль в Сочи. Тем самым, никакого согласования времён не происходит, прошедшее время обозначает ситуацию, предшествующую моменту речи. Однако опрос носителей показал, что многие допускают для (39) две интерпретации:

i. Прошедшее смысловое, контрафактическое условие: ‘как здорово бы было, если бы, когда он пришел (в прошлом), торт уже стоял на столе’ (но на самом деле, когда он пришёл, торта на столе не было – мы не успели его приготовить).

ii. Согласование времён, реальное условие: ‘как здорово бы было, если бы, когда он придёт (в будущем), торт уже стоял на столе’ (он ещё не пришёл).

При второй интерпретации мы действительно имеем дело с согласованием: иначе нельзя объяснить, почему во временном придаточном, относящемся к будущему, глагол стоит в прошедшем времени⁷.

Общая черта между конструкциями с *чтобы* и *если бы* лежит на поверхности: они оба требуют прошедшего времени глагола в придаточном предложении, независимо от абсолютной и относительной временной отнесённости ситуации. Такая сильная, независимая от семантики характеристика распространяется вглубь, на внутреннее придаточное. Напротив, конструкция с *если* согласования времён не допускает: вложенное придаточное с *когда* обычно копирует форму глагола из условного.

Попытка объяснения

Наша необычная конструкция допускает три объяснения:

1. «копирование форм». Можно считать, что носители языка при построении временного придаточного автоматически копируют форму глагола в условном придаточном. Отметим, что *чтобы* (и его менее частотный синоним *дабы*) – единственные в русском языке союзы, который допускают только одну форму глагола, вне зависимости от семантики – поэтому неудивительно, что оно может влиять на время глагола при *когда*, которое строго не регламентировано.

Недостаток этой гипотезы в следующем. Как мы показали выше, «согласование времён» чаще всего происходит при контактном положении союзов *когда* и *чтобы*. Тем самым, оказывается, что копирование тесно связано с положением союза, что кажется не слишком естественным (очевидно, что в синтаксической структуре два придаточных расположены друг относительно друга одинаково, вне зависимости от линейного порядка).

2. «ирреальная семантика». Придаточные с союзом *чтобы* всегда обозначают ирреальную ситуацию, которая ещё не имела места и, возможно, не произойдёт вообще. Можно предположить, что временное придаточное с *когда* наследует не форму глагола, а значение ирреальности. Прошедшее время глагола уже вторично по отношению к семантике.

Однако если принимать такое объяснение, неясно, почему наследуется именно сослагательное наклонение. По той же логике в конструкциях с *пусть* в главном предложении временное придаточное должно было бы содержать глагол в сослагательном

⁷ Выше мы объяснили, что время в таких конструкциях не может также трактоваться как прошедшее относительное (ср. недопустимое **Когда он пришёл, торт будет / должен уже стоять на столе*).

наклонении, наследуя значение ирреальности от главного и оформляя глагол сослагательным наклонением. Этого, тем не менее, не происходит:

(41) **Пусть, когда он пришёл (бы), он мне позвонит.*

Кроме того, в придаточных предложениях со *чтобы* частица *бы*, так сказать, содержится в самом союзе: именно поэтому внешне глагол принимает форму прошедшего времени, но имеет нехарактерную для этой формы ирреальную интерпретацию, то есть можно, по примеру М.В. Панова (1966), Р. Брехта (1977) и авторов «Русской грамматики» (1980) усматривать в таких предложениях сослагательное наклонение с частицей *бы*⁸. Напротив, временное придаточное в рассмотренных примерах типа (18) содержит всё же не сослагательное наклонение, а прошедшее время – частица *бы* в них отсутствует в каком бы то ни было виде. В результате получается, что глагол в этих клаузах интерпретируется непрототипическим способом: прошедшее в отсутствие частицы *бы* в русском языке не имеет ирреального прочтения.

3. «относительное время». Хотя выше мы показали, что конструкции с относительным временем в русском языке имеют ограниченное употребление, нельзя исключить, что в рассматриваемых конструкциях оно расширяется. Например, это может быть связано с тем, что придаточное со *чтобы* имеет ирреальную интерпретацию. В этой связи оно (и подчинённое ему временное) в меньшей степени связаны с моментом речи, и время интерпретируется относительно другого события, а не момента речи.

Данное решение допустимо, но усложняет ситуацию. Нет никакой причины интерпретировать две формы прошедшего времени (в условном и во временном придаточном) по-разному: одну – как продиктованную управлением союза *чтобы*, а другую – как обозначающую относительное время.

Мы склоняемся к первой гипотезе (копирование форм), но она требует уточнения. Будем считать, что реального копирования не происходит – частица *бы* в союзе *чтобы* (и составном показателе *если бы*) просто распространяет сферу действия на оба придаточных: придаточное со *чтобы* и вложенное в него временное. Такая широкая сфера действия маргинальна и продиктована прагматически: а именно, чем ближе *бы* (в составе союза *чтобы*) стоит к временному придаточному, тем легче она передаёт ему свои свойства. Неудивительно, что легче всего распространение сферы действия происходит именно тогда, когда непосредственно после союза *чтобы* стоит временное придаточное – в случаях вставления типа (5).

Единственный вопрос, который вызывает наше решение – почему так же не ведёт себя частица *бы* в других случаях, например при сослагательном наклонении, выражающем желание (42) или в конструкции с *вот бы* – тоже со значением желания (43):

(42) а. *Пришёл бы ты лучше, когда я сдам экзамены!*

б. **Пришёл бы ты лучше, когда я сдал экзамены!* (приемлемо, только если говорящий уже сдал экзамены в прошлом).

(43) а. *Вот бы он приехал на неделю позже, когда мы уже немного отдохнём!*

б. **Вот бы он приехал на неделю позже, когда мы уже немного отдохнули!*

Возможно, это связано с положением временных придаточных в конце предложения (напомним, что и при *чтобы* такой порядок слов делает согласование маловероятным).

Тот факт, что рассматриваемое явление имеет место не во всех случаях, когда употребляется *бы*, даёт нам право действительно говорить о согласовании времён (или,

⁸ Так, в статье [Панов 1966] у показателя *бы*, обозначающим, что «отношение [действия к субъекту] не соответствует действительности», усматривается три частных, обусловленных контекстом оттенка значения «а) действие определенного субъекта нереально, но желательно: *Пришел бы ты ко мне завтра утром еще немножко помочь!*; б) действие нереально, но возможно при некотором условии: *Он бы пришел, если бы не был так занят; Он бы пришел, да очень занят*; в) простое указание на нереальность действия: *Я ему скажу, чтобы он пришел* (союз *чтобы* включает и частицу *бы*, формирующую сослагательное наклонение)». Тем самым, в качестве третьего употребления рассматривается использование частицы *бы* в составе союза *чтобы*.

если принимать наш способ анализа, наклонения): стандартные грамматические правила не описывают расширение сферы действия *бы* на придаточное предложение.

Заключение

Итак, в докладе мы рассмотрели нестандартный для русской грамматики случай, когда форма глагола в одной клаузе выбирается под влиянием формы глагола в другой клаузе. Как было показано, это явление внешне весьма похоже на английское согласование времён (с той только разницей, что для русского языка согласование факультативно).

Данное явление стоит отличать от относительных употреблений прошедшего времени. Как и согласование времён, относительные употребления могут использоваться в ограниченном круге контекстов, но этот круг разный у согласования и относительных употреблений.

В дальнейшем мы приняли точку зрения, что «согласование времён» в действительности связано с тем, что сфера действия частицы *бы* расширяется, захватывая не только то предложение, где эта частица присутствует, но и подчинённое. Поскольку для русского языка это нестандартный случай, вполне объяснимо, что «согласование времён» тесно связано с прагматическими характеристиками – а именно, с близостью в тексте союзов *чтобы* и *когда*, – которые облегчают расширение сферы действия.

Литература

Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996.

Панов М.В. Русский язык // Языки народов СССР. Т. 1. Индоевропейские языки. М.: Наука, 1966, с. 55-122.

Храковский В.С. (ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009.

Шведова Н.Ю. (ред.). Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970.

Шведова Н.Ю. (ред.). Русская грамматика. М.: Наука, 1980.

Barentsen A. Shifting points of orientation in Modern Russian. Tense selection in 'reported perception' // A. J. M. Janssen, W. van der Wurff (eds). Reported speech: form and functions of the verb. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1995, pp. 15-55.

Brecht R. Čtoby or čto and by. Folia Slavica 1, 33-41.

Timberlake A. A reference grammar of Russian. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Парадоксальная логика как режим мышления*

«<...> случаи, когда возникает аномалия,
дают нам гораздо больше информации, чем
те случаи, когда всё идёт гладко»

(З. Вендлер)

Используя свой опыт реконструкции речевого портрета М. Цветаевой и И. Бродского, я хочу поделиться наблюдениями над лингвистическим экспериментом этих авторов. Проза Цветаевой (автобиографические повести, литературные эссе, дневники, записные книжки и письма) – единый источник, концентрирующий энергию авторского самосознания, и информативный материал для изучения стратегии Цветаевой-экспериментатора. Лингвистический эксперимент Цветаевой – отпечаток её рефлексии над феноменом «Язык», который она воспринимает прежде всего как материю смысла. Пренебрегая условностями нормы, Цветаева утверждает свою преданность принципу: «Суть перекрикивает язык» [НЗК 2000: 662]. Цветаева хорошо осознаёт своё пристрастие к опровержению аксиом, к столкновению «да» и «нет», к игре альтернативы и тождества. Её текст прочитывается как автопортрет проницательного психолога, способного к адекватной самооценке; подробнее см. в: [Ляпон 2001: 90–106; 2002: 4–16; 2005: 897–915; 2008: 137–148]. «В войнах мне мешает война, в морях – море, в священниках – Бог, в любовниках – любовь» [НЗК 2001: 181] – формула самоидентификации, в которой Цветаева отобразила свою модель поведения и стиль мышления, подчеркивая характерный для парадоксалиста метод «фронтальной семантической атаки». В самой манере её словотворчества (включая грамматические алогизмы) обнаруживается изоморфизм с психологическим портретом, что подтверждает системность личности Цветаевой. Парадоксальная логика – константа вербального поведения Цветаевой. Признаки, выделяемые как характерные для поэтического окказионализма [Ревзина 1998: 10], оказываются универсальными чертами идиомы, – индивидуальной стратегии смыслообразования. За текстом Цветаевой просматриваются два лика автора: 1) Цветаева – кодификатор нормы, требующий лингвистического повиновения; 2) Цветаева – экспериментатор, преодолевающий диктат языка, провокатор, ниспровергающий мёртвую пропись догмы. Но, по сути, эти две установки не противоречат одна другой: окказиональное словотворчество и грамматические алогизмы дают почувствовать реальность глубинных языковых оппозиций, осознать догматы языковой нормы путем отклонения от неё. Кроме того, разрушитель стереотипов, улавливая “блуждающий” смысл, который объединяет категориально и семантически далёкие языковые сущности, тренирует лингвистическую интуицию носителя языка.

Преимущество цветаевского текста для изучения парадоксальной логики – многоступенчатая рефлексия, направленная на собственную ментальную деятельность. Схему своего познавательного цикла Цветаева представляет так: «Знаете, как это бывает? Вы ставите вопрос, сгоряча, первым движением: – нет, потом – глубже: да, потом – еще глубже глубокого: да... (не четыре ступени: сорок!) и конечное: да» [НСТ 1997: 130]. Лингвистический эксперимент такого разрушителя стереотипов (как и его афористические формулы) всегда под контролем логики здравого смысла¹.

* * *

Рассмотрим конкретные примеры. В одном из писем (1936 г., к Ариадне Берг) наше внимание привлекает конструкция: *«мне безумно <...> хочется того китайского кольца <...>»*. Привожу (в сокращении) текст письма.

* «Работа выполнена при поддержке грантом ведущих научных школ РФ НШ–1268.2008.б.

¹ Подробнее см. в монографии М.В. Ляпон «Проза М. Цветаевой. Опыт реконструкции речевого портрета автора»; (в печати).

«Дорогая Ариадна, у меня есть для Вас – для нас с вами – один план, не знаю – подойдет ли Вам. Дело в том, что мне безумно – как редко что хотелось на свете – хочется того китайского кольца – лягушачьего – Вашего – бессмысленно и непреложно лежащего на лакированном столике <...> Я всё надеялась, что О.Н., под императивом моего восторга мне его в конце концов подарит <...> у меня руки не красивые, да и кольцо не “красивое” <...> да и не для красоты рук ношу <...> но она [О. Н.] ничего не почувствовала, п.ч. она – другая, и к вещам относится не “безумно”, а трезво – итак, возвращаясь к лягушке (в деревне их зовут ЛЯГВА) <...> Если бы Вы мне каким-нибудь способом добыли то кольцо <...> я бы взамен дала Вам <...> большое, в два ряда, ожерелье <...> Вещь массивная, прохладная, старинная и – редкостной красоты <...> Вам эта вещь предначертана. Она настолько же – Ваша, Вы – как то кольцо – *моё* и *я* <...> Как выцарапать кольцо <...> Если бы Вы <...> просто бы сказали <...>, что я в то кольцо *влюбилась* <...> я бы Ваше кольцо – *никогда* бы не снимала <...> отвечайте поскорее, ибо я в страсти нетерпения <...>» [VII: 502]².

Цветаевский алогизм (*мне хочется кольца*) стимулирует наше внимание к семантике безличной модели и заставляет еще раз задуматься над спецификой глагола *хотеться* в отличие от *хотеть*. *Хотеть* у Цветаевой – глагол, управляющий не только в грамматическом смысле. “*Хотение*” предстаёт как императив, главное условие человеческого бытия, акт воли и движитель жизни, а отсутствие “хотения” категорически приравнивается к нёхоти, отождествляется с ленью: «<...> только желание – унижение <...> мне важно – сколько Вы можете напрячься. Усилие *и есть хотение*» [VII: 618]; «Я знаю как трудно – *хотеть*» [VII: 607]³.

По мнению А. Вежицкой, “неагентивные” конструкции *мне хочется* (*думается, кажется, помнится, спится, не спится, не работается* и др.), предназначенные для описания внутреннего состояния субъекта, представляют собой своего рода тест, по которому можно опознать иррациональный тип языка, и соответственно, – стиль мышления самих носителей языка, а именно: неагентивную позицию человека по отношению к миру и к самому себе (склонность к фатализму, отсутствие самоконтроля, отношение к окружающему миру как к сущности непознаваемой и т.п.)⁴.

Цветаева отвечает на собственный внутренний импульс как активный аналитик, – в соответствии со своим “темпераментом” мысли. Реакция типа «не знаю, почему; не могу сказать, почему» для нее не характерна. Наоборот, в своем письме она исчерпывающим образом объясняет причины своего желания, говорит о своем намерении активно действовать, чтобы получить желаемый предмет, и даже предлагает в обмен на кольцо своё дорогое ожерелье. Анализируя причины своей “очарованности” кольцом, она находит ещё один убеждающий аргумент: она влюбилась в кольцо потому что на нем изображена лягушка, которую Цветаева отождествляет, с собой («то кольцо – моё и я» [VII, 501]). Этот

² Здесь и далее при ссылке на многотомное издание сочинений М. Цветаевой 1994–1995 гг. в скобках указывается номер тома и страница.

³ В семантике *хотеть* лексикологи отмечают элемент действенности, намерения: «Специфика синонима *хотеть*, особенно по сравнению с *желать*, состоит в том, что он указывает на действенность воли субъекта. Иными словами, помимо чистого желания он предполагает ещё и готовность субъекта прилагать усилия для его реализации» [НОССРЯ 1997: 457]; «*Хотеться* (как и *не терпиться* и *подмывать*) является неточным конверсивом глагола *хотеть*» [Апресян 1995: 3]. Ср. также: «<...> русское *я хочу* не полностью соответствует английскому *I want* <...>, поскольку в русском помимо *Я хочу*, есть ещё *мне хочется*, которое занимает определенную часть соответствующего семантического пространства. Тем самым *хочу* оказывается выражением действенного желания» [Падучева 1996: 13]. Эти особенности не отмечены в РСС: «*Хотеться*, *хóчется*; *безл.*; *несов.*, *кого-чего*, *что* (с конкр. сущ., разг.), с *неопр.* или с союзом «*чтобы*». То же, что *хотеть*. *Хочется славы*. *Хочется известности*. *Хочется спать*. *Хочется тишины и покоя* / *чтобы было тихо и спокойно*» <...> [РССIV 2007: 312].

⁴ Согласно этой точке зрения, в безличной модели «мысль, акт веры или иное ментальное состояние или событие представлены как возникающие в наших головах спонтанно, причем мы не ощущаем себя связанными по отношению к ним какими-то обязательствами» [Вежицкая 1996: 69–70]. Бессубъектная модель отображает мироощущение и стиль мышления тех, кто являются «не активными действующими лицами, а пассивными и более или менее бессильными, не контролирующими события экспериенцерами» [Вежицкая 1996: 73].

завершающий аргумент важен для понимания существа самоанализа. «Мне хочется» в контексте Цветаевой предстаёт как свёрнутая *рефлексема*, – символ познавательного цикла по схеме «Я – раздвоение Я – отстранённое истолкование себя – возвращение к исходному (неделимому) Я». Мы видим здесь не спонтанный перечень причин, а замкнутую цепь с возвратом к субъективной детерминанте, что характерно для интроверта. Желание обладать вещью обусловлено сверхзадачей, а именно: охранить свою индивидуальность, оградить её «от враждебных влияний окружающего» [Юнг 1997: 607]⁵.

Конструкция *мне хочется* не указывает на пассивность субъекта; речь идет как раз об активности, но другого рода – ментальной: субъект наблюдает себя со стороны, – находящимся в состоянии, которое как бы внушено неодолимой стихийной силой. Это субъект, активно анализирующий мотивы своего желания. Модель “*мне хочется*” несёт отпечаток рефлексии субъекта: за ней просматривается “интроверт мыслительного типа” (по Юнгу)⁶, тогда как модель “*я хочу*” изображает бездумно желающего, не склонного к самоанализу. По сравнению с “*я хочу*” модель “*мне хочется*” более насыщена в смысловом отношении: говорящий ставит своё «я» в позицию объекта, который оценивается со стороны наблюдателя (другого “я”). Иными словами, безличную модель можно толковать как специфическую языковую форму раздвоения говорящего субъекта; ср. наблюдения И. Фужерон о “капризах” местоимения *я* в русском языке [Фужерон 2007: 199, 201].

Заметим, что в цветаевском контексте безличная модель *мне хочется* (чего) выполняет ещё функцию вежливой просьбы: Цветаева демонстрирует неявную контаминацию трех пограничных смыслов: ‘просьбы-извинения-самооправдания’. Эта модель (в отличие от *я хочу*) может быть осмыслена как этноспецифическая формула вежливой просьбы, т. е. причастна к полю «общение, этикетное поведение (*просить-брать-давать*)». Цветаева невольно затрагивает вопрос о блуждающих (сквозных) коннотациях, которые вовлекают выражение *мне хочется* в это поле. Интуитивный лингвист Цветаева, по существу, демонстрирует две фундаментальные аксиомы естественного языка: (1) аксиому акта номинации (любая вещь – именуемое – является объектом для множества разных словесных обозначений; (2) аксиому полисемии (любой словесный знак потенциально приложим ко множеству разных вещей – денотатов)⁷.

Как видим, выбор безличной модели не свидетельствует о том, что мышление говорящего субъекта отмечено принципиальной иррациональностью. Из контекста цветаевского письма следует, что безличный способ воспроизведения действительности – это всего лишь языковое клише, и фантомный актант не мешает поиску реальной действенной причины происходящего. Наблюдаемый эксперимент Цветаевой – это тот случай, когда в рамках русского языкового сознания творческий субъект, используя, по словам В.В. Виноградова, – «отжившую идеологию»⁸, демонстрирует скрытые смысловые (и риторические) возможности языкового клише.

Рассмотренный пример Цветаевой интересен ещё в одном отношении: он демонстрирует конфликт между схемой управления и её лексическим наполнением. Цветаева подчиняется схеме “глагол + родительный партитивный”, но в позиции управляемого оказывается слово, обозначающее неделимый и несъедобный предмет. Принцип “вопреки” в данном случае Цветаева иллюстрирует неожиданным объектом, который выпадает из стереотипного ряда (*хочется чаю, молока, шоколаду* и т. п.). Это не обмолвка, а ловушка, позволяющая Цветаевой уличить стандартную грамматику в

⁵ Забота о целостности своего «Я» – инстинкт самосохранения творческого субъекта; на упрёки критиков Цветаева отвечает так: «Мне часто говорят – ещё чаще говорили, что у меня *вместо сердца* – *ещё раз ум*, – что отнюдь не мешало – критикам, например, *обвинять мои стихи в бессмысленности*» [VII: 319]. Этим высказыванием Цветаева подчёркивает гармоническое соединение в своём творческом методе разума и эмоции.

⁶ «Интровертное сознание видит внешние условия и, тем не менее, выбирает в качестве решающей субъективную детерминанту» [Юнг 1997: 455].

⁷ Этот закон С. Карцевский называет “асимметричным дуализмом языкового знака” [Карцевский 1965: 87].

⁸ «Языковая техника здесь использовала как материал отжившую идеологию» [Виноградов 1986: 383].

непоследовательности. Фраза «Мне безумно хочется того <...> кольца» – семантическая дерзость, по-цветаевски остроумно разоблачающая парадоксы грамматической нормы. Её интуиция улавливает уязвимые участки языковой системы, ускользающие от надзора кодификатора.

* * *

Рассмотрим пример смещения валентности глагола *зачитывать*. Одно из писем к В.Ф. Ходасевичу (1933 г.) Цветаева завершает фразой: «<...> вот **чем она Вас зачитывала**»⁹. Экспериментальная форма Цветаевой ассоциируется с: (1) *зачитывать* (что) – о привычке не возвращать книги, журналы их владельцу; (2) *зачитывать до дыр* (книги, журналы); (3) *зачитывать* (что) – оглашать текст. Цветаева создает гипотетическую залоговую форму, при этом образуется новая чисто видовая пара (*зачитывать* несов. – *зачитать* сов.), которая омонимична литературной видовой паре.

В противоположность литературному аналогу, цветаевский окказионализм, опровергая аксиому грамматики, управляет вин. падежом только одушевлённого существительного (*зачитывать кого*), но при этом сохраняет валентность своей залоговой пары: *зачитываться* (чем). Цветаева продуцирует оригинальную риторическую модель со значением негативного эффекта вопреки ожиданиям. Эта модель является парадоксом внутри парадокса: текст, призванный зачитать слушателя (т. е. доставить удовольствие, заворочить своим совершенством¹⁰), на самом деле является невнятным и вызовет у адресата скорее всего недоумение: *зачитывать (кого?! чем?)*.

Цитируя в письме Ходасевичу злополучный текст, Цветаева подтверждает, что “зачитывание” в подобных случаях чревато отрицательным результатом. Заметим, что приставка “за” в её экспериментальной глагольной форме сохраняет значение ‘избыток признака’. Указывая на антиобусловленность (отвергнутую причину), цветаевская модель сближается с дискурсивной формулой «слишком... чтобы...». Свою альтернативу грамматической аксиоме Цветаева контролирует лингвистической интуицией: подобный опыт смысловых смещений показывают, что парадокс – не бессмыслица: в отличие от абсурда, он контролируется логикой здравого смысла и может продуктивно использоваться в аргументации. Писатель открывает неожиданную связь между экспериментальной (вымышленной) словоформой и такими смыслами, которые уже адаптированы языковой системой на другом – суперсинтаксическом – уровне.

* * *

Цветаева часто разрушает целостность устойчивых дискурсивных выражений, превращая их компоненты в склоняемые словоформы. Метатекстовый словесный материал (дейктические слова, вводные клише) она «опускает» на низший уровень, приравнивая к первичному (базовому) тексту, как бы игнорируя природу денотата служебных единиц синтаксиса. Ограничусь несколькими примерами: «Дорогая Вера, если все мои письма – *между нами*, то это – **совсем между нами**» [VII: 277]; «От О<льги> Н<иколаевны> узнала о **наконецном** возвращении Вашего мужа» [VII: 505]; «<...> в конце концов – **очень далёком конце очень далёких концов** – получилась бы лирическая статья» [VII: 380]; «Нельзя дать ни жизни, ни эмиграции, ни Вишнякам, ни “бриджам”, **ни всем и**

⁹ Привожу отрывок из этого письма: «<...> в моей вещи о Максе Волошине, – пишет Цветаева, – я даю его рассказ о поэтессе Марии Паппер и, между прочим, о её Вас посещении <...> Вы, конечно, можете мне ответить, что никакой Марии Паппер не помните, но она *наверное* у Вас была, ибо она – собирательное <...>

“Я великого, неожиданного,

Невозможного прошу.

И одной струей желанного

Вечный мрамор орошу” (М. Паппер. – Парус. – 1911 г.)

– вот, чем она Вас зачитывала» [VII: 463].

¹⁰ Ср. соответствующее по смыслу толкование зачитываться ‘увлекшись чтением, забыть о времени’ [PCC IV: 494].

так дáleя, – этого торжества: заставить поэта обойтись без стихов» [VII: 466]. Таким образом метатекстовый словесный материал как бы приравнивается к первичному (базовому) тексту. Цветаева пытается преодолеть дистанцию между конкретной лексикой и словами, которые “не являются изъяснительными”, по Расселу: «Когда вы хотите объяснить слово “лев”, вы можете повести вашего ребёнка в зоопарк и сказать ему: «Смотри, вот лев!». Но не существует такого зоопарка, где вы могли бы показать ему *если* или *этот* или *тем не менее*, так как эти слова *не являются изъяснительными*» [Рассел, 1957: 140].

Рассматриваемый ниже случай – уникальный пример пародирования уступительной модели путем расторжения идиомы **какой-никакой**: «<...> получила наконец (4 месяца спустя!) от Люсьена [весточку], но – если бы Вы знали **какую никакую** <...> по существу, всё слова и вещи – чудесные: и *chère* и *ma dame* (Dame!) и *pardon* <...>, но не дано людям осознавать, что говорят! Ни чувствовать» [VII: 507].

«Какой-никакой»¹¹ – синоним компромиссной оценки качества, содержания чего-н. В результате инверсии её высказывание радикально преобразует смысл (*какую-никакую, но весточку* → *весточку, но какую-никакую!*); идиома превращается в свободное сочетание. Соединяя относительное местоимение с отрицательным, Цветаева образует предикат, выражающий уничтожающе негативную оценку. Данный пример информативен и в другом отношении: он подтверждает склонность автора к безысключительному градуированию, в том числе – признака мнимого, иллюзорного.

Виртуозная “перифраза” несет в себе положительную энергию¹², заложенную в языковом знаке: Цветаева пародирует клише (штамп, стереотип) и тем самым укрепляет позиции в языке устойчивой формулы. Парадоксальное преобразование не только не разрушает оригинал, а наоборот, даёт пример продуктивного семантического сдвига¹³ и привлекает внимание к смысловому исходу уступительной конструкции, к периферийным и каноническим формам выражения этого смысла. Парадоксальная модификация Цветаевой привлекает внимание к терминам “уступительная конструкция”, “уступительное значение”. Формула, которую она пародирует (развенчивает) достаточно далека от стереотипа соответствующей модели с союзом *хотя*. Выражение «Какой-никакой» даёт возможность ощутить живую связь с диалогом (вопрос: – **Какой?** ответ: – **Никакой!**).

В структуре уступительности отражен когнитивный опыт столкновения с логической аномалией и соответствующая ответная реакция говорящего – недоумение. Недоумение (‘вопреки ожиданиям’, ‘вопреки здравому смыслу’) – это уже *рефлексема*. Для обозначения многоступенчатой оценки парадоксальной ситуации я ввожу термин «метарефлексема». Этот термин позволяет разграничивать разные виды вторичных оценочных реакций на сложившееся положение вещей, например: (а) грубую (=непостижимую) аномалию, (б) грубую (=непростительную) аномалию, (в) естественную встречу полярных смыслов, конкурирующих сущностей и т. п. В последнем случае априорно несовместимое всё же оценивается как актуально приемлемое. Своим экспериментом Цветаева стимулирует поиск языковых единиц, примыкающих к полю уступительности

¹¹ *какой-никакой*, неопр. местоимение (‘хоть какой-нибудь, пусть незначительный, не очень хороший’) [ТСРЯ 2007: 317].

¹² Об этой (“загадочной”) энергии говорит М.А. Кронгауз, имея в виду, амбивалентность смысла, возникающую при пародировании клише: «Образ клише как носителя некоей энергии кажется весьма привлекательным и несколько загадочным. Что это за энергия? Исчезает ли она безвозвратно или всё же как-то сохраняется в языковом знаке? Может быть, наиболее ярко присутствие этой энергии ощущается не в канонических случаях употребления клише, а при его разрушении» [Кронгауз 1998: 187].

¹³ «Речь идет о разрушении клише не в смысле его исчезновения из речи, а в смысле его искажения, или разрыва, что в действительности означает своего рода актуализацию <...> В этом понимании разрушение клише оказывается вполне содержательным прагматическим актом. В каждом таком акте фактически сосуществуют два языковых знака. Некое клише (естественно, вместе с полным набором семантических компонентов, включая стандартные условия употребления) присутствует имплицитно, т.е. подразумевается. Эксплицитно же присутствует его искажение: некая новая форма или же старая форма с новым содержанием» [Кронгауз, там же].

(например, таких как: “как это ни странно, но факт”; “парадоксально, но факт”; “смешно сказать, но...”¹⁴).

Оценивая смысловой резонанс данного эксперимента Цветаевой, следует подчеркнуть, что она делится своим словотворческим опытом и одновременно утверждает своё личное принципиальное неприятие “уступки” (сделки). Лаконичная формула *антиуступки* напоминает нам о том, что парадоксальная логика – доминанта стиля мышления Цветаевой.

* * *

Заслуживает внимание случай парадоксальной самофальсификации у И. Бродского, который извиняется за своё отсутствие на юбилее друга:

Прости, Роман, меня, мерзавца!

Дай по лицу!

Но *приключилось нализаться*

вчера певцу <...>¹⁵.

В своё оправдание Бродский ссылается на причины, которые логически несовместимы одна с другой: *случай* (приключение, стечение обстоятельств, когда субъект лишён возможности контролировать свои действия) – явное алиби, т. е. уважительная причина. Но “*приключилось нализаться*” (ситуация из тех, исход которых полностью под контролем субъекта) указывает на крайнюю степень непростительного безволия.

В высказывании Бродского можно было бы увидеть прежде всего самофальсификацию: “*Я виноват, но я не виноват*,” с точки зрения формальной логики, это – “иллокутивное самоубийство” [Вендлер 1985], т. е. бессмыслица. Но конструкция Бродского не уничтожает себя, а наоборот, опровергает стандартное представление о коммуникативной неудаче: он конструирует остроумное извинение, в котором заключена позитивная информация, – например, для наблюдений над смысловыми эффектами, возникающими при соседстве двух бессубъектных форм представления действительности.

Безличной моделью в условиях дискурса можно манипулировать: узаконить безнравственный поступок или, наоборот, уличить в безответственности, в беспринципности. Безличная форма *приключилось* не даёт однозначной оценки случившемуся; эта оценка должна быть конкретизирована как негативная или наоборот (ср.: *угораздило*, а с другой стороны, – *повезло, удалось, посчастливилось, выпала удача* и др.). Но и эти оценивающие формы не гарантированы от последующей переоценки; это значит, что закадровый актёр, скрытый в семантике безличной модели, игнорируется говорящим как мнимый, как реликтовая условность; в означаемой ситуации речь идет о субъекте, которого угораздило, которому повезло или не повезло, и от которого требуют ответственности за его поступки («*Ничего себе повезло!*»; «*Хорошенькое повезло!*»; «*Повезло? – Как сказать!*» и т. п.). Таким образом, выявляется ущербность подразумеваемого (фантомного) субъекта безличной модели – его неспособность к рефлексии, метарефлексии, к самосознанию.

Далее, говоря о содержательной насыщенности рассматриваемой фразы Бродского, отметим, что в ней прочитывается изначальная относительность самой идеи вины. Обращение к адресату: «Прости, Роман, меня <...>» (как и выражение “виноват”), подобно перформативу, т. е. действию, которым вина автоматически искупается. Кроме того, Бродский улавливает парадоксальную двойственность *вежливости*, показывая, что *вежливость*, в конечном счёте, есть благое лицемерие. Высказывание Бродского легко отрывается от контекста и превращается в формулу по той причине, что оно обладает характерной для парадокса информативной самодостаточностью и по своей сути

¹⁴ Вполне обоснованными представляются аргументы в работе [Апресян В.Ю. 2006: 615–620] в пользу расширенного понимания уступительности.

¹⁵ Полный текст этой “объяснительной записки” в стихах опубликован в: Штерн [2001: 214–215].

провокационно: возбуждает множество противоречивых мотиваций (*Виноват или не виноват?*), намекает на русскую национальную идеологию, наконец, – пародирует официальную объяснительную записку.

Таким образом, остроумно сформулированное извинение, помимо анекдотического (комического) эффекта, несёт в себе позитивный смысл: уличая истину во лжи, Бродский демонстрирует продуктивность парадоксальной мыслительной стратегии, её направленность одновременно на лицевую и оборотную сторону сущности. Рефлексию над экспериментом Бродского можно продолжить в другом направлении: поэт уличает русскую безличную модель в “беспринципности” (двуличии). В самом деле, такую модель можно использовать как стратегию, которая позволяет одну и ту же ситуацию оценивать прямо противоположным образом, т.е. в одних случаях – уклониться от ответственности, сославшись на непостижимую парализующую силу, которая превращает человека в жертву обстоятельств; в других случаях, наоборот, – осмыслить бессубъектную модель как знак, который утратил внутреннюю форму, т. е. превратился в клише, условность. В русском языке существует шуточная присказка *«Если кажется, перекрестись!»*. Её адресуют человеку, который, выражая своё мнение о чем-н., злоупотребляет безличными формами (*кажется, думается, представляется*). В этой присказке звучит ирония по поводу загадочного фантомного актанта, подразумеваемого в безличной модели: сохраняя внешнюю словесную оболочку, такая модель фактически утратила старое содержание, и этот факт языковой эволюции осознан в шуточной форме.

Как видим, самофальсифицируемое высказывание не является материалом отрицательным: писатель дает возможность ещё раз задуматься над смысловым потенциалом безличной модели, над её способностью (или неспособностью) отразить этноспецифические черты русской ментальности. Парадоксальные формулы творческого субъекта – это не логический тупик, а иносказание, гиперболизирующее искомую сущность.

Конечно, используя грамматические алогизмы и смысловые смещения, можно остроумно продемонстрировать пластичность человеческой мысли, гибкость языка, непрерывность его семантического пространства. Но своим лингвистическим экспериментом писатель (сознательно или невольно) выполняет другую миссию: он улавливает уязвимые участки языковой системы, ускользающие от надзора кодификатора, и – в конечном счете – позволяет осознать те еще не сформулированные (или не замеченные) русской грамматикой правила, которые наивный носитель языка ощущает как фундаментальную аксиому.

Литература

- Апресян 2006 – В.Ю. *Апресян. Уступительность в языке // Языковая картина мира и системная лексикография*. М., 2006.
- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян. Хотеть и его синонимы: заметки о словах // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения акад. в.В. Виноградова)*. М., 1995.
- Вежбицкая 1996 – А. *Вежбицкая. Язык. Культура. Познание*. М., 1996.
- Вендлер 1985 – З. *Вендлер. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVI. М., 1985.
- Виноградов 1986 – В.В. *Виноградов. Русский язык. (Грамматическое учение о слове)*. Изд. третье, испр. М., 1986.
- Карцевский 1965 – С. *Карцевский. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 2*. М., 1965.
- Кронгауз 1998 – М.А. *Кронгауз. Речевые клише: энергия разрыва // Лики языка*. М., 1998.
- Ляпон 2001 – М.В. *Ляпон. К изучению семантики парадокса // Русский язык в научном освещении*. М., 2001, № 2.
- Ляпон 2002 – М.В. *Ляпон. К.Г. Юнг – М. Цветаева: воображаемый диалог // Век и вечность. М. Цветаева и поэты XX века*. Череповец, 2002.
- Ляпон 2005 – М.В. *Ляпон. Парадокс в контексте личности // Язык. Личность. Текст*. М., 2005.

- Ляпон 2008 – *М.В. Ляпон*. Творчество как опровержение // Творчество вне традиционных классификаций гуманитарных наук. Материалы конференции. М., 2008.
- НОССРЯ 1997 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. М., 1997.
- НЗК – *М. Цветаева*. Неизданное. Записные книжки. Т. II (1919–1939). М., 2001.
- НСТ – *М. Цветаева*. Неизданное. Сводные тетради. М., 1997.
- Падучева 1996 – *Е.В. Падучева*. Феномен Анны Вежбицкой // А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Рассел 1957 – *Б. Рассел*. Человеческое познание. М., 1957.
- Ревзина 1998 – *О.Г. Ревзина*. Окказиональное слово в поэтическом языке // Словарь поэтического языка М. Цветаевой. Т. II. М., 1998.
- РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. IV. М., 2007.
- ТСРЯ 2007 – Толковый словарь русского языка. С включением сведений о происхождении слов. М., 2007.
- Фужерон 2007 – *И.И. Фужерон*. “Я” и его капризы // Язык как материя смысла. М., 2007.
- Цветаева 1994–1995 – *М. Цветаева*. Собрание сочинений. Т. I–VII. М., 1994–1995.
- Штерн 2001 – *Л. Штерн*. Бродский: Ося, Иосиф, Joseph. М., 2001.
- Юнг 1997 – *К.-Г. Юнг*. Психологические типы. М., 1997.

ИСКРЕННИЙ И ОТКРОВЕННЫЙ: ОПИСАНИЕ С ПОМОЩЬЮ ШАБЛОНОВ ПОВЕДЕНИЯ

Н.Ю.Лукашевич

Данная работа связана с семантикой слов, обозначающих черты характера человека типа *замкнутый*, *искренний* и т. п., условно названных «именами характера» и отражающих наивную психологию носителей языка. Особенностью слов данного семантического поля является то, что их значениям весьма сложно дать адекватное описание, используя традиционные методы семантического анализа. Удачный способ представить значение таких слов - задать типовую ситуацию и стереотип поведения человека, реализующийся в данных условиях. Применение предлагаемого подхода проиллюстрировано на примере прилагательных *искренний* и *откровенный*.

Данная работа посвящена проблеме описания слов, называющих либо человека по свойствам его характера, либо сами характерологические свойства, - слов, условно названных «именами характера» и отражающих наивную психологию носителей языка. Особенностью слов данного семантического поля является то, что их значениям весьма сложно дать адекватное описание, используя традиционные методы семантического анализа. Несмотря на существующий интерес к «образу человека» в языковой картине мира, до сих пор на материале русского языка не было предложено такого подхода к описанию значений слов этого поля, на основе которого можно было бы получить адекватные толкования, а также объяснить способность носителя языка в конкретной ситуации приписывать человеку такие характеристики исходя из его поведения.

В тех работах, где понятие характера все-таки рассматривается, словам данной группы даются толкования, которые непросто сравнивать между собой не столько из-за индивидуальных различий в понимании этих слов, сколько из-за многообразия и несопоставимости подходов к представлению самих значений, что лишний раз подчеркивает их специфику. В качестве примера можно рассмотреть слово *справедливый*. Как пишет А.Д.Шмелев в своей работе «Функциональная стилистика и моральные концепты» (Шмелев, 1999), несмотря на то, что «большинство носителей русского языка довольно ясно представляет себе смысл слова *справедливость*, определить это понятие очень трудно». Справедливым, по мнению Шмелева, мы назовем человека, который занимается распределением благ или наказаний, давая каждому по потребностям или заслугам; справедливым будет скорее учитель, чем ученик; при этом «справедливость предполагает иерархичность судей: справедливость сама по себе - характеристика действий кого-то, наделенного полномочиями судьи, а чтобы судить о том, справедливы или несправедливы действия «судьи», говорящий присваивает себе функции «арбитра второй степени»» (Шмелев, 1999, стр.228).

Толкование в словаре Ожегова описывает два значения этого прилагательного – черты характера и свойства мнения, суждения: 'действующий беспристрастно;

соответствующий истине'. Ясно, что первая часть толкования не является экспликацией, а заменяет одно характерологическое понятие другим, близким к нему – *беспристрастностью*, которое является не менее сложным, чем *справедливый*. Очевидно, что толкование в словаре Ожегова не учитывает верно отмеченной А.Д.Шмелевым связи обозначаемого характерологического свойства с ролью характеризуемого лица в определенном типе ситуаций.

Тот факт, что значения слов данной ЛСГ трудно однозначно определить, объясняется некоторыми особенностями семантики этих слов. Во-первых, у всех имен характеров помимо инвариантной существует субъективная часть значения, которая определяется личным опытом человека. (На это обращает внимание Л.О.Чернейко в своей книге “Лингво-философский анализ абстрактного имени” (Чернейко, 1997)) Во-вторых, значение имен характеров зачастую включает оценочный компонент, вес которого в значениях более периферийных имен значительно выше, чем в значениях более центральных членов поля.

Проанализировав методы, применявшиеся ранее при описании имен характеров, можно предложить следующий подход, в большей степени учитывающий специфику семантики слов данной группы и более соответствующий способности носителя языка приписывать эти характеристики в конкретной ситуации по поведению человека.

Важно, что под чертой характера мы понимаем некоторый стереотип поведения, с высокой вероятностью реализующийся в условиях ситуации или ситуаций, типичных для проявления данной черты. В связи с этим наиболее удачным способом представления значения такого слова, называющего черту характера, было бы задать типовую ситуацию и стереотип поведения человека в таких условиях. Для этого предлагается использовать “шаблон поведения”, понятие которое было введено Ю.С.Мартемьяновым. Под шаблоном он понимал некоторую обобщенную схему, которая фиксирует состояния системы и условия перехода от одного состояния к другому. Распространяя это понятие на сферу поведения человека, он не уточняет в явном виде понятие “шаблона поведения” в своих работах, но можно сказать, что в таком случае система - это человек, состояния системы - состояния человека (где ‘состояние’ понимается максимально широко, т.е. сюда относятся и эмоциональные, и ментальные состояния - состояния психики и сознания); в типовой ситуации (= ‘при определенных условиях перехода...’) человек в определенном смысле “переходит” от нейтрального состояния (‘немаркированного’) к некоторому другому, что выражается в том, что человек совершает определенное действие (или желает его совершить). Таким образом, шаблон поведения фиксирует типовую ситуацию (через условия перехода) и стереотип поведения человека в этих условиях.

В качестве примера можно привести следующий шаблон, который Мартемьянов предлагал для слова жадный (Мартемьянов, 1999, стр.127):

X “жаден” = Для всякого Y и всякого Z возможность того, что Y пользуется Z, или невозможность того, что X пользуется Z, ведет к тому, что X желает, чтобы Y не пользовался Z, а X пользовался Z.

(Здесь типовая ситуация – ‘возможность того, что Y пользуется Z, или невозможность того, что X пользуется Z’, стереотип поведения – ‘X желает, чтобы Y не пользовался Z, а X пользовался Z’.)

Возвращаясь к предлагаемому подходу, нужно добавить, что подобный обобщенный “шаблон” необходимо снабжать примерами конкретных ситуаций и поведения, реализующих данный шаблон, тех, которые являются прототипическими в смысле “лучшего образца” некоторой категории.

В этом смысле работа “Характеры” греческого философа Феофраста может послужить примером того, как похожий подход реализовался еще в античности. Феофраст предлагает 30 описаний различных характеров по следующей схеме: сначала дается небольшая дефиниция самой черты характера, а затем перечисляется набор конкретных примеров проявления такого качества. Например, так выглядит описание “скареда” (Феофраст):

Скаредность - это низменная боязнь расходов, а скарעד вот какой человек:

1. Как только в собрании заходит речь о взносах, он тут же встает и уходит.
2. Накупив съестного и вещей, сам несет с рынка покупки.
3. Иногда сам подметает пол утром.
4. Не пускает детей в школу в праздник Муз, чтобы не вносить за них долю вкладчины.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что идея толкования характерологических свойств с помощью обращения к некоторым типичным примерам является далеко не новой и в каком-то смысле имеет свою традицию.

Предлагаемая структура шаблона такова:

1) зона условий

Здесь описывается ситуация, релевантная для проявлений данной черты характера, а именно те условия, при отсутствии которых поведение человека (указанное в следующей зоне) уже нельзя охарактеризовать этим словом, или те условия, которые, как правило, сопутствуют проявлениям данной черты характера (но, возможно, и не являются необходимыми).

2) зона поведения

В этой зоне указывается, какие именно поступки совершает человек, обладающий данной чертой характера, оказавшись в описанных условиях. Здесь следует оговориться, что под совершением поступка понимается как совершение некоего действия, так и избегание действий какого-либо типа. Так, например, мы называем человека безответственным, если он совершает какое-то действие, нарушая тем самым свои обязанности или данные кому-либо обязательства. Здесь под совершением действия имеется в виду как совершение человеком того, чего он не должен был делать (врач выписал неправильный рецепт больному), так и не-совершение того, что он должен был сделать (не принес книгу, хотя обещал).

Необходимо заметить, что одному слову (= одной черте характера) необязательно соответствует только один шаблон поведения. Вполне возможна такая ситуация, когда одно слово описывает столь разные ситуации и человек совершает в них столь разные поступки, что их невозможно свести к одной условной схеме. В таком случае, видимо, необходимо допустить существование двух (а возможно, и более) шаблонов для одного слова, называющего черту характера человека. Однако прибегать к такому решению следует только в тех случаях, когда речь идет о разных действиях человека в разных ситуациях (и нет возможности сделать обобщение более высокого уровня абстракции). Если же, например, условия различны, но во всех ситуациях человек совершает одни и те же действия, то можно перечислить все встречающиеся условия в соответствующей зоне через оператор «или». (Аналогичное решение реализуется в случаях, когда в одних и тех же условиях человек совершает ряд действий (тогда используется оператор «и»), или действие из некоего набора возможных.)

В процессе исследования выяснилось, что в ряде случаев в шаблоне необходима еще одна зона – зона мотивации, в которой объясняются причины, почему человек выбирает такое поведение в подобных условиях. Эта зона в принципе является необязательной, однако в некоторых случаях именно в ней заключается основное различие между близкими друг другу чертами характера. Так, например, скромный человек, как и застенчивый, «не сообщает о себе положительную информацию», т.е. не рассказывает о своих достижениях, о своих сильных сторонах. Однако, скромный человек поступает так потому, что не видит в этих достижениях чего-то исключительного, достойного всеобщего внимания, а человек застенчивый ведет себя так, потому что не хочет оказаться в центре внимания. Такое различие должно находить отражение в шаблоне.

Как уже говорилось выше, помимо обобщенного шаблона поведения предлагается приводить примеры более конкретных ситуаций и поведения человека, реализующих

данный шаблон, - тех, которые являются прототипическими в смысле “лучшего образца” соответствующего стереотипа.

Относительно приводимых примеров необходимо сделать следующее замечание. Зачастую случается так, что сходные, а иногда и фактически одинаковые ситуации оказываются типичными примерами для проявлений разных черт характера. Различие между ними существует только в причинах, побуждающих человека вести себя таким образом. Так, например, судя по рассказам информантов, и робкий, и застенчивый человек, если ему неправильно дали в магазине сдачу, не просит посчитать правильно, а молча уходит. Однако, робкий делает так, потому что он боится, что ему откажут или скажут что-нибудь грубое и т.п., а застенчивый человек не хочет привлекать внимания к себе. В такой ситуации вполне допустимо привести данный пример в качестве типичного для обоих слов. Важно, что речь в данном случае идет только о достаточно часто встречающейся ситуации. (От этого необходимо отличать те случаи, когда к одной ситуации в принципе применимы оба слова, но с заметной разницей в частоте употребления.)

Необходимо остановиться еще на одном важном моменте. Дело в том, что не любая информация, связанная со словом, описывающим черту характера человека, имеет отношение к неким особым условиям, к конкретной ситуации. Так, например, в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка (НОССРЯ) для *легкомысленный* приводится следующее: «характеризует человека с повышенным эмоциональным тонусом», «как правило, обладает легким и жизнерадостным характером: он общителен, умеет не обращать внимания на мелочи и обычно находится в приподнятом настроении». Очевидно, что все указанное свойственно легкомысленному «вообще», а не проявляется в релевантной ситуации. Информация такого плана не попадает ни в толкование в НОССРЯ, ни в шаблон в предлагаемом подходе. Здесь, видимо, можно вспомнить об уже упоминавшейся закономерной зависимости между разными чертами характера. Как говорилось выше, определенные группы черт характера имеют тенденцию реализовываться вместе, в том смысле, что если человек обладает одной чертой из некоего кластера, то велика вероятность того, что он обладает и другими чертами из того же кластера. Т.е. если он легкомысленный, то он, скорее всего, жизнерадостный, общительный и т.п. Подобную информацию, видимо, следует воспринимать как информацию экстралингвистического характера, некие «аксиомы действительности», которые не должны входить в значение слова, но могут упоминаться в комментариях. Можно сделать предположение об универсальности подобных закономерностей, однако этот вопрос требует дополнительного изучения.

В качестве источника информации для определения типовой ситуации и стереотипа поведения можно использовать тексты, описывающие поведение людей, и в первую очередь тексты художественные, так как они содержат некоторое конечное число ситуаций, на основе которых героям этих произведений традиционно приписываются те или иные черты характера. Чтобы исключить излишнюю субъективность оценки, можно опираться на характеристики, даваемые этому герою в различных критических статьях.

Для того чтобы проверять выдвигаемые на основании анализа текстов гипотезы, а также, чтобы получить информацию о прототипических примерах реализации шаблонов, предлагается использовать различные семантические эксперименты, тесты, составляемые с учетом информации, которую может предоставить по этому вопросу психология.

В своей статье “Exploring the concept of paradigm in lexical semantics: an experiment on Portuguese and German evaluative words” (Пинто де Лима, 1994) Пинто де Лима описывает проведенный им эксперимент, целью которого было установить семантические прототипы португальских и немецких слов, соответствующих понятиям “честный” и “лжец”. В ходе эксперимента участникам предлагалось для каждого слова написать небольшие истории, описывающие типичные случаи, типичные примеры поведения людей, обозначаемых соответственными словами. Анализируя ответы информантов, Пинто де Лима искал в них такую информацию о ситуации, которая, присутствуя в тексте хотя бы на уровне пресуппозиции, повторялась бы из рассказа в рассказ. Если некоторая информация встречалась в половине рассказов или менее того, то Пинто де Лима считал, что эта характеристика ситуации не является необходимой составляющей “честности” в данном языке и не является парадигматической. Парадигматической характеристикой он называл только такую особенность, которая встретила более чем в половине рассказов (точную цифру порога Пинто де Лима высчитывал с помощью биномиального теста). Подобный эксперимент может служить еще одним способом получения информации о прототипических примерах проявления черт характера.

В качестве иллюстрации данного подхода были рассмотрены такие прилагательные русского языка как, в частности, *искренний* и *откровенный*. С помощью данного подхода для указанных слов были получены толкования, которые позволили выявить сходства и различия между этими понятиями.

Для каждого из рассмотренных слов был проанализированы контексты современной публицистики и контексты художественной литературы. В этих целях были использованы два корпуса текстов: «Компьютерный корпус газетных текстов русского языка конца 20-го века», любезно предоставленного Лабораторией общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ им.

М.В.Ломоносова, и «Национальный корпус русского языка». Первоначальный анализ проводился только на основе анализа материала прозаических произведений художественной литературы 19 в. и корпуса публицистики, в который вошли полные номера 13 российских газет за отдельные даты 1994-1997 гг. Полученные результаты анализа были пересмотрены, когда стал доступен материал «Национального корпуса русского языка», в котором представлены тексты существенно более разнообразные по жанру и стилю.

Кроме того, был проведен эксперимент, аналогичный проведенному Ж. Пинто де Лима. Участникам предлагалось написать небольшие истории, содержащие, по мнению информантов, примеры, наиболее адекватно иллюстрирующие проявление данной черты характера.

Для *искренний* в результате анализа контекстов из корпуса публицистики выделились следующие типичные ситуации:

- 1) его поступки не диктуются корыстными или «протокольными» соображениями (17);
- 2) не хитрит, не лукавит, не притворяется (14);
- 3) дела подтверждают его слова, соответствуют им (14);
- 4) вызывает доверие (8);
- 5) сообщает о своих настоящих чувствах (4);
- 6) сообщает информацию, которая может ему повредить (3);
- 7) говорит то, что думает (3).

В рассмотренных контекстах из Национального корпуса можно выделить следующие ситуации:

- 1) говорит то, что думает на самом деле; (10)
- 2) то, что он делает, соответствует тому, что он говорит и думает; (5)
- 3) говорит то, что думает, и это имеет негативные последствия для других; (4)
- 4) говорит то, что думает, и это может иметь негативные последствия для него; (2)
- 5) сообщает о своих настоящих чувствах, переживаниях, и этим делает себя уязвимым; (4)
- 6) сообщает факт о себе, о своих настоящих мыслях и намерениях, и этим делает себя уязвимым; (2)
- 7) сообщает о своих настоящих чувствах, мыслях нечто, что неприятно для слушающего (3);
- 8) демонстрирует чувства, которые на самом деле испытывает. (2)

В рассказах из эксперимента были представлены следующие типичные ситуации (получено 20 релевантных ответов):

- 1) его поведение, слова и т.п. диктуются тем, что он чувствует (8);
- 2) рассказывает о себе и своих чувствах нечто такое, что может привести к отрицательным последствиям для него и вызвать отрицательную реакцию собеседника (4);
- 3) по-настоящему радуется успеху друзей (3).

Анализ сочетаемости прилагательного также показывает, что проявления искренности могут быть как в ментальной (искренняя позиция, мнение, убеждения и т.п.), так и в эмоциональной сфере (искренняя радость, удивление, огорчение; сочувствие, любовь, привязанность и т.д.), а также что основным способом проявления являются речевые действия (искренние слова, беседа и т.д.).

Близкой к искренности чертой характера является честность: и та, и другая черты характера проявляются в речевом поведении человека. Но искренность предполагает информирование окружающих о феноменах внутреннего мира говорящего, а честность – о каких угодно положениях дел. И даже когда одно и то же поведение может быть охарактеризовано как проявление и искренности, и честности, эти свойства соотносятся с разными «фреймами». В случае искренности в фокусе сам факт правильного информирования о своем внутреннем мире. В случае честности в фокусе оказывается соответствие такого поведения нормам морали.

Эта черта характера воспринимается как положительное свойство.

Учитывая всю полученную информацию, можно предложить следующие шаблон и типичные примеры к нему.

Искренний человек =

=В ситуации, когда открыто выражать своих переживания, эмоциональное состояние, высказывать свои мысли необязательно, человек сообщает что-то о своих переживаниях, эмоциональном состоянии, мыслях, что соответствует реальному положению дел, причем, поступая так, он не имеет в виду получение личной выгоды.

Такой человек, например,

если во время чествования известного артиста подходит поздравить юбиляра, то не «по служебной необходимости», а потому что действительно восхищается его талантом;

если называет себя другом, то не перестанет общаться с человеком потому, что узнал, что родственник того - антикоммунист;

признается в любви объекту своих чувств, даже если знает, что скорее всего будет отвергнут;

по-настоящему радуется успеху друзей.

Для *откровенный* в результате анализа контекстов из корпуса публицистики выделились следующие типичные ситуации:

- 1) сообщает о себе негативную информацию (личного характера) (18);
- 2) сообщает о своих планах, своей позиции, что-то негативное (17);
- 3) сообщает некую негативную информацию о других, соответствующую действительности, которая может сильно повредить и другим, и ему (10);
- 4) сообщает свое мнение по какому-либо вопросу (7);
- 5) отвечает на самые неудобные вопросы (которые выставляют его в невыгодном свете) (5).

В рассмотренных контекстах из Национального корпуса можно выделить следующие ситуации:

- 1) расскажет о себе нечто неочевидное, что делает его уязвимым; (11+5+6+9=31)
 - сообщает о себе некий факт, негативную информацию; (5)
 - сообщает о своих чувствах, что делает его уязвимым; (6)
 - говорит то, что думает, что делает его уязвимым; (9)
- 2) ничего не скрывает, не утаивает; (7)
- 3) говорит то, что думает, хотя (это его не красит) такое высказывать вслух не принято; (4)
- 4) сообщает собеседнику неочевидную негативную информацию о других; (4)
- 5) сообщает о себе неочевидное и положительное (мнение). (2)

В рассказах из эксперимента были представлены следующие типичные ситуации (получено 26 релевантных ответов):

- 1) на работе все всегда знают самые разные подробности его жизни, кто и когда у него родился, все о его болезнях и т.п.(8);
- 2) сообщает другому информацию о себе (личного характера), которая делает его уязвимым (6);
- 3) выскажет другому свое мнение (если его спросили), хотя это может вызвать негативную реакцию собеседника (3);
- 4) публично сообщает о себе нелюбимые факты (2);
- 5) сообщает правду о своих поступках, несмотря на грозящее наказание (2).

Искренний и откровенный очень близки между собой, но искренний - скорее черта характера (характерологический предикат, постоянное свойство), в то время как откровенность скорее состояние человека в данный момент по отношению к данному собеседнику. (Ср. Вы заметили, что вы в первый раз со мною так откровенны?). Различия существуют и в том, о чем говорит искренний и откровенный человек (Ср....скажу вам откровенно/*искренне: я легкомысленный человек. но Выражая вам сочувствие, он был вполне искренен/?откровенен). Можно предположить, что в фокусе искреннего поведения находится соответствие того, что он делает, тому, что он чувствует, думает, считает и т.п. что касается поведения откровенного человека, то здесь особенно важно, что он добровольно сообщает какую-то негативную информацию о себе, такую информацию, которая делает его уязвимым.

Учитывая всю полученную информацию, можно предложить следующий шаблон и типичные примеры к нему.

Откровенный человек =

= В ситуации, когда открытое выражение своих эмоций, сообщение неочевидных сведений о себе, своих мыслей необязательно, не принято или может быть использовано во вред самому человеку, делает его уязвимым, но говорящий при этом испытывает доверие к собеседнику, говорящий сообщает о себе нечто, что выставляет его в невыгодном свете.

Такой человек, например:

- скажет о себе, что он легкомысленный;
- расскажет другу, что влюблен, сомневается и мучается;
- на ток-шоу расскажет, как он был наркоманом и как он избавился от этой проблемы;
- скажет, что считает себя лучшим в своей сфере деятельности.

В заключение можно сказать, что изучение данной ЛСГ имеет большое значение не только потому, что это одна из ЛСГ, связанных с отражением в языке образа человека, но и потому, что оно позволяет сопоставить критерии оценки поведения человека, зафиксированные разными культурами в разных языках.

Литература

Мартемьянов, 1999	Ю.С.Мартемьянов Метаязыки описания предложения и текста. / Обработка текста и когнитивные технологии. М., 1999, №3, стр. 124-129
Пинто де Лима, 1994	Jose Pinto de Lima Exploring the concept of paradigm in lexical semantics: an experiment on Portuguese and German evaluative words / 1994.
Феофраст	Феофраст Характеры / М., “Ладомир”, 1993.
Чернейко, 1997	Л.О.Чернейко Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., Изд-во МГУ, 1997.
Шмелев, 1999	А.Д.Шмелев Функциональная стилистика и моральные концепты. / Язык. Культура. Гуманитарное знание. М., “Научный мир”, 1999.

**Сопоставление семантики субстантивов
лексикографического семантического поля ‘УМ’**

Аннотация. В словаре синонимов русского языка под ред. Ю.Д. Апресяна были сопоставлены имена УМ, РАЗУМ, РАССУДОК и ИНТЕЛЛЕКТ как обозначения человеческих способностей думать и понимать. Но в русском языке эти способности могут быть представлены и другими субстантивами. Лексикографическое семантическое поле (ЛП) ‘УМ’, составленное на базе лексикографической концепции Ю.Н. Караулова, включает множество существительных, от МУДРОСТИ и СМЕКАЛКИ до ОСТРОУМИЯ и ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА. Семантика имён этого ЛП также может подвергаться анализу по дифференциальным признакам, как сформулированным в статье словаря Ю.Д. Апресяна, так и выявленным на основе контекстов употребления означенных субстантивов: врождённость / приобретённость способности понимать и её отношение к норме; синтетичность / аналитичность типа понимания; связь только с мышлением / с мышлением и культурными стереотипами восприятия мира. В настоящем докладе сравниваются только некоторые из имён ЛП ‘УМ’, но методика представляется перспективной для сопоставительного анализа всех существительных данного поля.

1.1. В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» под редакцией Ю.Д. Апресяна существительные УМ, РАЗУМ, РАССУДОК, ИНТЕЛЛЕКТ сопоставлялись по ряду дифференциальных семантических признаков, таких, как а) способность / неспособность обозначать орган мышления; б) место семантического акцента (процесс / результат получения знания); в) возможность служить характеристикой конкретного человека / человека как вида; г) тип и ценность знания; д) возможность / невозможность обозначать степень способности. Однако круг субстантивов русского языка, обозначающих интеллектуальные способности человека, безусловно шире, и в этом можно убедиться при составлении лексикографического семантического поля (ЛП) ‘УМ’.

1.2. Семантическое поле в концепции Ю.Н. Караулова включает свойства полей ассоциативного и понятийного. Понятийное поле логически охватывает все слова, связанные с именем поля (Караулов 1976, 175–176), а ассоциативное поле более спонтанно: конкретный составитель ассоциативного поля может опираться на свои

индивидуальные ассоциации (Долинский 1994, 7–8). Лексикографическое семантическое же поле (ЛП), согласно методу, разработанному Л.О. Чернейко на базе лексикографической концепции Ю.Н. Караулова, смоделировано иначе, чем семантическое. Для составления ЛП любое слово словаря берётся как вокабула в определённом значении (если оно многозначно), а субстантивы его дефиниции также рассматриваются как вокабулы. Возникает множество семантически близких друг другу лексических единиц. В их семантике варьируется общее понятие, обнаруживаемое в одинаковых или близких словах метаязыка их дефиниций. ЛП строится на семасиологическом отношении: от слова к его ближайшим семантическим соседям той же частеречной принадлежности (например, от субстантива УМ к именам РАССУДОК, МУДРОСТЬ, СМЕКАЛКА и многим другим), тогда как семантическое поле – на ономасиологическом отношении от идей к их репрезентации словами разных частей речи.

По изложенной методике было составлено ЛП ‘УМ’ в лексико-семантическом инварианте (ЛСИ) ‘способность к мышлению и пониманию’. В качестве основы был взят материал толковых словарей русского языка (БАС, МАС, Ожегов, Ушаков) и ряды, составленные в словарях Н.Ю. Шведовой (Русский семантический словарь 2003) и Л.Г. Бабенко (БТСРС 2005). В означенном ЛСИ были выделены следующие субстантивы в их значениях, связанных с идеей ума: РАЗУМ, определяемый в словарях как ‘ум, интеллект, рассудок’; РАССУДОК ‘ум, сознание, разум, здравый смысл’; (ЗДРАВЫЙ) СМЫСЛ ‘рассудок, ум’; ИНТЕЛЛЕКТ ‘ум, рассудок, разум’; СОЗНАНИЕ ‘способность к мышлению’. Однако список явно не исчерпан: в словаре Ю.Д. Апресяна приводились такие аналоги имени УМ, как МОЗГИ, ГОЛОВА (которые также имеют значение ‘способность к мышлению’); МУДРОСТЬ (определяемое в словарях как ‘глубокий ум’); СООБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ, ИНСТИНКТ. СООБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ трактуется в словарях как ПОНЯТЛИВОСТЬ, а ПОНЯТЛИВОСТЬ – как ‘способность к пониманию’. Субстантив ИНСТИНКТ определяется как ‘подсознательное чутьё’, а ЧУТЬЁ в нужном ЛСИ – как ‘способность к пониманию’. В БТСРСе в рядах существительных, обозначающих интеллектуальные качества человека, представлены ИНТУИЦИЯ, СМЕКАЛКА, ОСТРОУМИЕ. Они также должны быть включены в данное ЛП, так как ИНТУИЦИЯ определяется как ‘чутьё’, а СМЕКАЛКА – как ‘сообразительность’; от ОСТРОУМИЯ ‘изобретательность’ проводится цепочка к ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТИ ‘находчивость’ и НАХОДЧИВОСТИ ‘сообразительность’. С опорой на синонимические ряды, приведённые в словаре синонимов З.Е. Александровой, в ЛП были включены и другие субстантивы. В итоге ЛП ‘УМ’ составили имена, представляемые в виде нескольких рядов. Имена первого ряда непосредственно обозначают человеческую

способность мыслить и понимать: УМ, РАЗУМ, РАССУДОК, ИНТЕЛЛЕКТ, МУДРОСТЬ. Другой ряд – обозначения человеческих органов, в которых, по традиционным представлениям, такая способность локализована: МОЗГИ, ГОЛОВА. Ряды а) СООБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ, СМЕКАЛКА, ДОГАДЛИВОСТЬ, НАХОДЧИВОСТЬ, СМЕТЛИВОСТЬ; б) ИНТУИЦИЯ, ИНСТИНКТ, ЧУТЬЁ, НЮХ; в) ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ, ПРОЗОРЛИВОСТЬ; г) ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТЬ, ОСТРОУМИЕ, а также аналитическая единица ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ – это обозначения интеллектуальных способностей с точки зрения различных их особенностей: быстроты, чёткости, утончённости и т.п. Имя ПОНЯТЛИВОСТЬ обозначает интеллектуальную способность, направленную только на понимание, а не самостоятельное познание. Наконец, имя СОЗНАНИЕ включает в свою семантику способность к мышлению и пониманию вкупе со способностью чувствовать вообще.

2. Анализ контекстов употребления других имён ЛП ‘УМ’ (кроме имён УМ, РАЗУМ, РАССУДОК, ИНТЕЛЛЕКТ) показывает, что дифференциальные семантические признаки, сформулированные в словаре Ю.Д. Апресяна, оказались приемлемыми и к ним, не только к имени МУДРОСТЬ, обозначенном как аналог синонимического ряда УМ. Это можно рассмотреть на примере таких единиц, как ПОНЯТЛИВОСТЬ (обозначение непосредственной способности к пониманию), СМЕКАЛКА (одно из обозначений способностей к пониманию при нехватке информации), ИНТУИЦИЯ (обозначение способности к иррациональному пониманию), ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ (обозначение способности к пониманию скрытых вещей), ОСТРОУМИЕ (обозначение способности, близкой к смекалке, но имеющей основной целью порождать тексты) и, наконец, ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ.

2.1. **Возможность / невозможность обозначать орган мышления.** УМ, РАЗУМ и РАССУДОК как метафорические обозначения невидимых органов противопоставляются остальным именам ЛП. Этот признак представляется не самым показательным: единственное имя означенного ЛП, которое также может подразумевать орган мышления, – ИНТЕЛЛЕКТ, что было описано в статье словаря Ю.Д. Апресяна.

2.2. **Процесс (УМ, ИНТЕЛЛЕКТ) / результат (РАЗУМ, РАССУДОК) понимания.** Из других анализируемых имён ЛП ‘УМ’ многие связаны с процессом понимания, но семантические акценты в них разные. ПОНЯТЛИВОСТЬ акцентирует собственно получение нового знания: *Акулина выучилась азбуке удивительно скоро. Алексей не мог надивиться её понятливости* (А. Пушкин); ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ – умение делать верные выводы из немногих имеющихся фактов: *Марья Ивановна, наша почтенная хозяйка, с ... не-о-бык-но-вен-ною проницательностью угадала мой сон* (Ф. Достоевский);

ИНТУИЦИЯ – мгновенное понимание без обращения к фактам и использования логики: *Он поначалу прислушивался к ... своей интуиции, а уже после перепроверял это своё ощущение аналитической разработкой факта* (Ю. Семёнов); СМЕКАЛКА – понимание с помощью воображения, памяти, когда информации недостаёт: *Смекалка ... развивалась очень быстро. Получил задачу – делай что хочешь, но в срок выполни* (А. Белов); ОСТРОУМИЕ – особое умение в процессе понимания быстро оформлять свои мысли «оригинальным» способом: *Она завела с ним целую перестрелку остроум, насмешек, сарказмов ... Ему нужно было собрать всё присутствие духа, всё остроумие, ... чтоб не быть разбитым в прах* (Ф. Достоевский).

В имени МУДРОСТЬ семантический акцент стоит на результате понимания, подразумеваются большие знания, достигнутые в течение долгого времени: *Мудрость... это совокупность истин, добытых умом, наблюдением и опытом и приложимых к жизни, ... это гармония, идея с жизнью!* (И. Гончаров).

2.3. **Характеристика человека как вида** (РАЗУМ, РАССУДОК, реже – ИНТЕЛЛЕКТ) / **личности** (УМ, ИНТЕЛЛЕКТ). Имя ПОНЯТЛИВОСТЬ относится и к различным животным (*Сила и ловкость, смелость, ... понятливость – вот постоянно бросающиеся в глаза черты этих птиц.* – Царство Животных), и к человеку как виду, стоящему выше животных. Но также ПОНЯТЛИВОСТЬ часто характеризует конкретного человека (*Понятливость ребёнка всех удивляла.* – Словарь Д.Н. Ушакова) как умение усваивать новую информацию быстро и легко. ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ характеризует только индивида: обозначаемое свойство считается уникальным; ср.: *Малышам казалось, что он в своих очках видит даже то, что происходило у него за спиной, и проницательность завуча объясняли именно этим* (Б. Изюмский). МУДРОСТЬ же часто относится и к группе людей (нации, сословию), и к индивиду: *Надеемся на традиционную крестьянскую мудрость и хозяйственную смекалку* (Новости Федерации 2006, 1 марта) – и *Я понимаю мудрость учителя Шкалика, который говорил гимназистам: – Истина необходима человеку так же, как слепому трезвый поводырь* (М. Горький). СМЕКАЛКА и ИНТУИЦИЯ способны быть характеристиками как группы людей, занимающейся определённой деятельностью, так и личности, у которой эти свойства проявляются в зависимости от рода занятий: *Творческая мысль и изобретательская смекалка заметны в каждом трюке [фильма]* (В. Гордеев); *Он знал семейные тайны нескольких поколений, и это знание пополнял каким-то особым даром ... исторической интуиции* (В. Брюсов). При этом интуиция как необычное свойство оценивается явно выше смекалки. ОСТРОУМИЕ, как и МУДРОСТЬ, выступает в роли обозначения важной черты и индивида (*Не отличался ты излишним остроумием; природа не одарила тебя ни памятью, ни*

прилежанием. – И. Тургенев), и целой нации: *Еврейская мудрость и остроумие* (Название книги С. Гольдмана).

2.4. Возможность / невозможность обозначать степень способности. Этот признак наиболее развит у имени ИНТЕЛЛЕКТ: *высокий интеллект* значит ‘превышающий среднюю норму’; ср.: *Люди высокого интеллекта и талантов только разочаровали и смутили Чепурного* (А. Бруштейн). Некоторые другие имена ЛП (УМ, МУДРОСТЬ) могут быть *глубокими* ‘сильными, основательными’ (*Великая любовь неразлучна с глубоким умом.* – И. Гончаров; *Среди учеников Будды он [Шарипутра] отличался глубокой мудростью.* – Р. Тоферт), но прилагательное ВЫСОКИЙ, в том числе и в превосходной степени ВЫСШИЙ, в сочетании с ними имеет другое значение – ‘возвышенный, значительный по содержанию’: *Здравый смысл редко сочетается с посредственной натурой и ещё реже – с высоким умом* (Афоризмы: ум, разум, мудрость); *Высшая мудрость – различать добро и зло* (Афоризмы о мудрости и истине).

ПОНЯТЛИВОСТЬ, СМЕКАЛКА, ИНТУИЦИЯ и ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ, обозначая способности, свойственные не всем людям подряд, тоже могут иметь свои уровни развития: *Вы набрали [в тесте] 40 баллов. Это высокий уровень ... понятливости* (Womka 2008, 22 окт.). Смекалки можно *набираться*, как *набираются ума или мудрости*: смекалка как способность понимать что-то самостоятельно базируется не только на опыте, но и на умении применять логику; ср.: *Павел Штукин должен бы становиться опытнее, набираться торговой смекалки* (В. Тендряков). Интуиция и проницательность как наиболее нестандартные способности из четырёх означенных бывают *глубокими*: *Глубокая интуиция является единственным реальным проводником к знанию* (Интуиция. Сборник выдержек); *Этой женщине присущи глубокая проницательность и способность видеть в жизни процесс неограниченного раскрытия* (Путь единства 2008, 19 дек.). Наконец, имя ОСТРОУМИЕ, тоже имеет степени измерения (*Чтобы разгадать загадку, надо обладать известной дозой остроумия.* – Д. Писарев), но если мудрость с годами делается «глубже», а интеллект – «выше», то остроумие у людей «колеблется» по-разному. Непосредственного ребёнка, свободно использующего языковой материал для составления словосочетаний, можно считать очень остроумным, а взрослого, усвоившего множество правил и ограничений и поэтому придумывающего специальные контексты или особые приёмы для нестандартного употребления слов, – тоже остроумным, но в меньшей степени (Фрейд 1997, 157).

3. Наряду с обозначенными дифференциальными признаками в результате анализа контекстов выявляются и новые, применимые и к синонимическому ряду ‘УМ’, и к другим субстантивам ЛП ‘УМ’.

3.1. Врождённая / приобретённая интеллектуальная способность и отношение к норме. Ум, разум, рассудок в норме обязательно присутствуют у людей с рождения, но разум формируется в раннем возрасте: *Мальчику мало было понимать чувством, он хотел понять разумом* (В. Белинский). Ум и рассудок достигают цельнооформленности на определённом жизненном этапе, причём «зрелость ума» не всегда бывает равноценной зрелому возрасту (*Дружба может быть прочна только при зрелости ума и возраста.* – Афоризмы о дружбе). Рассудок также формируется с возрастом (*Теперь, при большей зрелости рассудка, я смотрю на этот предмет несколько иначе.* – М. Салтыков-Щедрин), но при этом имя РАССУДОК в отличие от РАЗУМА не применяется к детям, воспринимающим мир непосредственно. Способность, обозначаемая субстантивом ИНТЕЛЛЕКТ, имеет практически терминологическое значение; она есть и у взрослых, и у детей: *Детям необходимы игры, развивающие интеллект* (Словарь Ю.Д. Апресяна).

Понятливость свойственна всем в разной степени, и её быстрое развитие у детей считается необычным: *Понятливость ребёнка всех удивляла* (Словарь Д.Н. Ушакова). Смекалка как умение понимать быстро и нестандартно свойственна не всем, но эта человеческая характеристика – явно врождённая и развивающаяся постепенно: *Смекалка, ... так же как и другие мыслительные функции, поддаётся тренировке и совершенствованию* (Мама и малыш 2008, 26 нояб.). ИНТУИЦИЕЙ называется способность приобретаемая: генетические задатки этого свойства, считающегося особым, могут развиваться или не развиваться: *У него [Стендаля] с детства наблюдение стало интуицией* (П. Павленко). Проницательность – способность не только врождённая, но и индивидуальная: *[Белинский] обладал необыкновенной проницательностью* (Н. Добролюбов). ОСТРОУМИЕ – обозначение характеристики врождённой, но свойственной не каждому: *Остроумие – ... это, мол, от природы – или оно есть, или, увы, его нет* (В. Белевич). Мудрость приобретается с опытом и явно превышает среднюю норму: *Вся и всякая мудрость слагается из маленьких, очень простых истин, выработанных наблюдением, изучением* (М. Горький).

3.2. Синтетичность / аналитичность типа понимания. Этот признак был сформулирован из характеристики «тип понимания», выделенной в словаре Ю.Д. Апресяна. Именем РАЗУМ могут охватываться как аналитические способности понимания (*Везде разум, причина, опыт, постепенность и, следовательно, успех.* – И. Гончаров), так и синтетические на основе интуиции (*Принято было доверяться голосу разума. То, что подсказывала совесть, считали естественным и нужным.* – Б. Пастернак). Ум – тоже аналитически-синтетическая интеллектуальная способность (*Мы*

обычно используем два качества ума: способность к анализу и способность к синтезу. – С. Ильченко), но данное свойство больше тяготеет к пониманию с помощью синтеза информации: [Понять] своим умом – это [значит] своим умом, своим синтезом, ... включая какие-то культурные и прочие богатства других (В. Ширяев). ИНТЕЛЛЕКТ – также обозначение способности синтетически-аналитической (ср.: *Поэтический образ есть результат синтезирующей способности нашего интеллекта* (В. Брюсов) – и *Интеллект включает не только аналитические способности, которые измеряются посредством IQ, но также творческие и практические способности* (Энциклопедия «Кругосвет»), но информация, обрабатываемая интеллектом, обычно сложна и велика по объёму. Мудрость как умение понимать на основе большого опыта способствует и анализу накапливаемой информации (*Он учил Мудрости, ... то есть порядку в получении информации и её анализе.* – Е. Хорольский), и синтезу получаемой информации, причём более точному, чем при использовании одного ума: *Ум подобен мечу в руках воина, ... а мудрость [как владение приёмами синтеза информации] – его умению вести бой* (Ю. Феодоритов).

Имя ПОНЯТЛИВОСТЬ, в котором главный акцент стоит на усвоении новой информации, подразумевает в первую очередь понимание синтетическое: *Третья фаза [распознавания своего другого «я»] – ... расторопность и понятливость при усвоении нового* (<http://www.ayfar.org>). Если же понимание осуществляется на основе анализа объекта (текста, ситуации), с помощью, например, житейского опыта, то его инструмент – рассудок: *«Быть может, в пехотных частях не так резко ощущается эта тяга домой», – думал он, но рассудок подсказывал холодные возражения* (М. Шолохов).

Синтез и анализ информации имеют различные нюансы: ИНТУИЦИЯ обозначает синтезирующую способность к иррациональному пониманию информации (*Для принятия решения по сейсмостойкости ещё долго будут необходимы ... опыт и интуиция специалиста.* – Пример Б.Л. Иомдина), ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ – способность к анализу информации на основе немногих имеющихся фактов, но не без использования логики (*Он ... заметил с проницательностью влюблённого признак лёгкого стеснения, с которым она говорила с мужем.* – Л. Толстой), а СМЕКАЛКА используется для обозначения синтезирующей способности обработки информации при применении особого интеллектуального ресурса – воображения: *Смекалка – это нестандартное ... решение любой проблемы, изобретение решения, творчество ... Топором и бреемся, и дом строим, а при необходимости и землю копаем* (А. Белов). ОСТРОУМИЕ сходно со СМЕКАЛКОЙ, но эта синтезирующая способность обработки информации, проявляющаяся в нахождении верных объяснений, принятии верных решений, преимущественно связана именно с

порождением текстов: *Остроумие оратора покоряет любую аудиторию, доброжелательную или злобную. Это, пожалуй, лучший способ ответа на ядовитые и каверзные нападки со стороны публики* (Д. Устинов.)

3.3. Связь только с мышлением / с мышлением и культурными стереотипами восприятия мира. По этому параметру большинство имён группы противопоставлено особой лексической единице ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ. ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ не встречался в словарях в качестве лексической единицы, но, судя по проанализированным контекстам, это сочетание имеет значение ‘мыслительная способность’, подобно УМУ, ИНТЕЛЛЕКТУ и др.

Здравый смысл в целом свойствен всем членам социума (*Фантазия китайского художника-камнереза неистощима: многие его композиции нам непонятны, но согласуются с нашим ... здоровым смыслом.* – А. Ферсман), но человек приобретает его в течение жизни (*Очевидно, до сих пор у меня не было ни капли здравого смысла.* – А. Чехов). Развивается эта способность у всех по-разному: в русскоязычном представлении она тоже имеет количественные характеристики: *Я бы едва ли женился тогда на моей барыне (сколько-то во мне ещё здравого смысла оставалось)* (И. Тургенев). Здравый смысл больше связан со сложившимися в культуре стереотипами восприятия, определяющими понимание, чем с логическим мышлением.

В практических делах для суждения с позиций здравого смысла оказывается недостаточно общих предписаний разума, необходим также опыт жизни (ФЭС 2004, 282): *С помощью здравого смысла не найти наилучших решений выхода из кризиса, но хотя бы не наделаем непоправимых грубых ошибок* (ЛГ 2004, № 23). В теоретической области здравый смысл, суммирующий определённые устоявшиеся представления (это аналитическая способность обработки информации, базирующаяся на результате познания), становится ненадёжным при подходе к теориям: *Мы держимся лишь на здоровом смысле массы работяг – от Садовничево в МГУ до рядового сантехника. Они, наплевав на всякие теории, исходят из простых истин* (ЛГ 2004, № 23). Но именно здравый смысл лежит в основе понимания обыденной речи: *Общее понимание текста «на уровне здравого смысла»* (М. Гаспаров), так как исходит из общепринятых положений не теоретического, а практического или житейского характера.

Данная система дифференциальных признаков открывает горизонты для детального сопоставительного анализа всех субстантивов, входящих в ЛП ‘УМ’: СОЗНАНИЕ, СООБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ, ИНСТИНКТ, ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТЬ и других.

Долинский В.А. Квантитативный анализ лексической ассоциативности. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М., 1994.

Караулов Ю.Н. *Общая и русская идеография.* М., 1976.

Философия. Энциклопедический словарь (ФЭС). Отдельные статьи. Под ред. А.А. Ивина. М., 2004.

Словари

Апресян Ю.Д. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Выпуск 1. Под ред. Ю.Д. Апресяна. М., 1999.

Большой толковый словарь русских существительных (БТСРС). Под ред. Л.Г. Бабенко. М., 2005.

Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов. М., 1991.

Русский семантический словарь. Том III. Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2003.

Словарь русского языка. В 4-х томах. Под ред. А.П. Евгеньевой и Г.А. Разумниковой (МАС). М., 1981–1984.

Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти т. (БАС). Под ред. Ф.П. Филина и др. М. – Л., 1950–1964.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. В 4-х т. М., 1996.

О ЛИНГВОСПЕЦИФИЧНОСТИ ЯЗЫКОВЫХ АНОМАЛИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Аннотация: Работа посвящена проблеме национальной и культурной обусловленности ряда языковых аномалий, включенных в активные инновационные процессы в современной русской речи. Доказывается возможность интерпретации указанных аномалий через призму типично русских способов языковой концептуализации мира.

В наше время постепенно набирает ход теория языковой аномальности, основы которой были заложены прежде всего в работах Ю.Д. Апресяна [Апресян 1990, 1995a, 1995b], а также в трудах Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1990, 1999], Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева [Булыгина, Шмелев 1997] и др. В частности, разграничены языковые, коммуникативно-прагматические и логические аномалии, предложены разнообразные классификации языковых аномалий, рассмотрены их природа и разнообразные функции в разных типах дискурса и пр. В нашей монографии [Радбиль 2006] обобщаются предварительные результаты теоретических исследований в этом направлении и обосновывается возможность рассмотрения проблемы языковой аномальности применительно к художественному тексту.

Мы, вслед за Ю.Д. Апресяном, придерживаемся достаточно широкой трактовки языковых аномалий, согласно которой под языковой аномалией следует понимать «нарушение правила употребления какой-то языковой или текстовой единицы» [Апресян 1990: 50]. Подобные нарушения, однако, очень часто сознательно допускаются в речевой практике либо в силу их возможной рациональной осмысливаемости в определенных коммуникативно-прагматических условиях, либо в силу установки говорящего на «языковую игру», на создание разнообразных эстетических или комических эффектов.

В связи с этим, на наш взгляд, можно увидеть в проблеме функционирования языковых аномалий еще один ракурс. Это проблема возможной национально-культурной обусловленности, этноспецифичности ряда языковых ано-

маний, возникающих в современной устной речи. Дело в том, что в русской речи последних лет наблюдается значительный рост инновационных явлений, которые с точки зрения традиционных норм языка могут быть истолкованы как языковые аномалии. Однако указанные явления чаще всего вовсе не ведут к деструкции языка и не выступают как проявление недостаточной компетенции носителей языка, но, напротив, креативные и адаптивные возможности системы и свидетельствуют о сознательном стремлении говорящих осознанно использовать отклонения от норм в номинативных и экспрессивных целях и пр. [Радбиль 2008: 493].

Иными словами, мы можем трактовать такие случаи, пользуясь удачной формулировкой Ю.Д. Апресяна, как «точки роста новых явлений» [Апресян 1990: 64]. С другой стороны, сравнительно легкая апроприация подобных явлений узусом (свидетельствующая о том, что существуют своего рода «модели аномальности» в результате процессов аналогизации), их регулярность, частотность и, так сказать, «повышенная готовность» говорящих к их производству, а адресатов — к их рецепции позволяют предположить их соответствии неким глубинным способам языковой концептуализации мира, характерным именно для «русской ментальности», для русской языковой картины мира.

Применительно к целям нашего исследования важным представляется деление таких аномалий на *абсолютные* и *относительные*. Абсолютная аномалия характеризуется, в частности, тем, что «языковые единицы неправильно скомбинированы (хотя каждая из них в отдельности и может иметь нужный смысл)» [Апресян 1990: 56]. Это выражения типа **мальчик пришла* или **более лучше*. Относительная аномалия обычно выражается в нарушении более тонких, содержательных сочетаемостных запретов — семантических, референциальных, прагматических, коммуникативных — вследствие выбора языковой единицы, не имеющей нужного свойства. Это выражения типа *съедобный отброс* (Д. Хармс). «При абсолютной аномалии текст неправилен относительно любой содержательной интерпретации... <...> При относительной аномалии высказывание неправильно относительно одной содержательной интерпретации (обычно

— наиболее вероятной), но правильно относительно другой интерпретации (обычно — менее вероятной, предполагающей странный, хотя и возможный мир)» [Апресян 1990: 56—57]. Очевидно, что для языковых аномалий, отражающих особенности «русского взгляда на мир» в языке релевантным будет указание именно на *относительность* аномалий, потому что их как раз достаточно просто интерпретировать в плане адресат, возможность чего, безусловно, предусмотрена и самим говорящим.

Мы опираемся в данном исследовании на разработанную в ряде работ Ю.Д. Апресяна теорию языковой концептуализации мира: «... в каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка. В способе мыслить мир воплощается цельная коллективная философия, своя для каждого языка» [Апресян 1986: 5]. На этом фоне складывается научный концепт «языковая картина мира», под которой принято понимать «совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных единиц данного языка (полнозначных лексических единиц, «дискурсивных» слов, устойчивых сочетаний, синтаксических конструкций и др.), которые складываются в некую единую систему взглядов, или предписаний...» [Зализняк 2006: 206—207].

Многие исследователи писали о значимых для русского человека культурных смыслах, отраженных в семантике слов и выражений, грамматических категориях и синтаксических конструкциях обыденного языка [Вежбицкая 1997; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 и др.]. Представляется, что вполне допустимо поставить вопрос, насколько релевантны эти и многие другие черты русского «взгляда на мир», отраженного в языке, по отношению к интересующей нас проблеме языковой аномальности в современной русской речи.

В качестве языкового материала для исследования выступает русский язык в среде Интернет, так как, на наш взгляд, на сегодняшний день именно эта среда представляет собой одну из наиболее динамичных и активно развивающихся коммуникативных систем в русской речевой практике. Прежде всего нас интересует область «неформального Интернет-общения» (чаты, форумы, кон-

ференции, блоги и пр.). Причем отбираются лишь те примеры, которым может быть приписан аналог в обычной разговорной речи в «реальном» режиме коммуникации: в область исследования, следовательно, не попадают языковые приметы, специфичные только для Интернет-коммуникации: «язык паддонков», специальный сетевой жаргон и пр.).

При этом отметим, что, хотя с формально-языковой точки зрения в основу исследуемых аномалий могут быть положены системно-языковые механизмы разных уровней (лексико-семантические, словообразовательные, грамматические), все они в пространстве узуса представляются лексикализованными и, соответственно, «ведут себя» как таковые.

Очень характерно именно для русского типа языковой концептуализации действительности использование отглагольной лексемы, которая как бы охватывает всю ситуацию в целом или весь комплекс психических состояний лица, что отражает отмеченную во многих источниках ориентацию русской языковой картины мира на динамическое осмысление мира, на «повышенную глагольность». Так, окказионализм *догонялово* экспрессивно маркирует целый фрейм ‘аварийное столкновение двух машин на дороге, следовавших одна за другой’: *Видел сёня догонялово серебристого седана ВЗ в камаз (миксер) номер 215 (буквы не помню) на 3-ем транспортном кольце в районе Студенческого моста.*

Употребимость этого слова подтверждается его активным использованием для «схватывания» и других ситуаций. Оно, например, используется в значении ‘поездка на разных транспортных средствах с целью догнать поезд, от которого отстал (на который не попал) говорящий’: *Ведь кто то мог пробить ж.д и ответить мне, и не было бы никакой поездки, никакого догонялова, никакого **напряга** людей в других городах...* — Отметим, что иным способом говорящий не смог бы выразить этот блок смыслов с такой емкостью и экспрессией.

Активность в языке «неформального сетевого общения» лексем типа *догонялово* подтверждается и контекстной омонимией, возникающей при употреблении этого же слова в других ситуациях и в других коммуникативных условиях: так, на форуме «Какое пиво вы потребляете?» встречаем ак-

туализацию в этом словоупотреблении другой исходной семантики — просторечного значения *догоняться* ‘употреблять добавочные дозы спиртных напитков для достижения нужного говорящему состояния’: *Народное догонялово*.

О том, что можно говорить именно о «модели аномальности», свидетельствует наличие в узусе модели образования подобных слов и от других глагольных основ: ... *брали завтрак, без него не бронируют, но из еды было лишь поилово типа кофе из машины...* — Причем и эти лексемы ведут себя подобно слову *догонялово*, т.е. обладают способностью маркировать разные ситуации и обозначать разный набор смыслов. Если в вышеприведенном примере перед нами — значение ‘питье’, то в следующем — уже обозначен целый фрейм ‘празднование, сопровождающееся (обычно) обильной выпивкой’: *Завтра супер-поилово — 50 лет нашей конторе*.

Ср. также включенность этой модели в процессы аналогизации: *Дождись, завтра будет тебе и нажиралово!!!!И поилово!!!* — Нетрудно заметить, что в первой лексеме контаминируется два смысловых ряда: первый — связан с прямым значением разговорного слова *нажираться* ‘обильно есть’, а второй — с просторечным переносным значением ‘обильно выпивать спиртное’, что усиливает смысловую емкость подобных словоупотреблений.

А. Вежбицкая в знаменитой книге «Русский язык» отмечает такую специфичную для русской языковой картины мира черту, как установка на эмоциональное и нравственно или оценочно окрашенное отношение к миру и к людям [Вежбицкая 1997: 34—35], причем даже в ситуациях, которые по логике требуют вполне нейтральной номинации. Это проявляется, в частности, в богатых возможностях русского экспрессивного словообразования [Вежбицкая 1997: 118—136], которые интерпретируются как отражение склонности к включению субъективной (эмоциональной или нравственной) оценочности в обозначение лица посредством собственного имени. Думается, что эта тенденция распространяется и на отображение вещей и событий нарицательными именами.

Так, в русском языке последних лет отмечается активная тенденция, когда из ряда номинативных единиц вместо стилистически нейтральной единицы немотивированно выбирается максимально нагруженное экспрессивной оценкой обозначение — при этом оно не просто «выбирается», но создается в качестве окказионализма, языковой аномалии: *Разве это обязывает его отказаться от обычной, средней квартиры с обоями чуть покраще и **меблюхой** чуток деревяннее?* — Нетрудно видеть, что контекст в общем не требует столь яркой экспресsemы, на фоне нейтральных *квартира* и *обои*.

Также сегодня активно используется типично русский способ концептуализации множества как нерасчлененного целого посредством аномальных собирательных форм с суффиксом –J–, которые сами по себе обладают максимумом экспрессии: *Войлочная вишня, миндаль и другое **цветье**. Мне всё это очень нравится.* Формально-структурная аномальность здесь может подкрепляться семантической, когда эти лексемы используются просто как экспрессивные субституты нейтральных лексем без значения реальной собирательности: *Сколько **шкафье** стоило не скажу — самая навороченная дверь немана с самыми навороченными замками и то дешевле..* — Здесь **шкафье* — не ‘нерасчлененная совокупность шкафов’, а просто ‘шкаф, имплицитно включающий экспрессивную реакцию говорящего’. Активность этой «модели аномальности» подтверждается и своеобразной экспансией подобных собирательных лексем, которые вытесняют «нормальные» лексемы в единственном числе или, как в следующем случае, обычные *Pluralia Tantum*: ... *а широкое **штаньё** тебе реально пойдёт, ага* [=просто *штаны*].

Ряд интересующих нас аномалий выступают как лексикализованные образования, эксплуатирующие морфолого-синтаксические возможности языковой системы. Так, М. Эпштейн обращает внимание на то, что русская грамматика специфически концептуализирует действие, событие, состояние: «Преобладание непереходности в русском языке способствует становлению непереходного мировоззрения, для которого вещи случаются, происходят, движутся сами собой. Это мир, в котором нечто пребывает в себе или движется само по

себе, но ничем не движется и ничего не движет. Действия, обозначенные переходными глаголами, самодостаточны — они ни на что не переходят... Скорее это даже не действия, а состояния, поскольку у них нет предмета, они замкнуты на самом деятеле» [Эпштейн 2007: 193—194].

В свою очередь, А. Вежбицкая обратила внимание, что, говоря о людях, можно при этом придерживаться двух разных ориентаций: можно думать о них как об агентах, или «деятелях», и можно — как о пассивных экспериенцерах. В русском, в отличие от многих других европейских языков, пассивно-экспериенциальный способ имеет более широкую сферу применимости. Исходя из этого, в работах А. Вежбицкой именно на материале русской грамматики было выявлено несколько фундаментальных свойств, формирующих «семантический универсум» русского языка: иррациональность, неагентивность, тяготение к представлению активного действия субъекта как его пассивного состояния, неконтролируемость субъектом собственного действия как отказ от субъектной ответственности за событие и пр. [Вежбицкая 1997: 33—37 и далее].

Прежде всего речь идет о различных способах такой языковой концептуализации мира, при которой субъект так или иначе выводится из зоны контроля над событием. Это, например, предпочтение безличного конструкта типа *мне хочется* активному типу *я хочу*, выбор возвратной или страдательной модели вместо агентивной, инфинитивной вместо личной и пр.

Нами отмечено значительное количество языковых аномалий, демонстрирующих значительное расширение сферы применимости пассивно-возвратных и безличных конструкций, причем применительно к концептуализации ситуаций или психических состояний, которые требуют по логике активного «присутствия» агенса.

Так, типично русский способ концептуализировать «чужое» действие над субъектом речи как собственное состояние субъекта мы обнаруживаем при выборе возвратной конструкции вместо неопределенно-личной: ... *на выступлении Dartz я уронилаь случайно, на меня мгновенно попададо еще человек пять-шесть...* [вместо *меня уронили*].

Об экспансии аномальных п а с с и в н о - в о з в р а т н ы х конструкций в русском языке последних лет свидетельствует тот факт, что они расширяют сферу своего образования, в частности, за счет ненормативного образования от непереходных глаголов — типа *умирать*, *бежать*, *сидеть*, *шутить* и пр.: ... *бандэлита не **умиралась** вроде; Мужская биатлонная эстафета **бежалась** в рамках Кубка мира в третий и, по сути, последний раз перед стартом на Олимпиаде; ...вторник опять-таки **сиделся** в сидельне...; Тогда **шутился**, а сейчас задумался...* — Подобные аномальные инновации усиливают эффект концептуализации действия как замкнутого на субъекте состояния, что вполне в духе русской языковой ментальности.

Еще большая активность наблюдается при использовании б е з л и ч н ы х конструкций: ... *старики так помрут, а чтоб веселей **умиралось**, им помпезные поздравления и "чествования" на 9-е мая.* — Активная конструкция с глаголом все-таки предполагает наличие экспериенцера этого состояния в качестве его субъекта, тогда как конструкция с безличным глаголом *умиралось* усиливает указанную бессубъектность.

Особый интерес представляют безличные конструкции, которые концептуализируют некую ситуацию, предполагающую в норме активное участие агенса в собственном действии: *С сигаретой **было "поступлено"** абсолютно несправедливо...* — Речь идет о том, что говорящий вообще-то сам как-то поступил с сигаретой, но примечательно, что субъект всячески избегает контроля даже за собственным, вполне очевидным для него действием.

Иногда выбор подобной безличной конструкции обладает значительным потенциалом семантической емкости и экспрессии: *Арчи, ну, мы ж за тебя отомстили... **ему** **больнее упалось**...* — В данной концептуализации события предпочтение безличной конструкции обычному *Он больнее упал* оправдано специфической интенцией говорящего представить случайное в общем событие как знак действия неких высших сил (в таких случаях А. Вежбицкая говорит о «фатализме» в русском способе концептуализировать события).

Расширяющаяся экспансия безличных моделей представления события подтверждается и использованием подобных конструкций для концептуализации вневременных, узуальных действий субъекта как бессубъектных пассивных состояний: *В каких кроссовках лучше прыгается?* — Примечательно, что в подобных случаях сам русский язык не предоставляет говорящему возможности выбрать альтернативный способ выражения этой мысли посредством активной конструкции (альтернатива с инфинитивом *лучше прыгать* так же принципиально бессубъектна).

Эти и многие другие примеры, на наш взгляд, доказывают, что в современной русской речи активен и продуктивен целый ряд «моделей аномальности», имеющих отчетливо выраженный лингвоспецифичный характер. В этом плане напрашивается парадоксальный вывод: подобные аномалии, в сущности, не являются «аномалиями» в строгом смысле слова, поскольку возникновение таких аномалий и их полная апроприация в речевой практике носителей языка находится в русле традиционно русского способа концептуализировать действительность в слове. Это является также косвенным подтверждением «живучести» определенных базовых этнически и культурно обусловленных концептуальных структур и концептуальных моделей в смысловом пространстве национального языка.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян 1986 — *Апресян, Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю.Д. Апресян // Семиотика и информатика: Сб. науч. статей. — М., 1986. — Вып. 28. — С. 5—33.

Апресян 1990 — *Апресян, Ю.Д.* Языковые аномалии: типы и функции / Ю.Д. Апресян // *Res Philologica: Филологические исследования. Памяти академика Георгия Владимировича Степанова (1919—1986)* / Под ред. Д.С.Лихачева. — М.; Л.: Наука, 1990. — С. 50—71.

Апресян 1995а — *Апресян, Ю.Д.* Тавтологические и противоречивые аномалии / Ю.Д. Апресян // *Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 томах.* — М.: Языки русской культуры, 1995. — Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. — С. 622—628.

Апресян 1995b — *Апресян, Ю.Д.* Языковая аномалия и логическое противоречие / Ю.Д. Апресян // *Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 томах.*— М.: Языки русской культуры, 1995. — Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. — С. 598—621.

Арутюнова 1990b — *Арутюнова, Н.Д.* От редактора: Вступительная статья / Н.Д. Арутюнова // *Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста: Сб. научн. трудов / ИЯ АН СССР / Отв.ред. Н.Д. Арутюнова.* — М.: Наука, 1990. — С. 3—9.

Арутюнова 1999 — *Арутюнова, Н.Д.* Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. — 896 с.

Булыгина, Шмелев 1997 — *Булыгина, Т.В., Шмелев, А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 574 с.

Вежбицкая 1997 — *Вежбицкая, А.* Русский язык / А. Вежбицкая // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ./ А. Вежбицкая / Отв. ред.и сост. М.А. Кронгауз. — М.: Русские словари, 1997. — С. 33—88.

Зализняк 2006 — *Зализняк, Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления / А.А. Зализняк. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 672 с.

Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 — *Зализняк, Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев, А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. — М.: «Языки славянской культуры», 2005. — 544 с.

Радбиль 2006 — *Радбиль, Т.Б.* Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие: Монография / Т.Б. Радбиль. — М.: МГПУ, 2006. — 320 с.

Радбиль 2008 — *Радбиль, Т.Б.* Инновации в языке сети Интернет как реализация креативного потенциала языковых аномалий / Т.Б. Радбиль // *Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Материалы 2-й Международной конференции: МГУ имени М.В. Ломоносова. / Сост. М.Н. Володина.* — М.: МАКС Пресс, 2008. — С. 493—406

Эпштейн 2007 — *Эпштейн, М.* О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество / М. Эпштейн // *Знамя.* — 2007. — №3. — С.193–208.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

РАДБИЛЬ Тимур Беньюминович, 1963 г.р.

доктор филологических наук,

профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания

Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

ДОМАШНИЙ АДРЕС:

603093, г. Нижний Новгород

ул. Кудьминская, д.3, кв. 51

РАДБИЛЬ Т.Б.

Дом.тел.: +7- (831) 4329051

Моб.тел.: +7-9030404906

e-mail: radbil@pop.sci-nnov.ru, radbil@sandy.ru

Рагозина И.Ф.

ЕЩЕ РАЗ О ПРИЧИНЕ (ОПЫТ КОНТРАСТИВНОГО ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ).

Аннотация

Статья посвящена исследованию значения слова *причина* в сопоставлении с его французскими, немецкими и латинскими эквивалентами (на материале переводов текстов Достоевского). Анализ синонимических рядов производится на лексикографической базе четырех языков.

Удивления достойно, до чего русский человек (как наивный обыватель, так и премудрый писатель) любит слово *причина*, порой как бы нарочно игнорируя такие известные его синонимы, как *основание, соображения, повод, мотив*! Не таковы языковые привычки носителей французского и немецкого языков, об этом мы можем судить, в частности, по переводам романов Достоевского («Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы»). Там слово *причина* передается весьма широким спектром лексем, которые выражают предназначенный им оттенок смысла, и далеко не всегда могут заменять друг друга: *cause, raison, motif, mobile* (франц.) и *Ursache, Grund, Beweggrund, Motiv, Anlass* (нем.). Какие же скрытые смыслы содержит в себе русское слово *причина*, чтобы так вбирать в себя значения своих французских и немецких эквивалентов?

Для ответа на этот вопрос обратимся сначала к словарным толкованиям этого существительного, и в этом отношении все словари русского языка можно разделить на две неравные группы: словарь В.И. Даля и все остальные. Итак, у В.И. Даля « П р и ч и н а - начало, источник, вина, коренной повод к действию, случаю; что производит последствия, служит виною, рычагом, основной силой, начальным деятелем явления. Найти причину – найти повод, предлог, отговорку. Ты этому причина = виноват. Причина рождает следствие, которое ведет к цели. Причина есть исходная, начальная точка, а цель – конечная. Посему причиной зовут и цель, намерение, то, для чего что-то случается, бывает. Ради какой причины это сделано? (для чего? К чему?)» (СД 1955).

Все остальные словари (СУ 1939, ССР 1962, СЛ 1997, СО 1991, СТО 1997, СУ 1939, ССР 1962, СЛ 1997, СО 1991, СТО 1997) приводят, в основном, два понимания слова *причина*: 1) как некоего явления, порождающего, обуславливающего другое явление, 2) как основания, предлога для некоего действия. Как видно, определение смысла существительного *причина* у Даля, хотя и представляется несколько хаотичным, но отличается большим смысловым богатством, чем те толкования, которые предлагают другие словари. То, на какие источники мог опираться Даль, будет ясно позднее, пока же мы будем исходить из более привычных для большинства исследователей толкований 1 и 2. Именно они легло в основу разделения причин на внешние и внутренние, которое мы наблюдаем в трудах наших русистов (Всеволодова, Яценко 1988, Иорданская, Мельчук 1996, Левонтина 1997, Богуславская, Левонтина 2004). Всеволодова и Яценко выделяют еще импульсивную причину, Иорданская, Мельчук – непосредственную и опосредованную причину, Богуславская и Левонтина – объективную и субъективную причины. Для наших целей достаточно будет первичной дифференциации, а следующее определение мы примем в качестве исходного: «Под внешней причиной понимаются локализованные вне человека и не зависящие от его воли обстоятельства, а под внутренней – те свойства, внутренние состояния, чувства и мысли человека, которые служат причиной тех или иных его поступков (Богуславская, Левонтина 2004: 78).

Соответственно, наша лексика может быть сгруппирована следующим образом: внешняя причина: *cause* (фр.), *Ursache* (нем.) и внутренняя причина, представленная целой группой слов, весьма близких друг другу по значению: французские *raison*, *motif*, *mobile*, и немецкие *Grund*, *Beweggrund*, *Motiv*, *Anlass*. В обоих языках слова, обозначающие внутреннюю причину, переводятся примерно одинаково: «основание», «мотив» (в том числе и цель), «побуждение». Как показывает наш корпус, слово, обозначающее внешнюю причину, редко используется для называния внутренней причины и еще реже наоборот.

Для того, чтобы объяснить подобную поляризованность значений у отмеченных лексем, мы предприняли поиск сначала по французским (DL 1976, DB 1977, DR 1989, DGL 1997) и немецким словарям (W G 1936, WD, СТН 1988), которые в конце-концов привели нас к истокам, то есть к латыни (WEL 1938, LD 1878, DEL 1979, СЛР 2004). Среди просмотренных нами латинских словарей фигурируют два этимологических словаря - немецкого (Walde, Hoffman 1936) и французского (Meillet 1971), которые пользуются толкованиями и примерами из *Thesaurus linguae latinae*, которым будем пользоваться и мы.

Обращение к латыни для толкования французских лексем представляется вполне естественным, поскольку слова *la cause* и *la raison* восходят непосредственно к латинским *causa* и *ratio* и в точности сохраняют их значения. Что касается немецкого языка, то хотя соответствующая лексика с этими латинскими словами этимологически никак не связана, в словаре немецкого языка Я. и В. Гримм мы нашли латинские слова и словосочетания, которые используются для интерпретации немецких существительных с каузальным смыслом.

Итак, *Thesaurus* нам дает следующий синонимический ряд, в котором реализован концепт 'причина': *causa efficiens* (действующая причина), *origo* (происхождение, источник), *ratio* (разумная причина), *culpa* (вина), *finis* (цель) (Thes. 660). Мы начнем рассматривать эту серию с двух существительных, реализующие два причинных смысла: *causa* (внешняя причина) и *ratio* (внутренняя причина). О том, насколько различна онтология сущностей, обозначаемых этими словами, свидетельствует этимология последних. Предположительно, *causa* восходит к глаголу *cudo* – падать, ударять, поэтому первичное значение этого слова «удар как основание для судебного дела» (Маслиева 1980:26). Слово *ratio* происходит от *rator*, *ratus* - считать (букв.); далее развиваются более абстрактные значения, такие как «считать» (в смысле полагать), «рассчитывать», «думать», а производное существительное *ratio* обозначает не только род причины, но и разум, интеллект, аргумент (LEW 1938, DEL 1979).

На этом основываются и определения причин у Цицерона, который в своей риторике четко различал *causa* и *ratio*. *Causa* есть источник (*origo*), происхождение, действующее начало (*causa efficiens*), ... это не только то, что предшествует, а то, что, предшествуя, производит свое следствие или результат: рана - причина смерти, жестокость – печали, огонь – пожара. *Ratio* - это разумная причина, как обдуманное основание наших действий (Thes 660-661.). Между *causa efficiens* и *ratio* Цицерон выделял нечто промежуточное: это *causa impulsiva*, которая представляет собой разного рода аффективные состояния, толкающие человека на совершение тех или иных действий. Таковы любовь, гнев, горе, их действие спонтанно и, как правило, не контролируется разумом (там же).

Мы бы сказали, что и *causa impulsiva*, и *ratio* - явления одной природы, ибо локажутся в духовной сфере человека, которую составляют и чувства, и разум. При этом *causa impulsiva* отличается от *ratio* как нечто прочувствованное от придуманного, порожденного интеллектом. Конечно, чувства также поверяются разумом, но все-таки чувственное и интеллектуальное - психологически разные области. Слово *causa*, судя по примерам, может означать не только внешнюю по отношению к человеку причину, но и указывать на

генетическую связь двух фрагментов мира, куда человек не вхож (огонь - причина пожара).

Латинский этимологический словарь Walde, Hoffman, 1938 показывает, что исконно внешняя причина (*causa*) имеет бенефактивную окраску, то есть является «плохой», неблагоприятной для человека причиной. В качестве таковой может выступать один человек по отношению к другому, отсюда и значение «вина» (*causa-culpa*), а также совокупность неблагоприятных обстоятельств (*causa-noxa* (WEL 1938)¹. Покажем это на примере употребления предлога *из-за*, который может указывать на обе «плохие» причины: *из-за тебя* (*causa - culpa*) / *из-за дождя* (*causa-noxa*) *мы опоздали*. Разумеется, судить о том, что причина «плохая» мы можем только на основании «плохого» же следствия, последнее квалифицируется таковым только по отношению к человеку, ибо, как известно, «у природы нет плохой погоды». Тот факт, что семантика предлога *из-за* нередко содержит указания на бенефактивно негативный характер следствия, отмечается во всех известных нам работах о причинных союзах в русском языке.

Внутри разумной причины выделяются два подвида: 1) *ratio agendi* – каузальность, обусловленная человеческим сознанием, вид побудительной причины (мотивация) и 2) *ratio cognoscendi* – логическая причина, которая ограничивает, упорядочивает связь представлений и суждений в мышлении (W G 1936, 2505). Заметим мимоходом, что *ratio agendi* должно быть эквивалентно слову *finis* (цель). И еще: разницу между *ratio1* и *ratio2* можно выявить посредством постановки следующих двух вопросов: *Почему(=зачем) ты это сделал?* и *Почему ты так думаешь?* Первый вопрос касается цели действия, а второй – требует аргумента или обоснования для сказанного. Эти два значения *ratio* используются для толкования немецкого существительного *Grund (m)* (основание) которое противопоставляется существительному *Ursache (f)* в значении, внешней причины (*causa efficiens*) и вины (*culpa*). В пример приводится известное высказывание Понтия Пилата, которое мы, для краткости, представим так: *Я не нахожу никакой вины(keine Ursache) за этим человеком...* (там же). Любопытно, что это ни один из толковых словарей, даже Grosse Duden не отмечают у существительного *Ursache* значение *culpa*. И вообще, позднейшие толковые словари немецкого языка уже не пользуются латинскими классификаторами для дифференциации значений и, как правило, используют существительное *Grund* для толкования *Ursache* и наоборот, но все же слово *Grund* используется преимущественно для обозначения разумной причины, слово *Ursache* в отношении к ментальной сфере человека не применимо вообще. К этой сфере относятся и такие существительные, как *das Motiv, die Veranlassung, der Anlass* (повод, основание); существительное *der Beweggrund* (мотив, побуждение) может обозначать также и импульсивную причину. Все эти слова используются как синонимы.

Что касается французского языка, непосредственного потомка латыни, то о существительных *cause* и *raison* все уже было все сказано; как и в немецком языке, второе слово применимо только к человеку. Добавим еще, что смысл *ratio agendi* зафиксирован в существительном *motif (m)*, а значение *causa impulsiva* закреплено за словом *mobile (m)* (букв. двигатель). Большинство словарей предпочитает различать два существительных по значению (Larousse, T 3, 365), хотя реально это различие редко соблюдается, точно так же, как нем. *Beweggrund* может означать и мотив, и побуждение. У французов есть

¹ Любопытно в этой связи привести высказывание Г.Х. фон Вригта, который утверждает, что в примитивном сознании «действие причины сравнивается с действиями человека, ответственного за свои поступки. ... Причина вызывает нарушение равновесия и поэтому ответственна за зло и несправедливость в природе... Греческое слово «причина» [aitia] означает одновременно и «вину». ...Латинское слово *causa* по происхождению также является юридическим термином. ... Современное финское существительное *syu* ... имеет два значения: «причина» и «вина» [Вригт 1986: 98].

любопытный пример, показывающий то, как нюансируется смысл 'причина' в различных существительных. Причины троянской войны: *cause* - похищение Елены Парисом; *motif* (=mobile) - стремление отомстить обидчику и вернуть жену мужу; *raisons* - восстановить справедливость, наказать за бесчестное поведение и поругание гостеприимства (DB 1977).

Объединим рассмотренную лексику в следующую систему:

1. Внешняя причина (мир событий, предметов и людей).

Causa efficiens (действующая причина), origo (источник, происхождение), поха(вредящая причина), culpa (вина) – **Cause (f)/ Ursache (f)**

2. Внутренняя причина (ментальность в широком смысле).

2.1. Causa impulsiva (побуждение) - **mobile(m)/Beweggrund (m)**

2.2. Ratio (разумная причина, основание). Ratio agendi(мотив, цель) - **motif(m), mobile(m)/ Grund(m), Motiv(n), Beweggrund (m). Ratio cognoscendi** (основание, повод, довод, аргумент) - **raison(f)/ Grund (m) Anlass(m), die Veranlassung.**

Обратимся теперь к нашим примерам, которые мы сгруппируем сначала по лексическим комплексам.

Причина - la cause/ die Ursache

(1)...успел (Степ. Тимофеевич) защитить блестящую диссертацию о возникавшем было гражданском и ганзеатическом значении немецкого города Ганау в эпоху между 1414 и 1428 годами, а вместе с тем и о тех **особенных и неясных причинах**, почему значение это вовсе не состоялось («Бесы»).

(1a) *Il soutint avec éclat une thèse sur l'importance civique et hanséatique qu'aurait pu avoir la petite ville allemande de Hanau, dans la période de ... et sur les **causes** obscures qui l'avait empêché de d'acquérir ladite importance.*

(1b) *Dann schrieb er eine glänzende Dissertation über den anfänglichen und hanseatischen Aufstieg der deutschen Stadt Hanau ... und gleichzeitig über die besonderen und ungeklärten **Ursachen** warum es zu keinerlei Aufstieg kam.*

(2) **Причины** начинающегося разрыва покамест были еще для Варвара Петровна таинственны, а, стало быть, еще пуце обидны (Бесы).

(2a) *Les **causes** de cette rupture étaient encore mystérieuses pour V.P., ce qui la vexait tout particulièrement.*

(2b) *Die **Ursachen** des beginnenden Bruchs blieben für Warwara Petrowna noch im dunklen und mussten sie daher krank.*

(3) Да, Петр Александрович, вы великого падения были **причиной** (Братья Карамазовы)

(3a) *Hélas, Piotr Alexandrovitch, vous avez été la vraie **cause** de ma déchéance morale.*

(3b) *Ja, Pjotr Alexandrowitsch, Sie waren die **Ursache** eines verhängnisvollen Falls.*

(4) Если и тебя ... побеспокоили **из-за** меня такими же презренными письмами, ... то, конечно, первая жалею, что послужила невинною **причиной** (Бесы).

(4a) *Si toi aussi, ... on t'a inquiétée à cause **de** moi, ... de ces misérables lettres, sans doute je suis la première à regretter d'en avoir été **innocemment la cause***

(4b) *Wenn auch du meinentwegen mit solche verächtlichen Briefen beheligt, dann tut es mir leid die **unschuldige Ursache** gewesen zu sein.*

Причины - raisons/ Gründe, Anlассs

(5) Я имею **причины**, чтобы нас не заподозрили в экстренном разговоре с целью; тут есть люди, которые очень интересуются нашими отношениями (Идиот).

(5a) *J'ai **mes raisons** pour qu' on ne vienne pas nous soupçonner d'avoir une conversation secrète. Il y a parmi les invités des gens qui s'intéressent beaucoup à notre conversation.*

(5b)... ich habe **meine Gründe** jeden Argwohn zu vermeiden, dass wir unaufschiebbares Gespräch miteinander zu führen hätten; es sind Leute hier, die seher auf unsere Beziehungen achten...

(6) - Знаю, знаю, что ты скажешь, перебил Алеша, «Если ты мог быть у Кати, то у тебя должно быть вдвое **причин** быть здесь («Униженные и оскорбленные»).

(6a) - Je sais, je sais ce que tu va me dire, l'interrompt Aliocha, "Si tu as pu aller chez Katia, tu avais dix fois plus de **raisons** de te trouver ici"

(6б) - Ich weiss schon, was du sagen willst: "Wenn du bei Katja sein konntest, hättest du doppel soviel **Anlass** gehabt, hier zu sein".

Причина - motif, mobile / Grund, Motiv, Beweggrund

(7) - Впрочем, у нее была и другая **причина** к поездке, именно возобновление высших связей («Бесы»)

(7a) D'ailleurs, il y avait un autre **motif** à son voyage: elle songeait à renouveler ses hautes relations.

(7б) Für sie gab es übrigens einen zweiten sehr wichtigen **Grund** zur Reise, nämlich die wieder Aufnahme höchster Verbindungen.

(8) Не забудем, что **причины** действий человеческих обыкновенно бесчисленней, сложнее и разнообразнее, чем мы их потом объясняем и редко определенно очерчиваем («Идиот»).

(8a) N'oublions pas que **les mobiles** des actions humaines sont habituellement beaucoup plus complexes qu'on ne le figure après coup; il est rare qu'ils se dessinent avec netteté.

(8б) Wir wollen nicht vergessen dass **die Motive** der menschlichen Handlungen gewöhnlich unendlich kompliziert und mannigfaltig sind, als wir näher immer glauben, und sich nur selten mit Sicherheit angeben lassen.

(9) Я, впрочем, вру. Соня, давно уже вру, ты справедливо говоришь, совсем, совсем другие тут **причины** Я захотел осмелиться и убил, Соня, вот и вся **причина**. («Преступление и Наказание»)

(9a) Tu as raison, ce sont des **motifs** tous différents qui m'ont fait agir. ... Alors .. j'ai voulu oser et j'ai tué... tel fut le **mobile** de mon acte.

(9б) ... ich rede seit schon langer Zeit so sinnlos. .. Ich hatte ganz andere **Beweggründe**, ganz andere ! Ich.. ich wollte es wagen, Sonja, das war mein ganzer **Beweggrund**.

Теперь мы представим эти же примеры в сильно укороченном и упрощенном виде, что позволит нам произвести краткий семантический анализ выделенных лексем.

С а у с а:

1. Причина как источник, происхождение (origo, causa efficiens): один фрагмент мира обуславливает своим появлением другой (вне конкретного индивида) . Causa poxa.

.....неизвестные **причины** упадка города Гейзенау (**les causes, die Ursachen**); ...**причины** участвовавших случаев самоубийств (**les causes, die Ursachen**); ... **причины** разрыва отношений (**les causes, die Ursachen**).

Причина как чья-то вина (один человек по отношению к другому). X - причина (=виновник) морального падения, беспокойства Y (**la cause, die Ursache**). Causa culpa.

Causa impulsiva

2. Причина как побуждение... **причины** убийства старухи Раскольниковым (**mobile, motif, Beweggrund**).

R a t i o

3. Причина как соображение, довод, резон, аргумент (ratio cognoscendi) ... я имею свои **причины** скрывать (**mes raisons, meine Gründe**) ; ...у тебя есть **причины** быть здесь (**raisons, Anlass**);

Причина как мотив, цель (ratio agendi): **причины** действий человеческих (**les mobiles, die Motive**); другая **причина** к поездке (**motif, Grund**);

В заключение следует, прежде всего, воздать должное В.И. Далю, который, точно так же, как и Я. и В. Гримм, не пренебрег классической традицией, что, скорее всего, и позволило ему дать столь богатое определение слова *причина*, все основные оттенки которого проявились в примерах нашего корпуса.

ЛИТЕРАТУРА

- Всеволодова, Ященко 1988 - *М.В., Всеволодова, Т. А. Ященко*. Причинно-следственные отношения в современном русском языке М., 1988
- Вригт 1986 - *Г.Х. Вригт, фон*. Логико-философские исследования. М., 1986
- Богуславская, Левонтина 2004 - *О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина*. Смыслы 'причина' и 'цель' в естественном языке // ВЯ, 2004. № 2.
- Иорданская, Мельчук 1996 - *Л.Б. Иорданская, И.А. Мельчук*. - К семантике русских причинных предлогов // Московский лингвистический журнал. Т.2. М., 1996.
- Левонтина 1997 - *И.Б. Левонтина*. Словарная статья ИЗ-ЗА 4 // Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б., Урысон Е.В., Гловинская М.Я., Крылова Т.В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Под общим руководством академика Ю. Д. Апресяна. 1997.
- Маслиева 1980 - *О.В. Маслиева*. Становление категории причинности. М., 1980.
- СД 1955 - *В.Д. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.3. М., 1955.
- СО 1991 - *С.И. Ожегов*. Словарь русского языка (под редакцией Н.Ю.Шведовой), 1991.
- ССР 1962 - Словарь современного русского литературного языка. М.-Л. 1962. АН СССР. Т 11.
- СТО 1997 - Толковый словарь русского языка. С.И. Ожегова и Ю.Д. Шведовой. 4-е изд-е, испр, М. 1997
- СУ 1939 - Толковый словарь русского языка/ под ред. Д.Н. Ушакова. Т.1-4. М., 1939.
- СЛ 1997 - *В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина*. Русский толковый словарь. М. 1967.. 1997
- DL 1976 - Logos. Grand Dictionnaire de la langue française. Bordas, 1976. Т. 2
- DB 1977 - Dictionnaire des synonymes par R. Bailly. Larousse. 1977.
- DR 1989 - Le Robert. Dictionnaire de la langue française. 1989.
- DGL 1997- Grand Larousse de la langue française en sept volumes. P, 1997.
- W G 1936 - Deutche Wörterbuch von J. und W. Grimm. Leipzig. 1936.
- WD - Das grosse Wörterbuch der Deutschen Sprachen in zehn Bänden. B.g Dudenverlag .
- СТН 1988 - Большой толковый словарь нем. яз. Изд-во МАПТ. М. 1988
- LD 1978 - *C. Lewis. A. Short*. Latin Dictionary. Oxford, 1878.
- TLL 1906 - Thesaurus linguae latinae, vol. 3, 1906. Lipsia, Teubner. .
- LEW 1938 - *A. Walde, J. B. Hofman*. Lateinische etymologisches Wörterbuch. Zweiter Band. Heidelberg, 1938.
- DEL 1979 - *A. Enout, A. Meillet*. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. – 1979
- СЛР 2004 - *И.Х. Дворецкий*. Латинско-русский словарь. / 6-е изд-е. М. 2004.

Renate Rathmayr

Новые роли в новой деловой коммуникации. На примере жанра собеседования.

*С глубоким уважением к Юрию
Дерениковичу Апресяну, роль
которого в современной
лингвистической науке
невозможно переоценить.*

1. Введение

Процесс перехода от плановой к рыночной экономике¹ в России проходит на фоне всемирной глобализации, в связи с которой заимствованные инструменты менеджмента, принятые в рыночной экономике, сами подвергаются изменениям (ср. Mikl-Horke, 2004, 98, 117). Данные трансформации касаются как реальности экономической жизни, так и отношения деятелей экономики к инновациям, что в свою очередь приводит к гетерогенной ситуации, объединяющей различные новые и традиционные формы совершения экономической деятельности. Весь этот процесс отражается в различных связанных с экономикой областях, таких как реклама, паблик рилейшнз, веб-страницы фирм и многие другие. В данной статье рассматривается процесс приема на работу.

Процесс приема на работу включает в себя несколько этапов, из которых некоторые могут опускаться: объявление вакансии, заявка на вакансию, написание резюме, заполнение анкеты, тестирование, Assessment центр (отборочный центр), личное собеседование. В фокусе данного исследования находятся собеседования, которые, вполне обосновано считаются одним из наиболее затратных по времени действий в работе с персоналом (Борисова в Ходгсон 2006, 7). По проведению интервью при найме на работу существует богатая литература с рекомендациями, как для работодателей, так и для соискателей работы. Согласно этим руководствам, менеджеры по персоналу должны задавать целый ряд определенных вопросов. Зарецкая (2002,2, 251-274) рекомендует 21 универсальный и 4 дополнительных вопроса для меняющих место работы и дополнительно приводит список тем, которые по закону не должны

¹ Экономисты считают, что Россия совершила 56% процесса трансформации от плановой до рыночной экономики. (ср. Springer 2007, 278)

обсуждаться но, как она считает, «наверное, обсуждаются». Соискателям же рекомендуется создать о себе как можно более привлекательное впечатление. „Основная цель: Сформировать о себе с самого начала положительное впечатление!“ (Зарецкая (2002,2, 261) Самый исчерпывающий материал – 100 вопросов и образцовых ответов - в переведенной с английского книге „Блестящие ответы на трудные вопросы при приеме на работу“ (Ходгсон 2006). Вариации этих ответов в книгах русских авторов, ср., например, Анисимова, Гимпельсон (2007), Иванов, Шустерман (2006) и др.

По классификации Китайгородской, Розановой (1999) жанр собеседования можно отнести к нефатическому, диалогическому общению в сфере деловых отношений. Как показывает анализ собеседований, в них, тем не менее, присутствует достаточно сильная доля фатической коммуникации, ибо соискатель интересуется работодателя не только как профессионал, но и как человек: *«Нужно понять его личность: неадекватность в личностном плане сразу исключает претендента.»*² Собеседования характеризует особая интенциональность: найти самого квалифицированного сотрудника с одной, и получить привлекательное место работы с другой стороны, что несет отпечаток идеологии рыночной экономики.³ Самопрезентация включает элементы нарративного интервью, в котором интервьюируемый инсценирует презентацию с целью показа «самого лучшего я». Проблема управления впечатлением о себе впервые рассматривалась американским социологом Goffman (1971) и характеризуется тремя установками: 1. образ я – представление индивида о самом себе, 2. самооценка – аффективная оценка этого представления и 3. потенциальная поведенческая реакция (ср. Некрасова, Н.А., Некрасова У.С. 2007). Для получения места работы нужны отличные деловые и личные качества и способности, но во многих культурах красочная самопрезентация считается в некоторой степени неприличной.⁴ Неприличие смягчается тем, что самопрезентация в ситуации собеседования происходит не по инициативе говорящего, а является требуемой реакцией на побуждение интервьюера. Таким образом, она теряет часть неловкости, но как показывают анализы собеседований и интервью с экспертами, определенная доля неловкости остается, хотя бы у части соискателей.

² Цитата из интервью, проведенного в 2008 г. с менеджером по персоналу (в дальнейшем ТЯ) большой международной компании в Москве.

³ Ср. аналогичное прагматическое описание языковой личности госслужащего, Панова (2006).

⁴ Ср. толкования глаголов *хвалиться*, *гордиться* и синонимов, Апресян 2004, 230-234, 1233-1237.

Данная статья базируется на материалах, собранных в первом полугодии 2008 г.: записи 18 собеседований, проведенных на фирмах и в кадровых агентствах в Москве и другом большом городе РФ (в дальнейшем С) и 23 интервью с менеджерами по персоналу, представителями кадровых агентств и директорами (в дальнейшем: интервью с экспертами). Интервью с экспертами были записаны в различных компаниях и предприятиях в Москве (10) и городе С (13). На основе анализа содержания этих интервью были созданы анкеты для работодателей и соискателей. На данный момент имеется 49 анкет заполненных экспертами, которые выбирают персонал, и 50 анкет заполненных соискателями, которые нашли работу после собеседования. Анкетируемые работают в разных местах РФ: Москва, Московская область, Кемерово, Омск, Казань, Новосибирск, Нижний Новгород, Калуга, Ростов на Дону, Ставрополь, Тула.⁵ И хотя для количественного анализа этих данных пока еще недостаточно, их можно вполне использовать для определения тенденций развития в выбранной области.

В фокусе нашего внимания находятся как уровень речевой практики на собеседованиях, так и уровень мнений и оценок, отраженных в вопросниках и интервью. Гипотеза, что между уровнями речевой практики и ее оценки существуют большие различия, не оправдалась: в тех случаях, когда после интервью с экспертом предоставлялась возможность присутствовать на собеседовании, отмечалось намного больше сходств, чем различий.

Прагматическая компетенция для успешного участия в конкретной коммуникативной ситуации базируется на стабильном понятии ролей участников (Кто с кем общается?), на уверенности в адекватных для данной ситуации темах (О чем общаются?) и на уверенности в подходящих формулировках и стилистических регистрах (Как, на каком регистре – формальном, менее формальном, фамильярном общаются?). Для ситуации собеседования эти вопросы пока не решены: для участников еще не существует устоявшейся нормы – ни на уровне ролей, ни на уровне тем, ни на уровне стиля. Это существенно осложняет успешную коммуникацию в данной ситуации. Так, например, это прокомментировал Андрей Подпорин, управляющий компании KRAFTEK:

«Разумеется, хочется, чтобы собеседование, раз уж дело дошло до этой стадии, было

⁵ Выражаю глубокую благодарность Елене Петровне Буториной, которая оказала мне большую помощь при распространении и сбору анкет.

больше беседой и полезным общением для обеих сторон, а не следственным мероприятием или школой притворства.» (Подпорин, 2006-2008)

В дальнейшем мы будем рассматривать новые роли, в первую очередь роль работодателя или рекрутера. Анализ отражает, как эта роль воспринимается своими исполнителями и охватывает первое полугодие 2008-го года.

2. Новые социальные роли

В советское время прием на работу осуществлялся по принципу распределения. Если претендент на работу имел хорошие связи, то ему кто-то «помогал» получить лучшее место. По идеологии же рыночной экономики личные связи «кто-то делает что-то для кого-то» превратились в деловые отношения, где все зависит от конкретных деловых качеств и достижений (Leistung) обеих сторон. На практике это не всегда так, причем не только в России, но и в странах западной Европы и в Америке, где несмотря на формальные и установленные законом правила приема на работу сотрудники часто выбираются по личным контактам и рекомендациям.

Не смотря на то, что в России еще существуют традиционные формы «распределения» рабочих мест, также и широко применяются новые практики рекрутинга, причем не только в международных компаниях. В фокусе данной статьи находится ролевое распределение участников ситуации собеседования: с одной стороны профессионал (менеджер по кадрам/ директор предприятия, профессиональный рекрутер), с другой стороны соискатель работы. Как правило, у участников имеется явно выраженное разделение власти: вся власть находится у работодателя. Тем не менее, в актуальных условиях в России⁶, где скорее существует рынок работника (а не работодателя), согласно экспертам это не совсем так, ср.: *HR должен эту работу продать!*⁷

Так как по традиции российские начальники ошибок не делают, известная поговорка «я начальник – ты дурак» действует по-прежнему. В новых условиях всем необходимо учиться и перестраиваться, но особенно менеджеры старшего поколения, как правило, считают это ненужным. Это соответствует выводам, сделанным Колтуновой (2005, 7):

⁶ Имеется ввиду первое полугодие 2008 г., когда проводились записи интервью и собеседований. После кризиса, начавшего осенью 2008г. ситуация изменилась.

⁷ Цитаты из интервью и собеседований отмечены курсивом.

«Любой американец считает обучение речевым формам общения не только полезным, но и престижным. У нас часто можно еще услышать недоуменные вопросы обучающихся: 'Зачем нам учиться? Говорить-то мы умеем.'» В вопросниках 59% опрошенных менеджеров пишут, что готовились специально к собеседованию: 41% чтением специальной литературы, 18% участием в специальном тренинге. А из соискателей специально готовились только 29 %: 13% читали специальную литературу и 16 % посещали тренинг.

Динамику процесса изменений очень удачно описала СК, менеджер по персоналу большой российской компании (40000 сотрудников), основанной еще в советское время в городе С: *Раньше не было такой системы/ это мы её завели/ вот новая команда// Раньше принималось конечно по – другому// Кто – то позвонил/ сказал там вот/ у него там сын учится/ и так далее// Вот мы это всё дело поломали/ нажили себе массу/ недоброжелателей (смеётся)// Ну естественно//[...]// Но/ у нас очень прогрессивный руководитель/ и только он/ поддерживает/ и поэтому мы сдерживаем вот этот вал// Потому что звонки идут/ и с администрации/ и там/ э-э/ с милиции/ откуда только не идут/ и на него шли эти зв- звонки особенно/ а потом когда народ понял что/ нет/ здесь не так/ что нужно просто прийти/ принести свои документы/ написать резюме/ и поучаствовать в конкурсе// И/ это даёт возможность поступить на работу/ а не звонок/ там/ я не знаю/ замглавы администрации// [...]*⁸ В дальнейшем она прочитала такое письмо, опуская имена и резюмировала: *То есть/ раньше таких писем/ и всяких э-э-э/ как бы/ э-э-э/ потуг/ было очень много// Поток был бумага// сейчас это вот/ редко// Но бывает ещё//*

Чтобы показать, как эта комплексная ситуация отражается в речевой практике и на мета-уровне мнений и оценок, мы представим здесь менеджеров по персоналу, профессиональных рекрутеров, директоров и других работодателей, ведущих собеседования и распределим их в три условные группы: «традиционалисты», которые отвергают все инновации, «западники-адоптеры», которые полностью заимствуют новые методы менеджмента и «интеграторы», которые интегрируют новые формы менеджмента в существующую культуру и традицию.

⁸ Так как в фокусе содержание реплик интервьюируемых в цитатах из интервью реактивные реплики интервьюера типа *угу, да* опускаются. Троеточие в квадратных скобках указывает на опущение реплик, не существенных для данного обсуждения.

2.1. Традиционалисты

В интервью с экспертами лучше всего позицию традиционалиста воплощает 58-летний директор преуспевающей мебельной фабрики в городе С (в дальнейшем ВК). Фабрику он основал сам в 1992 г., и на данный момент у него работает 50 сотрудников. ВК глубоко уверен в том, что все новые формы менеджмента – это только американская мода, которая России не нужна: *Тот кто это [книги про менеджмент] читает/ он дурак// [...] В России [американская модель менеджмента] не будет работать// В России работать не будет// Никогда//Не будет// Нас тогда заменить надо/ русских// Понимаете/ нас надо русских заменить// А это невозможно//* ВК уверен, что инструменты менеджмента не совместимы с русским менталитетом: *И вот эти вот менеджмент... менеджментские насаждения/ они будут разбиты о нашу ментальность/ однозначно// (...) Мы введём свои тёплые отношения/ дружеские/ которые никак не вписываются в те процессы которые прописаны... людям...* Далее ВК приводит пример из своего опыта: *Зарплату же не увеличивают// А хочется же больше! Каким методом? В единицу времени можно заработать больше/ если делать меньше// Делает// А по-дружески это всё прикрывается... (смеется) Вот в чём дружба// Перетусовали// Некоторое время работает/ [...] Русские так устроены/ уверяю вас... Поэтому регламентировать их нереально//*

Собеседования для ВК только пустые слова: *Поверьте мне/ из моей практики/ словам... слова это всего лишь слова// Марш в бой и докажи... прояви себя в бою! Через две недели увидим// Слова никого не интересуют// Мне нужны результаты/⁹ Своими сотрудниками ВК хочет иметь женатых мужчин с детьми: *Он должен работать и обеспечивать всё возрастающие потребности своей жены// А что ей надо она ему скажет// И так/ вот такой мужчина нам нужен// Женатый/ с детьми/ и ответственный// Он отвечает перед семьей//**

В Москве мы тоже встретились с представителем этой группы, директором издательского дома, который он сам основал в 1988 г (в дальнейшем ОЛ). У него 15-20 сотрудников и он также считает собеседования не особенно важными, а предпочитает опираться на опыт работы в данной области. Тем не менее, ОЛ проводит собеседования, но очень не любит, когда соискатели слишком хвалят себя: *Когда говорят я умею то и се/, для меня все//* При этом ОЛ полностью полагается на свою

⁹ Само собой разумеется, что коммуникативные навыки для производства мебели меньше нужны, чем для маркетинга или продажи.

интуицию: я интуитивно понимаю, что они вписываются вот в эту... они могут быть адаптированы вот/ к этому/ Но это не... невозможно/ это объяснять невозможно// Нравятся/ это как с любовью/ нравятся и нравятся/ ну чем нравятся/ не нравятся... (...) трудно очень объяснить/ почему нравятся / почему не нравятся// Иногда смотрите какой не красивый человек/ а какой он симпатичный// Так же бывает и ... и какой он не красивый/ но какой он приятный/

Таким образом мы видим, что традиционалисты ожидают соблюдения характерного для русской культуры прагматического постулата скромности. В корпусе они представлены руководителями старшего поколения (1950 и 1939 г. рождения) основавшими свои предприятия после перестройки, в 1992 и 1988гг. Тем не менее это не означает, что все представители данного поколения относятся к традиционалистам.

2.2. Западники-адоптеры

В отличие от предыдущей группы, высказывания представителей «западников-адоптеров» звучат как будто находятся среди менеджеров по персоналу в западных странах. Примером может служить ТЯ, 45 летняя женщина, директор отдела кадров большой международной компании в Москве. Она полностью освоила западный стиль менеджмента и глубоко убеждена в его правильности: *это позитив синкинг/ да это вот это позитивное мышление// Это очень плохо/ хотя кажется это так просто/ но это на самом деле очень сложно// Имея то что... имея способность людей мотивировать с позитивной стороны компания может достичь колоссальных результатов// Это один из самых сильных факторов на мой взгляд// И вот эта элементарная вещь не очень понятна/ и вернее они ее понимают но не все могут это принять// У нас просто очень так сказать я говорю поскольку э-э руководитель компании да швейцарец/ человек европеец который совершенно по личностным характеристикам очень позитивен и он зара... заряжает нас да вот этим всем¹⁰/* Собеседования ТЯ ведет по западному образцу и не смотря на то, что не представилась возможность присутствовать на таком собеседовании можно исходить из того, что собеседования она проводит так, как их описывает: ... *конечно если человек пришел на собеседование/ мы занимаемся с человеком/ мы беседуем с ним/* [**<RR>** *И какие темы вы там...*

¹⁰ Все 700 сотрудников компании – россияне.

<ТЯ> да/ мы не можем с ним беседовать пять минут/ да/ человек потратил время/ мы должны ему уделить... даже знаете бывает порой понимание что вот ты начинаешь беседовать через минуту понятно что он уже нам не нужен/ но мы не можем показать это/ Нам нужно красиво выйти из этой беседы/ чтобы он этого не почувствовал//

[<RR> И как это делается?

<ТЯ> Ну так вот это в соответствии с... это уже с уровнем профессионализма/ да/ понятно что мы его конечно выслушаем// Э-э безусловно наша задача/ у нас есть требования/ у нас существуют всяческие форматы корпоративных политик где если линейный менеджмент открывает позицию она у нас... она нам нужна/ он должен формализовать (пауза) что это за человек/ какими компетенциями он должен обладать да/ какие задачи и так далее/ то есть мы имеем некий заказ... четко формализованный... по которому мы начинаем работать/ и мы и агентство которое мы привлекаем//

Безусловно, ТЯ не задает политически некорректных вопросов о личной и семейной жизни соискателей или об их состоянии здоровья. В течение нашего интервью, которое продолжалось час и десять минут, ТЯ 12 раз упоминала идею «позитив синкинг». Она знает, что в России все еще существуют компании с авторитарным руководством, но убеждена, что новый тип руководителя больше уважается и в конечном итоге добивается лучших результатов для компании, чем агрессивный авторитарный руководитель: *поэтому мне кажется более беспристрастный вариант/ и более менее рисковый/ это как раз создавать условия комфортности для человека зону комфортности/ где его не унижают// Если его не унижают значит ему будет хорошо да/ и его уважают к нему прислушиваются/ то есть вот если компания идет по этому пути то она в общем правильная компания// Если компания идет по другому пути... э-э у меня большие сомнения//*

Новые инструменты менеджмента имплементируются не только в международных компаниях в Москве, но и в сугубо российских, например, в телевизионной компании в городе С, с 200 сотрудниками. Представим роль западника-адоптера из перспективы сотрудницы, которая прошла собеседование. Молодая сотрудница (32 года) этой компании (ОМ), которая занимается продвижением корпоративных услуг, любит свою работу, тем не менее, жаловалась на некоторые формы менеджмента. Она несколько

удивлена речевыми модулями, которые нужно употреблять и так же дресс-кодом: *Вот дресс-код у нас действует четыре дня в неделю/ понедельник-среда... понедельник-вторник-среда-четверг/ а пятница считается свободным днем/ то есть в пятницу человек может одеваться так как ему хочется/ джинсы... там например да... там какие-то...* Кроме того она жалуется на необходимость перехода в другой отдел, после того как члены коллектива привыкают друг к другу и как следствие между ними снижается конкуренция. На собеседовании ей особенно неприятным был вопрос о собственных слабостях: *Ну вот... в эту... при устройстве на работу в эту компанию наверное нет/ а вообще так вот в целом/ ну конечно там когда просят назвать там... «недостатки назовите свои»... потому что конечно (смеется) с одной стороны понимаешь что есть недостатки/ с другой стороны надо же их как-то озвучить/ так чтобы они не сильно повлияли на профессию/ да/ чтоб в общем-то они были/ но... не показали тебя с плохой стороны как-то там...*

<РР> Да/ и как вы решили эту сложную проблему?

<ОМ> Ну можно например... чего-нибудь сказать что вот я там опаздываю все время/ то есть надо какие-то/ да/ там черты присущие/ но чтобы вот на... профессию они как бы не влияли... то есть так...

Дальше обсуждался вопрос, мешает ли опоздание работе, и ОМ подтвердила, что нет. Она сознательно готовится к собеседованиям и очень хорошо объясняет трудность подавать себя спонтанно, но не наивно: *Ну да/ да/ вот какие-то такие вот психологические моменты/ ну да... думаешь конечно... там... преимущества/ недостатки/ особенно если получа... получалось так что/ ну к примеру что/ уходишь там из какой-то компании там не по своей воле/ или... даж... даже если и по своей... по своей/ все равно нужно придумать какое-то такое объяснение/ которое с одной стороны будет правдоподобным/ а с другой стороны/ не то что вот там «все плохие/ мне все надоели/ я ушел из той компании»... ну... вот чтоб так не выглядеть плохо/ то есть вот такие моменты/ да/ я когда иду на собеседование я их продумываю// Почему меня не устраивала там зарплата/ почему я решила поменять работу/ там какие-то наверное рассм... продумывают жизненные тоже там приоритеты/ ценности там/ планы на ближайшие три года/ на ближайшие пять лет/ опять же... планы... которые были бы интересны работодателю/ потому что если я скажу/ что я хочу там в ближайший год выйти замуж/ то меня могут просто не взять/ ну к примеру скажут: «У-у... эта девушка на семью и на ребенка*

ориентирована/ год поработает и все»... то есть... Они конечно может быть и есть/ но работодателю это скажем так они ну... не интересны наверное...

Приведенные примеры работодателя и (бывшего) соискателя показывают, что особенно от соискателей и подчиненных сотрудников полное заимствование новых моделей проведения собеседований и работы с персоналом требуют больших усилий.

2.3. Интеграторы

Промежуточная позиция группы интеграторов заключается в сочетании инновации и традиции и обещает больше успеха, чем экстремальные позиции. Модификаторы или интеграторы умеют сочетать лучшее из русской традиции с элементами новой рыночной экономической практики. Таким образом, им удастся сохранить свое культурное самоуважение. Принятая еще в 1997 году национальная программа «Российская деловая культура» является попыткой такой интеграции на государственном уровне, хотя широкого ее распространения среди российских предпринимателей пока не наблюдается.¹¹

Группу интеграторов может представить уже упомянутая ранее СК, директор отдела кадров большого, основанного в 1967 г. предприятия в городе С. СК не просто задает предписанные учебниками вопросы типа: *Скажите/ что для вас важнее на рабочем месте/ возможность карьерного роста/ хорошие отношения в коллективе/ хорошая зарплата ну или может быть что-то другое?* – а помогает претендентам при затруднениях, подбадривая *но Вы не бойтесь, рассказывайте*, и не ожидает от них «идеальных ответов». Она интегрирует большое количество советских традиций в свою деятельность директора по персоналу: например, когда я в мае 2008 г. была у нее на предприятии, она организовала превентивный семинар о наркотиках и в воскресенье большой праздник для детей не только сотрудников предприятия, но и всего города. На предприятии есть кружки самодеятельности: театр, танцы, живопись, музыка, поэзия и другие. Таким образом достигается идентификация города с предприятием и эффективно повышается мотивация сотрудников.

Другой пример интегративного подхода к менеджменту – директор рекламной компании (Э), который хочет открыть филиал в другом городе и для этой задачи ищет

¹¹ Ср. написанную на кафедре Славянских языков Венского экономического университета дипломную работу Levitcheva (2009).

директора. Среди многих спонтанных вопросов он задавал и один «из учебника»:
Почему из 9 кандидатов я должен выбрать именно Вас? Ответ на вопрос: почему он это спрашивает, хотя это не совсем вписывается в ход интервью – был еще одним доказательством быстрого темпа изменений и динамичного развития российского мира бизнеса: Э указывал на то, что нужно действовать быстро, чтобы быть первым. Э не готовился к собеседованиям основательно из-за отсутствия времени, но у своего друга услышал этот вопрос: *я присутствовал при / пяти шести наверное собеседованиях/ вёл мой знакомый товарищ/ взрослый человек у которого три четыре бизнеса/ там очень много нахватался просто/ и всё/ в тех рамках в которых я могу себе позволить / он немножко жёстче ведёт/ Да/ он спрашивает продай мне себя/ у него любимый вопрос/ продай мне себя/ Вот// Я пока себе ещё не могу позволить/*

Надо отметить, что отсутствие времени вообще характерно для ситуации собеседования: цитируемый выше директор беседовал с 9 кандидатами максимум от 5 до 20 минут.

3. Резюме

Анализ собеседований и интервью с экспертами показывает, что 20 лет после начала перестройки в русском деловом дискурсе присутствуют как традиционные формы, так и новые формы западного рыночного стиля и понятия ролей. Это приводит к прагматическим ролевым конфликтам между «русскостью» и «рыночным» корпоративным этикетом. Мы увидели, что представители работодателей и рекрутеров весьма разнообразно справляются со своими ролями и очень по-разному оценивают достижения современного бизнес-этикета. Конечно трудно предсказать дальнейшие тенденции и развитие, но вероятно больше всего шансов у интеграторов, которым удастся совместить традицию с инновацией, сохраняя национальные и исторические особенности, дополняя их новаторством и западным опытом.

Библиография:

- Анисимова, Т. В., Гимпельсон Е. Г. Речевая компетенция менеджера, Москва, 2007.
 Апресян, Ю.Д., Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, 2-ое издание, Москва-Вена 2004.
 Зарецкая, Е.Н. Деловое общение, Москва, 2002.
 Иванов, М.А., Шустерман, Д.М. Организация как ваш инструмент, Москва 2006.

- Китайгородская М.В., Розанова, Н.Н. Речь москвичей, Москва 1999.
- Колтунова, М.В. Деловое общение. Нормы. Риторика. Этикет. Москва, 2005 2-ое издание.
- Наумов, В.В.: Лингвистическая идентификация личности. Юристам-криминалистам, менеджерам по кадрам, лингвистам, социологам, психологам. Москва: КомКнига 2006.
- Некрасова, Н.А., Некрасова У.С. Самопрезентация: Сущность и основные характеристики. Научный журнал «успехи современного естествознания» 11, 2007.
http://www.rae.ru/use/?section=content&op=show_article&article_id=7778533 (16.10.2009)
- Национальная программа "Российская деловая культура" 1997
<http://www.tpprf.ru/ru/main/committee/kometik/prog/pr1/> (3.12.2008)
- Панова 2006 – Панова, М.Н. Языковая личность в административном дискурсе. В: Языковая личность: Текст, словарь образ мира. Сборник статей. Тематический план 2006, 37, 69-75.
- Подпорин: Собеседование – школа притворства? (Андрей Подпорин, управляющий компании KRAFTEK; © Кадровое агентство CLC-Казань 2006 - 2008, clc@clc.su)
<http://www.clc.su/article032.htm>; 9.10.2009)
- Ходгсон 2007 – Ходгсон, Сюзан, Блестящие ответы на трудные вопросы при приеме на работу, М., 2006.
- Goffmann, Erving: Interaktionsrituale. Über Verhalten in direkter Kommunikation. Frankfurt/M.: Suhrkamp 1971.
- Levtcheva, Olga: Национальная программа «Российская Деловая Культура». Концепт и реализация. Дипломная Работа на русском языке, Венский экономический Университет, Wien 2009.
- Mikl-Horke, Gertraude: Globalization, Transformation and the Diffusion of Management Innovations. В журнале Journal for East European Management Studies vol.9, No.2, 2004, 98-122.
- Springer, Reiner: Marketing für Transformationsmärkte. В сб.: Sprache und Diskurs in Wirtschaft und Gesellschaft. Interkulturelle Perspektiven, hgg. von U. Doleschal, E. Hoffmann, T. Reuther. Frankfurt am Main etc. 2007, 269-284.

Рылова А.А.

Российский государственный гуманитарный университет / АБВУУ

Профессиональные системы для создания словарей: история, особенности, перспективы развития

Введение

За долгие годы своего развития лексикография прошла через различные этапы – от бумажной лексикографии к машинописной и далее к электронной. В наше время уже трудно представить лексикографа, который создает словарь на бумажных каталожных карточках, описывая словарные входы от руки. Сначала карточки стали набирать на печатных машинках, а затем использовать для создания словарей компьютер. Использование компьютера не ограничивается использованием его в качестве «печатной машинки», с течением времени все более развивалось использование специальных компьютерных приложений для создания словарей. Иногда авторы словарей и издательства используют различные текстовые редакторы (например MS Word), базы данных (MS Access) или средства XML-разметки при написании словарей. Однако на смену универсальным приложениям, которые могут быть использованы для различных целей, приходят профессиональные приложения для создания словарей – специально разработанные с учетом нужд лексикографов и особенностей процесса создания словаря. Именно о таких приложениях пойдет речь в докладе.

История компьютерной лексикографии

Компьютеры входят в жизнь лексикографов уже в 60-е годы прошлого века. Например, в издательстве Random House в 60-70-е гг. лексикографы продолжали писать словарь на карточках от руки, а технические специалисты заносили словарь в базу данных. Одной из особенных функций этой базы была автоматическая проверка перекрестных ссылок в словаре. Таким образом лексикографы были избавлены от этой рутинной работы, а качество словаря улучшалось – все ссылки в словаре были верными (вели на нужные лексемы и значения) и не было подвешенных ссылок (ссылок, ведущих в никуда, т.к. лексема или значение были удалены). С конца 70-х годов начинается активная разработка и использование компьютерных технологий в лексикографической работе издательства Longman. В 80-е годы начинается создание и использование корпусов

текстов в работе словарных издательств (Collins создает корпус и использует найденные в нем примеры для иллюстрации словарных значений), в 90-е годы лексикографы начинают работать непосредственно на компьютере, уже без помощи технических специалистов. В использовании компьютерных приложений для создания словарей наблюдаются три основных тенденции: 1) использование различных универсальных компьютерных приложений – текстовых редакторов, баз данных, средств семантической разметки; 2) разработка внутри издательства собственного приложения, адаптированного под нужды конкретных словарных проектов; 3) покупка профессиональных приложений для создания словарей, разработанных в различных ИТ-компаниях. Пока компьютеры и оборудование были дорогостоящими, профессиональные решения использовались только в крупных издательствах, а словарные проекты велись лексикографами, которые работали внутри издательств; с бурным развитием информационных технологий и распространением домашних компьютеров все больше лексикографов и редакторов начинают использовать профессиональные решения для создания словарей и работать из дома. Интернет и развитие сервисов удаленного доступа позволяет лексикографам работать вместе над одним словарем, находясь в различных уголках земного шара – например, в двуязычном англо-французском словаре переводы могут быть написаны английским лексикографом и затем проверены редактором из Франции. Описанная выше тенденция актуальна и в начале 2000-х гг. – все больше лексикографов, редакторов и индивидуальных авторов словарей используют в своей работе профессиональные компьютерные приложения – будь то приложения, разработанные в издательствах или профессиональные системы для создания словарей (dictionary writing systems – DWS), доступные на данный момент.

Особенности и свойства профессиональных систем для создания словарей

Структурирование словарной информации

Одной из особенностей профессиональных систем для создания словарей и одним из основных отличий таких систем от текстовых редакторов типа MS Word является структурирование информации в словаре и словарной статье. Каждая зона словарной статьи в системах для создания словарей (ССС) размечена маркерами, например, тегами. Информация в словарной базе данных, таким образом, хранится в структурированном виде – всегда можно понять, какая часть статьи является переводом, какая – синонимом, идиомой и т.п. В этом основное отличие разметки от форматирования, которым часто пользуются при работе с MS Word – мы знаем, что данная часть словарной статьи не

просто кусок текста, написанный жирным или курсивом, мы знаем, что данная часть словарной статьи является заголовком или примером.

Фильтрация и работа с выборками статей

Работа со структурированной информацией открывает для лексикографа широкие возможности работы со словарем. Одной из таких возможностей является фильтрация. Когда лексикограф имеет уже значительный наработанный словарный материал, он может осуществлять поиск по созданным им словарным статьям. Поскольку статьи структурированы, то это будет не просто поиск по слову во всем тексте словаря, а более сложный поиск – можно искать слова в определенных зонах словаря, можно производить поиск по определенной помете, по количеству значений в статье и по множеству других параметров. Например, можно найти все слова, у которых встречается слово «собака» в идиомах, найти все фразовые глаголы в словаре, найти всю религиозную лексику, найти все статьи с количеством значений не более 10.

Также структурирование словарных статей позволяет производить различные манипуляции со словарем, например, извлекать малые словари из больших путем сокращения количества примеров (автоматически оставлять в словаре только первые два примера), или убирая некоторые зоны из словаря – например, зону антонимов или этимологии.

Публикация словаря

Важное свойство структурированного словаря – быстрота публикации такого словаря. Если информация в словаре структурирована, то из такого словаря легко сделать макет для публикации его в бумажном виде – при импорте в системы для верстки каждая зона словаря приобретет заданный вид – шрифт, цвет, размер, жирность. Из одного и того же словаря можно получить разные макеты, задав соответствующие параметры отображения для каждой зоны словаря при верстке. Структурированный словарь можно опубликовать в Интернете и выложить на любой веб-страничке – большинство профессиональных систем для создания словарей предоставляют возможность экспорта словаря в различные форматы, в том числе XML, HTML и другие. Структурированный словарь можно опубликовать в электронном виде, если формат экспорта из CCC позволяет это (например приложение ABBYY Lingvo Content тесно связано с

электронным словарем ABBYY Lingvo и авторы словарей могут публиковать свои словаре в электронном виде).

Организация работы лексикографов и редакторов в словарном проекте

Профессиональные системы для создания словарей обычно обладают функциями для организации, распределения и контроля работы в словарном проекте. Во-первых, такие системы имеют, как правило, клиент-серверную архитектуру. Это означает, что лексикографы и редакторы могут работать одновременно над одним и тем же словарем. Система блокировки статей не позволит им править одну и ту же статью; в свойствах каждой статьи можно увидеть логин пользователя, который работает в данный момент или должен работать в будущем над данной статьей; лексикографы и редакторы могут находиться в разных частях света и работать совместно над одним словарем. Кроме того, существует система распределения работ, когда, например, один лексикограф работает со статьями-именами собственными, а другой с экономической лексикой.

В профессиональных системах для создания словарей также существуют различные виды истории и статистики. История словаря содержит информацию с какими статьями происходила работа в определенный период времени, какой была эта работа (например, создание статьи, редактирование статьи) и кто ее выполнял. История статьи позволяет просмотреть внесенные в статью изменения и сравнить две версии статьи. Статистика показывает, сколько статей в словаре, сколько идиом, примеров, устойчивых словосочетаний и других зон словаря.

Автоматизация некоторых задач лексикографа

В своей работе лексикограф, как правило, совмещает интересные творческие задачи, связанные с исследованием и описанием языка и рутинные работы, которые направлены на унификацию статей в словаре, проверку последовательности представления информации. Словарь – это с одной стороны живой организм, а с другой – стройная система, в которой все похожие факты языка должны быть описаны одинаковым образом, все данные должны быть согласованы между собой.

Рутинные задачи, направленные на унификацию данных, выполняются автоматически в системе для создания словарей. Примерами таких задач могут служить автоматическая перенумерация значений – если лексикограф или редактор хочет добавить

25-е значение в статью с 50 значениями, то система перенумерует значения автоматически – 25-е значение встанет на нужное место, а все следующие за ним значения будут перенумерованы; другой пример – автоматическая проверка перекрестных ссылок между статьями. Если ссылка вела на конкретное значение словарной статьи (с указанием его номера), то при смене места этого значения ссылка и номер значения в ссылке будут обновлены автоматически. Если словарная статья или значение в словарной статье будет удалено, то система выдаст предупреждение; тогда ссылку, которая станет неработающей, можно будет удалить автоматически или вручную.

Словарные пометы в системах для создания словарей существуют, как правило, в виде фиксированного списка. Для того, чтобы добавить помету, лексикограф выбирает из фиксированного количества вариантов помет и, таким образом, достигается единообразие помет по всему словарю.

Также важной подпорой для лексикографа являются шаблоны статей. В словаре похожие классы лексем должны быть описаны одинаково. Например, все животные или все географические названия. В системах для создания словарей обычно существует возможность задать шаблоны для описания различных языковых единиц. Когда лексикограф сталкивается с тем или иным словом, он может выбрать нужный шаблон и описывать его в соответствии с принятыми в методике словаря нормами.

Ну и, конечно же, одной из базовых функций систем для создания словарей является проверка орфографии.

Перспективы развития систем для создания словарей

В настоящее время существует четыре профессиональные системы для создания словарей, разработанные лексикографами и для лексикографов. Разработки таких систем велись в разных уголках мира начиная с 90-х годов XX века и на данный момент наиболее популярными из них и наиболее востребованными являются системы:

IDM DPS (Франция);

ABBYY Lingvo Content (Россия);

TshwaneLex (ЮАР);

iLex (Дания).

Все эти системы обладают большим набором различных функций, помогающих вести работу над словарными проектами. Одним из важных отличий таких систем являются особенности пользовательского интерфейса – одни системы более понятны и просты для освоения, другие – более сложные и не рассчитанные на неподготовленного

пользователя. В любом случае, во всем мире такими системами пользуются лексикографы, редакторы, авторы словарей и крупные словарные издательства. Системы для создания словарей развиваются и все больше являются подходящими для различных нужд всех участников словарного проекта.

Одной из важных перспектив развития таких систем является интеграция их с различными ресурсами, которыми пользуется лексикограф в своей работе, например, с корпусами, а также адаптация таких систем под различные виды словарей – языковые (одноязычные, двуязычные, многоязычные), специализированные (тематические), тезаурусы, энциклопедии, учебные словари.

Развитие систем для создания словарей происходит в тесном взаимодействии с лексикографами, которые используют эти системы и высказывают свои пожелания. Таким образом, достигается несколько целей – с одной стороны, современные технологии приходят на помощь лексикографу, с другой – каждый лексикограф влияет на развитие технологий в области лексикографии.

Список литературы:

- 1) Atkins, B.T.S. & Rundell, M. (2008). The Oxford Guide to Practical Lexicography. Oxford: Oxford University Press.
- 2) Grefenstette, G. (1998) The future of linguistics and lexicographers: will there be lexicographers in the Year 3000? In Fontenelle et al. (Eds.) Proceedings of the Eighth EURALEX Congress (pp.25-41). Liege: University of Liege.
- 3) Hockey, S.M. (2000). Dictionaries and lexical databases. In Electronic Texts in the Humanities: Principles and Practice (pp. 146-171). Oxford & New York: Oxford University Press.
- 4) Heid, U. (2009) Aspects of Lexical Description for Electronic Dictionaries. In Proceedings of eLexicography in the 21st century: New challenges, new applications. Louvain-la-Neuve.
- 5) Kuzmina V., Rylova A. (2009) The ABBYY Lingvo electronic dictionary and the ABBYY Lingvo Content dictionary writing system as lexicographic tools. In Proceedings of eLexicography in the 21st century: New challenges, new applications. Louvain-la-Neuve.
- 6) Rundell, M. (2009) The Road to Automated Lexicography: First Banish the Drudgery... the the Drudges? In Proceedings of eLexicography in the 21st century: New challenges, new applications. Louvain-la-Neuve.
- 7) Tarp, S. (2008) Lexicography in the Borderland between Knowledge and Non-Knowledge. Lexicographica. Series Maior, 134. Tübingen: Niemeyer.

- 8) Рылова А. Использование профессиональных приложений для создания словарей в работе лексикографа и авторского коллектива / Новое в теории и практике лексикографии: синхронный и диахронный подходы: материалы VIII Международной школы-семинара, Иваново, 10-12 сент. 2009 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2009. с.382-386.
- 9) Рылова А. Профессиональные системы для создания словарей как рабочий инструмент лексикографа / Слово и словарь Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр. по лексикографии, ГрГУ им. Я.Купалы. – Гродно: ГрГУ, 2009.

РИТОРИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ: СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА, ЛОГИКА

В докладе выделены и рассмотрены различные типы риторических вопросов, описана специфическая логика риторических вопросов и мотивационные семантико-прагматические механизмы, связывающие их с собственно вопросами и обуславливающие их специфику.

1. Риторические вопросы (далее РВ) традиционно определяются как вопросительные (по своей форме) высказывания, имеющие «повествовательное значение» [Бердник 1974], выражающие экспрессивно окрашенное утверждение или отрицание [Русская грамматика 1980, т. 2, § 2624]. В связи с этими (безусловно, на определенном уровне правильными, однако свехупрощенными) определениями и характеристиками возникают следующие вопросы.

Первый вопрос это — почему вопросы? Зачем нам нужны вопросы для того, чтобы выразить утверждение или отрицание? И почему они «полярны»? Каков источник этой полярности? В каком смысле они «экспрессивны» и почему они экспрессивны? Каковы механизмы, мотивирующие переход вопросов в РВ?

РВ (как и любые вопросы в «сдвинутом», не прототипическом употреблении) сохраняют, пусть в трансформированном виде, какие-то признаки собственно вопросов — иначе не было бы смысла использовать вопросы. Основной и, может быть, главный признак собственно вопросов, сохраняющийся в РВ — это то, что РВ, в отличие от повествовательных (дескриптивных) высказываний, выражают (описывают) **обе альтернативы**, предполагаемые вопросом. Обе альтернативы — ‘Р’ и ‘не Р’ — **релевантны** в ситуации употребления РВ, и в этом главная причина использования РВ вместо «плоских», одномерных утверждений и отрицаний. Однако, в отличие от собственно вопросов, где говорящий (Г) описывает действительность в виде альтернатив потому, что он не знает, какая из альтернатив имеет место, причина альтернативного описания в случае РВ иная. В этом случае важно, что альтернативы ‘Р’ и ‘не Р’ противоречат друг другу, что они **не могут быть одновременно истинными**. В РВ альтернативы **борются, спорят** друг с другом, в них имеет место **внутренняя дискуссия**, отражающая **внешнюю дискуссию, несогласие** между Г и некоторым другим лицом (в прототипическом случае — адресатом РВ) или, шире, какое-то внешнее противоречие между тем, что имеет место, и тем, что должно быть (в том или ином, в разных случаях разном) смысле слова *должен*.

Откуда же берутся эти «спорящие» друг с другом альтернативы в РВ?

В большинстве случаев употребления РВ (исключением являются кванторные РВ, см. далее) в ситуации употребления РВ имеется некоторое обстоятельство Q. Из этого Q вытекает, следует — в очень широком смысле — логически, прагматически или деонтически — некоторое Р [ср. Степанова 1986: 40], Q имплицитно Р ($Q \rightarrow R$), в следующем очень широком смысле: **если Q** (истинно, уместно и т.д.), **то должно быть Р** (Р должно быть истинно, уместно и т.д.). (Это одна альтернатива РВ.) В то же время Г знает, полагает, иногда демагогически инсинуирует, что на **самом деле не Р** (Р ложно, неуместно, неправильно и т.п.). (Это другая альтернатива РВ.)

Примечание 1. Наличие частицы *не* в обозначении альтернативы Г-го не означает, что она обязательно является отрицательной с точки зрения формы и/или значения. Частица здесь используется исключительно для того, чтобы показать противоположность, «полярность» этих альтернатив. Альтернатива Р, следующая из Q, может быть как позитивной (в этом случае противоположная альтернатива является отрицательной,

ладе

негативной), так и отрицательной, негативной (в этом случае принадлежащая Г-му противоположная альтернатива является позитивной).

Г объединяет эти альтернативы в рамках вопроса, «сталкивает» их между собой с некоторой особой целью. Этой целью является показать, что что-то «не так», что-то неправильно в ситуации, отражаемой вопросом. Поскольку из Q следует Р, то должно быть либо “Q и Р”, либо “не Q и не Р”, но не “Q и не Р”, следовательно, что-то «не так» или с Q, или с не Р. Соответственно, 2 основных типа РВ это (1) РВ, выражающие (описанным сложным образом), что что-то не так с Q; (2) РВ, выражающие, что что-то не так с не Р.

Очень важное примечание 2. Описываемая здесь (абсолютно реальная, действующая, как мы надеемся показать) логика риторических вопросов является, с одной стороны, гораздо более размытой и нечеткой, чем разработанные системы научной логики, а с другой — отчасти именно в силу своей нечеткости и размытости — гораздо более общей, обобщенной, чем различные виды формальных логик. Эта «наивная» (но на самом деле чрезвычайно глубокая) логика обыденного мышления и языка поднимается над различиями логики, оперирующей с истинностью / ложностью высказываний (алетическая логика), деонтической логики, логики норм и оценок, логики речевого общения, а также отсутствующей в разработанном виде, но имеющей полное право на существование практической, «прагматической логики» — логики, имеющей дело с уместностью, прагматической обоснованностью тех или иных действий (логика действий, см. [Вригт 1986]), а также многих других возможных логик, касающихся различных аспектов мысли и деятельности людей. Как показывает материал РВ, а также исследование других областей естественного языка (в частности, поля модальности [Шатуновский 1996], знания и мнения, оценок [Арутюнова 1988] и т.д.), в обыденном языке и мышлении существуют понятия и действуют логические операции гораздо более общие и глубокие, чем конкретные точные понятия соответствующих наук. Иногда для таких понятий имеются слова в том или ином естественном языке, иногда они проявляются на семантико-синтаксическом уровне и интуитивно чувствуются говорящими, но лексические единицы, выражающие их, отсутствуют. Ю.Д. Апресян, впервые выделивший такого рода смыслы, называет их «семантическими кварками» [Апресян 1995: 481; 2006: 53]. Такое общее (родовое) понятие может быть описано посредством перечисления конкретных его видов, как это делается, например, в русском жестовом языке глухонемых, в котором значение собирательных существительных «выражается несколькими жестами с конкретным значением: ‘мебель’ — СТОЛ СТУЛ КРОВАТЬ РАЗНЫЙ, ‘овощи’ — картофель капуста огурец разный» [Зайцева 2000: 44; цит. по: Прозорова 2007: 49-50]. Мы в данной статье (выше и ниже) используем оба способа представления. Так, чрезвычайно широкое и общее русское слово *должен* (*должно быть*) очень удачно выражает ту генеральную идею и операцию «необходимого следования» (= долженствования), которая используется говорящими в риторических вопросах, чрезвычайно широкое английское слово *wrong* (*‘incorrect, not happening properly, not sensible, not morally right, not suitable’*) очень близко выражает то свойство ситуаций, описываемых РВ, которое по-русски можно описать только посредством дизъюнктивного ряда более конкретных понятий: что-то «не так», неправильно, ложно (неистинно), неуместно, неразумно, неоправданно, несправедливо, незаконно и т.д. (наиболее близкое к тому смыслу, который необходимо выразить, и, соответственно, наиболее общее слово из этого ряда в русском языке — это *неправильно*).

Можно выделить три основных типа РВ с точки зрения характера заключенных в вопросе альтернатив и отношений между ними. Это (1) реактивные, (2) деонтические, и (3) кванторные РВ.

2. Реактивные РВ (РРВ). РРВ относится к типу 'Р неправильно, ложно и т.д., поэтому Q неправильно, ложно, неуместно, неоправданно, несправедливо и т.п. (Q is wrong)'.

В ситуации употребления РРВ (в наиболее распространенном случае, есть некоторые исключения, мотивированные другими особенностями собственно вопросов) имеется некоторый предшествующий РВ **стимул Q** [Степанова 1986: 40], которым могут быть чьи-либо (в прототипическом случае, адресата (А)) высказывания или неречевые действия, или же некоторый факт, эксплицитно сформулированный или предполагаемый дискурсом. РВ является реакцией на этот стимул. Значение, выражаемое реактивным РВ, зависит от того, является ли он общим или специальным вопросом.

2.1. Общие реактивные РВ.

РВ этого типа не передают новой информации адресату, но констатируют какой-то факт, ему уже известный (РВ-констатации):

(1) Егор Гайдар Сергею Глазьеву, заявившему, что в октябре 1993 он сам в знак протеста ушел в отставку: *Сергей Юрьевич, это не вы мне [такого-то числа] звонили с просьбой, чтобы вас не отправляли в отставку?* (ТВ, «Времена», 5 октября 2003) ≈ 'Вы сейчас говорите, что вы сами ушли в отставку, в знак протеста и т.п. (Q), как будто не вы / вы не звонили мне... (Р), а ведь на самом деле вы звонили мне и просили, чтобы вас не отправляли в отставку (не Р), и это не согласуется с тем, что вы сейчас говорите, следовательно, вы неискренни, вы сейчас лжете'.

(2) Аммос Федорович: ... *Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, и министерия-то, вот видите, и подслала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены. Городничий: Эк куда хватили! Еще умный человек! В уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь* (Гоголь. Ревизор) ≈ 'Вы говорите, что у нас может быть измена (Q); вы говорите так, как будто наш город пограничный (Р), но он не пограничный (не Р), вы сами должны понимать, но не понимаете, что измены возможны лишь в пограничных городах, или же вы забываете о том / не учитываете, что наш город не пограничный, поэтому глупо полагать, что у нас возможна измена'.

(3) [Бендер Балаганову:] *Вы зачем полезли в кабинет? Разве вы не видели, что председатель не один?* («12 стульев») ≈ 'Ведь вы видели, что председатель не один (констатация того, что знает адресат), однако вы вошли в кабинет, как будто вы не видели... с вашей стороны было неправильно, глупо входить в кабинет в такой ситуации, не надо было входить в кабинет'.

(4) *И сказал Господь Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему?* ≈ 'Ты спрашиваешь меня так (Q), как будто я сторож моему брату и поэтому всегда знаю, где он находится (Р), но я не сторож моему брату и поэтому я не знаю, где он находится (не Р), и ты должен сам понимать это'.

(5) [А отказывается помочь Г. Г.:] *Вот как ты теперь поступаешь! А разве не я помог тебе, когда...?* → 'Ты поступаешь так, как будто это не я помог тебе, когда ...; но ты знаешь, что именно я помог тебе, когда...' и т.д.

Назначение этих вопросов — критика, осуждение А и его слов / действий как глупых / лицемерных (лживых) / неправильных с точки зрения морали, несправедливых и т.п. Такие вопросы эксплуатируют (просто наследуя ее от собственно вопросов) пресуппозицию (условие уместности) вопроса 'Адресат знает ответ на вопрос'. Вывод здесь имеет следующий вид: 'из ваших слов или действий Q, следует, что Р; однако вы знаете, что не Р; [и далее следует какое-то объяснение этой нестыковки] следовательно, вы неискренни, лжете (пример (1)), или глупы (2, 3, 4), или сознательно нарушаете, попираете правила морали, принципы справедливости и т.п. (5)'.

2.1.1. Как было сказано выше, РВ объединяет 2 альтернативы, борющиеся друг с другом, при этом одна из этих альтернатив является эксплицитной, другая является имплицитной, предполагаемой самой формой вопроса. Обычно (все примеры выше)

эксплицитная альтернатива следует из того, что говорит или делает А, и является ложной, имплицитная альтернатива принадлежит Г и является — по крайней мере, так это представляет Г — правильной, истинной. В традиционных терминах: «подлинное значение» РВ противоположно тому, которое выражается его поверхностной формой. Однако не всегда это так. Ситуация вопроса может быть инвертирована: эксплицитная альтернатива принадлежит Г и является / трактуется Г-им как истинная, имплицитная альтернатива следует из того, что А говорит или делает и является, «неправильной», в частном случае, ложной. Например: *Ты видел, что он в подштанниках? — холодно спрашивал пират. — Помилуйте, Арчибальд Арчибальдович, — труся, отвечал швейцар, — как же я могу их не допустить, если они — член МАССОЛИТа? — Ты видел, что он в подштанниках? — повторял пират* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Q — здесь действия швейцара, пропустившего Ивана Бездомного в ресторан, эксплицитная альтернатива 'Ты видел, что он в подштанниках' принадлежит Г и является истинной (швейцар очевидно видел это), имплицитная альтернатива 'Ты не видел, что он в подштанниках' вытекает из (является возможным объяснением) действий швейцара и является ложной (он позволил Бездомному войти, как будто он не видел, что он в подштанниках). Отсюда вытекает осуждение действий швейцара: 'Не надо было впускать Бездомного в ресторан, ты поступил глупо, неразумно / неправильно, ты нарушил неписаное правило, гласящее, что (цитируя пирата) «человек в белье может следовать по улицам Москвы только в одном случае, если он идет в сопровождении милиции, и только в одно место — в отделение милиции»'.

Аналогично (без комментариев): *Что у тебя в портфеле, паразит? — пронзительно прокричал похожий на кота, — телеграммы? А тебя предупредили по телефону, чтобы ты их никуда не носил? Предупреждали, я спрашиваю? — Предупрежди... дали ... дили... — задыхаясь, ответил администратор. — А ты все-таки побежал? Дай сюда портфель, гад!* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Мужчина, представляется: Мэлоун [фамилия]. Девушка: *А имя у тебя есть?* (к/ф "Агент Мэлоун". США) ≈ 'Ты поступил так, как будто у тебя нет имени, но ведь у тебя есть имя, когда представляешься, надо говорить и имя, ты этого не сделал, ты поступил неправильно, это невежливо, я осуждаю тебя за это + скажи имя'.

Заметим, что во всех этих случаях можно употребить и негативный РВ ср. негативный РВ: *Ты (что), /Разве ты не видел, что он в подштанниках? А тебя разве не предупредили, чтобы ты...? А имени у тебя нет?*¹

2.2. Специальные реактивные РВ.

Специальные РРВ имеют более сложное значение. Прежде всего, такие вопросы не могут быть полярными в том же смысле, как общие РВ, и содержать непосредственно в себе «борющиеся» друг с другом противоположные альтернативы. Соответственно, альтернативность и противоположность сдвигаются, как минимум, на один шаг в выводной цепочке, и относятся к пресуппозициям или исходным предположениям высказывания-стимула. Далее, специальные РРВ являются более разнообразными с точки зрения информационной структуры. Они также могут быть констатациями, однако они также могут передавать новую информацию А-у, и в этом смысле быть не констатациями, а сообщениями особого рода. Они также могут вообще не описывать действительность, не содержать никакой положительной информации. Такие вопросы также в общем случае содержат критику, осуждение А (или некоторого 3-его лица). Общее значение их можно сформулировать следующим образом: 'Ты говоришь (Он говорит) некоторое Q, из которого следует Р (Р является пресуппозицией, исходным предположением и т.п. Q)', однако на самом деле не Р, и поэтому не Q, я сообщаю это тебе, но ты (он) должен был бы

¹ Характерно, что в английских переводах примеров из Булгакова употреблены негативные РВ: 'Didn't you see he was in his underpants?' the pirate inquired coldly; Weren't you warned over the phone not to take them anywhere? Weren't you warned, I'm asking you? (Translated from the Russian by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. 1997).

сам знать, понимать это, но ты этого не знаешь, не понимаешь, поэтому ты (он) глуп / несообразителен, некомпетентен, я тебя (его) осуждаю за это’.

2.2.1. Специальные РРВ-констатации. *Нет, не покинул я тебя! Кого же в день успокоенья Я ввел, главу его любя, И скрыл от зоркого гоненья?* (Пушкин. Подражания Корану) ≈ ‘ты ведешь себя так, как будто это не тебя я ввел..., скрыл..., но на самом деле, и ты это знаешь, я именно тебя ввел..., скрыл...’. Водитель маршрутки пассажиру, не закрывшему дверь: *А дверь кто будет закрывать?* Весьма часто в таких случаях специальный вопрос «развивается» общим вопросом-предположением, эксплицирующим «неправильную», не имеющую места альтернативу из набора конкретных альтернатив, предполагаемых специальным вопросом, например: *А за квартиру кто платит будет? Пушкин?* (Булгаков. Мастер и Маргарита) → ‘за квартиру должен платить не Пушкин, а вы’; *В конторе им говорят — вы чего в такую погоду детей привезли? С ума сошли?* (Интернет. История дня); Остап: *Куда вы полезли? Разве вы не видите, что это касса?* (Ильф и Петров.12 стульев). Ср. также еще более эксплицитный пример, где эксплицировано всё, что только возможно: и уточняющие специальный вопрос вопросы-предположения, и то, что на самом деле не Р: [Воробьянинов Остапу:] *Но ведь это же... обман.* [Остап Воробьянинову:] *Кто это говорит? Это говорит граф Толстой? Или Дарвин? Нет. Я слышу это из уст человека, который еще вчера только собирался забраться ночью в квартиру Грицацуевой и украсть у бедной вдовы мебель* (Ильф и Петров.12 стульев).

2.2.2. Информативные специальные РРВ. *Где ключи? — Откуда я знаю?* ≈ ‘Ты спрашиваешь у меня, где ключи (Q), твой вопрос предполагает, что я это знаю (исходное предположение вопроса, Р); но я не знаю, где ключи (не Р) (информирование), и ты должен понимать, что я не знаю, где ключи, потому что у меня нет никаких источников информации об этом, поэтому глупо спрашивать меня об этом!’.

Корр.: *А западных инвесторов не смущают ваши близкие отношения с московским правительством?* Шалва Чигиринский: *Может смущать, если они не близкие, но это другой вопрос. А если близкие, почему они должны смущать? И потом, что значит "близкие"?* (Известия. Ру. 28.03.2008). В первом РВ оспаривается исходное предположение вопроса, что близкие отношения с московским правительством могут смущать, ≈ ‘Не смущают, и не должны смущать, и вы должны бы это понимать’. Вторым РВ опровергает пресуппозицию (в очень широком смысле), что понятие «близких отношений» является ясным. Но поскольку это неясно (и Г сообщает об этом А, имплицитно формой вопроса, что он сам должен был бы понимать это), то весь вопрос А неуместен.

Аналогично: (1) *Ты почему не в ресторане?* — (2) *А почему я должен быть в ресторане?* (1) ≈ ‘Ты не в ресторане (Q), я сообщаю тебе, что ты должен быть в ресторане, и ты должен сам понимать / знать, что ты должен быть в ресторане, но ты этого не понимаешь, я осуждаю тебя за это, и (возможно) побуждаю тебя исправить положение и пойти в ресторан’. Адресат в своем ответе на РВ (который теперь является стимулом Q для второго РВ), также использует РВ, эксплицирующий содержащуюся в (1) пресуппозицию, с которой не согласен бывший А (а теперь Г): (2) ≈ ‘Из твоего вопроса следует, что я должен быть в ресторане, но я сообщаю тебе, что я не должен быть в ресторане, поэтому твой вопрос неуместен’.

2.2.3. РРВ, не содержащие в себе никакого описания действительности (неинформативные специальные РРВ).

РВ этого типа не содержат какой-либо объективной информации об объективной действительности вообще. Если в случае РВ-констатаций адресат знает «ответ» (какая из описываемых вопросом альтернатив имеет место) до вопроса, а в ситуации РВ-сообщений адресат должен знать, какая из альтернатив имеет место до вопроса, но не знает и получает эту информацию из РВ, то в случае неинформативных РВ адресат не знает, какая из описываемых вопросом альтернатив имеет место до вопроса, и не узнает это из

вопроса. Поэтому Г вслед за РВ в отдельном высказывании сообщает адресату, какая именно из альтернатив имеет место. [Филарет:] *Где отец Анатолий?* [Отец Иов:] *Где ему быть? В котельной, пьет чай с мирянами.* (х/ф «Остров»). Такие вопросы имеют узкую сферу употребления: они возникают как ответ на неуместный, с точки зрения Г, вопрос. Единственным назначением таких вопросов является критика, осуждение адресата за его некомпетентность, непонимание очевидных вещей, неспособность делать необходимые выводы и заключения и тем самым его вопроса (Q) как неуместного, излишнего, глупого. Вопросы этого типа имеют в русском языке специальное средство выражения — фразеологизованную модель с частицей *как*: *Где вы взяли эту книгу? — Как где?! В первом зале!*; [Бальдр — Раме:] *Помнишь одиннадцатый «Тезис о Фейербахе»? — Чей? — Как чей. Карла Маркса.* (В. Пелевин. Ампи́р В). *В богатой семье была дочь дурнушка, к ней начал ходить парень, и однажды мать застала молодых людей целующимися. Она строго сказала парню:— Надеюсь, вы делаете это с серьезными намерениями? — А как вы думаете? Не из-за удовольствия же! (анекдот) ≈ ‘Вы должны знать, понимать, что Р, но вы не знаете и т.п., я осуждаю вас за это’.*

3. Деонтические РВ. В РВ, описанных выше, несоответствие действительности вытекающего из Q Р имплицировало «неправильность» в том или ином отношении Q. Однако в некоторых случаях Q определенного типа не может быть ложным и, шире, неправильным, против него невозможно возражать и его нельзя «отрицать». Раз так, то остается одно: следовательно, что-то не так, неправильно с ‘не Р’. Однако и в этих случаях вытекающее из Q Р является ложным, не имеющим места, а противоречащее ему ‘не Р’ — истинным, имеющим место. Имеющее место ‘не Р’ оказывается в этом случае неправильным в некотором деонтическом, моральном смысле, а вытекающее из Q Р — правильным с моральной, и, шире, деонтической точки зрения. Имеет место ‘не Р’, но оно противоречит Q и **не должно** (с деонтической точки зрения) иметь места, а не имеющее места Р, напротив, вытекает из Q и должно (с деонтической точки зрения) иметь место. Поскольку то, что должно с моральной точки зрения быть, является деонтическим, моральным добром, благом, а то, что не должно быть — злом, можно сказать, другими словами, что Р с моральной точки зрения **хорошо**, а ‘не Р’ — **не хорошо, плохо**. В случае РВ этого вида то, что имеет место — плохо и поэтому не должно быть, а то, что не имеет места, хорошо и поэтому должно быть.

Закавказье мы потеряли теперь навсегда. И людей наших надо оттуда забирать. А разве мы забираем? Разве выделяются на это деньги, разве мы этих людей встречаем? (Солженицын) (пример Вольвак Н.П.). Q здесь — ‘людей наших надо оттуда забирать’. Это моральная прескрипция, вытекающий из этических правил моральный императив. Действия, которые следуют из этого императива (Р), это ‘мы забираем наших людей оттуда, на это выделяются деньги, мы этих людей встречаем’. Однако это Р не имеет места, а имеет место противоположное — (не Р): ‘мы не забираем наших людей оттуда, на это не выделяются деньги, мы этих людей не встречаем’. Однако моральное правило и вытекающий из него моральный императив не могут быть отвергнуты или опровергнуты на основании того, что они на самом деле не выполняются (≠ ‘раз мы этих людей не забираем, следовательно, их не надо оттуда забирать’). Поэтому отрицанию подвергается не соответствующее Q ‘не Р’. Однако оно имеет место, это факт, который не может отрицаться. Поэтому отрицание воздействует на деонтический аспект ‘не Р’: поскольку ‘не Р’ противоречит Q, то оно плохо, оно НЕ должно быть, а должно быть хорошее (с этической точки зрения) и соответствующее Q ‘Р’. То есть ≈ ‘Мы не забираем людей оттуда, и это плохо, мы должны забирать наших людей оттуда ... и т.д.’. Аналогично, преподаватель в ответ на замечание, что она не имеет права не допускать студента к экзамену: *А мы вообще какие-нибудь права имеем?* имея в виду ‘не имеем, но должны иметь’.

Другие примеры.

Он работал всю свою жизнь, и что он за это получил? (пример Е. В. Падучевой). Q здесь — факт, что он работал всю свою жизнь, который не может отрицаться. Поэтому РВ интерпретируется следующим образом: ‘Он заслуживает получить что-либо ценное за Q (Р), однако он не получил ничего или очень мало (не Р), следовательно, это неправильно, нехорошо, плохо с моральной точки зрения, и кто-то (Г знает, кто) виноват в этом’.

Аналогично:

Я провел весь день на работе, и что я сделал? В этом случае Г критикует сам себя: ‘Я провел весь день на работе (Q), я должен был за это время сделать что-то важное (Р), однако я не сделал ничего или сделал очень мало (не Р), и это неправильно, плохо, я должен был сделать что-то важное за это время’.

Любопытно, что этот пример, как и пример выше, может быть интерпретирован и как относящийся к типу ‘Что-то неправильно с Q’: ‘... следовательно, не надо было проводить весь день на работе’ (например, потому, что на работе в суе сделать ничего стоящего невозможно); ‘... следовательно, неправильно, не надо работать всю жизнь (потому что все равно за это ничего не получишь)’.

4. Кванторные РВ.

Специальные РВ могут употребляться как особого рода кванторы: *Кто...? ≈ Никто...; Кто не...? ≈ Все ...; Где...? ≈ Нигде...; Когда...? ≈ Никогда...* и т.д. Кванторные РВ, как и другие РВ, могут использоваться и часто используются как критическая реакция на некоторое обстоятельство Q, см. примеры выше. Однако в этих вопросах формируется особое, специфическое кванторное значение, отличающееся от значения соотносительных невопросительных кванторов. Так, ... *И что он за это получил? ... И что я сделал?* в примерах выше значит: ‘ничего или очень мало, практически ничего’. *Кто знает...? Кто его знает?* — не равно *Никто не знает*, но слабее: ‘может быть, кто-то и знает, но я не знаю тех, кто знает, и сам не знаю’. Аналогично, с некоторыми поправками, квантифицируют признак вопросы типа *Да какой он артист!; Спасибо за поддержку. — Да какая там поддержка!* Эти РВ не совсем равны *Он не артист; Никакой поддержки не было*. Это значит — ‘в минимальной степени, почти не..., практически не...’ или ‘плохой’ (в случае с артистом). Но все-таки это не полное отсутствие признака, действия и т.п. *Да какая она красавица! Так, просто симпатичная; Ну что вы, какой я писатель, я себя писателем не считаю*.

Наличие такого специфического смысла, отличающего его от соотносительных невопросительных высказываний, позволяет кванторным РВ использоваться (мотивирует их использование) и в тех случаях, когда они не являются реакцией на обстоятельство (стимул) Q, вне контекста спора, дискуссии и критики, например в начале текста: *Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался?* (Пушкин) $\neq$ *Все проклинали...*, нет, здесь мягче, неопределеннее: $\approx$ *Наверное, все...* В этом случае не исключается, что могут найтись люди, которые не проклинали станционных смотрителей и не бранивались с ними. В таких случаях, однако, РВ удаляются уже от области вопросов, в том числе и риторических, превращаясь в восклицательные высказывания: *Где я только не бывал!* $\neq$ ‘Я бывал везде’, но $\approx$ ‘Я бывал в очень многих местах’.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
- Апресян 2006 — *Апресян Ю. Д.* Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.

ладе

- Арутюнова 1988 — *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
- Бердник 1974 — *Бердник Л.Ф.* Вопросительные предложения с повествовательным значением в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. . Ростов-на-Д. , 1974.
- Вригт 1986 — *Вригт Г. Х.* Логико-философские исследования: Избранные труды. М.: Прогресс, 1986.
- Зайцева 2000 — *Зайцева Г. Л.* Жестовая речь. Дактилология: Учебник для студ. высш. уч. зав. М., 2000.
- Прозорова 2007 — *Прозорова Е. В.* Российский жестовый язык как предмет лингвистического исследования // ВЯ. 2007. № 1. С. 44– 61.
- Русская грамматика 1980 — *Русская грамматика.* Т.2. Синтаксис. М.: Наука, 1980.
- Степанова 1986 — *Степанова Е.Б.* О значении риторического вопроса // Вестник МГУ. Сер.9: Филология. 1986. №2.
- Шатуновский 1996 — *Шатуновский И. Б.* Семантика предложения и нерелевантные слова. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Шатуновский 2004 — *Шатуновский И.Б.* Риторические вопросы как форма агрессивного речевого поведения // Агрессия в языке и речи. – М., 2004.

The tomato case reopened*

В статье предлагается теоретическая основа для лексикографического описания наименования растений и их частей с отсылкой к знаменитому «делу о помидорах», в рамках которого Верховный суд США обсуждал вопрос, следует ли относить помидор к фруктам или овощам; предложенные принципы иллюстрируются целым рядом примеров. В статье рассматриваются русские наименования растений и их частей, как они употребляются в повседневной речи и в двух специальных дисциплинах: биологии и растениеводстве. Во многих русских текстах (напр., в разнообразных «Учебниках садовода») указанные три системы словоупотребления взаимодействуют весьма причудливым образом. Толкования «ботанических» слов в существующих словарях русского языка во многих отношениях неадекватны. Анализ использования ботанических текстов и лингвистический эксперимент показывают, что повседневное стандартное употребление, основанное на «наивной таксономии» имеет мало общего с биологической номенклатурой. Таксономия, используемая в растениеводстве ближе к повседневному употреблению; однако есть определенные различия. Полное лексикографическое описание «ботанических слов» должно учитывать их употребление в различных терминологических системах (при необходимости используя специальные пометы, указывающие на ограниченную сферу употребления).

Ключевые слова: лексикография, языковая картина мира, «наивная» ботаника

The paper proposes a theoretical basis for the lexicographic description of the names of plants and their parts with reference to the famous “tomato case”, in which the United States Supreme Court addressed whether a tomato was classified as a fruit or a vegetable; the suggested principles are illustrated with several examples. The paper discusses the Russian names of plants and their parts as they are used in everyday language and in two scientific disciplines: biology and crop husbandry. In many Russian texts (e.g., in different types of “gardener’s handbooks”) these three terminological systems interact in quite an intricate way. The explications of botanical terms in existing Russian explanatory dictionaries are inadequate in many respects. Analysis of the use of botanical terms in Russian texts along with linguistic experiments have shown that everyday (standard) word usage based on a *naïve taxonomy* has little to do with biological nomenclature. The taxonomy of crop science is closer to standard usage; however, some differences exist. A complete lexicographic description should take account of the usage of “botanical words” in different terminological systems (providing appropriate labels where necessary).

Key words: lexicography, linguistic conceptualization of the world, folk botany

Знаменитое «дело о помидорах» рассматривалось Верховным судом США в 1893 г. Обсуждался вопрос о том, следует ли классифицировать помидор (*tomato*) как фрукт (*fruit*) или овощ (*vegetable*). Дело в том, что Тарифный акт от 3 марта 1883 предписывал взимать ввозные пошлины с овощей, но не фруктов; соответственно, Никсы, которые занимались импортом помидоров, подали в суд на таможенника Эдварда Хеддена, оспаривая законность решения о взыскании с них пошлин. Они ссылались на то, что с ботанической точки зрения помидор должен квалифицироваться как *fruit*.

Суд, однако, отказал в удовлетворении иска, указав, что употребление таких слов, как *tomato*, в коммерческом языке ориентировано на повседневное употребление, а не на научную терминологию. Ссылаясь на словарь Вебстера и ряд других словарей (которые, впрочем, не давали однозначного ответа на вопрос, чем являются помидоры), а также на показания двух свидетелей, суд принял решение отказать в иске.

Следует иметь в виду, что здесь играла роль не только несовершенство словарных толкований, но и неоднозначность английского слова *fruit*: оно обозначает как ‘плод’ (часть

* В настоящей заметке используются некоторые результаты исследований, отраженных в наших совместных публикациях с Е.Я. Шмелевой.

растения, развивающуюся из цветка), так и 'фрукт' (часть растения, используемую в пищу определенным образом). В целом «дело о помидорах» выявило отличия «научной» картины мира (в части таксономии растений и их частей), отраженной в научной терминологии, и «наивной» картины мира, отраженной в повседневном языке. Кроме того, обнаружилось наличие особых картин мира, несводимых к «научной» и «наивной» (встал вопрос о том, к чему ближе таксономия растений и их частей в коммерческом подязыке: к научной или «наивной» таксономии). Наконец, «дело о помидорах» показывает несовпадение картин мира разных языков; в частности, оно не могло бы возникнуть при использовании русского языка, поскольку слово фрукт не используется в русской ботанической терминологии, так что истцы, делая представить помидор фруктом, не имели бы оснований ссылаться на «научные» представления.

Когда в лингвистике только начинали разрабатываться методы современного семантического анализа, бытовало представление, согласно которому так называемая «конкретная лексика» не представляет интереса для семантического анализа. Так, Ю. Д. Апресян писал: «В задачи традиционной семантики входит описание значений каждого имеющегося в языке слова. ...Отличие современной семантики от традиционной состоит в том, что первая интересуется значениями далеко не всех слов. ...Семантическим кодом конкретного существительного может быть его порядковый номер в соответствующем словаре» [1: 17, 19]. Сходным образом и А. Вежбицка в своей знаменитой книге *Semantic primitives* высказывала предположение, что значительная часть конкретной лексики (в частности, такие слова, как *кошка*, *роза*, *яблоко* и т. д.) не поддается семантическому анализу. Для нее, согласно А. Вежбицкой, толкованиями могли бы служить такие формулы, как, напр.: *кошка* — 'животное, думая о котором мы сказали бы *кошка*' [3: 243]. Однако в дальнейшем ситуация радикально изменилась: стало ясно, что «конкретная лексика» не менее интересна для лингвистов, нежели любые другие лексические единицы. Более того, в некотором смысле именно она бросает вызов лингвисту. Не случайно именно русским названиям фруктов посвящен особый раздел в статье Ю.Д. Апресяна и др. [91-93]

В настоящей статье рассматриваются русские «наивные» представления о жизни растений как они могут быть реконструированы на основе языковых данных и их соотношение с современными научными представлениями. В соответствии с общими принципами «новомосковской» школы концептуального анализа [11], представления, формирующие языковую картину мира, входят в значения языковых выражений в неявном виде, в качестве своего рода «презумпций»: пресуппозиций, «фоновых» компонентов смысла, коннотаций. Они не относятся к асертивному компоненту значения языковой единицы и в норме не попадают в фокус внимания участников коммуникации. В результате человек, говорящий на данном языке, обычно принимает их на веру, как нечто само собой разумеющееся, не задумываясь и сам того не замечая; у него возникает иллюзия, что так вообще устроена внеязыковая действительность. Напротив того, смысловые компоненты, которые входят в значение слов и выражений в форме непосредственных утверждений и составляют

их смысловое ядро, могут быть (и нередко бывают) осознанно оспорены носителями языка. Поэтому их не следует включать в языковую картину мира, общую для всех говорящих на данном языке.

При этом следует учитывать, что язык сам по себе неоднороден: разные сферы его использования обслуживаются разными подъязыками, каждый из которых обладает своим набором языковых единиц (хотя, поскольку речь идет о разновидностях одного и того же языка, эти наборы в большой степени пересекаются). Ясно, напр., что язык церковной проповеди и язык советской газеты существенно отличаются набором используемых языковых единиц и скрывающихся за ними концептуальных конфигураций; тем самым различаются и соответствующие языковые картины мира [10: 15-16; 12: 503].

Особенно важно отметить отличие «наивной» и «научной» языковой картины мира: первая реконструируется на основе наблюдений над использованием языка в повседневном общении, тогда как вторая отражена в научных текстах соответствующей специальности. На этом необходимо остановиться, поскольку по умолчанию под «языковой картиной мира» понимают именно наивно-языковое восприятие мира, т. е. концептуализацию мира, представленную в текстах на повседневном языке, адресованных неискушенным носителям.

Между тем как «наивная», так и «научная» картина мира могут быть реконструированы на основе лингвистического анализа. Если использование языка в повседневной речи отражает наивно-языковую картину мира (т. е. множество представлений о мире, которые кажутся носителям языка само собою разумеющимися и не подвергаются сомнению), то научные тексты опираются на «научную» картину мира, которая представляется «само собою разумеющейся» адресатам этих текстов.

Впрочем, можно констатировать определенное отличие «наивно-языковой» и «научно-языковой» картины мира. «Наивно-языковая» картина мира в норме реконструируется исключительно на основе наблюдений над использованием языковых единиц в повседневной речи. Эти представления эксплицируются в лингвистических сочинениях, и лишь в относительно редких случаях – в ситуации «метаязыковой рефлексии» – они подвергаются экспликации в реальных текстах. Разумеется, это связано с тем, что повседневному языку специально не обучают, владение им воспринимается носителями языка как данность. В противоположность этому, овладение «научной картиной мира» часто предполагает сознательное усилие. Экспликации «научных» представлений о мире – разумеется, в рамках некоторой данной науки – посвящены бесчисленные сочинения, выполненные в жанре «введения в науку»¹. В полном соответствии с излагаемым взглядом, эти сочинения не могут претендовать на то, чтобы быть написанными на подлинном

¹ Когда-то В. А. Успенский по этому поводу писал: «...как написано в одном старом учебнике, "предметом для введения в науку обыкновенно назначают предварительные о ней понятия, т. е. такие понятия, которые не могут войти в состав самой науки, однако ж существенно к ней относятся и необходимо ею предполагаются"» [9: 276]. Он приводил цитату из книги владыки Макария «Введение в православное богословие» [4: 7], однако по условиям советского времени не мог ее назвать.

«научном» языке. Это, в частности, находит отражение в том, что там подробно излагаются сведения, которые специалистам – носителям «научной» картины мира – и так прекрасно известны. Однако сообщение их не является бессмысленным или бесполезным, поскольку владение соответствующими сведениями не является общим достоянием всех носителей языка, а овладение ими представляет собою необходимую предпосылку умения пользоваться языком соответствующей науки.

Теперь можно перейти к соотношению «наивной» и «научной» ботаники и к их отражению в словаре. Жизнь растений описывается на русском языке в текстах, ориентированных на разных адресатов: в повседневной речи, понятной всем «рядовым» носителям языка, в научных текстах, адресованных специалистам-биологам, в практических пособиях по растениеводству. Обратившись к этим текстам, мы можем легко увидеть, что они используют весьма различные разновидности русского языка и, соответственно, задают разные языковые картины мира.

Мы можем обратиться к учебнику биологии для 6–7 классов [6]. Этот учебник написан в жанре «введения в науку» и сообщает (в несколько упрощенном виде) сведения, которые являются само собою разумеющимися для авторов и потенциальных адресатов научных текстов по ботанике. Вот как описываются в этом учебнике различные виды плодов:

- *Поскольку плоды очень многообразны, для разных плодов существуют специальные названия. Сочный односемянный плод называют **костянкой**. Наружный слой околоплодника у него – тонкая кожица, средний – сочная мякоть, внутренний – деревянистый, образует косточку (вишня, слива, персик). Сочный многосемянный плод – **ягода**. Наружная часть околоплодника состоит из тонкой кожицы (помидор, виноград, смородина). **Яблоко** – сочный многосемянный плод (яблоня, груша, рябина). В его образовании принимает участие не только завязь, но и другие части цветка. **Зерновка** – сухой односемянный плод с тонким пленчатым околоплодником, сросшимся или плотно прилегающим к семенной кожуре (рожь, пшеница, кукуруза). **Семянка** – сухой односемянный плод с кожистым околоплодником, не срастающимся с семенной кожурой (одуванчик, подсолнечник). **Орех** – сухой односемянный плод с деревянистым околоплодником (орешник, липа). **Желудь** – сухой односемянный плод, в отличие от ореха околоплодник кожистый. **Коробочка** – сухой многосемянный плод, открывающийся крышечкой (белена), дырочками (мак) или створками (тюльпан). **Боб и стручок** – сухие многосемянные плоды. Но у стручка между створками есть перегородка, на которой и располагаются семена (капуста, редька), а у боба такой перегородки нет.*

Попытавшись детализировать эту картину, мы узнаем, что к ягодам примыкают *тыквины* (огурец, дыня, тыква) и *померанцы* (апельсин, лимон); иногда к ним применяют общее наименование *ягоды*. Что же касается до малины и земляники (с «наивной» точки зрения – типичные *ягоды*), то они, с точки зрения ботаники, представляют собою сборные плоды. Малина – это сборная *костянка*, т. е. множество растущих вместе плодов, каждый из которых, с точки зрения биологии, устроен так же, как плоды сливы или абрикоса. Земляника – это сборная *костянка*, т. е. множество плодов,

устроенных так же, как плоды подсолнечника; то же, что в быту называют *ягодой* земляники, с точки зрения биологии, представляет собою сочное разросшееся цветоложе.

Очевидно, что это словоупотребление весьма отличается от словоупотребления, принятого в повседневном общении. В обычном русском языке плоды груши (*груши*) и плоды рябины (*рябину*) никто не назовет *яблоками*: плоды груши, как и плоды яблони (*яблоки*) являются *фруктами*, а плоды рябины – *ягодами* (заметим, что для повседневного русского языка *ягоды* вовсе не являются разновидностями *фруктов*). *Ягодами* также называют «сборные плоды» малины и земляники. Напротив того, помидоры или огурцы и апельсины в повседневной речи не называют *ягодами*: помидоры и огурцы – это *овоци*, а апельсины – это *фрукты*.

Главное здесь не то, что значение терминов отличается от значения тех же самых слов в повседневном языке, а то, что стоящие за этим словоупотреблением концептуальные конфигурации совсем по иному классифицируют явления внеязыковой действительности. Классификация, при которой яблоки, груши и рябина объединяются в один класс, персики, абрикосы и черешня – в другой, а помидоры, крыжовник и смородина – в третий, резко противоречит «наивной» таксономии плодов. В «наивной» таксономии скорее будут объединены яблоки, груши, абрикосы и персики (класс *фруктов*) и, с другой стороны, рябина, черешня, крыжовник и смородина (класс *ягод*); что же касается до помидоров, то они будут отнесены к особому классу *овощей*. Это, кстати, находит отражение в грамматическом поведении обозначений фруктов и ягод: названия ягод используются как собирательные имена, обозначающие совокупность плодов (это не касается родового обозначения *ягоды*), тогда как названия фруктов в единственном числе обозначают единичный плод, а во множественном числе – совокупность плодов.

Впрочем, существенно, что разграничение между *фруктами* и *ягодами* в «наивной» классификации основано сразу на нескольких признаках. По-видимому, главным оказывается размер: при необходимости взять в руку некоторый фрукт, человек зажимает его между большим пальцем и двумя или более пальцами руки; тогда как ягоду он берет всего двумя пальцами (большим и указательным). Когда человек ест фрукт, он откусывает от него (или отрезает куски специальным ножом); когда человек ест ягоды, он кладет в рот каждую ягоду целиком. Кроме того, в «наивном» сознании живо представление, что фрукты растут на деревьях, а ягоды – на кустах или травянистых растениях. Ср. толкования словаря С. И. Ожегова [5]:

- **Фрукт.** Сочный съедобный плод какого-н. дерева.
- **Ягода.** Небольшой сочный плод кустарников и трав.

Тот факт, что, напр., такие фрукты, как *бананы*, являются плодами растений, относящихся к многолетним травам, никак не противоречит рассматриваемой закономерности, поскольку энциклопедическое сведение о том, что банан – это род многолетних трав, не является частью «наивной» картины мира рядового носителя русского языка.

Правда, указанная закономерность не является абсолютной. Тот же словарь С. И. Ожегова, не смущаясь противоречием, дает словам *вишня*, *рябина*, *черешня* толкования, из которых становится ясно, что *ягоды* могут расти и на деревьях:

- **Вишня.** Плодовое дерево с сочными съедобными темно-красными ягодами, а также ягода этого дерева.
- **Рябина.** Дерево с плодами в виде пучка горьковатых оранжево-красных ягод, а также самые ягоды.
- **Черешня.** Плодовое дерево, сходное с вишней, а также ягода его.

Однако само существование данной закономерности влияет на языковое сознание, и это приводит, напр., к тому, что носители языка готовы, вопреки норме, называть рябину *кустом*. Ср. всем известные строки Марины Цветаевой (из стихотворения «Тоска по родине»):

- *Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И все – равно, и все – едино.
Но если по дороге – куст
Встает, особенно – рябина...*

Приведем еще несколько примеров:

- *...на берегу реки была развалившаяся баня, врытая в гору и обсаженная высокими кустами кудрявой рябины... (Михаил Лермонтов)*
- *кусты бузины, рябины и лесного орешника (Николай Гоголь)*
- *сорвал он с куста три кисти алой рябины... (Николай Лесков)*
- *На Крайнем Севере, на стыке тайги и тундры, среди карликовых берез, низкорослых кустов рябины с неожиданно крупными светло-желтыми водянистыми ягодами, среди шестисотлетних лиственниц, что достигают зрелости в триста лет, живёт особенное дерево – стланик. (Варлам Шаламов)*
- *Вокруг среди родных березок и сосен, кустов рябины и черемухи лежали оголенные, обезображенные могилы, горбятся поросшими травой бугорками, чуть ли не в каждой второй из них покоилась родня: братья, сестра, дядя, тетки, деды, прадеды и дальше, дальше. (Валентин Распутин)*

А у Самуила Алешина даже есть пьеса, которая так и называется – «Куст рябины».

Еще одно отличие ягод от фруктов заключается в том, что ягодами могут называться плоды как культурных, так и дикорастущих растений (ср. выражение *лесные ягоды*), тогда как фруктами многие носители языка готовы называть только плоды культурных, садовых растений (поэтому само сочетание *лесные фрукты* звучало бы несколько странно). Тем самым, напр., дикие яблоки не попадают ни в один из рассматриваемых классов: *ягодами* они заведомо не являются, а *фруктами* их называть странно. Сказанное объясняет, почему ягоды могут подразделяться на *съедобные* и *ядовитые* (ср., напр., *волчьи ягоды*) а фрукты сами по себе ядовитыми не бывают (хотя они могут быть отравленными, как, напр., яблоко в «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» Александра

Пушкина: *Напоено / Было ядом знать оно*; ср. также слова Хозяина в пьесе Евгения Шварца «Обыкновенное чудо», предлагающего яблоко Королю: *Скушайте яблочко! ...Хорошее. Не ядовитое!*). Ср. примеры из «Национального корпуса русского языка»:

- *прозрачные щупальца плюща, усыпанного черной ядовитой ягодой* [Ирина Полянская. *Жизель* (1996)]
- *зеленые ядовитые ягоды картофеля* [Ольга Шотландия. *Декабрь* //, 2002]
- *В дикой природе и в садах встречается очаровательный первенец весны - волчегодник смертельный (Daphne mezereum). Его листья, стволы, ягоды очень ядовиты.* [Александр Чечуров. "Эй, ты, дурень, перестань есть соседскую герань!" // "Сад своими руками", 2002.12.15]
- *Этот невысокий изящный кустик цветет ранней весной собранными в пучки сиреневыми цветками - напоминает миниатюрную сирень. Листья на нем появляются гораздо позже. Они похожи на укороченные ивовые листочки. Летом созревают и долго висят красные ядовитые ягоды. Вокруг волчегодника у меня разрослись ландыши.* [А. Анашина. *Опасная красота* // "Сельская новь", 2003]
- *Кроме ягод красавки в состав снадобья входили и другие ядовитые растения...* [С.В. Мельникова. *Сказки и "волшебные" растения* // "Биология", 2003]

Сама многомерность разграничения между ягодами и *фруктами*, а также тот факт, что основной различительный признак – размер – допускает градацию, приводит к тому, что, напр., *вишня* получает в повседневном языке не вполне четкую квалификацию. Хотя большинство носителей языка причисляют вишню к ягодам, но тот факт, что она растет на дереве и по размерам существенно превосходит такие ягоды, как смородина или рябина, приближаясь к мелким фруктам, приводит к тому, что и отнесение ее к *фруктам* не исключено. Ср. примеры из «Национального корпуса русского языка»:

- *густое, разбухшее варево из самых разнообразных фруктов - абрикосов, слив, вишен, зеленых яблок, ранних груш и прочего* [Валентин Катаев. *Трава забвенья* (1964-1967)]
- *Для приготовления мармелада всегда используются протертые и разваренные фрукты. Фрукты обмыть, перебрать, удалить попорченные или несъедобные части (из вишни и слив удалить косточки). Фрукты разварить (к малосочным фруктам добавить небольшое количество воды). Разваренные фрукты протереть.* [Воробьева Т.М., Гаврилова Т.А. *Домашнее консервирование* (1999)]

Грамматическое поведение слова *вишня* отражает двойственность ее квалификации. Подобно названиям ягод, она может употребляться как собирательное существительное, обозначающее совокупность плодов; однако, в отличие, напр., от слова *черешня*, оно способно и к употреблению по отношению к единичному плоду (а для указания на множество плодов в этом случае используется множественное число). Это ярко видно в примерах, в которых слово *вишня* используется в счетных конструкциях, напр.:

- ...несколько вишен *покатилось на дорожку*. [Иван Тургенев]
- ...две спелые вишни, *зажатые во рту*... (Виктор Астафьев)

Коснемся еще слова *овощи* (как говорилось выше, именно к *овощам* относятся, напр., такие плоды, как помидоры). Прежде всего, отметим, что слово *овощ* (как и *фрукт*) почти не употребляется с референцией к конкретному единичному объекту, если известно его видовое наименование. Фразы *Дай мне, пожалуйста, этот овощ/фрукт* правильны только при условии, что говорящий не знает, как этот овощ/фрукт называется (для слова *ягода* такого ограничения нет).

К *овощам* относятся не только плоды (в биологическом смысле), но и самые разные съедобные части растений: корни, клубни, луковицы, стебли, листья, причем только культивируемых растений (поэтому не бывает **диких овощей* или **ядовитых овощей*); при этом речь идет о так называемых огородных растениях (как правило, травянистых). В отличие от *фруктов* и *ягод*, которые обычно используются в пищу в качестве десерта, *овощи* не предназначены для такого употребления. Далее, существительное *овощи* (sing. *овощ*) имеет в повседневном языке два значения: '1. Части растений, которые принято использовать в пищу в нарезанном виде (обычно с солью). 2. Растения, выращиваемые для получения *овощей* I' (такой полисемии нет ни у слова *фрукты*, которое не может обозначать фруктовые деревья, ни у слова *ягоды*, не применимого к «ягодным культурам»). Второе употребление можно иллюстрировать такими примерами, как *прополка овощей*; *В огороде растут овощи*; *Я люблю совмещать на грядке овощи и цветы* (пример из «Национального корпуса русского языка»). Заметим, что в «Малом академическом словаре» [7] для слова *овощи* выделено лишь одно значение 'Огородные плоды и зелень, употребляемые в пищу (огурцы, морковь, помидоры, свекла и др.)'. Сходное решение принято и в словаре С. И. Ожегова [5], в котором слово *овощи* толкуется как 'Огородные плоды и зелень, употр. в пищу (огурцы, морковь, свекла, помидоры, брюква и т. п.)'. Таким образом, оба указанных словаря не учитывают второе значение слова *овощи*.

Для большинства наименований конкретных растений, культивируемых человеком, в обиходном языке имеет место та же самая регулярная многозначность: одно и то же слово обозначает и само растение, и используемую человеком часть этого растения, и это касается уже не только овощей, но и фруктов/фруктовых деревьев и ягод/ягодных культур. Так, слова *груша*, *слива*, *вишня*, *абрикос* обозначают и дерево, и плод (наличие двух различных обозначений для культивируемого дерева и его съедобного плода, как в случае *яблоня* – *яблоко*, является довольно редким исключением); слова *морковь* или *свекла* обозначают и огородное растение, и съедобный корень этого растения. Существующие толковые словари обычно отражают эту многозначность; ср. толкования «Малого академического словаря» [7]:

- **АБРИКОС**...1. Южное плодовое дерево. 2. Плод этого дерева оранжевого цвета с крупной косточкой.
- **МОРКОВЬ**...1. Огородное растение семейства зонтичных, овощ. 2. собир. Съедобные утолщенные корни этого растения оранжевого цвета.

Мы видим, что в качестве первого значения словарь указывает значение 'растение', а в качестве второго значения – 'часть этого растения'. Можно полагать, что такой порядок расположения значений связан с ориентацией на «научное» словоупотребление, в котором соответствующие слова обозначают именно растения, а используемые части обозначаются посредством перифраз: *плоды абрикоса, корни моркови*. Представляется, что для обиходного языка целесообразнее было бы избрать иной порядок: именно значение 'вид фрукта', 'вид овоща' является для таких слов исходным, тогда как производным можно считать значение 'растение, используемое для получения этого фрукта/овоща'.

Терминология, используемая в растениеводстве, в гораздо большей степени соответствует обиходному словоупотреблению. Плоды в растениеводстве обычно подразделяются на собственно *плоды* (яблоки, груши, сливы, абрикосы, персики), *ягоды* (крыжовник, малина, земляника), *овощи* (помидоры, огурцы, кабачки), *бахчевые культуры* (арбуз, дыня, тыква), *виноград* (стоящий особняком). Однако попытка учесть в энциклопедическом издании и это словоупотребление приводит к тому, что «научная» картина мира начинает размываться. Приведем словарную статью «Советского энциклопедического словаря» [8]:

- **‘ЯГОДНЫЕ КУЛЬТУРЫ** (ягодники), деревья, кустарники, травянистые растения, выращиваемые для получения ягод (напр., смородина, крыжовник), а также земляника, малина и др., плоды к-рых в быту неправильно наз. ягодами.

Заметим, что плоды земляники и малины называют *ягодами* не только «в быту», но и в словоупотреблении, принятом в растениеводстве, – отсюда и наименование *ягодные культуры*, или *ягодники* (словарной статьи «Ягода» в цитируемом словаре вообще нет).

По-видимому, полное лексикографическое описание должно учитывать употребление «ботанических слов» в разных подязыках (приводя в необходимых случаях соответствующие пометы). Обратим внимание на то, что содержание толкований как раз и будет отражать особенности соответствующей концептуализации мира. С одной стороны, это именно фоновые знания: любой носитель языка легко понимает значение таких выражений, как *вишневый* или *малиновый цвет*, *имеет форму груши*, *размером с небольшую сливу*, но свободно может поверить, что удалось вывести растение, которое по соответствующим параметрам отклоняется от эталона. Иными словами, признаки, отражаемые в толковании, являются частью «общего фонда знаний» носителей языка, но не дают основы для идентификации ботанических объектов. Что же касается до толкований «специальных» значений, они включают в себя сведения об объекте, известные специалистам, но (или как раз потому) почти никогда не эксплицируемые в текстах по соответствующей специальности.

1. Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. — М.: Наука, 1967.
2. Апресян Ю.Д., Дьяченко П.В., Лазурский А.В., Цинман Л.Л. О компьютерном учебнике русского языка // Русский язык в научном освещении, № 2(14). – С.48-112.
3. Вежбицка А.. Из книги «Семантические примитивы». Введение //Семиотика. — М., 1983.
4. Макарий. Введение в православное богословие. – Изд. 2-е, исправленное. – СПб., 1852.

5. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Изд. 9-е, исп. и доп. – М., 1972.
6. *Серебрякова Т.И.*, Еленевский А.Г., Гуленкова М.А., Розенштейн А.М., Шорина Н. И. Биология: Растения, бактерии, грибы, лишайники. Учебник для 6-7 кл. – М., 1997.
7. *Словарь русского языка* в 4-х тт./ АН СССР. Москва, 1981–1984.
8. *Советский энциклопедический словарь.* М., 1979.
9. *Успенский В.А.* Предисловие к книге Ю. А. Шихановича «Введение в современную математику» // Успенский В.А. Труды по нематематике. В 2-х. т. – Т. 1. – С.274-280
10. *Шмелев А.Д.* Русская языковая модель мира. – М.: Языки славянской культуры, 2002.
11. *Шмелев А.Д.* Новомосковская школа концептуального анализа // Научное наследие академика Ф. Ф. Фортунатова и современное языкознание. – Петрозаводск, 2004. – С.16-23.
12. *Шмелев А.Д.* Комментарии к статье Вежбицкой // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М., 2005. – С.500-510.

MORPHOLOGICAL PHRASEMES AND THEIR MORPHEMIC STRUCTURE¹

ALEXANDER TOKAR

1. Introduction

This article presents a theoretical analysis of the formal and semantic structure of MORPHOLOGICAL PHRASEMES² – i.e., words like *boyfriend*, *forgive*, *blackboard*, *greenhouse*, *teacher*, *football*, etc., whose overall meanings are not (or not entirely) representable in terms of their constituents' literal meanings. That is, for example, *boyfriend* does not mean 'a friend who is a boy' but 'a male lover'; *blackboard* does not mean 'a black board' but 'a board to write to (which is not necessarily black)'; *teacher* does not mean 'any performer of the action of teaching' but 'a person whose profession is to teach'; and so on.

As argued by Igor Mel'čuk (1997: ch. 9), morphological phrasemes can be classified into three main categories: (1) STRONG or FULL-IDIOMS, (2) WEAK or SEMI-IDIOMS, and (3) QUASI-IDIOMS. A strong or full-idiom is a phraseme whose overall meaning does not contain the literal meanings of its constituents. For example, *boyfriend* meaning 'a male with whom a person has a romantic or sexual relationship; a male partner or lover'³ (Oxford English Dictionary, henceforth OED) can be considered a full-idiom because the meaning 'male lover' does not contain the meanings 'boy' and 'friend', i.e., the literal meanings of the constituents *boy* and *friend*. Similarly, *forgive* can be considered a full-idiom because its idiomatic meaning 'pardon' does not contain the meanings 'for' and 'give', i.e., the literal meanings of the constituents *for* and *give*.

A weak-idiom is a phraseme whose overall meaning contains the literal meaning of one of its constituents. If the weak-idiom under consideration consists of no more than two constituents, it can be called a SEMI-IDIOM. For example, *blackboard* and *greenhouse* are semi-idioms because their overall meanings contain the literal meanings of the head nouns *board* and *house* but not of the modifying adjectives *black* and *green*: As said above, a blackboard is not a black board but a board to write on. And a greenhouse is not a green house but a house (or a special building) for growing plants.

Finally, a quasi-idiom is a phraseme whose overall meaning contains the literal meanings of both of its constituents plus an additional semantic component inherent in neither of the constituents. For example, *teacher* qualifies as a quasi-idiom because its overall meaning contains the meaning 'teach' (the literal meaning of the root morpheme {teach}) and the meaning 'performer of some action' (the literal meaning of the derivational suffix {er}) – a teacher is, first and foremost, a performer of the action of teaching – but, in addition to these meanings, also contains an idiomatic semantic component 'profession' inherent in neither *teach* nor *er*. Similarly, *football* meaning 'European football/soccer' qualifies as a quasi-idiom because its overall meaning contains the meanings 'foot' and 'ball' – soccer is a game that involves a ball and the players' feet trying to kick it to the goal at the opposite side of the field – but, in addition to these meanings, also contains an idiomatic semantic component 'a special kind of game different from basketball, handball, volleyball, etc.' inherent in neither *foot* nor *ball*.

The central question of this article is thus whether the full-idioms *boyfriend* and *forgive* can be considered segmentable into the morphemes {boy}/{friend} and {for}/{give}. This question arises because, as pointed out above, the meaning 'boyfriend' is not representable in terms of the meanings 'boy' and 'friend', and the meaning 'forgive' is not representable in terms of the meanings 'for' and 'give'. That is, given that the constituents *boy* and *friend* of *boyfriend* do not carry the meanings 'boy' and 'friend', and given that the constituents *for* and *give* of *forgive* do not carry the meanings 'for' and 'give', can *boyfriend* and *forgive* be nevertheless considered morphemes – i.e., units that carry meaning? If so, what do these morphemes mean when they combine with each other in the full-idioms *boyfriend* and *forgive*?

Similarly, given that the meanings of the semi-idioms *blackboard* and *greenhouse* do not contain the meanings 'black' and 'green' (i.e., the literal meanings of the constituents *black* and *green*), can *black* and *green* be nevertheless considered morphemes? If so, what do these morphemes mean when they combine with *board* and *house* in the semi-idioms *blackboard* and *greenhouse*? Finally, with regard to the quasi-idioms *teacher* and *football*, there arises the question of which morphemes carry the meanings 'profession' and 'special kind of game' inherent in neither of their overt constituents *teach/er* and *foot/ball*.

¹ The present article is partially based on my talk *Word-formation or semantic change?* which I gave at the conference *Interfaces in language 2*, held at the University of Canterbury on May 5–7, 2009. The proceedings of the conference will be published as Hornsby (forth).

² The main difference between morphological and phrasal phrasemes is that the former consist of only one orthographic word (e.g., *boyfriend*, *blackboard*, *teacher*), whereas the latter are idiomatic combinations of at least two orthographic words (e.g., *go nuts*, *black coffee*, *start a family*). For details, see Mel'čuk (1995: 213–215).

³ In contrast, *boy friend*/*boy-friend* meaning 'a boy who is a (close) friend' – i.e., the original meaning of the signifier *boyfriend* which has been attested in English since 1822 (OED) – is not a phraseme but a fully compositional compound whose overall

2. Previous approaches

Traditionally, the answer to the question of whether a morphological phraseme like *boyfriend* and *forgive* is formally segmentable into two morphemes has been yes. Thus as argued by Eugene Nida – the linguist who is famous for having formulated principles of morpheme identification (Nida 1974 [1949]: 6–61; cf. Nida 1948) – ‘a morpheme is isolatable if it occurs [...] in isolation’ (Nida 1974 [1949]: 58). Proceeding from this principle, *boyfriend* can be segmented into the morphemes {boy} and {friend}, and *forgive* can be segmented into the morphemes {for} and {give}: Both of these full-idioms’ constituents are free forms which occur in isolation.

As for the idiomaticity of the meanings ‘boyfriend’ and ‘forgive’, it can be argued that in *boyfriend*, both *boy* and *friend* contribute to the evocation of the idiomatic meaning ‘male lover’: the meaning ‘male’ is metonymically evoked by the constituent *boy* (via the metonymy BOY FOR ANY MALE), and the meaning ‘lover’ is metonymically evoked by the constituent *friend*: A boyfriend is usually a woman’s friend (i.e., a person with whom a woman has a romantic or sexual relationship is usually perceived as her friend).

As regards *forgive*, the situation is different. Since the meaning of this full-idiom is opaque (i.e., non-derivable from the meanings ‘for’ and ‘give’), it may seem that the constituents *for* and *give* are meaningless and thus do not qualify as morphemes.⁴ At the same time, however, it can be argued that they possess the DIFFERENTIAL MEANING (Ginzburg et al. 1979: 24). That is, the morpheme {give} contributes to the overall meaning of *forgive* by making *forgive* distinguishable from *forget*, whereas {for} serves to distinguish *forgive* from *ungive* (meaning ‘to give way, to lose tenacity or firmness’ [OED]). In a similar way, the word *receive* can be segmented into the morphemes {re} and {ceive}: {re} makes *receive* distinguishable from words like *conceive* and *deceive*, whereas {ceive} serves to distinguish *receive* from *refer* and *reduce*. To account for the morphemic status of *re* and *ceive* which, unlike *for* and *give*, do not occur in isolation, Nida (1974 [1949]: 58) adds that a morpheme is also isolatable if it occurs ‘in other combinations’. That is, *re* is isolatable as a morpheme because, in addition to occurring in *receive*, it also occurs in *refer* and *reduce*. And *ceive* is isolatable as a morpheme because, in addition to occurring in *receive*, it also occurs in *conceive* and *deceive*.

A different approach can be found in the works of Mel’čuk (1997, 2006) who argues that morphological full-idioms consist of QUASI-LINGUISTIC UNITS – i.e., units that qualify as morphemes from a formal but not from a semantic point of view. That is, with regard to the former, these units meet the previously named conditions proposed by Nida (i.e., occurrence in isolation, occurrence in other combinations, etc.) but, in the phraseme under consideration, either have no obvious meaning (e.g., *for* and *give* in *forgive*) or have an idiomatic meaning which can only be found in that particular phraseme or in a few other contexts (e.g., *friend* normally means ‘friend’, not ‘lover/sexual partner’). The latter is thus an idiomatic meaning which is strongly associated with the full-idiom *boyfriend* and a very similar phraseme *girlfriend*.)

Also, it is worth mentioning that Mel’čuk (1997: 245–249) distinguishes between two kinds of quasi-linguistic units: MORFOIDS and SUBMORPHS. A morfoid is a unit whose literal meaning motivates the idiomatic meaning of the phraseme in question. For example, in the full-idiom *boyfriend*, the idiomatic meaning ‘male’ is, as already mentioned, evoked by the meaning ‘boy’, and the meaning ‘lover’ is evoked by the meaning ‘friend’. The metonymies BOY FOR ANY MALE and FRIEND FOR LOVER thus make the full-idiom *boyfriend* a fully motivated phraseme. Accordingly, both *boy* and *friend* are morfoids. In contrast, the meaning ‘forgive’ has nothing in common with the meanings ‘for’ and ‘give’. Hence *for* and *give* are not morfoids but submorphs, i.e., quasi-linguistic units whose literal meanings are perceived as unrelated to the idiomatic meanings of the phrasemes which they are part of. In summary, a semantically motivated full-idiom like *boyfriend* can be said to consist of two morfoids, whereas an opaque full-idiom like *forgive* can be considered segmentable into two submorphs.

This article, however, argues against both these approaches. As for Nida’s formal approach, the main problem arises from the idea that differential meaning is a sufficient criterion of morpheme-hood (i.e., the minimal requirement that a linguistic unit must fulfill in order to qualify as a morpheme). Indeed, if we accept the view that, e.g., *ceive* is a morpheme only because it makes *receive* distinguishable from *refer* or, as Nida puts it, because, in addition to occurring in *receive*, it also occurs in *conceive*, we will have to concede that, e.g., *car* is segmentable into the morphemes {c} and {ar}: the morpheme {c} makes *car* distinguishable from *bar* and the morpheme {ar} – from *cable*. But in this case, we are no longer able to distinguish between a morpheme (a meaning-bearing unit) and a phoneme (a meaning-distinguishing unit), for in this conception, any sound capable of distinguishing meaning (e.g., [k] of *car*), which has traditionally been called a PHONEME, automatically becomes a morpheme.

As for Mel’čuk’s classification of quasi-linguistic units into morfoids and submorphs, the main problem is that this classification is based on a rather subjective criterion of the speaker’s intuition as to whether the idiomatic meaning of a given phraseme has something in common with its constituents’ literal meanings. A good example illustrating this point is the Russian word *ručka* ‘pen’ which, according to Mel’čuk (1997: 246; see also Mel’čuk 1982: 109), can be considered segmentable into the morfoids *ruk(a)* ‘hand’ and *č* ‘small’.⁵ The justification for this segmentation is the fact that in Russian there exists another word *ručka* with a fully compositional meaning ‘small hand’, which is the product of infixation of *ruka* ‘hand’ by means of the diminutive affix *č*. Accordingly, given the existence of *ručka*

⁴ Presumably, this is the reason why Aronoff (1976: 52) takes for granted that *forgive* consists of only one morpheme {forgive}.

⁵ The constituent {a} is an inflectional affix which cumulatively expresses the grammatical meanings ‘case’, ‘number’, and

meaning ‘small hand’, it is possible that for at least some Russian speakers, the meaning ‘pen’ is related to the meaning ‘small hand’: (1) a pen is a device for writing with a HAND and (2) with regard to size, both a pen and a (small) hand are SMALL, so that *ručka* ‘pen’ and *ručka* ‘small hand’ can be said to share the semantic component ‘small’ inherent in the infix *č*. At the same time, however, as Mel’čuk admits, there are many Russian speakers, for whom ‘pen’ and ‘small hand’ are totally unrelated meanings. In this case, *ruk(a)* and *č* are not morfoids but submorphs.

A very similar example is the German full-idiom *Hochzeit* ‘wedding’, which in Nida’s formal conception, can be considered a compound consisting of the free morphemes *hoch* ‘high’ and *Zeit* ‘time’. As in the case of *ručka*, the answer to the question of whether *hoch* and *Zeit* are morfoids or submorphs depends on German speakers’ ability to find a popular etymology connecting the senses ‘wedding’ and ‘high time’. For example, given the well-known conceptual metaphor HAPPY IS UP (Lakoff & Johnson 1980: 15), we can conjecture that at least some German speakers analyze *hoch* of *Hochzeit* as having a metaphorical meaning ‘happy’: A wedding is a happy time. Or, if we take the true etymology of *Hochzeit* into account (which some German speakers may still be aware of) – i.e., the fact that the word *Hochzeit* originally referred to the most IMPORTANT Christian feasts such as Easter, Pentecost, All Saints’ Day, and Christmas – we can conjecture that the constituent *hoch* is analyzed (by those German speakers who know the true etymology) as the carrier of the metaphorical meaning ‘important’: A wedding is an important time. In both these cases, the constituents *hoch* and *Zeit* qualify as morfoids. However, as with *ručka*, there are many German speakers, for whom ‘wedding’ and ‘high time’ are totally unrelated meanings. In this case, *hoch* and *Zeit* are not morfoids but submorphs. To conclude, if one and the same unit can qualify both as a morfoid and a submorph, then the practical value of distinguishing between these two types of quasi-linguistic units is relatively low. (This point is, by the way, recognized by Mel’čuk himself.)

Another obvious theoretical problem is that in the Mel’čukian conception, all semi-idioms become segmentable into one ‘normal’ morpheme (i.e., the one whose literal meaning is contained in the semi-idiom’s overall meaning) and one quasi-linguistic unit (a morfoid or a submorph), whose literal meaning is not part of what the semi-idiom under analysis means. For example, given that the meaning ‘blackboard’ contains the meaning ‘board’ and does not contain the meaning ‘black’, we are forced to conclude that the signifier *blackboard* consists of (1) the morpheme {board} which means ‘board’ and (2) the quasi-linguistic unit *black*, whose literal meaning ‘black’ is not part of the meaning ‘blackboard’. Likewise, given that the meaning ‘greenhouse’ contains the meaning ‘house’ and does not contain the meaning ‘green’, we are forced to conclude that the signifier *greenhouse* consists of (1) the morpheme {house} which means ‘house’ and (2) the quasi-linguistic unit *green*, whose literal meaning ‘green’ is not part of the meaning ‘greenhouse’. (Depending on our ability to find a semantic link connecting the senses ‘black’ and ‘used for writing’/‘green’ and ‘for growing plants’, the quasi-linguistic units *black* and *green* can be regarded as either morfoids or submorphs.) But this segmentation seems counter-intuitive since, in it, semi-idioms become segmentable into units of different linguistic layers: morphemes and non-morphemes.

Taking all this into account, it is clear that we need better guidelines for deciding whether a phraseme is segmentable into two or more morphemes. Furthermore, if we want to preserve the original conception of a morpheme as a MEANINGFUL constituent, we cannot be satisfied with Nida’s formal approach in which a unit is isolatable as a morpheme only because it occurs in isolation (*for* and *give* in *forgive*) or occurs in other combinations (*re* and *ceive* in *receive*), for, as said above, *forgive* is a full-idiom whose meaning does not contain the meanings ‘for’ and ‘give’, whereas *re* and *ceive* have no meanings of their own.

3. Additive principle as an alternative?

This article argues that instead of Nida’s principles, the decision about the phraseme’s morphemic structure can be based on the ADDITIVE PRINCIPLE OF MORPHOLOGY (as formulated in, e.g., Plungjan 2000: 37–40). The additive principle is a theoretical model which stipulates ISOMORPHISM of formal and semantic segmentation. This means that if concept A is segmentable into two independent meanings ‘X’ and ‘Y’, then the chain of sounds verbalizing A must likewise be segmentable into the morphemes {x} and {y} which carry the meanings ‘X’ and ‘Y’.⁶ To put this in a simpler way, if the concept under consideration is a semantically compound concept (i.e., is perceived as consisting of two independent meanings), then the concept’s signifier must be segmentable into two morphemes.

As an illustration of how the principle works, consider the verb *hear*. As argued by Haspelmath (2002: 2; cf. Taylor 2002: 272–273), *hear* cannot be segmented into the morphemes {ear} and {h} (meaning ‘use’: to hear = to use one’s ears???) because of the non-existence of the verbs *heye**** meaning ‘use one’s eyes’, *helbow**** ‘use one’s elbows’, etc. (In other words, English lacks the word-formation pattern {H} + BODY-PART which would generate a verb like *hear* meaning ‘use that body-part’.) By stating this, Haspelmath implicitly refers to another morpheme identification principle formulated by Nida (1974 [1949]: 58): A morpheme is isolatable if it occurs in multiple combinations in which the units with which it combines occur in isolation. For example, *er* qualifies as a morpheme because it occurs in multiple combinations (*teacher*, *preacher*, *worker*, *browser*, etc.) in which the units with which it combines (*teach*, *preach*, *work*, *browse*, etc.) occur in isolation. In contrast, *h* of *hear* does not qualify as a morpheme

⁶ It is clear that the additive principle is in full accord with the traditional conception of a morpheme: Only that combination of

because in English there is only one word *hear* where *h* (meaning ‘use’) occurs in combination with the unit *ear* which occurs in isolation.

At the same time, however, it could be argued that *h* of *hear* is a unique morpheme, just like *cran* of *cranberry*. (In Nida’s principles, the morphemic status of *cran* is accounted for in the following way: A unit which is neither a free morpheme like *for* and *give* of *forgive* nor a bound morpheme like *er* of *teacher* can nevertheless be considered a morpheme if it occurs in a single combination in which the unit with which it is combined occurs in isolation (ibid. p. 59). Thus *cran* qualifies as a morpheme because it occurs in the single combination *cranberry* in which the unit *berry* with which it is combined occurs in isolation. Similarly, *h* (meaning ‘use’) qualifies as a morpheme because it occurs in the single combination *hear* in which the unit *ear* with which it is combined occurs in isolation.) So, how can we then prove the impossibility of the counter-intuitive segmentation of *hear* into the morphemes {*h*} and {*ear*} and the possibility of the segmentation of *cranberry* into the morphemes {*cran*} and {*berry*}? In which respects is the former different from the latter?

The answer to this question is that the meaning ‘cranberry’ is a semantically compound concept: ‘a particular type of berry different from strawberry, blueberry, raspberry, etc’.⁷ That this is indeed the case (i.e., it is not only an analyst like the author of this article but also a considerable number of laypersons who perceive ‘cranberry’ as a semantically compound concept segmentable into the independent meanings ‘berry’ and ‘particular type of berry’) can be proven by the fact that the meaning ‘cranberry’ is often verbalized by *cran* alone, e.g., in *cran apple juice* where *cran* occurs as an elliptical version of *cranberry*. (That is, *cran apple juice* means ‘cranberry apple juice’.) That *cran* can occur without *berry* is because an English speaker segments the meaning ‘cranberry’ into the meanings ‘berry’ and ‘particular type of berry’ and assigns the former meaning to *berry* and the latter meaning to *cran*. (Note that in *cranberry*, the semantic component ‘berry’ inherent in the morpheme {*cran*} is deleted from the overall meaning of *cranberry* because the meaning ‘berry’ is also inherent in the morpheme {*berry*}: CRANBERRY = A PARTICULAR TYPE OF BERRY + BERRY.⁸ By contrast, in *cran apple juice*, the morpheme {*cran*} has its full meaning ‘a particular type of berry different from strawberry, blueberry, raspberry, etc’.)

As for *hear*, the segmentation of this word into the morphemes {*h*} and {*ear*} seems counter-intuitive because the meaning ‘hear’ is a semantically simple concept non-segmentable into the meanings ‘use’ and ‘ears’ which could be attributed to the constituents *h* and *ear*. We are justified in arriving at this conclusion because (1) the concept HEAR is often regarded as a semantic primitive (see Wierzbicka 1996 for details) and (2) ‘use one’s ears’ is not the entire description of the meaning ‘hear’: As defined by, e.g., OED, *hear* does not really mean ‘use one’s ears’ but ‘to perceive, or have the sensation of, sound; to possess or exercise the faculty of audition, of which the specific organ is the ear’.

Perhaps some would argue that *hear* is a quasi-idiom whose overall meaning contains the meanings ‘use’ and ‘ear(s)’ inherent in the morphemes {*h*} and {*ear*} plus an additional semantic component ‘perceive sound’: HEAR = PERCEIVE SOUND BY USING ONE’S EARS. However, if we remove the components ‘use’ and ‘ears’, the resultant definition will still be perceived as a sufficiently accurate definition of *hear*: HEAR = PERCEIVE SOUND. Hence the only possibility of treating the meaning ‘hear’ as a semantically compound concept is to divide it into ‘perceive’ and ‘sound’ and assign the former meaning to *h* and the latter meaning to *ear*. But this is not a very successful solution since (1) {*h*} is a unique morpheme (i.e., it is only in *hear* where the putative morpheme {*h*} can be said to carry the meaning ‘perceive’) and (2) EAR FOR SOUND is not a particularly salient metonymic pattern: Why should the concept SOUND be verbalized by the metonym *ear* if it can be easily verbalized by the primary expression *sound*? Accordingly, given the extreme unlikelihood of the segmentation of ‘hear’ into the independent meanings ‘perceive’ and ‘sound’ inherent in the morphemes {*h*} and {*ear*}, we can conclude that HEAR is a semantically simple concept inherent in the morpheme {*hear*}.

In summary, *cranberry* can be considered segmentable into the morphemes {*cran*} and {*berry*} not because {*berry*} is a free morpheme which occurs in isolation and {*cran*} is a unique morpheme which occurs in combination with the free morpheme {*berry*} but because the meaning ‘cranberry’ is a semantically compound concept segmentable into two independent meanings – ‘berry’ and ‘particular type of berry’ – which can be easily attributed to the constituents *berry* and *cran*. And *hear* cannot be segmented into the morphemes {*h*} and {*ear*} not because of the non-existence of the verbs *heye**** and *helbow**** meaning ‘use one’s eyes’ and ‘use one’s elbows’ but because the meaning ‘hear’ is a semantically simple concept non-segmentable into the meanings ‘use’ and ‘ears’ (or ‘perceive’ and ‘sound’) which could be attributed to the constituents *h* and *ear*. It is of course true that the impression that the meaning ‘cranberry’ is a semantically compound concept arises because (1) the English word *cranberry* contains *berry* and (2) in English there exist morphologically and semantically similar words *blueberry*, *raspberry*, *strawberry*, etc. (In contrast, for a Russian speaker, the meaning ‘cranberry’ is a semantically simple concept because it is verbalized by the signifier *kljukva* that does not contain *jagoda* ‘berry’ as its constituent.) But this is not important at the moment. What is important is that the formal segmentation of the English word *cranberry* into the morphemes {*cran*} and {*berry*} is fully grounded in the semantic segmentation of the meaning ‘cranberry’ into the independent meanings ‘berry’ and ‘particular type of berry’.

⁷ Cf. Aronoff (1976: 10–11) and particularly Mel’čuk (1997: 251) who argues that *cran* of *cranberry* is a PSEUDO-EXISTING ROOT.

Before proceeding to phrasemes, it must be noted that the additive principle can solve some other theoretical problems associated with the traditional conception of a morpheme as a meaning-carrying unit. Consider, for example, the well-known problem of PSEUDO-MORPHEMES.

As argued by Ginzburg et al. (1979: 91), the word *theory* can be segmented into the morphemes {*theor*} and {*y*} because these units occur in other combinations. For example, *theor* also occurs in *theorist*. And *y* also occurs in *history*. However, like the units *re* and *ceive* of *receive*, *theor* and *y* have no obvious meanings of their own. Accordingly, as Ginzburg et al. conclude, these units are not normal (i.e., meaning-carrying) morphemes but PSEUDO-MORPHEMES, i.e., units that are isolatable as morphemes on purely formal grounds. (Also, as in the case of *re* and *ceive*, the units *theor* and *y* can be said to possess the differential meaning: the unit *theor* makes *theory* distinguishable from *history* and the unit *y* – from, e.g., *theorist*.)

However, the additive principle disallows the segmentation of *theory* into the morphemes {*theor*} and {*y*} because the meaning ‘theory’ is a semantically simple concept non-segmentable into two independent meanings attributable to the putative morphemes {*theor*} and {*y*}. (By contrast, the word *theorist* CAN be segmented into the morphemes {*theor*} and {*ist*} because the meaning ‘someone who propounds a theory’ is clearly segmentable into two independent meanings – ‘theory’ and ‘someone who propounds’ – which can be attributed to the constituents *theor* and *ist*. Thus it is clear that *theor* of *theorist* is a phonetically-modified version of the original form *theory*⁹ and can therefore be considered the carrier of the meaning ‘theory’.) To conclude, if the signifier *theory* consists of only one morpheme {*theory*}, then there is no need to treat *theor* and *y* as pseudo-morphemes.

Similarly, the additive principle cannot recognize the existence of SUPERFLUOUS MORPHEMES such as, for example, the morpheme {*th*} in *lengthen* and *strengthen* which, as a first approximation, may seem to make a superfluous semantic contribution to the meanings ‘lengthen’ and ‘strengthen’: As observed by Anderson (1992: 54), *lengthen* and *strengthen* mean ‘make longer’ and ‘make stronger’, whereas *th* means ‘the state of being X (where X is a preceding adjective, e.g., *long*, *strong*, *warm*, etc.)’. However, instead of analyzing the meanings ‘lengthen’ and ‘strengthen’ as ‘make longer’ and ‘make stronger’, it can be argued that these verbs mean ‘increase length’ and ‘increase strength’. Thus we obtain the segmentation of *lengthen* and *strengthen* into (1) the morphemes {*length*} and {*strength*} carrying the non-superfluous meanings ‘length’ and ‘strength’ and (2) the morpheme {*en*} carrying the meaning ‘increase’.

Also, it is important to emphasize that *length* and *strength* consist of only one morpheme – i.e., {*length*} and {*strength*} – not of two morphemes {*leng*}/{*th*} and {*streng*}/{*th*}, which Anderson takes for granted. Thus *length* does not mean ‘the state of being long’ but ‘the size of the gap between two places’ (WordNet) which can be either long or short. And *strength* does not mean ‘the state or quality of being strong’ but refers to a person’s physical condition, with regard to which he can be described as either strong or weak.

This does not aim to deny that from a formal point of view, *length* and *strength* are products of affixation of *long* and *strong* by means of the suffix {*th*}, accompanied by the apophony [a:] > [e]. And from a semantic point of view, the meanings ‘length’ and ‘strength’ were indeed derived from the meanings ‘long’ and ‘strong’ via the well-known metonymy END POINT OF A SCALE FOR THE SCALE ITSELF: LONG FOR LENGTH and STRONG FOR STRENGTH. (The same metonymic pattern accounts for the use of *old* meaning ‘age’ in *how old are you?*: Like *long* and *strong*, *old* is the end point of the age-scale and can therefore be used for the evocation of the scale itself: HOW OLD ARE YOU? = WHAT IS YOUR AGE? (Kövecses 2006: 101).)

But this is a diachronic analysis explaining how the words *length* and *strength* came into existence. However, from a synchronic perspective, the meanings ‘length’ and ‘strength’ are semantically simple concepts non-segmentable into two independent meanings which could be attributed to the putative morphemes {*leng*}/{*th*} and {*streng*}/{*th*}. As in the case of *hear*, the segmentation into the meanings ‘long’/‘state [of being X]’ and ‘strong’/‘state [of being X]’ does not provide a sufficiently accurate definition of the meanings ‘length’ and ‘strength’; and the analysis of these words as quasi-idioms segmentable into the meanings ‘long’ + ‘state’ + ‘size of the gap between two places’ and ‘strong’ + ‘state’ + ‘physical condition’ appears to be less economical than the attribution of the meanings ‘length’ and ‘strength’ to single non-segmentable morphemes {*length*} and {*strength*}. If the meanings ‘length’ and ‘strength’ contain the meanings ‘size of the gap between two places’ and ‘physical condition’, why should they also contain the meanings ‘long’/‘state of being long’ and ‘strong’/‘state of being strong’?

Accordingly, since *length* and *strength* are segmentable only into the morphemes {*length*} and {*strength*} carrying the meanings ‘length’ and ‘strength’, then it must be clear that *lengthen* and *strengthen* cannot contain the superfluous morpheme {*th*}.

4. Morphological phrasemes

Now, we can proceed to morphological phrasemes. Like the meaning of *cranberry*, the meaning of the full-idiom *boyfriend* is clearly segmentable into two independent meanings – ‘male’ and ‘lover’ – which can be easily attributed to the constituents *boy* and *friend*. As stated earlier, the meaning ‘male’ is inherent in the constituent *boy* and the meaning ‘lover’ is inherent in the constituent *friend*. Accordingly, the word *boyfriend* can be segmented into two

⁹ As is well-known, suffixation often changes the phonetic shape of the base (see, e.g., Plag 2003: 80).

‘normal’¹⁰ morphemes – {boy} and {friend} – which, however, in the full-idiom *boyfriend*, do not mean ‘boy’ and ‘friend’ (i.e., what they normally mean when used in other contexts) but instead have ‘unusual’ idiomatic meanings ‘male’ and ‘lover’. By contrast, *Hochzeit* cannot be segmented into the morphemes {hoch} and {Zeit} because ‘wedding’ is a semantically simple concept non-segmentable into two independent meanings which could be attributed to the constituents *hoch* ‘high’ and *Zeit* ‘time’. Thus even if a German speaker attributes the metaphorical meaning ‘happy’ (or ‘important’) to the constituent *hoch* (recall the conceptual metaphors HAPPY IS UP and IMPORTANT IS UP) and thereby segments ‘wedding’ into the meanings ‘happy’ and ‘time’ (or ‘important’ and ‘time’), this will not yield a sufficiently accurate definition of a wedding, for, apart from weddings, there are many other events which can be conceived of as *happy* or *important times* (e.g., vacations, birthday parties, etc.). Similarly, the segmentation of ‘pen’ into the meanings ‘small’ and ‘hand’ does not yield a sufficiently accurate definition of a pen, for it does not tell us in which respects a pen is different from other small objects (e.g., pencils) resembling hands. Accordingly, if we want to preserve the possibility of the segmentation of *Hochzeit* and *ručka* into the morphemes {hoch}/{Zeit} and {ruk}/{č}, these words must be considered quasi-idioms. That is, *Hochzeit* is a quasi-idiom because its overall meaning ‘wedding’ contains the meanings ‘happy’ (or ‘important’) and ‘time’ inherent in the morphemes {hoch} and {Zeit} plus the semantic component ‘the defining characteristics of a wedding distinguishing it from vacations, birthday parties, and other ‘happy or important times’’. Likewise, *ručka* is a quasi-idiom because its overall meaning ‘pen’ contains the meanings ‘hand’ and ‘small’ inherent in the morphemes {ruk} and {č} plus the semantic component ‘the defining characteristics of a pen distinguishing it from other small objects resembling hands’. However, as in the case of *hear*, this seems counter-intuitive: If the overall meaning of *Hochzeit* contains the semantic component ‘defining characteristics of a wedding’, why should it also contain the (seemingly superfluous) components ‘happy’ and ‘time’ (or ‘important’ and ‘time’)? And, similarly, if the overall meaning of *ručka* contains the semantic component ‘defining characteristics of a pen’, why should it also contain the less important components ‘small’ and ‘hand’? It is thus much more economical to treat ‘wedding’ and ‘pen’ as semantically simple meanings inherent in the morphemes {Hochzeit} and {ručka} alone.

The same applies to the English full-idiom *forgive* as well as to words like *receive*, *refer*, *reduce*, etc. All of them signify semantically simple concepts non-segmentable into two independent meanings which could be attributed to the constituents *for* and *give*, *re* and *ceive*, *re* and *fer*, etc. Accordingly, *forgive* consists of only one morpheme {forgive} (not of {for} and {give}), *receive* – of {receive} (not of {re} and {ceive}), *refer* – of {refer} (not of {re} and {fer}), etc.

Now, let us turn our attention to semi-idioms. As defined in the beginning of the article, a semi-idiom is a phraseme whose overall meaning contains the literal meaning of one of its constituents. E.g., the meaning ‘blackboard’ contains the meaning ‘board’ but not ‘black’; the meaning ‘greenhouse’ contains the meaning ‘house’ but not ‘green’; the meaning ‘gentleman’ contains the meaning ‘man’ but not ‘gentle’ (a gentleman is not a gentle man but a man of refinement); etc. Given this semantic structure, it is clear that all semi-idioms contain (at least) one normal morpheme – the one whose literal meaning is contained in the semi-idiom’s overall meaning (i.e., {board} in *blackboard*, {house} in *greenhouse*, {man} in *gentleman*, etc.). Indeed, if the meaning ‘blackboard’ contains the meaning ‘board’, then this meaning can only be inherent in the morpheme {board}. If the meaning ‘greenhouse’ contains the meaning ‘house’, then this meaning can only be inherent in the morpheme {house}. And if the meaning ‘gentleman’ contains the meaning ‘man’, then this meaning can only be inherent in the morpheme {man}. But what about the constituents *black*, *green*, and *gentle* whose literal meanings are not contained in the meanings ‘blackboard’, ‘greenhouse’, and ‘gentleman’? Are they (normal) morphemes as well? If so, what is their semantic contribution to the overall meanings of *blackboard*, *greenhouse*, and *gentleman*?

As far as the first question is concerned, the answer is of course yes. *Black* of *blackboard*, *green* of *greenhouse*, and *gentle* of *gentleman* are normal morphemes (just like *boy* and *friend* in *boyfriend*) which, however, in the words under consideration, do not mean ‘black’, ‘green’, and ‘gentle’ (i.e., what they normally mean when used in other contexts) but instead have unusual idiomatic meanings ‘used for writing’, ‘for growing plants’, and ‘refinement’. That is, the semi-idiom *blackboard* consists of two normal morphemes: {board} which means ‘board’ and {black} which does not mean ‘black’ but ‘used for writing’. Similarly, *greenhouse* also consists of two normal morphemes: {house} which means ‘house/building’ and {green} which does not mean ‘green’ but ‘for growing plants’. And, finally, *gentleman* consists of two normal morphemes: {man} which means ‘man’ and {gentle} which does not mean ‘gentle’ but ‘refinement’. Thus given that the meanings ‘blackboard’, ‘greenhouse,’ and ‘gentleman’ contain the meanings ‘board’, ‘house’, and ‘man’ and given that the signifiers *blackboard*, *greenhouse*, and *gentleman* contain the signifiers *board*, *house*, and *man*, the most natural way of dealing with the meanings ‘blackboard’, ‘greenhouse,’ and ‘gentleman’ is to segment them into the meanings ‘board’/‘house’/‘man’ and ‘used for writing’/‘for growing plants’/‘refinement’ and assign the former meanings to the signifiers *board/house/man* and the latter to *black/green/gentle*. In other words, if the meaning ‘blackboard’ contains the meaning ‘board’ inherent in the morpheme {board}, then the meaning ‘used for writing’ can only be assigned to the morpheme {black}. If the meaning ‘greenhouse’ contains the meaning ‘house’ inherent in the morpheme {house}, then the meaning ‘for growing plants’ can only be assigned to the morpheme {green}. And if the meaning ‘gentleman’ contains the meaning ‘man’ inherent in the morpheme {man}, then the meaning ‘refinement’ can only be assigned to the morpheme {gentle}.

¹⁰ *Journal of Linguistics* 47 (2011), 1–24.

In connection with the examples *blackboard*, *greenhouse*, and *gentleman*, it must be observed that the semantic segmentation of a semi-idiom (into two morphemes) often has a metonymic grounding. Consider, for example, the phrasal semi-idiom *black coffee* which is similar to *blackboard* in that its overall meaning contains the literal meaning of the head noun *coffee* but not of the modifying adjective *black*: Black coffee is not coffee of black color but coffee without added milk or cream. At the same time, however, it is clear that the idiomatic meaning ‘without milk or cream’ is inherent in the constituent *black*: With the exception of some particular coffee brands (e.g., Nescafe Gold), the absence of milk or cream always results in black color. Also, it is important to add that BLACK FOR ABSENCE OF MILK OR CREAM is a very salient metonymy which fulfills the maxim IMMEDIATE OVER NON-IMMEDIATE of the pragmatic principle of cognitive salience (Kövecses & Radden 1998: 65). That is, first of all, we see that coffee is black and only then conclude that it does not contain milk or cream. The same can be said about the metonymies BLACK FOR USED FOR WRITING and GREEN FOR GROWING PLANTS which we find in the morphological semi-idioms *blackboard* and *greenhouse*. The majority of blackboards have black (or dark) surfaces, so that they could be used for writing on them with chalk. (If blackboards had white surfaces, we would not be able to see what is written on them.) And most of the plants that can usually be found in a greenhouse have green leaves. Accordingly, both BLACK and GREEN can be easily understood as metonymic vehicles for the target concepts USED FOR WRITING and FOR GROWING PLANTS.

However, even if the overall meaning of a given semi-idiom is not derivable (via metonymy or metaphor) from one of its constituents’ literal meanings, it is nevertheless assigned to an opaque constituent. A good example illustrating this point is *gentleman* which, as noted above, consists of two morphemes: {man} which means ‘man’ and {gentle} which does not mean ‘gentle’ but ‘refinement’. Assuming that a layperson does not know the true etymology of *gentleman* (i.e., that the original meaning of *gentle* is not ‘gentle’ (i.e., mild or kind) but ‘well-born, belonging to a family of position’ (OED)), there may arise the question of whether the idiomatic meaning ‘refinement’ is indeed inherent in the constituent *gentle*. That is, how can the meaning ‘refinement’ be assigned to *gentle* if this meaning cannot be arrived at by either metaphorical or metonymic extension of the meaning ‘gentle’? The answer to this question is the additive principle, i.e., ‘gentleman’ is a semantically compound concept segmentable into two independent meanings – ‘man’ and ‘refinement’ – which must be inherent in two morphemes within the signifier *gentleman*. Thus we obtain the segmentation of *gentleman* into (1) the morpheme {man} which carries the meaning ‘man’ (i.e., the literal meaning of the constituent *man*) and (2) the morpheme {gentle} which carries the opaque meaning ‘refinement’: As said above, if the meaning ‘gentleman’ contains the meaning ‘man’ inherent in the morpheme {man}, then the meaning ‘refinement’ can only be assigned to the morpheme {gentle}.

Before proceeding to quasi-idioms, it must be also noted that the segmentation of semi-idioms into two morphemes (carrying identifiable parts of their overall meanings) is the most economical way of dealing with the concepts signified by them. Indeed, let us imagine that the idiomatic meaning ‘refinement’ (of *gentleman*) is not inherent in the constituent *gentle*. This would mean that (1) {gentle} is an empty morpheme (i.e., a morpheme which has no meaning) and (2) the meaning ‘refinement’ is inherent in a zero morpheme. Or, alternatively, we could argue that (1) {gentle} is an empty morpheme, but (2) the meaning ‘refinement’ is inherent not in a zero but in the morpheme {man} which cumulatively expresses the meanings ‘man’ and ‘refinement’. It is obvious that both these variants are less economical than the above segmentation into {gentle} and {man}. In the former case, *gentleman* becomes segmentable into three morphemes, two of which – the empty morpheme {gentle} and the zero morpheme {refinement} – are not ‘normal’ morphemes. And in the latter case, it remains unclear why *gentleman* needs the empty morpheme {gentle} if the meanings ‘man’ and ‘refinement’ can be cumulatively expressed by {man} alone.

Finally, consider the possibility of *gentleman* (as well as of all other semi-idioms) being semantically simple concepts segmentable only into one morpheme {gentleman} which cumulatively expresses the meanings ‘man’ and ‘refinement’. The main problem with this approach is that the meaning ‘gentleman’ contains the meaning ‘man’ and the signifier *gentleman* contains the signifier *man*. Given this, it is much more natural to assign the meaning ‘man’ to *man* alone (rather than to the entire *gentleman*) and by doing so, to segment *gentleman* into {man} and {gentle}.

This is also true of *gentleman* in *ladies and gentlemen* (and other similar politeness-related contexts) where it does not mean ‘man of refinement’ but is used to refer to any man regardless of social rank. Thus it is clear that in these contexts, *gentlemen* is used instead of *men* in order to maximize praise of those men who do not qualify as gentlemen in the traditional meaning of this word (i.e., are not men of refinement).¹¹ That is, in the case of *ladies and gentlemen*, we have to distinguish between the referential and the conceptual meaning of *gentleman*. With regard to the former, *gentleman* is indeed any man, i.e., it is used to refer to any man regardless of social rank. But with regard to the latter, *gentleman* is still a man of refinement, i.e., it is used to convey the meaning ‘man of refinement’ in order to be polite to those men who are not men of refinement. Accordingly, even in *ladies and gentlemen*, *gentleman* retains its original conceptual meaning ‘a man of refinement’ and thus its original morphemic structure: the segmentation into the morphemes {gentle} and {man} carrying the meanings ‘refinement’ and ‘men.’

As for quasi-idioms, the only question that needs to be considered is which morpheme carries the meaning ‘additional semantic component’ inherent in neither of their constituents. That is, which morpheme carries the meaning ‘profession’ inherent in neither {teach} nor {er} of *teacher*? And which morpheme carries the meaning ‘special kind of game’ inherent in neither {foot} nor {ball} of *football*? We do not need to consider the question of whether *teacher* and *football* are segmentable into the morphemes {teach}/{er} and {foot}/{ball}, since the meanings

¹¹ The motivation for the use of *gentlemen* instead of *men* in order to maximize praise of those men who do not qualify as gentlemen in the traditional meaning of this word (i.e., are not men of refinement) is discussed in detail in the next section.

of these quasi-idioms contain the literal meanings of the constituents *teacher* and *football*: As mentioned earlier, a teacher is literally a performer of the action of teaching. And football is a game that involves a ball and the players' feet. But what about the additional semantic components 'profession' and 'special kind of game'?

As a first approximation, it may seem that their presence in the overall meanings of *teacher* and *football* is at odds with the additive model advocated in this article. Thus if the meaning 'teacher' is segmentable into three independent meanings – 'teach', 'performer of some action', and 'profession' – then each of these meanings must be assignable to some morpheme within the signifier *teacher*. And, similarly, if the meaning 'football' is segmentable into three independent meanings – 'foot', 'ball', and 'special kind of game' – then each of these meanings must be assignable to some morpheme within the signifier *football*. But both *teacher* and *football* consist of only two overt morphemes – {teach}/{er} and {foot}/{ball} – which carry the meanings 'teach'/'performer of some action' and 'foot'/'ball'.

So, how can we then solve the problem of anisomorphism of formal and semantic segmentation which is per definition characteristic of all quasi-idioms? One possible solution is to argue that one of the quasi-idiom's constituents is a MEGA-MORPHEME (Mel'čuk 1997: ch. 7), i.e., a morpheme which cumulatively expresses more than one meaning. For example, we can argue that the idiomatic meaning 'profession' (of *teacher*) is inherent in the mega-morpheme {er} which cumulatively expresses the meanings 'performer of some action' and 'profession'. We are justified in arriving at this conclusion because the pattern VERB + {ER} generating a noun with the meaning 'professional performer of some action' can be found in many other deverbal nouns ending in *er*. For instance, similar to a *teacher*, a *writer* is not any person who writes but a person who is involved in this activity on a more or less professional basis.¹² In a similar way, we can argue that the idiomatic meaning 'special kind of game' (of *football*) is inherent in the mega-morpheme {ball} which cumulatively expresses the meanings 'ball' and 'special kind of game'. We are justified in arriving at this conclusion because the pattern NOUN + {BALL} generating a compound with the meaning 'special kind of game' can be found in many other nominal compounds containing the signifier *ball*. E.g., *basketball*, *handball*, *volleyball*, etc.

Or, alternatively, we can argue that quasi-idioms contain a zero morpheme. That is, the signifiers *teacher* and *football* consist of the two overt morphemes {teach}/{er} and {foot}/{ball} carrying the meanings 'teach'/'performer of some action' and 'foot'/'ball' (i.e., the literal meanings of the constituents *teach/er* and *foot/ball*) and a zero morpheme which carries the idiomatic meanings 'profession' and 'special kind of game'. The zero approach is more plausible in the case of *football* and similar quasi-idioms *paleface*, *cutthroat*, etc., which in the traditional word-formation research are regarded as EXOCENTRIC COMPOUNDS – i.e., headless compounds in which the semantic head is metonymically evoked by the sum of their constituents' literal meanings, which signifies a particularly salient characteristic of the head. For example, the semantic head of the compound *football* is neither *foot* nor *ball* but a game whose defining characteristic is that the ball is kicked by the players' feet. (That is, the sum of the meanings 'foot' and 'ball' serves as a metonymic vehicle for the meaning 'a special kind of game', which is the semantic head of the compound *football*.) Similarly, the head of the compound *paleface* is neither *pale* nor *face* but a white person of European descent, one of whose characteristics is a pale face. The head of the compound *cutthroat* is neither *cut* nor *throat* but a murderer who murders by cutting another person's throat or by other means. And so on.

Traditionally, a zero morpheme is postulated only when, in a given language, the meaning inherent in a zero can also be expressed by a non-zero (see, e.g., Mel'čuk 2006: 469). For example, in the English noun *book*, the grammatical meaning 'singularity' can be assigned to a zero because in English there are words like *phenomenon*, *crisis*, *genius*, etc., where singularity is marked by the non-zero affixes {on}, {is}, {us}, etc. In a similar way, in the quasi-idioms *football*, *paleface*, and *cutthroat*, the idiomatic meanings 'special kind of game', 'white person of European descent', and 'murderer' can be assigned to zero morphemes because, apart from zeros, these meanings can also be verbalized by the non-zero signifiers *special kind of game*, *white person of European descent*, and *murderer*.

As for *teacher*, the attribution of the idiomatic meaning 'profession' to a zero morpheme seems less plausible because, in contrast to the meanings 'special kind of game', 'white person of European descent', and 'murderer' which are evoked by the meanings 'foot'/'ball', 'pale'/'face', and 'cut'/'throat', the meaning 'profession' is not evoked by the meanings 'teach' and 'performer of some action'. Thus not any person who teaches is a professional teacher; not any person who dances is a professional dancer; not any person who cooks is a professional cook; etc. But a game that involves a ball and the players' feet trying to kick it to the goal at the opposite side of the field is FOOTBALL. The face of a white person of European descent can indeed be perceived as PALE. (Especially, in contrast to the face of a person of a different race). And CUTTING ANOTHER PERSON'S THROAT is a way of murdering. Given this semantic difference, it makes sense to distinguish between (1) quasi-idioms of the *teacher*-type in which the idiomatic meaning 'additional semantic component' is inherent in one of their overt morphemes functioning as a mega-morpheme and (2) quasi-idioms of the *football*-type in which the additional semantic component is inherent in a zero-morpheme.

5. Summary and concluding remarks

Summarizing the previous discussion, we can now make several conclusions concerning the formal and the semantic structure of morphological phrasemes. As regards the former, a morphological phraseme is a word which consists of at

¹² Cf. Aronoff (1976: 50) who argues that the suffix {er} means 'one who performs some action PROFESSIONALLY, HABITUALLY,

least two units that qualify as morphemes on purely formal grounds. That is, these units either occur in isolation (e.g., *for/give* in *forgive* or *gentle/man* in *gentleman*) or occur in multiple combinations with units which occur in isolation (e.g., *er* in *teacher*). As regards the latter, a morphological phraseme is a word whose meaning is idiomatic (i.e., is perceived as being the product of semantic reinterpretation or opacity). This includes the following three situations: (1) the overall meaning does not contain the literal meanings of those two or more units (which the phraseme under consideration is made up of) which qualify as morphemes on purely formal grounds (full-idioms), (2) the overall meaning contains the literal meaning of only one of these units (semi-idioms), and (3) the overall meaning contains the literal meanings of both of these units plus an additional semantic component (quasi-idioms). For example, *forgive* is a phraseme because it is formally segmentable into the units *for* and *give* which occur in isolation, but the meaning ‘forgive’ does not contain the meanings ‘for’ and ‘give’ (strong idiomaticity). Similarly, *gentleman* is a phraseme because it is formally segmentable into the units *gentle* and *man* which occur in isolation, but the meaning ‘gentleman’ contains the meaning ‘man’ and does not contain the meaning ‘gentle’ (weak idiomaticity). And, finally, *teacher* is a phraseme because it is formally segmentable into the units *teach* and *er* – *teach* is a unit which occurs in isolation and *er* is a unit which occurs in multiple combinations (e.g., *teacher*, *preacher*, *browser*) with units (*teach*, *preach*, *browse*) which occur in isolation – but the meaning ‘teacher’, apart from the meanings ‘teach’ and ‘performer of some action’, also contains an additional semantic component ‘profession’ (the weakest idiomaticity).

However, despite the fact that each phraseme is formally segmentable into at least two units qualifying as morphemes on purely formal grounds, not each phraseme consists of two morphemes. Thus the full-idiom *forgive* consists of only one morpheme {forgive} which carries the meaning ‘forgive’. Similarly, the full-idiom *Hochzeit* consists of only one morpheme {Hochzeit} which carries the meaning ‘wedding’. This, however, is not the only possibility. In addition to mono-morphemic phrasemes like *forgive* and *Hochzeit*, there are phrasemes consisting of (1) two morphemes which have unusual idiomatic meanings which they normally do not have in other environments (full-idioms of the *boyfriend*-type), (2) two morphemes, one of which is used in its usual literal meaning, whereas the other has an unusual idiomatic meaning which it normally does not have in other environments (all semi-idioms), (3) two morphemes, one of which is a normal morpheme which carries its usual literal meaning, whereas the other is a mega-morpheme which, together with its literal meaning, cumulatively expresses an additional meaning which it normally does not express in other environments (quasi-idioms of the *teacher*-type), and (4) three morphemes, two of which are normal overt morphemes which carry their usual literal meanings, whereas the third one is a zero morpheme which carries an additional meaning inherent in neither of the two overt morphemes (quasi-idioms of the *football*-type).

What needs to be done next is to apply the theoretical model proposed in this article to a larger corpus of morphological phrasemes occurring in a particular language – ideally, to all phrasemes – and thereby classify the lexicon of that language into (1) non-phrasemes (i.e., fully compositional words like *boy-friend* meaning ‘a friend who is a boy’), (2) fully compositional full-idioms of the *boyfriend*-type, (3) non-compositional full-idioms of the *forgive*-type, (4) semi-idioms, (5) quasi-idioms of the *teacher*-type, and (6) quasi-idioms of the *football*-type. This is the task that I leave for future research.

References

- Anderson, Stephen. 1992. *A-Morphous morphology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Apresjan, Jurij D. 1974. *Leksičeskaja semantika. Sinonimičeskie sredstva jazyka* [Lexical semantics. Synonymic means of language]. Moskva: Nauka.
- Aronoff, Mark. 1976. *Word-formation in generative grammar*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Corpus of Contemporary American English*. <http://www.americanacorp.org/> (August 15 2009).
- Cruse, Alan. 2004. *Meaning in language. An introduction to semantics and pragmatics*, 2nd edn. Oxford: Oxford University Press.
- Ginzburg, R.S., S.S. Khidekel, G.Y. Knyazeva, A.A. Sankin. 1979. *A course in modern English lexicology*, 2nd edn. Moskva: Vysšaja škola.
- Haspelmath, Martin. 2002. *Understanding morphology*. London: Arnold.
- Hornsby, David. (ed.) forth. *Interfaces in Language 2*. Cambridge Scholars Publishing: Newcastle-upon-Tyne.
- Kövecses, Zoltán. 2006. *Language, mind, and culture. A practical introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Kövecses, Zoltán & Günter Radden. 1998. Metonymy: developing a cognitive linguistic view. *Cognitive Linguistics* 9.1, 37–77.

- Lakoff, George & Mark Johnson. 1980. *Metaphors we live by*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Mel'čuk, Igor' A. 1982. *Towards a language of linguistics. A system of formal notions for theoretical morphology*. München: Fink.
- Mel'čuk, Igor' A. 1995. Phrasemes in language and phraseology in linguistics. In Martin Everaert (ed.), *Idioms: structural and psychological perspectives*, 167–233. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates.
- Mel'čuk, Igor' A. 1997. *Cours de morphologie générale. Cinquième partie: signes morphologiques*. Montréal: Les Pr. de l'Univ. de Montréal.
- Mel'čuk, Igor' A. 2006. *Aspects of the theory of morphology*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Nida, Eugene A. 1948. The identification of morphemes. *Language* 24.4, 414–441.
- Nida, Eugene. 1974 [1949]. *Morphology. The descriptive analysis of words*, 2nd edn. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
- Oxford English Dictionary*, 2nd edn. 1989. Oxford: Oxford University Press.
- Plag, Ingo. 2003. *Word-formation in English*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Plungjan, Vladimir. 2000. *Obščaja morfologija [General morphology]*. Moskva: EditorialURSS.
- Taylor, John R. 2002. *Cognitive grammar*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna 1996. *Semantics. Primes and universals*. Oxford: Oxford University Press.
- WordNet*. <http://wordnetweb.princeton.edu/perl/webwn> (August 15 2009).

Новые тенденции в составлении словарей современных английских писателей.

В теории и практике создания писательских словарей в последнее десятилетие обозначились определенные тенденции. Если ранее писательская лексикография строилась исключительно на основе произведений классиков, то в настоящее время появляется значительное число справочников к произведениям современных писателей, таких как Дж. Роулинг и Дэн Браун.

Однако, такие вечные классики, как В. Шекспир продолжают вдохновлять лексикографов спустя столетия, способствуя появлению нового типа писательского словаря – терминологического. В. Шекспир, как известно, был не только талантливым писателем и драматургом, но он также проявлял интерес ко многим сферам человеческой жизни, накапливая и активно используя в своих произведениях терминологический багаж, ставший впоследствии основой для терминологических писательских словарей, таких как *Shakespeare's Theatre. A Dictionary of His Stage Context*, 2003; *Shakespeare's Military Language*, 2004; *Music in Shakespeare: A Dictionary*, 2005; *Shakespeare's Legal Language: A Dictionary*, 2005; *Class and Society in Shakespeare*, 2008 [Karpova, 2008].

Возникновение словарей к современным произведениям – явление уникальное в писательской лексикографии, связанное в первую очередь со спецификой жанра фэнтези, который сформировался в середине XX века и воплотил мечту человека о личной свободе от сторон обыденной жизни, вобрав в себя гуманность и назидательность от сказки, трагичность и эпичность от мифа, а также благородство рыцарского романа. Авторы, работающие в этом жанре, создают миры, расположенные параллельно реальности или вообще никак с ней не связанные. Эти миры отличаются

гармонией человека с природой, разнообразием разумных существ, повсеместно присутствует волшебство. Фэнтези направлено на раскрытие философских и гуманистических идей в доступной форме. Вероятно, именно эти черты завоевали сердца читателей со всего мира. Пожалуй, самым удивительным является то, что писательской лексикографией стали увлекаться обычные читатели. Если раньше писательские справочники составлялись исключительно профессиональными лексикографами, литературоведами и ориентировались на узкий круг филологов, исследователей творчества писателей, то в настоящее время сами читатели проявляют интерес к лексикографической деятельности. Фанаты творчества современных писателей, таких как Дж.Р.Р. Толкин, Дж.К. Роулинг, Дэн Браун объединяются в сообщества для создания открытых Интернет словарей - путеводителей по произведениям любимых авторов, порой очень сложных для понимания без особых культурологических, исторических, мифологических знаний.

Отличительной чертой таких словарей является открытая структура, то есть любой зарегистрированный на сайте пользователь получает право добавлять свои собственные словарные статьи, которые впоследствии редактируются модератором и приводятся к единой форме представления микроструктуры. Интересно отметить, что намечается тенденция к созданию сначала электронной версии словаря, выложенной в свободном доступе в Интернет, а потом, при успешности проекта, публикация справочника. Именно такая судьба была у самого известного Интернет словаря к произведениям о Гарри Поттере [<http://www.hp-lexicon.org>].

В данных справочниках энциклопедического типа, как отмечает М. А. Кириллов [Кириллов, 2006], толкования входных единиц, конечно, носят глубоко субъективный, авторский характер и могут, в определенной степени, считаться литературными творениями поклонников творчества писателей.

Тем не менее, именно такие справочники вызывают интерес пользователей и стимулируют появление новых справочников на их основе.

Так, примером может послужить проект открытого Интернет словаря под названием "Florentine Themes in the Dictionaries of European Writers", предложенного О.М. Карповой и созданного во время семинара, проходившего во Флоренции (Италия) в период с 17-24 февраля 2008г. [http://www.fondazione-delbianco.org/inglese/index_a.html].

Выбор энциклопедии к невероятно популярным книгам Дж. Роулинг о Гарри Поттере и один словарь к скандальной книге «Код Да Винчи» Дэна Брауна в качестве объекта исследования обусловлен необходимостью проследить отличия энциклопедий, созданных обычными читателями и профессиональными лингвистами, не являющимися лексикографами. В первую очередь отмечается, что именно специфическая стилистика и неоднозначность сюжетов произведений провоцирует читателей на самостоятельное исследование и составление справочников нового типа, которые отличаются по мега-, макро-, микроструктуре от традиционных. Современные словари стали включать иллюстрации, фрагменты из фильмов, портреты героев, рисунки читателей. Важными элементами лексикографической обработки входных единиц словника являются различные пометы, многие из которых ранее не использовались в писательских энциклопедиях и созданы специально для конкретного справочника.

В ходе анализа мы пришли к выводу, что электронный формат справочников и не профессиональный уровень создателей определяет особенности мега-, макро- и микроструктуры лексикографических произведений.

Так, наблюдается тенденция создания мультиструктурных справочников, позволяющих значительно облегчить и конкретизировать поиск информации. Теперь пользователь может сам выбрать наиболее подходящую и удобную лично ему структуру. Обработка входных единиц так же выходит за рамки стандарта. Как правило, составители стараются включить в словарную статью мультимедийные характеристики слов, а так

же активно используют красочное графическое оформление статьи. Таким образом, словарная статья представляет собой обширный гипертекст, способный бесконечно пополняться. Фонетическая характеристика входных единиц нарушает сложившиеся правила ее оформления. Вместо традиционной транскрипции авторы используют транслитерацию. Вероятно, это связано с тем, что составители намеренно отказываются от сложившихся норм, чтобы подчеркнуть уникальность справочника, призванного дополнить произведение жанра фэнтези, характеризующегося максимальной оторванностью от реальности.

В составлении современных словарей языка писателей отражаются следующие новые тенденции общей английской лексикографии. В первую очередь, это – электронный формат словарей, который позволяет не только быстро получить справку, но и упрощает процесс обновления. Так же становится все более популярным комбинирование лексикографических форм, что предоставляет наиболее удобную и рациональную систему поиска. Более того, в тело словарной статьи включаются мультимедийные характеристики, графические изображения в виде ссылок, позволяющие создать обширный гипертекст.

Новые справочники значительно обогатили и дополнили ряд словарей языка писателей, следовательно, возникает вопрос, актуальный для лексикографии, о представлении лексики языка писателя как системы в справочниках нового типа. Ю.Д. Апресян предложил 3 критерия, направленные на достижение системности, а именно: новые тенденции в современной теоретической лингвистике; существование формальных примеров языка как части компьютерной лингвистики; возвышение учебной лексикографии, нацеленной в первую очередь не на графическую семиотику, а на активизацию речи пользователя [Апресян, 1992].

Несомненно, писательская лексикография, как ветвь общей лексикографии отражает ее характерные тенденции, как в теории, так и в сфере компьютерной лингвистики. Тем не менее, общая учебная

направленность словарей не нашла достаточного отражения в словарях языка писателей. Следовательно, возникает необходимость в разработке этого компонента. На наш взгляд, многочисленные справочники, составленные обычными читателями, помогут профессиональным лексикографам выявить адресата, изучить перспективу пользователя, что в дальнейшем может стать основой для создания современного и, в некотором смысле идеального словаря языка писателя.

Список использованной литературы:

1. Apresjan Y.D. Systemic Lexicography// Euralex'92 Proceedings I-II Part I. Tampere, 1992.
2. Карпова О.М. Словари языка писателей и цитат в английской лексикографии (современное состояние)// Слово и словарь: Сборник научных трудов по лексикографии/ Отв. ред. Л.В. Рычкова. Гродно, 2007.
3. Карпова О. М., Коробейникова О. В. Словари языка писателей и цитат в английской лексикографии. М., 2007.
4. Karpova, O. A New Wave in Shakespeare Lexicography: Autor's LSP Dictionaries// Актуальные вопросы прикладной лингвистики. Минск, 2008.
5. Кириллов М.А. Современные тенденции в английской писательской лексикографии // Английская лексикография: формирование, развитие, современное состояние: Юбил. сб. науч. ст. Иваново, 2006.
6. The Harry Potter Lexicon: www.hp-lexicon.org
7. Harry Potter Fan Zone Dictionary:
www.harrypotterfanzone.com/?ID=info/dictionary
8. The Secrets of the Code. Glossary of Terms:
www.secretsbehindthedavincicode.wetpaint.com/page/Glossary+of+Terms?anon

9. Грейдо Э. Художественный мир фэнтези :
http://zhurnal.lib.ru/e/estell_gd/fantasy2.shtml

ДВЕ КЛАССИФИКАЦИИ ИМЕН СО ЗНАЧЕНИЕМ ЧЕЛОВЕКА

Янко Т.Е. (*tanya_yanko@list.ru*)

Институт языкознания РАН

В статье показано, что классификации имен со значением человека, полученные путем анализа сочетаемости имен с собирательными числительными, с одной стороны, и функцией обращения – с другой, дают сопоставимые результаты.

Анализ сочетаемости слов с другими словами и функциями в предложении позволяет классифицировать слова по значениям. Семантические признаки слов отражают определенные взгляды на мир и людей, закрепившиеся в языке. В данной работе методом анализа сочетаемости слов с лингвистическим контекстом мы надеемся реконструировать некоторые фрагменты картины мира, отраженные в русском языке, следуя при этом требованию, выдвинутому в работе Ю.Д. Апресяна о том, чтобы реконструируемая картина была действительно «языковая (а, например, не литературная, не общесемиотическая, не философская) (Апресян 1995: 349)».

В языке не всегда представлен единый и непротиворечивый взгляд на одни и те же объекты. Картина мира может быть разносторонней и даже отражающей противоречивые взгляды на вещи, см., например, о «парадоксах временной ориентации» в книге Булыгина, Шмелев (1997: 373-384)¹. Ниже мы рассмотрим две классификации имен и, шире, именных групп со значением человека, в которых отражаются разные взгляды на мир и людей, закрепленные в языке.

Одно из представлений о человеке отражено в сочетаемости русских именных групп с собирательными числительными. Выделяется два класса имен – сочетающихся с собирательными числительными (*трое солдат, четверо китайцев*) – и не сочетающихся или имеющих с собирательными числительными затрудненную сочетаемость (**двое Иванов, ?трое истцов*). Соответствующим классам слов – сочетающимся с собирательными числительными и не сочетающимся с ними – приписывается семантическая интерпретация, которая говорит об определенном взгляде на природу человека, представленном в языке.

¹ «Часть «парадоксов», связанных со временем, объясняется, если принять во внимание возможность двоякого подхода к событийной упорядоченности. При «архаичном» подходе мир представляется стабильным, неподвижным, а время – движущимся («идущим», «текущим») мимо него в направлении от будущего (позднего) к прошлому (раннему). Это представление отражено в таких выражениях, как *время идет, течет; пришло время; предыдущий день; следующее воскресенье; прошедший год*. При таком представлении то, что было раньше, воспринимается как идущее впереди, *предшествующее*, а то, что должно произойти позже, – как идущее следом, *следующее*... Однако более современное представление о времени предполагает совсем иную картину: время постоянно и неподвижно, а «лицо» движется «мимо» него в направлении от прошлого к будущему... С указанным «современным» представлением связаны темпоральные употребления наречий *впереди* и *позади*, представление о будущем как о предстоящем...» (Булыгина, Шмелев 1997: 375-376).

Другой взгляд на мир и людей обнаруживается в связи со способностью именных групп использоваться в функции обращений. Известно, что некоторым именным группам вокативная функция более сообразна, чем другим, ср. *Водитель, откройте заднюю дверь!* – *Шофер, остановите у светофора!* – *Таксист, пожалуйста, на Курский вокзал!*. Со времени выхода работ Э. Щеглова и А. Цвикки (Schegloff 1968; 1972; Zwicky 1974) эта проблема решалась «словарными» методами, т.е. словам в словаре приписывалась способность выступать в функции обращений и по этому параметру имена делились на «плохие» и «хорошие» обращения. Так, *Doctor!* – это «хорошее» обращение, а *Physician!* – «плохое» (Zwicky 1974). Это наблюдение полностью приложимо и к соответствующим русским словам *доктор* и *врач*. Мы говорим *Доктор, я буду жить?*, но не *Врач, я буду жить?*. Совершенно аналогично, слова *водитель*, *шофер* и *таксист* в обращении к человеку, сидящему за рулем, обнаруживают различный вокативный потенциал. В работе (Янко 2009) мы сделали попытку отойти от «инвентаризационных» («словарных») методов в анализе обращений и перейти к «операциональным» методам, т.е. подвести под способность имен употребляться в роли обращений семантические основания, в частности, показать, что лексема *водитель* в отличие от лексем *шофер* и *таксист* может пониматься как обозначающая водителя конкретной машины в определенной точке отсчета, например, в момент речи. Между тем *шофер* и *таксист*, скорее, обозначают профессию, т.е. постоянный признак, или виртуальную способность людей водить машину (о противопоставлении актуального признака признаку «вообще» на примере ситуации обладания см. Апресян 1995: 523). Наименование же человека по его реальной роли в ситуации в отличие от абстрактной способности играть такую роль, служит семантическим признаком, благоприятствующим употреблению имени в роли обращения.

В отдельности по поводу сочетаемости именных групп с собирательными числительными, с одной стороны, и с контекстом обращений, с другой, мы уже высказывались в работах (Янко 2002; Yanko 2009; Янко 2009). Новизна данной работы состоит в сопоставлении результатов, полученных ранее. Наша цель – показать, что классификации, предпринятые по существенно разным основаниям – по сочетаемости с собирательными числительными и по сочетаемости с функцией обращения – дают хоть и различные, но близкие или, по крайней мере, сопоставимые результаты. В разделе 1 ниже рассматривается сочетаемость имен человека с собирательными числительными. Этот раздел не отличается новизной, но без краткого пересказа наших работ Янко 2002; Yanko 2009 здесь невозможно обойтись. В разделе 2 анализируется проблема употребимости имен в качестве обращений. В разделе 3 приводится сопоставительный анализ результатов

описания «образа человека» в «зеркале» собирательных числительных и в «зеркале» обращений и демонстрируются сходства и различия полученных результатов.

1. «Образ человека» в «зеркале» собирательных числительных

Собирательные числительные (*трое, четверо, шестеро*) обозначают группу людей и – если судить по сочетаемости с собирательными числительными – мужчин, которые собрались вместе, объединенные формирующим эту группу признаком². Это трое солдат, четверо французов, двое врачей, пятеро студентов. Лексемы *солдат, француз, врач, студент* «легко» сочетаются с собирательными числительными.

Другие же существительные со значением человека имеют «затрудненную» сочетаемость с собирательными числительными, т.е. сочетаемость этих имен с собирательными числительными если не запрещена категорически, то существенно менее частотна, чем сочетаемость тех же существительных с количественными числительными. К именным группам и, в частности, к словам, которые имеют затрудненную сочетаемость с собирательными числительными, относятся: именованья женщин (**трое девочек*), личные имена³ (ср. [?]*трое Коль*, [?]*двое Иванов*), именованья ролей в ситуации ([?]*трое истцов*, [?]*четверо адресатов*, [?]*шестеро исполнителей*, [?]*двое благодетелей*, [?]*трое заказчиков*) или на сцене (^{*}*Для участия в спектаклях по драмам Пушкина подготовлено двое Мельников и трое Юродивых*), титулов⁴ ([?]*двое графов*, [?]*пятеро шефов*, [?]*семеро*

² Собирательные числительные применимы не только к именованьям мужчин, но и к другим существительным: *трое саней, четверо щенят*. О сочетаемости собирательных числительных с существительными, которые обозначают не лица, и об историческом развитии форм собирательных числительных см. Супрун 1957: 81-82, Шахматов 1957: 148; 185-186, Виноградов 1972: 248-250, Мельчук 1985: 381-399. Факты, которые приводят А.А.Шахматов и другие авторы, говорят о том, что в контексте данной статьи словосочетания, обозначающие не лиц, можно сразу выделить в отдельный класс и исключить из рассмотрения, в частности, принимая во внимание то, что они имеют другое происхождение, чем те, которые обозначают мужчин. О запретах и предпочтениях в сочетаемости собирательных числительных существует большая литература, см. Супрун 1957; 1964; Мельчук 1985; 1995. О неспособности собирательных числительных сочетаться с именованьями женщин см. Супрун 1957: 80, Супрун 1964: 74, Виноградов 1972: 249, Русская грамматика 1982: 79.

³ Ограничения на личные имена не распространяются на семейные имена – фамилии и отчества, потому что фамилия отражает не только личное имя, но и соотносит носителя отчества или фамилии с классом людей, которые в силу концепта отчества и фамилии имеют одно и то же отчество или одну и ту же фамилию. Таким образом, личное имя отличается тем, что не имеет концепта и служит только «меткой» (ср. Mill 1891), а совпадение имен у разных людей служит фактом жизни, а не фактом языка. Между тем фамилия и отчество по определению относят людей к классу – семье (*Всеволодовичи*) или клану (*Ивановы*). Отсюда и полная нормативность сочетаний *трое Ивановых, двое Всеволодовичей, шестеро Джеретти* (ср. Супрун 1957: 80; 1964: 74).

⁴ По поводу существительных, обозначающих чины, титулы и должности, заметим, что для них, как правило, характерна многозначность 'должность' – 'человек, имеющий такую должность', например: *Вася получил место заведующего – В лабораторию вошел заведующий*. Для некоторых слов более характерно только одно из этих двух подзначений. Так, солдат – это человек, который выполняет обязанности рядового, а лейтенант, генерал и ефрейтор – это, скорее, звания. Схемы толкований слов, указывающих на лицо (*солдат*), и слов, обозначающих, в первую очередь, звания (*лейтенант*), различны. Так, словарь Ожегова в

начальников отделов), функций и отношений (*трое отцов из родительского комитета, двое моих дедушек*), человеческих тел (*трое потерявших сознание солдат*⁵) и именовании людей, употребленных в качестве меры⁶ времени, пространства или другого измеряемого параметра (*До моего выступления еще двое участников; Это был штангист весом, как двое жокеев; Он сидел в ряду через троих зрителей от меня / *стоял в шеренге за двоих солдат от правого фланга*). Личные имена людей, титулы, должности в отвлечении от самого человека, а также человеческие тела в отвлечении от личности сочетаются только с нечувствительными к анализируемой семантической оппозиции количественными числительными: *На заседании присутствовало шесть начальников отделов; К участию в спектакле подготовлено два Мельника; У нас в классе есть два Ивана; Он стоял в ряду за три солдата от конца; У нас в команде один тяжелоатлет весом, как два гимнаста; При взрыве три потерявших сознание солдата упали прямо на меня.*

Итак, можно заключить, что собирательные числительные делят русские существительные с общим значением 'человек' на два класса. Ядро именовании человека отражает представление о человеке как о мужчине из плоти и крови, находящемся в сознании и имеющем некоторый признак, который относит его к подклассу людей – французов, солдат, студентов. Ко второму – периферийному – классу относятся личные имена людей, титулы, должности, именовании ролей и человеческих тел.

2. «Образ человека» в «зеркале» обращений

Обратимся к семантическим признакам, которые влияют на способность именных групп функционировать в качестве обращений. На способность имен употребляться в позиции обращения влияет много факторов, т.е. таксономический класс это не единственная составляющая формирования обращений. Существенную роль играет и социолингвистический фактор. Слова закрепляются в функции обращений и теряют с

качестве первого значения слова *солдат* указывает "военнослужащий, принадлежащий к некомандному...составу" (Ожегов, Шведова 1992: 771). Словарные же статьи слов *лейтенант, генерал и адмирал* строятся по схеме: 'звание или чин, а также лицо, носящее это звание'. "Первое" подзначение здесь формируется концептом чина, а "второе" – лица. Выделяя данный тип многозначности, Ю.Д. Апресян также описывает направление семантической деривации от значения 'звание <степень, чин>' к значению 'человек, носящий это звание' (Апресян 1974: 202).

⁵ Понимание имени, обозначающего человека, как человеческого тела находится на крайней периферии концепции человека в русском языке и, предположительно, в языке вообще. Другие примеры употребления имени человека в значении тела можно найти в произведениях, написанных с позиций эстетики абсурда: (*выходит, спотыкается об Гоголя и падает*). *Вот черт! Никак об Гоголя!* (Хармс). Другой пример, приводимый А.А.Зализняком – *Зайца убило охотником* – как пример «семантического нестандарта» (Зализняк 1973), даже может служить пародией на цитату из произведения абсурда.

⁶ Использование имени человека в контексте измерения имеет и другую особенность – в ней одушевленные имена могут склоняться по неодушевленной модели: *через три зрителя от меня – вижу трех зрителей.*

течением времени эту роль в силу культурной традиции. На наших глазах устаревают обращения *батюшка!*, *профессор!*, *гражданин!*, *барышня!* и возрождаются или возникают новые: *шеф!*, *командир!*, *сударыня!*. Изменения происходят здесь более стремительно, чем в других сферах языка. Анализ таких процессов не входит в нашу задачу. Этой проблеме посвящена большая литература, см. например (Rathmaug 1992, Кронгауз 1999). Наша задача состоит в том, чтобы описать *вокативный потенциал слова*, который определяется его семантической структурой. Это слово может входить (или не входить) в круг вокативов, устойчиво закрепившихся за разнообразными жизненными ситуациями. Мы не ставим своей задачей объяснить, почему устойчивы в речи обращения *господа!*, *подруга!*, *сын!*, *тетенька!*, *дед!*, *коллега!*, а только продемонстрировать особенности семантики этих и других слов, которые традиционно или окказионально способны использоваться в функции обращений.

Итак, в чем состоят семантические признаки, которые согласуются с иллокуцией обращения и, соответственно, благоприятствуют использованию единиц в вокативной роли, когда это потребуется? Если собирательные числительные не сочетаются с личными именами людей, именованиями ролей и функций, то в обращениях, наоборот, эти подзначения выступают на передний план, а имена отнесения к классу, наоборот, имеют существенные ограничения на использование в качестве обращений. *Вася!*, *Истец!*, *Ответчик!*, *Докладчик!*, *Генерал!* – это «хорошие» обращения, а *Студент!*, *Солдат!*, *Таксист!*, **Узбек!* – «плохие». Можно предположить, что противопоставление членов минимальной пары *Доктор, я буду жить?* vs **Врач, я буду жить?* по приемлемости основано на том, что слова с близким значением *доктор* и *врач* имеют следующее семантическое различие. Понятие доктора предполагает не только умение лечить людей, но и положение доктора в обществе как ученого человека, к которому окружающие его «неученые» люди относятся с почтением. Он для них доктор, начальник, благодетель, старший. Доктор занимает определенное положение в социальной стратификации, которая служит одним из основных источников устойчивых обращений, потому что положение слушающего на социальной лестнице актуализуется в момент обращения к нему говорящего. *Господин!*, *начальник!*, *шеф!*, *папаша!* – это обращение к старшему, *детка!* и *сын!* – к младшему, *коллега!*, *земляк!*, *подруга!*, *товарищ!* – к равному. В представлении о враче компоненты значения, отражающие социальные отношения, не входят. *Врач* – это профессия, или обозначение того, что человек умеет делать. *Таксист* и *шофер* тоже понимаются в русском языке как называющие постоянный признак человека – его профессию – в отличие от слова *водитель*, которое может обозначать не только профессию, но и того, кто в текущий момент времени сидит за рулем, т.е. указывать на

роль человека в актуальной ситуации. Кроме ролей слушающего, которые актуализуются в момент речи, а также отношения говорящего к слушающему, в качестве обращений используются имена – личные и семейные, а также прозвища, т.е. слова и конструкции, специально предназначенные для адресации.

Таким образом, именные группы, обозначающие постоянные или долговременные признаки человека (*таксист, армянин, студент*), практически не употребляются как обращения в отличие от имен и прозвищ (*Вася!, Коротышка!*), титулов (*Граф!, Сэр!, Доктор!*), должностей (*Профессор!, Генерал! Главнокомандующий!*), ролей (*Командир!, Шеф!, Истец!, Победители!*), имен отношений (*Земляк!, Мама!⁷, Коллега!*).

Специальные вокативизирующие средства языка – прилагательные *дорогой, уважаемый, милая*, местоимения *мой, наш*, слова-обращения *господа, товарищи, гражданин*, диминутивные суффиксы – могут снимать ограничения, накладываемые таксономической категорией на способность лексической единицы употребляться в функции обращений: *дорогие студенты!, уважаемые пассажиры!, моя радость!, солнышко наше!, товарищ таксист!, солдатик!*

Одним из мощных вокативизирующих средств языка служат определительные группы. Так, существительное *пассажир*, не имеющее специального вокативного потенциала (ср. ⁷*Пассажир, предъявите билет!*), обретает способность употребляться в функции обращения в контексте причастного оборота: *Пассажир, забывший в туалете бриллиантовое кольцо, обратитесь к бортпроводнику!* Возникает вопрос, какие компоненты значения распространяющее определение вносит в семантическую структуру именной группы, которые повышает ее вокативный потенциал.

Ответ на этот вопрос отчасти содержится в книге по поэтическому синтаксису И.И. Ковтуновой, которая выделяет особый класс поэтических обращений-характеризаций. Будучи лишь по форме обращениями, они играют не вокативную роль, а служат для поэтической характеристики квазиадресата речи: *Дуб богоборческий! В бою Всем корнем шествующий! Ивы-провидицы мои! Березы-девственницы!* (Цветаева). Такие обращения сочетают в себе одновременно номинативную и предикативную функции (Ковтунова 1986: 108). Нетрудно заметить, что именные группы-характеризации всегда служат «хорошими» обращениями. Мысль И.И. Ковтуновой о характеристиках в поэтических обращениях можно обобщить на все обращения, содержащие в себе развернутые

⁷ Как говорилось выше, на использование слов в качестве обращений влияет не только его таксономическая категория, но и культурная традиция. В русской культуре люди называют родителей *мама!* и *папа!*, а свекровь, тещу, свекра и тестя – по имени-отчеству. Родители называют детей по имени, а невестку и зятя – по имени или по имени-отчеству. Такова культурная традиция. Она не имеет непосредственного отношения к языку.

определения и имеющие в силу этого характеризующую – предикативную – функцию. Наша гипотеза состоит в том, что предикация осуществляет привязку обращения к актуальным ситуациям, переводя именные группы из таксономического класса имен, приписывающих постоянный признак, в класс именных групп, обозначающих актуальную роль. Так, в объявлениях развернутые определения ограничивают и актуализируют круг лиц, которым адресованы объявления: *Студенты третьего курса, просьба после экзаменов сдать зачетки в учебную часть.* Здесь содержится не только обращение к студентам, но им также приписывается принадлежность к некоторому более узкому классу, чем класс студентов вообще, и обладание некоторым актуальным признаком. Ср. также: *Таксисты, обслуживающие центр города, выйдите на линию; Врачи-ординаторы, проходящие практику на базе Первой Градской больницы, зайдите на кафедру нервных болезней; Ученики старших классов, вас приглашает на собеседование электромеханический колледж г. Москвы.* Вопрос о том, все ли типы определений повышают вокативный потенциал имени, еще требует отдельного исследования.

И наконец, выделим особый класс существительных, которые по происхождению являются субстантивированными прилагательными и причастиями. Соответствующие концепты сохранили семантическую связь с категорией предикативности и отражением роли объекта в актуальной ситуации, ср.: *верующие, больной, рядовой, старший, дежурный, связной, вахтенный, заведующий, заключенный, потерпевший, осужденный, уполномоченный, раненый, нарочный, новобрачные, новорожденный, сопровождающий, встречающие, провожающие, отъезжающие, побежденный, водящий.* Такие существительные, как и следует ожидать в соответствии с нашей гипотезой о семантике актуальной роли, также служат источником «хороших» обращений: *Больной, вам в другой кабинет!* (ср. *Пациент, вы куда?*); *Дежурный, пройдите к пульту!*; *Провожающие, проверьте, не остались ли у вас билеты отъезжающих пассажиров.*

Итак, способность иметь вокативную функцию разделяет именные группы со значением лица на две группы: 1) относящие лицо к классу лиц в соответствии с постоянным или долговременным признаком, который может не проявляться в текущий момент времени (*врач, студент, армянин*), и 2) неоднородную в семантическом отношении группу, которая включает имена людей (*Вася*), их роли в текущей ситуации (*водитель, водящий, истец, дежурный, охрана*), отношение к говорящему (*мама, друг, земляк*). Имена первой группы не сочетаются с коммуникативной функцией обращения, а имена второго класса имеют высокий вокативный потенциал.

3. Две концепции человека

Сопоставим результаты, полученные при анализе сочетаемости имен, называющих человека, с собирательными числительными – с одной стороны, и с контекстом вокатива – с другой.

Сочетаемость с собирательными числительными разделяет именования человека на два класса. Члены первого класса легко сочетаются с собирательными числительными и обозначают человека как личность, обладающую некоторым признаком, постоянным или временным (*врач, солдат, блондин, узбек, Иванов, Всеволодович, дежурный, больной*). Члены второго класса не сочетаются с собирательными числительными. Среди значений этого класса выделяются подклассы: личное имя (*Вася*), роль в ситуации (*истец, генерал, отец*), тело (*потерявший сознание солдат; спотыкается об Гоголя*) и мера (*за три солдата от правого фланга*).

Сочетаемость с функцией вокатива тоже позволяет выделить два класса – класс, члены которого не сочетаются с функцией вокатива и обозначают человека, обладающего определенным виртуальным признаком (*врач, солдат, блондин, узбек*), и класс, члены которого, наоборот, обладают высоким вокативным потенциалом и обозначают имя (*Вася, Коротышка, Иванов, Всеволодович*), роль или отношение (*истец, генерал, отец*), временный – актуальный – признак человека (*дежурный, больной, провожающие, врач, проходящий практику в Первой Градской больнице*).

Полученные результаты обобщены в Таблице. Знаки плюс (+) и минус (—) показывают, что некоторое подзначение совместимо/несовместимо с собирательными числительными или с функцией вокатива. Таблица говорит о том, что собирательные числительные и вокативы дают близкие представления о человеке, заключенные в русском языке. Так, обе классификации выделяют собственно людей, которые обладают неким постоянным признаком, относящим их к некоторому подклассу – врачей, студентов, узбеков. С членами этого класса совместимы собирательные числительные, а функция вокатива, напротив, несовместима. В другой крупный класс входят имена людей, их роли в ситуациях, титулы, чины и должности. Собирательные числительные с членами этого класса несовместимы, а функция вокатива, наоборот, для них весьма характерна. Таким образом, для двух важнейших подклассов именований человека – собственно людей, с одной стороны, и их имен и ролей – с другой, собирательные числительные и обращения дают «зеркальную» картину: с чем совместимы одни, несовместимы другие. И

наконец, в отношении к одному из классов имен собирательные числительные и обращения «единодушны». Эти имена выражают признак, способный формировать класс, и одновременно соотносятся с актуальной ситуацией, в которой люди играют свои роли. Это такие слова, как *дежурный, больной, вахтенный, провожащие, выздоравливающие*, ср.: *двое больных – Больной, вы куда?!; трое провожающих – Провожающие, выйдите из вагонов!*.

В Таблице, однако, мы не отразили того важного факта, что имена людей (*Вася, Иванов, Василий Иванович*) собирательные числительные и обращения трактуют по-разному. Собирательные числительные особо выделяют личные имена (*Вася*), которые не содержат в себе признака, способного формировать класс. С такими именами в отличие от семейных имен собирательные числительные не сочетаются, и тем самым этот подкласс имен формируется как отдельный. Функция же обращения одинаково соотносится с любыми именами, как содержащими в себе концепт, относящий имя к классу семейных имен, так и не содержащими в себе никакого концепта, потому что в качестве обращения одинаково успешно используется любое имя собственное. Кроме того, стоит отметить, что только обращения, но не собирательные числительные, различают виртуальные и актуальные признаки, потому что как обращения функционируют только имена-носители временных актуальных признаков (*Дежурный!*), но не постоянных (**Узбек!*).

Таблица

		Собирательные числительные	Обращения
1	Человек-носитель постоянного признака	+	—
		<i>трое врачей</i>	<i>*Врач!</i>
2	Роль, имя, титул, отношение	—	+
		<i>*трое истцов, *двое Иванов</i>	<i>Истец!; Иван!</i>
3	Человек-носитель временного признака	+	+
		<i>трое дежурных</i>	<i>Дежурный!</i>
4	Тело	—	—

В данной работе приведены результаты анализа представлений о человеке, заключенных в русском языке и зафиксированных в сочетаемости именовании человека с собирательными числительными и в способности имен выступать в функции обращения.

Литература

- Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика: синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
- Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Т. II. М., Школа «языки русской культуры». 1995. 767 с.
- Зализняк А.А.* О понимании термина "падеж" в лингвистических описаниях, 1 // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.
- Ковтунова И.И.* Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986.
- Кронгауз М.А.* Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства // Логический анализ языка. Образ человека в зеркале разных языков и культур. М. Индрик. 1999. С. 124-134.
- Мельчук И.А.* Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Sonderband 16. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1985.
- Мельчук И.А.* La combinatoire des numéraux du type *dvoe* en russe contemporain // Мельчук И.А. Русский язык в модели "Смысл=Текст". Sonderband 39. Москва-Wien: Wiener Slawistischer Almanach; Школа "Языки русской культуры", 1995.
- Русская грамматика. Том 2. М.: Наука, 1982.
- Супрун А.Е.* О русских числительных. Фрунзе. 1959.
- Супрун А.Е.* Имя числительное и его изучение в школе. Москва: Учпедгиз, 1964.
- Шахматов А.А.* Историческая морфология русского языка. М., 1957.
- Янко Т.Е.* Русские числительные как классификаторы существительных // Русский язык в научном освещении. N1 (3), 2002. С. 168-181.
- Yanko T.E.* Russian Numerals with Nouns Denoting Human Beings // General linguistics. N43. No. 1-4, 2004. Pp. 61-84.
- Янко Т.Е.* Русские обращения: словарная информация и вокативные конструкции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 8 (15). М. С. 574-579.
- Mill J.S.* A system of logic. London, 1891.
- Schegloff E.A.* Notes on a conversational practice: formulating place// P.P. Giglioli (ed.) *Language and social context*, Harmondsworth: Penguin, 1972.
- Schegloff E.A.* Sequencing in conversational openings // *American anthropologist* 70.6. 1968.
- Rathmayr R.* Nominale Anrede im gesprochenen Russischen, Serbokroatischen und Tschechischen. In: Reuther, T. (Hrsg.): *Slavistische Linguistik* 1991, *Slavistische Beiträge*, 292, München 1992.
- Zwicky A.* Hey, whatsyourname! // *Papers from the Tenth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society*. Chicago: Chicago Linguistics Society, 1974.